

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

Е.В. Дзюба

**ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ
КАТЕГОРИЗАЦИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ**

Монография

Екатеринбург – 2015

УДК Ш 141.12 – 003

ББК 811.161.1'27

Д 43

Рецензенты:

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Плотникова Анна Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Дзюба Е. В.

Д 43 Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография / Е. В. Дзюба; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – 286 с.

ISBN 978-5-7186-0702-4

В монографии исследуются проблемы лингвокогнитивной категоризации: разрабатывается методология и методика изучения процессов категоризации, описываются разные типы лингвокогнитивной категоризации (категоризация научная, профессиональная, наивная), выстраивается типология категорий, выделяются факторы, влияющие на формирование категорий. В исследовании определяются структурно-содержательные, функционально-прагматические и этноспецифические особенности собирательных категорий лингвоментальной сферы «Продукты растительного просихождения» в разных вариантах и вариациях русской языковой картины мира.

Книга предназначена для широкого круга лингвистов, психологов, когнитологов и всех, кто интересуется проблемами изучения русского языкового сознания.

УДК Ш 141.12 – 003

ББК 811.161.1'27

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ): проект № 15-54-00010 а(ф) «Категоризация действительности в русском языковом сознании» 2015 г.

©Дзюба Е.В., 2015

ISBN 978-5-7186-0702-4

Содержание

Введение	5
Глава I. Категоризация как феномен языкового сознания	8
1.1. Языковое сознание как объект научного исследования. Со- временные подходы к изучению языкового сознания	8
1.2. Теория категорий в отечественной и зарубежной лингвисти- ке: от Аристотеля до наших дней	40
1.3. Типы лингвокогнитивной категоризации	61
1.4. Виды категорий в русском языковом сознании	69
Выводы по первой главе	76
Глава II. Методологические основы изучения лингвокогнитивной ка- тегоризации	78
2.1. Методологические принципы изучения лингвокогнитивной категоризации действительности	78
2.2. Современные методы анализа языкового сознания. Методика изучения лингвокогнитивной категоризации в русском языковом соз- нании	87
Выводы по второй главе	104
Глава III. Категории лингвоментальной субсферы «Продукты рас- тительного происхождения»: специфика научной, профессиональ- ной и наивной категоризации	106
3.1. Категории лингвоментальной субсферы «Продукты расти- тельного происхождения»: специфика научной категоризации	107
3.1.1. Категории ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ в научной (ботанической) картине мира	108
3.1.2. Категории ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ в научной (медицинской) картине мира	118
3.1.3. Категории ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ в научной (агрономической) картине мира	120
3.2. Категории лингвоментальной субсферы «Продукты расти- тельного происхождения»: специфика профессиональной категори- зации	125
3.2.1. Категории ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ и ОРЕХИ в торгово-экономической картине мира	127
3.2.2. Категории ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЗЛАКИ, ЯГОДЫ, ОРЕХИ в производственной (кулинарной) картине мира	128
3.2.3. Категоризация ОВОЩЕЙ, ФРУКТОВ, ЗЛАКОВ, ЯГОД, ОРЕХОВ в лексикографической картине мира	129
3.3. Категории лингвоментальной субсферы «Продукты расти- тельного происхождения»: специфика наивной категоризации	138

Выводы по третьей главе	143
Глава IV. Категории лингвоментальной субсферы «Продукты растительного происхождения» в разных вариантах и вариациях языковой картины мира: сопоставительный аспект	149
4.1. Категоризация <i>ОВОЩЕЙ</i> в разных вариантах и вариациях языковой картины мира: сопоставительный аспект	149
4.2. Категоризация <i>ФРУКТОВ</i> в разных вариантах и вариациях языковой картины мира: сопоставительный аспект	179
4.3. Категоризация <i>ЯГОД</i> в разных вариантах и вариациях языковой картины мира: сопоставительный аспект	201
4.4. Категоризация <i>ОРЕХОВ</i> и <i>ЗЛАКОВ</i> в разных вариантах и вариациях языковой картины мира: сопоставительный аспект	225
4.5. Лингвокогнитивная субкатегоризация продуктов растительного происхождения в русском языковом сознании	232
Выводы по четвертой главе	241
Заключение	246
Список цитируемой литературы	250
Приложение 1. Анкета для проведения эксперимента	279
Приложение 2. Существенные признаки наивной категоризации ОВОЩЕЙ, ФРУКТОВ, ЯГОД (по данным эксперимента)	280

Введение

Изучение особенностей категоризации в языковом сознании человека является одним из перспективных направлений современной лингвокогнитологии (A. Arppe1, D. Divjak, C.J. Fillmore, S. Kalyan, W. Labov, G. Lakoff, G. Lepper, B.B. Lloyd, N. Mashal, C.B. Mervis, R. Pustet, T. Regier, E. Rosch, J.R. Taylor, A. Вежбицка; Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, О.О. Борискина, О.Л. Бутакова, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, Д.О. Добровольский, А.А. Залевская, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, А.А. Кретов, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, А.П. Чудинов, А.Л. Шарандин, А.С. Щербак и др.).

В современной науке по-прежнему остаются дискуссионными проблемы сущности процесса языковой категоризации, влияния особенностей человеческого сознания и национального языка на формирование категорий. Далеки от окончательного решения вопросы о структуре категорий и их составляющих, о взаимоотношениях единиц категорий, о возможности конечного описания существенных признаков категорий, о значении достижений теории категорий для лексикографии и других прикладных областей. Нуждаются в уточнении теоретические и методологические основы изучения языковой категоризации: нельзя назвать окончательно разработанным понятийно-терминологический аппарат, обслуживающий данную сферу когнитивной науки, необходимо уточнить и дополнить методологические принципы изучения языковой категоризации и совершенствовать методику исследования лексических категорий. В настоящее время не существует системной классификации типов категоризации и видов категорий. Эти проблемы обуславливают актуальность данной книги, в задачи которой входит последовательное решение некоторых из них.

На необходимость изучения категорий человеческого сознания указывают современные философы. В.В. Орлов подчеркивает, что современная отечественная философия, отступив от изучения категориальных систем, вот уже несколько десятилетий развивается в ложном направлении [Орлов 2011: 184]. Важно отметить, что, поскольку категории являются лингвоментальными феноменами (абстрактное мышление оперирует, помимо прочих, вербальными средствами, а «единицы» познания фиксируются в языке), то в изучении процессов категоризации следует объединить усилия не только философов, но также психологов и лингвистов.

Целью данного исследования является выявление лингвокогнитивных особенностей процесса категоризации в разных вариантах и вариациях русской языковой картины мира.

Сущность изложенной в исследовании концепции заключается в следующем. Два типа сознания человека: когнитивное и языковое – сосуществуют на принципах корреляции. Так же взаимодействуют между собой соответствующие данным типам сознания варианты когнитивной и языковой картин мира. Как когнитивное сознание включает разные по когнитивным установкам картины мира (научную, профессиональную и наивную), так и языковое сознание предполагает разные подходы к языковому освоению объективной действительности, допускает разные интерпретации фактов реального мира, т.е. интегрирует разные варианты языковой картины мира: научную, профессиональную, наивную. Под *вариантами языковой картины мира* понимается вербализованный коррелят системы знаний и представлений об объектах действительности, присущий разным картинам мира когнитивного сознания: научной, профессиональной, наивной.

Дифференциация вариантов языковой картины мира основана на разных *типах лингвокогнитивной категоризации* (категоризации научной, профессиональной, наивной). При этом языковая картина мира допускает в своих вариантах существенные различия в структурно-смысловой организации лексических категорий. Указанные различия особенно ярко проявляются при рассмотрении *вариаций* научной языковой картины мира (философская, психологическая, физическая, биологическая, медицинская и др. картины мира), профессиональной языковой картины мира (юридическая, торгово-экономическая, производственная, лексикографическая и др. картины мира) и наивной картины мира. Высказанные теоретические положения в данном исследовании будут подкреплены примерами из опыта изучения категорий лингвоментальной субсферы «Продукты растительного происхождения» (сфера «Природа»). На основании анализа научной литературы, торгово-таможенной документации, на основании данных исторической и современной лексикографии, а также с опорой на результаты проведенного ассоциативного эксперимента будет рассмотрена структура, смысловое наполнение, функционально-прагматические особенности, средства вербальной репрезентации и лингвокультурная специфика категорий, будет установлен интегрированный характер взаимоотношений разных категорий данной субсферы, будут выделены типы лингвокогнитивной категоризации и виды категорий языкового сознания.

Результаты исследования категорий в русском языковом сознании могут быть использованы при уточнении лексикографического дефиниционного описания единиц, номинирующих категории и их члены, а также при разработке методик обучения русскому языку как иностранному в части освоения лексико-семантического корпуса русского языка. Освещение лингвокультурной специфики лингвокогнитивной категоризации может обеспечить преподавателей русского языка как иностранного и учителей иностранного языка информацией о нередко существенных различиях национальных картин мира, формирующихся в сознании представителей разных лингвокультур, что необходимо учитывать при изучении лексического состава разных языков.

Глава I. Категоризация как феномен языкового сознания

1.1. Языковое сознание как объект научного исследования. Современные подходы к изучению языкового сознания.

Лингвистика последних десятилетий развивается в русле антропоцентрического подхода к изучению языка, при этом внимание акцентируется на разных аспектах взаимодействия языка и человека: психолингвистическом, социолингвистическом, этнолингвистическом, лингвокогнитивном и др. Идея неразрывной связи языка и мышления, безусловно, не нова для отечественной лингвистики: история языкознания хранит богатейшие традиции изучения проблемы соотношения мысли и слова. Знаменитое высказывание Вильгельма фон Гумбольдта: «Язык есть орган, образующий мысль» [Humboldt 1841 – 1852, т. 6: 51] – на многие последующие десятилетия предопределило не утихающую по сей день дискуссию о роли языка в формировании ментального мира человека. Точка зрения В. фон Гумбольдта отражается в следующем высказывании: «...слово, объективируя мысль о предмете, вносит в него новую особенность... Как отдельное слово становится между человеком и предметом, так весь язык – между человеком и действующей на него природою. Человек окружает себя миром звуков для того, чтобы воспринять и переработать в себе мир предметов. В этих словах нет никакого преувеличения... Все вообще отношения человека ко внешним предметам обусловлены тем, как эти предметы представляются ему в языке. ...Каждый народ обведен кругом своего языка и выйти из этого круга может, только перешедши в другой» [Humboldt 1841 – 1852, т. 6: 59 – 60].

Абсолютную детерминированность мышления языком подчеркивали и другие исследователи (Э. Бенвенист, Л. Вайсгербер, А. Шлейхер, С.Д. Кацнельсон и др.). Так, Эмиль Бенвенист отмечает: «Мы постигаем мысль уже оформленной языковыми рамками. Вне языка есть только неясные побуждения, волевые импульсы, выливающиеся в жесты и мимику» [Бенвенист 1974: 104]. Исследователь, однако, поясняет, что «мышление может свободно уточнять свои категории и вводить новые, язык же имеет четко определенные категории; мышление стремится устанавливать категории универсальные, языковые же категории являются категориями отдельного языка» [Бенвенист 1974: 106]. Сравнивая значения, выражаемые бытийными глаголами в греческом, французском языках и языке Эве (разговорном языке Того),

Э. Бенвенист приходит к выводу, что разные языковые конструкции в этих языках соответствуют не универсальным, а специфическим мыслительным конструктам, обусловленным именно категориями языка, носителем которого является мыслящий субъект [см. подробнее: Бенвенист 1974]. Все же Э. Бенвенист не столь категоричен, как, например, В. фон Гумбольдт, и он допускает, что научное познание мира идет повсюду одинаковыми путями независимо от национального языка, однако, по его мнению, «сама возможность мышления, не отрывна от языковой способности, поскольку язык – это структура, несущая значение, и мыслить – значит оперировать знаками языка» [Бенвенист 1974: 114]. Тем более, по Э. Бенвенисту, важно значение языка для выражения мысли: «Мыслительные операции независимо от того, носят ли они абстрактный или конкретный характер, всегда получают выражение в языке» [Бенвенист 2002: 104].

Значительное число представителей отечественного «классического языкознания» и современных исследователей, развивающих концепцию неразрывной связи языка и мышления, не настаивают на абсолютном их тождестве, а скорее указывают на посредническую функцию языка в процессе освоения человеческим сознанием онтологического мира, т.е. его преобразования в мир ментальный. Идея о неразрывной связи языка и мышления легла в основу многих плодотворных концепций: теории психологической природы языка И. А. Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963] и Л.В. Щербы [Щерба 1974б, 1974в], учении о внутренней форме слова А.А. Потебни [Потебня 1999], теории внутренней речи и концепции поэтапного развития онтогенеза в его неразрывной связи с развитием языка и языковой способности как основы сознания и сознательной деятельности Л.С. Выготского [Выготский 1999], теории корреляции механизмов сознания и языковых структур С.Д. Кацнельсона [Кацнельсон 2001, 2002, 2010], гипотезы Н.И. Жинкина об универсально-предметном коде, существующем в сознании человека [Жинкин 1982], теории речевой деятельности в аспекте психолингвистики А.А. Леонтьева [Леонтьев А.А. 2000, 2003], концепции языковой личности Ю.Н. Караулова [Караулов 1987, 2010] и т.д. Связь слова и мысли становится точкой опоры для развития многих современных исследований (см. работы Е.Г. Беляевской [Беляевская 1994], Н.Т. Гишева [Гишев 2013], Н.И. Горелова и К.Ф. Седова [Горелов, Седов 2001], А.А. Залевской [Залевская 1999], Н.Г. Комлева [Комлев 2003], А.Ф. Корниенко [Корниенко 2013], В.Б. Касевича [Касевич 1989, 1990, 1998] К.Г. Крушельницкой [Крушельницкая 1970], А.Р. Лурии [Лурия 1998], Г.П. Мельникова [Мельников 1969], А.С. Мельничука [Мельничук 1990],

С.А. Песиной [Песина 2009], Е.Ф. Тарасова [Тарасов 2000], О.И. Уланович [Уланович 2010], Н.В. Уфимцевой [Уфимцева 2011], Т.Н. Ушаковой [Ушакова 2000, 2004] и др.).

Вот выдержки из работ некоторых исследователей, в разные годы высказывавших идею посреднической функции языка между предметным миром и ментальным миром человека:

1. Потебня А.А.: «Логико-мыслительные сущности рождаются с чувственным познанием действительности, но оформляются благодаря овладению словом (знаком)» [Потебня 1999:132].

2. Л.С. Выготский: «Мы нашли единицу, отражающую в наипростейшем виде единство мышления и речи, в значении слова. Значение слова представляет собой такое далее неразложимое единство обоих процессов, о котором нельзя сказать, что оно представляет собой: феномен речи или феномен мышления. Слово, лишенное значения, не есть слово, оно есть звук пустой, следовательно, значение есть необходимый, конституирующий признак самого слова. Оно есть само слово, рассматриваемое с внутренней стороны, ... как феномен речи. Но значение слова с психологической стороны есть не что иное, как обобщение, или понятие. Обобщение и значение слова суть синонимы. Всякое же обобщение, всякое образование понятия есть самый специфический, самый подлинный, самый несомненный акт мысли, ... феномен мышления. Таким образом, значение слова оказывается одновременно речевым и интеллектуальным феноменом, причем это не означает чисто внешней принадлежности его к двум различным областям психической жизни. Значение слова есть феномен мышления лишь в той мере, в какой мысль связана со словом и воплощена в слове, и обратно: оно есть феномен речи лишь в той мере, в какой речь связана с мыслью и освещена ее светом. Оно есть феномен словесной мысли или осмысленного слова, оно есть единство слова и мысли» [Выготский 1999: 277].

3. Леонтьев А.А.: «Человек не мыслит так, как диктует ему язык, - он опосредует свое мышление языком в той мере, в какой это отвечает содержанию и задачам мышления. Человек не воспринимает то, что означено, - он вербализует то, что надо воспринять» [Леонтьев А.А. 2003: 258]».

4. Зимняя И.А.: Языковое сознание – это «вербально-оформленное отражение действительности», «форма существования индивидуально-го, когнитивного сознания человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности» [Зимняя 2001: 159].

5. Песина С.А.: «Язык оказывается для человека готовым классификатором объективной действительности, он как бы прокладывает рельсы, по которым движется поезд человеческого знания» [Песина 2009: 180].

Доказательствами отсутствия абсолютной зависимости мышления от языка являются многочисленные исследования психолингвистов, справедливо утверждающих, что еще не умеющие говорить дети и глухонемые люди тоже мыслят, хотя и не оформляют ментальные единицы с помощью языковых категорий и средств, что художники и музыканты мыслят чувственными образами, а математики отказываются от слова и мыслят иными условными знаками [см. подробнее: Потеня 2007: 41]. Подтверждают эту идею и факты отсутствия абсолютной корреляции между языковыми и ментальными категориями. А.С. Мельничук указывает: «В грамматическом строе языка развиваются обязательные для определенных частей речи и конструкций предложения формальные категории, не имеющие соответствия категориям мышления или соответствующие каким-либо факультативным его категориям» [Мельничук 1990: 607]. Например, категорию грамматического рода, категорию определенности / неопределенности, категорию вида глагола исследователь относит к таким категориям, которые важны лишь для отдельных слов и не всегда являются актуальными для мышления. Иные категории (например, категория лица), по мнению исследователя, характеризуют язык не со стороны мыслительной, а со стороны коммуникативной функции.

В свое время еще И.А. Бодуэн де Куртенэ, описывая природу различных мыслительных операций, выделил разные типы мышления: «мышление вообще», «языковое мышление», «мышление языковедное» (или лингвистическое), «мышление математическое» [Бодуэн де Куртенэ 1963]. Вряд ли также стоит сбрасывать со счетов и современные психологические исследования, результатом которых является классификация видов мышления в соответствии с теми типами мыслительных задач, которые выполняет мозг человека. Так, в психологии по содержательному признаку разграничивают наглядно-действенное, наглядно-образное и абстрактное (словесно-логическое) мышление; по признаку специфического характера ментальных процедур отмечают практическое и теоретическое мышление; по признаку новизны и оригинальности результатов ментальной деятельности человека выделяют репродуктивный и творческий (продуктивный) виды мышления [Макалов 2001].

Б.А. Серебренников высказывает мысль о полиморфности человеческого мышления и выделяет его вербальные и авербальные типы.

Вербальный тип мышления – словесный, это мышление при помощи языка; среди авербальных (несловесных) отмечается образное мышление (такой тип мышления, когда в качестве основных элементов мышления выступают образы предметов внешнего мира); практическое мышление (мышление, совершающееся в ходе практической деятельности и непосредственно направленное на решение практических задач в отличие от мышления, которое выделено из практической деятельности и направлено на разрешение отвлеченных теоретических задач, лишь опосредованно связанных с практикой); авербиально-понятийное мышление (тип лингвокреативного мышления, способного создавать слова-понятия или формы, содержание которых может далеко не охватывать объема понятия, существующего в действительности); редуцированное мышление (мышление свернутыми образами: когда мысль привычна и типична для человека, он ее не разворачивает в полном объеме, а сокращает – редуцирует – до необходимого для понимания смыслового сгустка); мышление, основанное на конечных результатах действий (тип мышления, который обладает потенциальной способностью восстанавливать ход событий по конечному результату) [Серебренников 1988б: 191 – 196]. При этом исследователь замечает, что, вероятнее всего, человек не мыслит в одной конкретной ситуации с помощью одного типа мышления, поэтому следует говорить о смешанном характере человеческого мышления [Серебренников 1988б: 197].

Особое внимание Б.А. Серебренников уделяет лингвокреативному мышлению, объединяющему, по мнению исследователя, логические и семантические феномены и потому имеющие двоякую направленность: с одной стороны, лингвокреативное мышление отражает окружающую действительность, с другой стороны, оно связано с наличными ресурсами языка. Исследователь замечает: «При создании новой языковой единицы человек всегда что-то использует уже существующее в данном языке. Было бы неправильно предполагать, что для обозначения новых понятий или каких-либо отношений между понятиями язык прибегает к каким-то новым композициям фонем, к поискам еще не использованных словосочетаний. Обычно для этих целей используются уже существующие. При этом каждое новое понятие оказывается в той или иной мере связанным с каким-то другим. Создание слов на базе лексического материала собственного языка уже с самого начала предполагает какую-то связь вновь создаваемого слова с каким-то другим, уже существующим в данном языке словом. Этот тезис очень хорошо подтверждают этимологические исследования. Создание нового слова почти всегда связано с наличием в языке како-

го-то другого слова, в чем легко убедиться при анализе приводимых ниже примеров» [Серебренников 1988б: 198].

Итак, **языковое мышление** является одним из видов познавательной деятельности человека, при котором язык становится, с одной стороны – инструментом и механизмом познания или ментальной деятельности вообще, с другой стороны – средством «овнешнения» (термин Е.Ф. Тарасова [Тарасов 2000]) знания, т.е. его вербализации.

В современном языкознании термин **языковое мышление** часто отождествляется с другими: **языковое сознание**, **языковая картина мира** и даже **языковая личность**. Одной из задач данного исследования является определение границ названных понятий.

Различие понятий **языковое мышление** и **языковое сознание** весьма убедительно показано И.А. Стерниным, который предлагает рассматривать языковое сознание как явление статическое, а языковое мышление – как явление динамическое: «Сознание – это свойство мозга, мышление – это деятельность мозга, наделенного сознанием», – подчеркивает исследователь [Стернин 2002: 44]. Автор этого подхода указывает на современные представления о множественности видов сознания, среди которых он отмечает 1) виды сознания, отражающие разный предмет мыслительной деятельности (политическое, научное, религиозное, бытовое и т.д.); 2) виды сознания, характеризующие субъект сознания (гендерное, возрастное, социальное, общественное и др.); 3) виды сознания, зависящие от степени сформированности (развитое и неразвитое); 4) виды сознания, имеющие в основе какой-либо специфический принцип понимания общественного уклада (глобальное, демократическое, консервативное, либеральное, реакционное и т.д.); 5) виды сознания, детерминированные спецификой интеллектуальной деятельности (креативное, техническое, эвристическое, художественное и др.) [Стернин 2002: 45].

Трактовка языкового сознания в концепции И.А. Стернина такова: языковое сознание наряду с коммуникативным сознанием являются формами сознания вообще, которое предлагается называть когнитивным, т.е. сознанием, которое формируется в результате познания (отражения) субъектом окружающей действительности. При этом под содержанием сознания исследователь понимает систему знаний о мире, полученных в результате когнитивной деятельности субъекта. В структуре когнитивного сознания на основании специфики природы полученной информации, средств представления знаний, особенностей их прагматического использования И.А. Стернин выделяет языковое и коммуникативное сознание. При этом под языковым сознанием исследователь понимает часть сознания, обеспечивающую механизмы язы-

ковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании. Под коммуникативным сознанием И.А. Стернин признает совокупность коммуникативных знаний (установки коммуникативного сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, набор принятых в обществе правил коммуникации и т.п.) и коммуникативных механизмов, обеспечивающих коммуникативную деятельность человека. В качестве примера разграничения понятий языкового и коммуникативного типов сознания исследователь рассматривает отвлеченное знание формул речевого этикета как единиц языка (это сфера языкового сознания) и специфику их употребления в каждой конкретной ситуации, которая определяет выбор интонации, дистанции общения, сопровождение речевого поведения какими-либо жестами и т.п. (это сфера коммуникативного сознания) [см. подробнее: Стернин 2002].

Вслед за И.А. Стерниным представители Пермской лингвистической школы (И.А. Барина, Н.М. Нестерова, И.Г. Овчинникова) рассматривают сознание человека в трехмерном пространстве: когнитивном, коммуникативном и языковом, ср.: «Когнитивная координата проявляется как ментальность, обусловленная единством отраженного множеством языков разума; коммуникативная координата организована как дискурсивная практика, как правила организации коммуникации; и только языковая координата непосредственно обусловлена национальным языком» [Барина, Нестерова, Овчинникова 2010: 18]. Ю.А. Сорокин понимает языковое сознание как механизм, который наряду с орудийно-предметным, речевым и семиотическим сознанием опредмечивает индивидуальный, групповой и этнический опыт познания и участвует таким образом в конструировании образа мира [Пищальникова, Сорокин 1994: 164 – 165]. Ю.В. Рождественский также рассматривает языковое сознание как часть языкового мышления наряду с языковыми навыками, понимая под языковым сознанием знание языка [Рождественский 2002: 99].

Идея о существовании языковых и неязыковых знаний достаточно подробно освещена в работах А.А. Залевской, которая рассматривает виды знаний по разным основаниям: по их содержанию (*знания о мире и знания о языке*), по форме репрезентации знаний (*вербализованные и невербализованные*) и т.д. [Залевская 1999: 66 – 67]. Л.М. Васильев, разделяя языковые и неязыковые знания, указывает, что первые – формируются под влиянием семантических и грамматических структур языка, зависят от знаний естественного языка и, таким образом, являются всегда вербализованными средствами этого языка; вторые – формируются под влиянием независимых от языка когнитивных

структур, поэтому могут быть вербализованными (в т.ч. в виде образных употреблений), но могут быть выражены и иными знаками [Васильев 1998]. Иными словами, языковое сознание как вербальный коррелят когнитивного сознания человека перерабатывает определенную часть полученной человеком информации под воздействием семантических и грамматических структур этого языка и опредмечивает их в вербальной форме, что было бы естественным образом невозможно без знания конкретного языка.

В последние годы языковое сознание стало рассматриваться некоторыми учеными как единица уровневой системы. Т.М. Дридзе указывает, что языковое сознание – это такой «уровень сознания, где образы, представления, мыслительные структуры приобретают языковое оформление» [Дридзе 1976: 201]. Е.И. Горошко, помимо уровня языкового сознания, предлагает выделять уровень метаязыкового сознания, под которым исследователь понимает «специализированное языковое сознание, предназначенное для членения, категоризации и организации потока речи» [Горошко 2001]. Языковое сознание как «орудие, инструмент, выполняющий определенный набор функций» рассматривается в работах Г.В. Ейгер [Ейгер 1992; Ейгер, Рапопорт 1991]. Исследователь выделяет такие функции языкового сознания: отражательную, оценочную, ориентировочно-селективную, интерпретационную, регулятивно-управляющую [Ейгер 1992]. Интересен гендерный подход к изучению языкового сознания: А.Г. Фомин предлагает в структуре языковой личности, подробно описанной Ю.Н. Карауловым, выделить еще один уровень – гендерный, так как «гендерные стереотипы определяют специфику вербальной (и невербальной) деятельности личности» [Фомин 2003, 2004]. Перечисленные исследования демонстрируют множественность подходов к пониманию языкового сознания.

Нередко в современной лингвистике с термином *языковое сознание* отождествляют также понятие *языковая картина мира*.

Понятие картины мира впервые стало употребляться в физике в конце XIX – XX века. Чаще этот термин употребляется в работах Г. Герца применительно к физической картине мира, трактуемой как совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов. В современном варианте термин физическая картина мира предполагает представление о мире и его процессах, выработанное физикой на основе эмпирического исследования и теоретического осмыслении [Философский энциклопедический словарь 2003]. При этом физическая картина меняется по мере развития науки, экспери-

ментально-технической базы и т.д. [Дмитриева, Прокофьев 2001: 496 – 499].

В отечественной лингвистике термин *картина мира* начинает употребляться с 60-х годов XX века в работах Г.А. Брутяна, Г.В. Колшанского, Р.Й. Павилениса. Наряду с данным термином в психолингвистике вслед за А.Н. Леонтьевым [Леонтьев А.Н. 1983: 251 – 261] употребляется термин *образ мира*, который трактуется как «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и подающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев А.А. 2003: 268]. А.А. Леонтьев поясняет: «Неразрывность предметного значения с вербальным (при всей их психологической специфике) очевидна, и проблематика когнитивной психолингвистики все больше становится ориентированной не только и не столько на вербальные, сколько на предметные значения, ставя задачей синтезировать психолингвистическую теорию слова (знака) и психологическую теорию осмысленного образа... Предметные значения являются теми «кирпичиками», из которых строится образ мира» [Леонтьев А.А. 2003: 268]. Иными словами, феномены языкового сознания имеют смешанную природу: отчасти – онтологическую, связанную с предметным миром, отчасти – психологическую, связанную с превращением посредством сознания человека (восприятия, воображения и т.п.) явлений предметного мира в объекты ментального мира человека.

В когнитивной лингвистике соотношение объективной и субъективной природы феноменов языкового сознания формулируется как диалектическое единство онтологического смыслового компонента и оценочного (интерпретирующего) значения в языке [см. подробнее: Болдырев, Панасенко 2013: 5; Вольф 1985; Шарандин 2011: 11 и др.].

А.Л. Шарандин отмечает, что процесс обозначения словом какого-либо объекта действительности обусловлен «определенными механизмами нашей ментальной деятельности, которые задают направления приписывания значения и его означивания в семантической структуре слова» [Шарандин 2011: 11]. Исследователь задается вопросом: какая семантика отражает бытие, какая – отражает языковую деятельность в слове, т.е. является собственно языковой. Разграничение этих семантических областей, по мнению таких исследователей, как Е.Е. Котцова [Котцова 2002], З.К. Тарланов [Тарланов 1995], Л.А. Шарандин [2011], показательно в отношении статуса тематической группы как особого лексического объединения. «Например, лексический состав тематической группы ЧАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА обусловлен физиологической организацией человека, строением его тела, и собственно

языковых закономерностей, позволяющих описать связи между словами в тематической группе, по существу, нет», – утверждает Л.А. Шарандин. Однако, как отмечает исследователь, включаясь в речевую деятельность, слова данной тематической группы приобретают сигнификативное значение, что меняет статус знака вообще на статус языкового знака как единицы общения, т.е. делает лексическую единицу единством когниции (сознания), номинации (обозначения) и речевой деятельности (коммуникации) [Шарандин 2011: 12 – 13].

Знания и представления об окружающем мире, упорядоченные в человеческом сознании с помощью категорий языка и его же средствами «опредмеченные» (вербализованные), в терминах когнитивной лингвистики называются **языковой картиной мира**.

Вопрос о существовании различных картин мира является чрезвычайно важным для изучения категорий русского языкового сознания. Одним из теоретико-методологических принципов данного исследования является **принцип признания множественности картин мира**. Данного принципа придерживаются некоторые современные исследователи: например, Л.Б. Никитина выделяет биологическую, физическую, религиозную, политическую картины мира на основании признака сферы деятельности субъекта познания [см. подробнее: Никитина 2007: 18]. Определенное место в этом ряду, несомненно, занимает и языковая картина мира, однако нельзя не признать ее совершенно особый статус, который здесь следует уточнить.

Исследования о языковой картине мира весьма популярны в отечественной лингвистике. Целый ряд работ посвящен **определению статуса и сущности понятия языковой картины мира** [Апресян 1995а; Донских 1984; Караулов 1976; Серебренников 1988а, 1988в; Тхорик, Фанян 2006; Харуллин 1994; Шарандин 2011 и др.]; многие исследователи сосредоточивают внимание на **проблеме множественности картин мира и соотношении языковой и концептуальной картин мира** в сознании человека [Брутян 1973; Габбасова, Фаткуллина 2013; Касевич 1996; Колшанский 1990; Новикова, Черемисина 2000; Пименова, Кондратьева 2011; Попова, Стернин 2001; Постовалова 1988; Почепцов 1990; Уфимцева 1988; Фаткуллина 2011; Харитончик 1992; Ширшиков 2005 и др.]; значительная часть исследователей подчеркивает необходимость рассматривать **этнокультурную специфику языковой картины мира** [Алпатов 2008; Аникин, Чудинов 2011; Березович 2007; Вежбицка 1996б, 1999, 2002; Гвоздева 2004; Даниленко: электронные ресурсы; Зализняк и др. 2005; Карасик 1996, 2004, 2007; Карасик, Слышкин 2001; Караулов 1976; Корнилов 2003; Мельникова 2003; Мир человека и мир языка 2003; Никитина 1993, 1999а;

Русская языковая картина мира и системная лексикография 2006; Руссо 2014; Степанов 1997; Сукаленко 1992; Телия 1999; Толстая 2002; Толстой 1995; Урысон 1998, 2003; Чулкина 2009; Шмелев 2002, 2006, 2011; Щерба 1974в; Яковлева 1994 и мн.др.]. Достойными внимания являются в последние годы активно высказываемые (особенно «зарубежными» исследователями) и освещенные на страницах авторитетных научных журналов критические замечания относительно существования языковой картины мира – вообще и ее национальной специфики – в частности [Павлова 2009, 2012; Павлова, Безродный 2011]. Целесообразно кратко охарактеризовать каждый из перечисленных вопросов.

Понятие *языковая картина мира* в научный обиход было введено Лео Вайсгербером, который построил свою лингвистическую теорию на основе учения В.фон Гумбольдта о внутренней форме языка. По мнению Л. Вайсгербера, «словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества» [Вайсгербер 2004: 51]. Л. Вайсгербер в своих размышлениях о соотношении языка и познания приходит к полному их отождествлению: если сначала философ отстаивал объективную основу языковой картины мира, видя ее в окружающем человека мире, то в последствии Л. Вайсгербер «начнет подчеркивать ее мировоззренческую, субъективно-национальную, идиотническую сторону, проистекающую из факта, что в каждом языке представлена особая точка зрения на мир – та точка зрения, с которой смотрел на него народ, создавший данный язык» [Даниленко, электронный ресурс]. В этом смысле концепция Л. Вайсгербера близка точке зрения Б.Л. Уорфа, который выводил научную картину мира прямо из языковой: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Уорф 1960: 174].

Концепции Б.Л. Уорфа и Л. Вайсгербера весьма тенденциозны в признании определяющего значения языка в формировании познавательной деятельности человека и в утверждении, что языковая картина мира имеет целый ряд преимуществ в сравнении с научной. Эти положения являются спорными, однако заслуга исследователей заключается именно в выявлении самого феномена языковой картины мира. Теория Б.Л. Уорфа ценна самой постановкой проблемы сосуществования двух «систем анализа окружающего мира» [Уорф 1960: 190] – языковой и научной. Исследователь подчеркивал, что у языковой и научной картин мира есть сходство: они моделируют мир в сознании человека. Однако они имеют и существенные различия: научная картина мира отражает научное знание, это результат деятельности ученых; наивная картина мира отражает обыденное сознание. При этом Б.Л. Уорф отдавал явное предпочтение необходимости изучения именно языковых картин мира. По его мнению, они имеют два существенных преимущества перед научными: во-первых, языковые картины мира значительно старше научных, следовательно, по информационной насыщенности они превосходят научные; во-вторых, языковые картины мира своеобразны в силу своей плюралистичности в отличие от монизма научных исследований [Уорф 1960].

Одним из первых в отечественной лингвистике проблему несовпадения языкового и научного значений слов обозначил А.А. Потебня. Исследователь подчеркнул: «Языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела. Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук. Например, говоря о значении слова *дерево*, мы должны бы перейти в область ботаники, а по поводу слова причина или причинного союза – трактовать о причинности в мире» [Потебня 1958: 19]. А.А. Потебня разграничил и определил научное и языковое значения слов таким образом: «под значением слова вообще понимаются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, – дальнейшим значением слова» [Потебня 1958: 19].

Идею о том, что «научные понятия отличаются от понятий повседневной жизни» отмечал Д.П. Горский [Горский 1957: 85]. На различие между научным и бытовым представлениями о мире указывал Л.В. Щерба, продемонстрировав это на примере слов естественного языка, которые в науке приобретают статус термина: «Прямая (линия) определяется в геометрии как «кратчайшее расстояние между

двумя точками». Но в литературном языке это, очевидно, не так. ...Прямой мы называем в быту линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)» [Щерба 1974в: 280].

Существенный вклад в изучение языковой картины мира внесли работы Ю.Д. Апресяна. Исследователь разграничивает научную и наивную картины мира, подчеркивая при этом, что «наивные представления отнюдь не примитивны, они отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир» [Апресян 1995а: 350]. Термин *наивная картина мира* у Ю.Д. Апресяна является аналогом понятия *языковая картина мира*, так как наивные знания (наивная геометрия, наивная физика пространства и времени и т.п.) извлекаются именно из единиц языка: «представления об основополагающих запоедах русской наивно-языковой этики» можно извлечь из анализа некоторых лексем: ‘нехорошо преследовать узкокорыстные цели’ (ср.: *домогаться, лстить, сулить*); ‘нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей’ (ср.: *подсматривать, подслушивать, соглядаять, любопытство*) и т.д. [см. подробнее: Апресян 1995а: 350 – 351].

Главной отличительной чертой языковой картины мира от научной является фиксация в ней разных представлений о мире, часто научно необоснованных и даже ложных. Ю.Н. Караулов подчеркивает: «Словарный состав языка прошел многотысячный путь развития, наряду с научными представлениями разных эпох в нем отражались и насаивались также заблуждения и суеверия, в нем запечатлелся частично и дологический этап становления человеческого мышления и языка» [Караулов 1976: 60]. В отличие от научной картины мира, которая постоянно подвергается изменениям, языковая картина мира более устойчива, «она может долгое время хранить заблуждения и ошибки» [Никитина 2006б: 44]. Итак, на основании следующих признаков: способы получения и переработки информации, сфера трансляции знаний, средства передачи информации и др. – картина мира человека может быть двух видов: научной и наивной.

Существуют и другие подходы к описанию процесса картирования мира в сознании человека. В.Б. Касевич на основании способа кодирования информации выделяет вербальную (языковую) и невербальную картины мира, а вербальную картину мира предлагает в свою очередь разделить на собственно языковую и текстовую [Касевич 1996]. При этом научная картина мира, по мнению ученого, является одним из вариантов текстовой картины мира, так как отражается только в виде текстов определенной сферы – науки. Одним из существенных различий между наивной и научной картинами мира является, как

отмечает В.Б. Касевич, наличие в той или иной системе знаний и представлений этнокультурной информации: научная картина мира стремится к нивелированию национально-специфической информации, в то время как наивная картина мира закреплена и отражена в лексиконе и грамматике языка [Касевич 1996].

Высказанные В.Б. Касевичем положения отражают два важнейших аспекта изучения картины мира: 1) связь языковой картины мира с концептуальной; 2) изучение национальной специфики процесса картирования мира и его отражения в национальном языке.

Дискуссия о соотношении языковой и концептуальной картин мира (их совпадении или несовпадении), продолжалась долгие годы в отечественной лингвистике (см. работы Г.А. Брутяна, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой, В.И. Постоваловой, Б.А. Серебренникова, В.Н. Телия и др.). Г.А. Брутян отмечает: «Выделение языковой и концептуальной картин мира позволяет раскрыть взаимоотношения языка и мышления в процессе познания, показать роль языка в формировании картины мира в сознании людей..., представить проекцию окружающей действительности в нашем сознании [Брутян 1973: 108]. С этим мнением вряд ли кто-либо из лингвистов не согласится, однако вопрос о соотношении этих двух картин мира продолжительное время решался весьма неоднозначно. М.В. Пименова и О.Н. Кондратьева [Пименова, Кондратьева 2011: 35 – 37] отмечают, что концепции о соотношении двух названных картин мира укладываются в три разных подхода:

1) мнение о том, что языковая картина мира шире концептуальной, ср.: «Основное содержание языковой модели мира покрывает все содержание концептуальной модели мира», – отмечает Г.А. Брутян. При этом концептуальная картина мира составляет ядро языковой картины мира (это, по мнению исследователя, универсальное знание). Помимо этого ядра, в семантической структуре языка присутствует дополнительная информация, специфичная для конкретного национального языка [Брутян 1973: 109 – 110];

2) концепция о тождественности языковой и концептуальной картин мира (М.В. Пименова и О.Н. Кондратьева с некоторыми оговорками относят к данному подходу исследования В.Г. Колшанского [Колшанский 1990: 37 – 40]);

3) мнение, что концептуальная картина мира значительно шире языковой [см. подробнее: Попова, Стернин 2006, 2007; Постовалова 1988; Почепцов 1990; Серебренников 1988а, 1988в; Телия 1988б и др.]. Убедительны на этот счет высказывания З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые отмечают, что для современной лингвистики представля-

ется принципиальным разграничение концептосферы и семантического пространства языка, которое многие авторы называют термином **языковая картина мира**. По мнению исследователей, «концептосфера – это область мыслительных образов, единиц универсального предметного кода, представляющих собой структурированное знание людей, их информационную базу, а семантическое пространство языка – часть концептосферы, получившая выражение (вербализацию, объективацию) в системе языковых знаков – слов, фразеосочетаний, синтаксических структур и образуемое значениями языковых единиц» [Попова, Стернин 2007: 43 – 44]. Иными словами, существенное число концептов находит свое отражение в языке, но определенная часть концептуального содержания, формирующаяся не столько с помощью языковой логики, сколько на основе сенсорного или образного восприятия мира человеком, может не иметь соответствий в семантической системе языка.

Различия языковой и концептуальной картин мира существенны. Ю.Н. Караулов отметил, что эти картины мира отличаются прежде всего содержанием: содержательной единицей языковой картины мира, согласно его концепции, является семантическое поле, единицей концептуальной картины мира – константы сознания [Караулов 1976].

М.В. Пименова и О.Н. Кондратьева видят различия этих двух картин мира в следующих позициях: 1) в отношении к действительности (концептуальная картина мира более близка к действительности, чем языковая); 2) в характере восприятия действительности (концептуальная картина мира формируется непосредственно, языковая – опосредованно, с помощью знаков); 3) в участии в формировании знания разных типов мышления (в формировании языковой картины мира участвует вербальное мышление, в формировании концептуальной картины мира – разные виды мышления); 4) в специфике структурных единиц (языковую картину мира составляют единицы языка: слова, словосочетания, предложения; концептуальная картина мира в качестве структурной единицы имеет концепт (в иных работах используется термин *понятие*)); 5) степени подвижности, изменчивости (концептуальная картина мира более подвижна и изменчива, языковая – отличается относительной стабильностью [Пименова, Кондратьева 2011: 37 – 39].

Несмотря на существенные различия, обе картины мира связаны между собой в той части, что языковая картина мира, по крайней мере, «означивает», вербализует отдельные фрагменты картины мира концептуальной. «Это означивание, как отмечает Б.А. Серебренников, выражается обычно в создании слов и средств связи между словами и предложениями... Язык объясняет содержание концептуальной карти-

ны мира, связывая в речи между собой слова»; иначе говоря, одной из функций языковой картины мира является «экспликация средствами языка концептуальной картины мира» [Серебренников 1988а: 107]. Языковая картина мира выражает концептуальную картину мира лексическими и грамматическими средствами. Так, по мнению А.А. Уфимцевой, одни аспекты концептуальных структур выражаются грамматическими категориями языка – категориями числа, рода, падежа, времени и т.п., другие аспекты концептуальной картины мира репрезентируются единицами лексики и фразеологии, и не только на уровне понятийной составляющей лексического значения, но также на уровне ассоциативных значений [Уфимцева 1988; Шишкиков 2005 и др.].

Многие ученые подчеркивают связь языковой и концептуальной картин мира, во-первых, потому, что язык в его когнитивной и аккумулятивной функциях помогает человеку получать, обрабатывать и хранить информацию, во-вторых, потому, что любая картина мира в большей или меньшей степени находит свое выражение в языке. Однако одновременно ученые подчеркивают и различия языковой и концептуальной картин мира. При этом некоторые из них включают в структуру концептуальной картины мира содержание из самых разных областей (в том числе научного) знания. Так, Л.Б. Никитина утверждает, что языковая картина мира связана со всеми видами картин мира (например, физической, политической, средневековой, картиной мира отдельной личности, группы людей и т.д.). Но языковой картине мира исследователь придает совершенно особый статус: «С одной стороны, языковая картина мира не тождественна концептуальной и, следовательно, она не может рассматриваться в одном ряду с другими видами картин мира, а с другой стороны, за ней признается концептуальное содержание, поскольку именно в языке закрепляются (точнее: отражаются) особенности мировосприятия отдельного человека и национально-культурного сообщества, взгляды на мир в целом и на каждый из его объектов в отдельности» [Никитина 2006б: 44]. Концептуальная картина мира, по мнению Л.Б. Никитиной, содержит все «результаты практического, художественного, технического, научного познания мира человеком», определенная часть которых фиксируется в языке. В этом и есть, по мнению исследователя, общее и различное в языковой и концептуальной (в т.ч. научной, художественной и др.) картинах мира.

Языковая картина мира является особым феноменом и с точки зрения инструментальных единиц, с помощью которых она создается.

З.Д. Попова и И.А. Стернин подчеркивают, что языковая картина мира формируется с помощью следующих средств:

- номинативные средства языка (лексемы, устойчивые номинации, фразеологизмы, представляющие классификационную модель членимого языком и сознанием онтологического мира); при этом отмечается значимость номинативной лакунарности, отражающей специфику лингвокультуры;

- функциональные средства языка (наиболее частотные, коммуникативно релевантные лексические и фразеологические единицы на фоне всего корпуса элементов языковой системы);

- образные средства языка (национально-специфическая метафора, развитие этноспецифических переносных значений, внутренняя форма языковых единиц);

- фоносемантика языка» [Попова, Стернин 2007: 46].

Одним из интересных ракурсов изучения языковой картины мира является вопрос о ее разновидности. В.И. Постовалова предлагает рассматривать типы картин мира на основании трехкомпонентной парадигмы: субъект, объект и результат познания. Так, с точки зрения специфики субъекта выделяется три типа картин мира: 1) по возрастному признаку выделяется картина мира взрослого человека и детская картина мира; 2) на основании признака психического здоровья или наличия отклонений в развитии психики человека рассматривается картина мира здорового человека и психопатологическая картина мира; 3) по хронологическому признаку выявляется архаическая и «цивилизованная» картины мира. С точки зрения охвата действительности как объекта осмысления выделяется целостная и локальная картины мира. С точки зрения характеристики «формы изображения» могут описываться следующим образом: одинаковыми ли «глазами», с одной ли пространственной позиции смотрят на мир субъекты; как изображается мир – гомогенно или гетерогенно [Постовалова 1988: 32 – 34]. Н.С. Новикова и Н.В. Черемисина предлагают рассматривать разные типы языковых картин мира, представляя их через оппозиции: универсальная – идиоэтническая, общенациональная – социально / территориально / профессионально ограниченная; общенациональная – религиозная, общечеловеческая – индивидуальная [Новикова, Черемисина 2000].

А.Р. Габбасова и Ф.Г. Фаткуллина также отстаивают принцип множественности языковых картин: «...следует говорить о множественности картин мира: о научной языковой картине мира, языковой картине мира национального языка, языковой картине мира отдельного человека, фразеологической картине мира, об этнической картине

мира и др.» [Габбасова, Фаткуллина 2013; Фаткуллина 2011]. Типологию вряд ли можно назвать безупречной в силу разнородности классификационных оснований, но в данном случае важен факт утверждения принципа множественности картин мира.

Особое место среди также актуальных для данного исследования аспектов занимает вопрос рассмотрения языковой картины мира с точки зрения характеристики субъекта познания – индивидуального и коллективного. Так, понятие языковой картины мира рассматривается в узком и широком аспекте, при этом узкое понимание ограничивается индивидуальным человеческим сознанием (индивидуальная языковая картина мира), широкое понимание термина предполагает представление о коллективном языковом сознании (коллективная языковая картина мира). Ю.Н. Караулов в монографии «Русский язык и языковая личность» настаивает на двух основополагающих для проблемы соотношения языка и мышления тезисах: первый заключается в необходимости изучения языка через постижение языковой способности конкретного человека, через изучение языковой личности; второй предполагает изучение языка в человеке через введение в анализ конкретного национального языка «вместе с определенными историко-, этно-, социо- и психолингвистическими особенностями его носителей» [Караулов 2010: 7 – 8].

Языковую личность Ю.Н. Караулов рассматривает в трех аспектах: философском (через триаду: язык – интеллект – действительность), психологическом (в соответствии с тремя уровнями: семантическим, когнитивным и прагматическим) и собственно лингвистическом. Исследователь описывает трехуровневую структуру языковой личности, выделяя вербально-семантический, тезаурусный (или «лингво-когнитивный») и мотивационный (или лингвопрагматический) уровни. Единицами первого уровня являются слова, их грамматико-парадигматические, семанτικο-синтаксические и ассоциативные отношения составляют «вербальную сеть»; единицами второго уровня являются понятия (идеи, концепты), которые формируют семантические поля, «картину мира»; третий уровень составляют деятельность-коммуникативные потребности, которые реализуются в разных сферах общения, разных коммуникативных ситуациях, при «исполнении» разных коммуникативных ролей и таким образом создают т.н. «коммуникативную сеть» [см. подробнее: Караулов 2010: 56 – 57]. Каждый из трех уровней в концепции Ю.Н. Караулова предполагает деление на подуровни, включающие т.н. «готовности» к выполнению конкретных речевых умений и навыков, которые качественно «наращиваются» от нижележащего к вышележащему уровню: от нулевого, предполагаю-

щего, например, готовность к номинации и восприятию лексики, выбору слов и т.п., до наивысшего уровня языковой компетентности, которая позволяет готовность чувствовать банальность рифмы или оперировать прецедентными текстами [Караулов 2010: 60 – 62]. При всей доле условности, неполноте схемы и ее потенциальной возможности к расширению, дополнению «на случай», что признает сам автор концепции, преувеличить его заслугу в описании данного феномена невозможно. Ценность этой модели заключается в универсальности подхода к описанию отдельной языковой личности как носителя любого национального языка, однако не менее важно и то, что автор одновременно на ярких примерах демонстрирует специфику русского национального речевого мышления и поведения.

Немаловажен коммуникативный аспект изучения языкового сознания. Н.Н. Болдырев отмечает, что преодоление индивидуальных различий, т.е. взаимопонимание в процессе коммуникации достигается, с одной стороны, благодаря наличию неких общих базовых концептов и категорий. С другой стороны, понимание происходит за счет существования переходных зон, которые в какой-то степени зависимы от базовых ментальных феноменов. Исследователь приводит в качестве примера разное представление людей о сенбернаре: один имеет лишь общее представление о данной породе собаки, другой четко знает все ее отличительные особенности, но эти различия в объеме знаний и представлений отнюдь не мешают людям достигать понимания, если речь заходит об этой собаке [см. подробнее: Болдырев 2006: 7– 8]. Наличие общей понятийной области, существующей в языковом сознании носителей одного языка, позволяет, по мнению исследователя, говорить о существовании понятия коллективности знаний. При этом «коллективность знания обусловлена различными видами социума: культурной, национальной, территориальной, социальной общностью людей» [Болдырев 2006: 8]. В отношении характеристики индивидуального знания Н.Н. Болдырев замечает, что оно не столько является исключительным и неповторимым, сколько демонстрирует уровень индивидуального усвоения коллективного знания. Таким образом, по мнению ученого, «языковое знание – всегда разделенное знание, знание коллективное» [Болдырев 2007в: 22]; «индивидуальность знания означает индивидуальность его конфигурации в плане объема, содержания и интерпретации» [Болдырев 2006: 9].

В отечественной лингвистике языковая картина мира как лингво-когнитивный феномен коллективного сознания рассматривается в двух аспектах: в социо- и этнокультурном. Ярким примером в рамках первого направления является исследование С.Е. Никитиной [Никитина

1993, 1994, 1999a, 1999b], сосредоточивающей внимание на устном народном творчестве, на русских фольклорных жанрах (песнях, сказках, былинах), которые «по природе своей «ничьи» и одновременно принадлежат всем, кто их исполняет и является их сотворцом» [Никитина 1993: 12]. Как отмечает исследователь, «автор этого творчества – коллективная языковая личность, фольклорный социум, субъект, творящий свое мироздание, свою эстетику, свою аксиологию, свой поэтический язык и свои коллективные культурные тексты» [Никитина 1993: 12-13].

Значительно больше внимания современные ученые уделяют изучению понятия и специфики национальной языковой картины мира. Ю.Д. Апресян настаивает на том, что каждый способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти этноспецифичен, что, безусловно, отражается на восприятии мира конкретным народом; что естественный язык отражает коллективную философию народа, и эта философия естественным образом через постижение языка навязывается всем носителям этого языка [Апресян 1995б: 350 – 351].

Наличие этнокультурного компонента в структуре языковой картины мира, детерминированность мышления человека закономерностями национального языка отмечают многие зарубежные и отечественные исследователи со времен Э. Сепира и Б.Л. Уорфа, квинтэссенцией научного творчества которых явилось высказывание *Мы расчленим природу в направлении, подсказанном нам языком* [Уорф 1960: 174].

Отечественные лингвисты с опорой на материал разных естественных языков на многочисленных примерах доказывают правомерность теории «лингвистической относительности», т.е. существования национальной специфики у языка и мышления. Л.В. Щерба в знаменитой статье «О понятии смещения языков» описывает опыт изучения речи билингов (носителей немецкого и лужицкого языков) и указывает следующее: «...мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры» [Щерба 1974a, электронный ресурс]. Далее академик приводит ставшие классическими примеры несоответствия объемов и содержания таких понятий в русском, французском, немецком языках, как *температура воды, принимать пищу, любить* и мн. др. «Даже самые простые слова могут, обозначая один и тот же предмет, быть различными только потому, что они принадлежат к разным языкам, один из которых менее привычен, чем другой», – утверждает Л.В. Щерба. Действи-

тельно, например, по-русски можно сказать *Я тебя очень люблю* и *Я люблю молоко*, во многих других языках употребление одного и того же глагола в этих контекстах невозможно, ср., например, чешское: *Miluji tě* (я люблю тебя) и *Jsem rád mléko* (я люблю молоко). То же наблюдается во многих других языках.

Идеи выдающихся отечественных лингвистов о социо- и этнокультурной специфике языка и мышления развивают многие современные исследователи: Ю.Д. Апресян [Апресян 1995а, 1995б], А. Вежбицка [1996б, 1999, 2002], С.Г. Воркачев [1991, 1995, 1996, 1997, 2001, 2002, 2003, 2004, 2014], Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев [Зализняк и др. 2005], В.И. Карасик [1996, 2005, 2006, 2010], В.В. Колесов [1991, 1992, 1995, 2000], О.Н. Кондратьева [Кондратьева 2004а, 2004б, 2005, 2009, 2014], О.А. Корнилов [Корнилов 2003], Л.Б. Никитина [Никитина 2000, 2006а, 2007], С.Е. Никитина [Никитина 1993, 1994, 1999а, 1999б], И.Г. Овчинникова [Овчинникова, электронный ресурс], Е.А. Пименов [Пименов 2004, 2007], М.В. Пименова [Пименова 2001, 2005а, 2005б, 2005в, 2004, 2006а, 2006б, 2007, 20014], Б.А. Серебренников [1988а, 1988б, 1988в], Г.С. Суюнова [Суюнова 2014] и др.

Несомненно, лингвистов интересуют не общие рассуждения о национальной специфике языка и мышления, но изучение конкретных языковых фактов, которые могут служить маркерами этноспецифической информации, заложенной в языке. Например, А. Вежбицка стремится выявить ключевые слова-концепты, предопределяющие этноментальную специфику определенного народа: например, *душа*, *тоска*, *судьба*, по мнению исследовательницы, определяет ментальность русских людей; *страх* и *порядок* является ключевыми концептами сознания немцев и т.п. Эту идею выделения ключевых этноспецифичных лингвоментальных феноменов с энтузиазмом развивают в книге «Ключевые идеи русской языковой картина мира» Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев. Исследователи подчеркивают, что языковая картина мира формируется ключевыми концептами и ключевыми идеями. По мнению исследователей, ключевыми концептами русской языковой картины мира являются такие этноспецифичные лингвоментальные феномены, как *душа*, *судьба*, *тоска*, *счастье*, *разлука*, *справедливость*; ключевыми идеями, или сквозными мотивами, русской языковой картина мира, по мнению ученых, можно считать, например, идею непредсказуемости мира, выражающуюся лексическими маркерами *а вдруг*, *на всякий случай*, *если что*, *авось*; *собираюсь*, *постараюсь*; *угораздило*; *добираться*; *счастье*; идею справедливости (ср. маркеры: *справедливость*, *правда*, *обида*); идею вниматель-

ности к нюансам человеческих отношений (ср.: *общение, отношения, попрек, обида, родной, разлука, соскучиться*) и др. [Зализняк и др. 2005]. Факты, подтверждающие достоверность высказанных идей, ученые черпают из богатого лексического состава русского языка.

Многие исследователи справедливо замечают, что наиболее продуктивным с точки зрения выявления этнокультурной информации является прием параллельного рассмотрения сопоставимых лингвокогнитивных феноменов в разных языках. На продуктивности такого подхода, как известно, настаивали еще Э. Сепир и Б.Л. Уорф, эту идею продолжают развивать и современные ученые. Так, В.И. Карасик выявляет ключевые моменты, которые являются знаками этноспецифичной лингвокультурной информации. К таким ключевым моментам исследователь относит слова-наименования концептов (хотя у некоторых концептов имена могут отсутствовать); неравномерную концептуализацию (разную номинативную плотность одноименных участков лексических систем); специфическую комбинаторику ассоциативных признаков концептов (например, различие внутренней формы лексем, называющих одно и то же в разных языках); специфику классификации определенных предметных областей (на Востоке принято преуменьшать себя в номинации, в Европе – нет); специальную ориентацию предметных областей на ту или иную сферу общения (в русском языке много разговорных номинаций бесцельного передвижения, в Китае много высоких наименований путешественников) [Карасик 2002: 109]. В.И. Карасик предлагает методику контрастивного описания национальных языковых картин мира, которая включает в себя: 1) описание «членения действительности», отраженного языком в языковых парадигмах (лексико-семантических, лексико-фразеологических и структурно-синтаксических группах и полях); 2) описание национальной специфики значений языковых единиц (какие семантические различия выявляются в сходных значениях в разных языках); 3) выявление отсутствующих единиц (лакун) в системе языка; выявление эндемичных (выявляющихся только в одном из сравниваемых языков) единиц и т.д. [Карасик 2002: 109].

Подобную работу проводит А.Б. Михалев. Исследователь выделяет слои языковой картины мира, которые отражают ее национальную специфику: 1) фонетический, или звукоизобразительный, слой (автор считает, что фонетическая специфика консонантных или вокалических языков не может не отражать национальную специфику языковой картины мира; 2) лексический слой, предполагающий в первую очередь специфику именных классификаторов в национальном языке; 3) семантический слой, предстающий в виде единиц в метафорическом

употреблении; 4) паремический слой, включающие специфичные для лингвокультуры фразеологизмы, пословицы и поговорки; 5) грамматический слой, отражающий этноспецифичную категоризацию действительности; 6) ситуативный, или дискурсивный, слой, отражающий наличие этноспецифичных поведенческих категорий. Для демонстрации выдвинутых положений А.Б. Михалев использует примеры из разных языков мира [Михалев, электронный ресурс].

А.А. Мельникова утверждает, что национальный язык является определенной сеткой, через которую человек смотрит на мир, его категоризируя. Исходя из этого утверждения, исследователь описывает особенности национального характера посредством анализа языковых маркеров. Выявление национальных особенностей русской лингвокультуры у А.А. Мельниковой строится через оппозиции. Например, по мнению исследователя, для русских характерно осмысление мира как чего-то нелогичного, непостроенного, непредсказуемого: в этом мире может случиться *все что угодно, всякое бывает*. Это представление русского человека о непредсказуемости окружающего мира осмысливается сквозь призму оппозиции *авось* и *на всякий случай*. В интерпретации русского лингвокогнитивного феномена *авось* А.А. Мельникова солидаризируется с А.Д. Шмелевым, указавшим этноспецифические особенности данного концепта [Шмелев 2002: 139]. По мнению исследовательницы *авось* репрезентирует представление русского человека о непредсказуемости окружающего мира, *на всякий случай* актуализирует стремление человека быть готовым к противостоянию по отношению к обстоятельствам действительности [Мельникова 2003: 109 – 187]. А.А. Мельникова утверждает, что единицы, отражающие специфику национального менталитета, можно обнаружить на разных языковых уровнях: от «мелких слов» (термин Л.В. Щербы) – таких, как *авось*, *вдруг*, *просто так* и под. до синтаксических структур [Мельникова 2003].

В последние годы работы, посвященные изучению национальной специфики разных лингвокультур (в т.ч. – русской), появляются все чаще, по данной проблематике вышел в свет целый ряд монографий и диссертаций, десятки сборников научных трудов, тысячи научных статей. Возможно, некоторые из них написаны в угоду «научной моде», что не могло не вызвать отчасти справедливую критику. Критиковать этнокультурный подход к изучению языка и мышления начали со времен появления концепции Э. Сепира и Б.Л. Уорфа, причем критика эта разного толка: от критики уточняющего характера до абсолютного опровержения теории лингвистической относительности и обвинений в национальном «лингвонарциссизме».

М. Блэк вычленил из теории Б.Л. Уорфа десять основных положений, отражающих идею взаимосвязи и взаимообусловленности национального языка и мышления, и последовательно опроверг каждое из них, отметив, однако, что любая ошибка Б.Л. Уорфа оказалась для лингвистики значительно более плодотворной, чем правильные высказывания многих осторожных ученых [Блэк 1960]. Стивен Пинкер подчеркнул: «...нет никаких научных данных, свидетельствующих о том, что языки существенным образом формируют образ мышления носителей этих языков. Идея, что язык формирует мышление, казалась правдоподобной, когда ученые ничего не знали о том, как происходит процесс мышления, и даже о том, как можно это исследовать. Теперь, когда знают, как следует мыслить о мышлении, стало меньшим искушением приравнивать его к языку только по той причине, что слова легче пощупать руками, чем мысли» [Pinker 1994: 58].

Г.В. Колшанский отметил, что Э. Сепир, Б.Л. Уорф, Л. Вайсгербер и другие примыкающие к ним неогумбольдтианцы преувеличивали значение языка в определении специфики мышления, утверждая, что национальные особенности языка полностью детерминируют сознание носителей данного языка. По мнению исследователя, национальную специфику мышления следует искать не только в структуре и особенностях языка (языковой картине мира), но также в других сферах, связанных с географическими, историческими, производственными и другими факторами [Колшанский 2005: 182]. Вероятно, такое замечание справедливо. Следует говорить о неразрывной связи целого ряда взаимообусловленных факторов, влияющих на когнитивную деятельность человека, на формирование его ментального мира. Н.Н. Болдырев такое «смысловое пространство», которое обуславливает специфику когнитивных процессов, обуславливает восприятие речевых знаков в той или иной коммуникативной ситуации и т.д., называет **когнитивным контекстом** [Болдырев 2001а; 2008; 2014б и др.].

Лингвистические исследования, направленные на выявление этнокультурной взаимосвязи языка и мышления, отвергаются в основном западноевропейскими исследователями. Так, П. Серио подверг последовательной критике учение А. Вежбицкой, формировавшееся с семидесятых годов и до наших дней (на данную дискуссию обратили особое внимание Е.Е. Аникин и А.П. Чудинов, осветив эту полемику на страницах журнала «Политическая лингвистика» [Аникин, Чудинов 2011]). Швейцарский ученый подчеркнул неправомочность свойственных теории Анны Вежбицкой универсализма (описание универсального естественного метаязыка через семантические примитивы) и релятивизма (признание того, что язык влияет на национальную менталь-

ность и картину мира), указал на поиски национальной языковой картины мира и на выявление следов национального характера в языке как на необоснованную подмену объекта лингвистических исследований вообще, ср.: «Если из разговоров на террасе кафе мы узнаем, что все шотландцы скупы, а все корсиканцы ленивы, – прекратим ли мы когда-нибудь использовать лингвистику в качестве доказательства для наших фантазий, которые на самом деле должны быть предметом изучения психоанализа?» [Серио 2011: 39].

Апогея критика теории лингвистической относительности достигла в работах А.В. Павловой и М.В. Безродного [Павлова 2009, 2012; Павлова, Безродный 2011], которые, заручившись поддержкой, по их словам – многих – европейских ученых (их имена они не приводят), выдвинули против изучения национальной специфики языка и мышления, против существования феномена языковой картины мира следующие положения.

1. Лингвокультурология как наука, изучающая специфику в частности русской лингвокультуры, создана взамен утраченной национальной идеи в постсоветском пространстве, эта наука имеет четкий политический заказ – объединить на основании русской национальной идеи народ, проживающий на территории России [Павлова 2012: 15 – 16], а теория лингвистической относительности является благодатной почвой для подобного рода исследований, поэтому «Сепир – Уорф попросту заменили Маркса – Энгельса» [Павлова, Безродный 2011: 13]. Идея уникальности русского национального характера сформирована российскими лингвокультурологами намеренно, с целью самолюбования, удовлетворения собственного национального самолюбия, ср.: «...апология родного языка... (является) русским вариантом национального превосходства» [Павлова, Безродный 2011: 12]. Идиом, некоторого количества художественных и философских текстов, отражающих те или иные черты национального характера, по словам А.В. Павловой, недостаточно для построения лингвистических теорий об уникальности русской лингвокультуры [см. подробнее: Павлова 2009].

2. Язык, носителем которого является человек, ни в коей мере не детерминирует его мышление: «Смысл предшествует языковому оформлению и не подчиняется ему. Если человек владеет тремя языками, его возможности выразить то, что он хочет выразить, возрастают втрое. При этом ни один из языков не навязывает ему способ мировидения. Языковые формы служат для окончательной отливки мысли, причем свобода мышления индивида выражается в том, что он может не только варьировать и смешивать языки, которыми владеет, но и

бесконечно переносить свойства одного предмета на другой или создавать новые слова посредством продуктивных словообразовательных моделей» [Павлова 2012: 6]. Эту мысль А.В. Павлова подтверждает свойственным немецкоязычным СМИ обилием окказиональных слов, не зафиксированных в словарях.

3. Язык не может отражать национальный характер, национальную ментальность, потому что таковых у народа не существует. Представление русских людей о собственном национальном характере надуманно, оно складывается с детства, со школьной скамьи, когда ученики впитывают чужое авторитетное мнение о русской ментальности, складывающееся из высказываний русских писателей и самих учителей [см. подробнее: Павлова 2009].

4. Понятие языковой картины мира бессмысленно: «Эта «языковая картина мира» столь размыта, туманна и неопределенна, что вряд ли стоит о ней вообще говорить» [Павлова 2012: 9]. Национальной языковой картины мира не существует тем более. Например, у научного работника и заводского рабочего, живущих в одной стране, не может быть общих представлений о действительности. Значительно больше совпадений в речи и знаниях о мире у научных работников-представителей разных лингвокультур, но принадлежащих одной профессиональной сфере. Поэтому следует говорить не о национальной языковой картине мира, но о неких иных феноменах, вероятно, собственно лингвистических: стилистических вариантах языка, социальных дискурсах (например, профессиональных) и т.п., ср.: «Если исходить из презумпции «у носителей одного языка общая культура», следовало бы проверить, нет ли причин исходить из презумпции «у всех буддистов мира общая культура» или «у всех скрипачей общая культура» [Павлова 2012: 12].

Удивительно, почему, по мнению исследователя, в сознании человека не могут переплетаться разные ментальные области. По нашему мнению, в ментальном мире человека этноспецифические представления, детерминированные национальной культурой и языком, вполне могут сосуществовать с профессиональными и иными представлениями, которые обусловлены принадлежностью субъекта к той или иной социальной группе. Более того, у него имеются и сугубо индивидуальные представления о мире, обусловленные его собственным опытом, собственными фоновыми знаниями и т.п. Это сочетание разных представлений о мире: этно-, социо-, идиоспецифических и делает ментальный мир каждого человека оригинальным, неповторимым, уникальным.

Наивысшей точкой отрицания в работах А.В. Павловой становится, пожалуй, следующее заявление (которое, впрочем, весьма второстепенно относится собственно к лингвистике): «Существует ли вообще единая русская культура? Не миф ли она?» [Павлова 2012: 13]. При этом главный аргумент исследователя – наличие существенных отличий жаргонного языка современной молодежи от в чем-то устаревающего лексикона предыдущих поколений. Вероятно, по мнению исследователя, современные школьники-носители актуального жаргона не способны понимать, например, язык А.С. Пушкина.

В качестве аргументов к выдвинутым положениям А.В. Павлова приводит многочисленные примеры анализа фактов русского и немецкого языков. При этом проведенный исследовательницей контрастивный лингвокогнитивный анализ богатого иллюстративного материала столь профессионально выполнен [см. особенно: Павлова 2009; 2012], столь много в этих работах отмечено ярких различий, что читатель невольно начинает задумываться, не противоречит ли автор сам себе, доказывая идею отсутствия национальной специфики многочисленными примерами различий двух лингвокультур: русской и немецкой.

На статьи А.В. Павловой и М.В. Безродного особенно остро отреагировали отечественные ученые В.В. Дементьев [Дементьев 2012], М.М. Руссо [Руссо 2014], А.Д. Шмелев [Шмелев 2011].

М.М. Руссо, во-первых, опроверг обвинение российских языковедов в «лингвонарциссизме», демонстрируя с потрясающей лингвистической эрудицией широту исследований зарубежных коллег, которые на материале разных языков изучают лингвоментальные феномены как факты национальной лингвокультуры. Исследователь приводит многочисленные примеры: изучение пространственных метафор представления времени в разных лингвокультурах американской исследовательницей Лерой Бородицки; анализ различий в лексическом членении семантических полей в разных языках, предпринятый израильским по происхождению, британским по месту деятельности ученым Гаем Дейчером; рассмотрение специфики именной категоризации в разных языках, проводившееся американским исследователем Джоном Люси и мн. др. [см. подробнее: Руссо 2014].

М.М. Руссо подчеркивает, что в подобном «лингвонарциссизме», если и стоит обвинять, то не только русских. Исследователь приводит в качестве примера высказывание В.М. Алпатова о т.н. «учении о японцах», созданное японскими исследователями [Руссо 2014]. В.М. Алпатов указывает на излишнюю склонность японоведов к преувеличениям, хотя и находит с опорой на оноματοпозитическую лексику, лексику цветообозначений, лексику животного мира и другие еди-

ницы японского языка факты подтверждения наличия специфики национальной картины мира японцев [Алпатов 2008].

Далее М.М. Руссо с опорой на мнения таких отечественных исследователей, как Ю.Д. Апресян, А.А. Леонтьев, З.Д. Попова и И.А. Стернин и др., отмечает наиболее актуальные направления изучения языковой картины мира (семантическое, психолингвистическое, лингвокогнитивное); справедливо подчеркивает отсутствие прямой и абсолютной зависимости языка и мышления; отмечает отсутствие тождественности понятия языковой картины мира и ментального образа мира, который имеется в сознании человека (концептуальная картина мира); приводит собственное определение языковой картины мира, под которой понимается «специфическая для данного языка структура лексико-семантических полей и значений слов». Исходя из данного понимания языковой картины мира, М.М. Руссо предлагает черпать факты для построения лингвистических концепций только из следующих областей: 1) структура лексических систем; 2) полисемия и коннотация, 3) метафорическая сочетаемость; 4) мотивации при словообразовании («внутренняя форма»); 5) категоризация объектов, находящая отражение в языке в виде систем именных согласовательных классов и именных классификаторов. С опорой на единицы перечисленных областей М.М. Руссо на материале разных языков приводит многочисленные примеры их несовпадений, что доказывает правомерность рассмотрения вопроса об этнокультурной специфике понятия языковая картина мира [см. подробнее: Руссо 2014].

Остро и иронично ответил на критику А.В. Павловой и М.В. Безродного представитель Новомосковской семантической школы А.Д. Шмелев, который привел следующие аргументы против обвинений отечественных лингвистов в лингвонарциссизме. А.Д. Шмелев указывает, что его оппоненты опираются на весьма сомнительные источники – публицистические, часто дилетантские размышления, «не принадлежащие ни к каким научным школам» исследования и «давно защищенные и благополучно забытые всеми кандидатские диссертации». Представитель московской лингвистической школы, прибегая в т.ч. к манипулятивным приемам, иронически замечает, что, если следовать логике А.В. Павловой и М.В. Безродного, то в лингвонарциссизме можно обвинить и «фонетиста, который упивается звучностью русских слов, и специалиста по словообразованию, который любит богатством словообразовательных возможностей русского языка, и синтаксиста, который приходит в восторг по поводу гибкого русского синтаксиса» [Шмелев 2011: 22]. А.Д. Шмелев подчеркивает, что Э. Сепира, Б.Л. Уорфа, А. Вежбицку и других «неогумбольдтианцев»

вряд ли можно обвинить в лингвонарциссизме, так как объектом их исследований является отнюдь не родной язык [Шмелев 2011: 24]. Исследователь указывает на то, что доказательная база его оппонентов часто строится на приеме подмены тезисов (так, понятие о языковой картине мира подменяется понятием о национальном характере, который в силу своей нелингвистической природы не может являться объектом языкознания) [см. подробнее: Шмелев 2011: 25 – 33].

Однако отчасти с критикой западноевропейских коллег можно было бы и согласиться. В.В. Дементьев указал, что для современных лингвистических исследований характерна чрезмерная оценочность, оценочность, доведенная до абсолютизации, ср: «Абсолютизация применительно к языку или речи одного свойства – неизбежно в ущерб другим свойствам – представляется ... опасным явлением. Именно абсолютизация ... наносит сокрушительный удар по самой сути научного подхода, превращая все остальное в слабо внутренне дифференцированный континуум; соответственно страдает теория, методика, терминология» [Дементьев 2012: 14].

Иными словами, лингвокультурологи (в частности – отечественные) из критических замечаний, высказанных А.В. Павловой и М.В. Безродным, должны вынести массу полезных уроков. Во-первых, в лингвистике существует две тенденции: к описанию и к объяснению. Когнитивный подход к изучению языка предполагает именно стремление к объяснению генезиса того или иного выявленного лингвоментального феномена. Авторы многочисленных исследований, посвященных выявлению национальной специфики языковой картины мира, стремятся именно к объяснению языковых фактов, что в определенной степени обуславливает, возможно, значительную степень гипотетичности выводов. А.В. Павлова замечает, что для реконструкции особенностей национального языкового сознания, отраженных в языке, нужно вскрывать этимологические корни, подтверждать концепции большим числом лингвистических фактов, но не опираться на 2-3 примера для оформления выводов об уникальных чертах национального характера. В этом исследователь, несомненно, прав, как и прав в том, что в последнее время лингвокультурология и лингвоконцептология были в чем-то дискредитированы именно из-за обилия, вероятно, случайных неглубоких исследовательских работ, созданных в угоду научной моде.

Во-вторых, выбранный исследователем узкий объект лингвистического описания и выводы о его специфике не должны доводиться до абсолютизации, предопределяя выводы, например, о ментальности целого народа, о специфике всей культуры и т.п. Как справедливо от-

метил В.В. Дементьев, если исследователи указали на пространственные особенности в представлении некоторых ментальных феноменов (*душа, правда, дружба* и т.д.), это не значит, что иные параметры, иные «измерения» должны быть исключены. Вероятно, лингвист должен обладать определенной скромностью по отношению к собственным выводам, собственным исследованиям, не возводя их в ранг неоспоримой истины, не придавая им статус универсальности, а деликатно вписывая их в существующий общий научный контекст. В этом смысле, вероятно, следовало бы более сдержанно формулировать выводы, используя более подходящее выражение *специфика*, но не *уникальность национальной лингвокультуры*.

В-третьих, читая такие замечания: «Носителем какой лингвокультуры является говорящий по-французски швейцарец: он представитель французской культуры или швейцарской» [Павлова 2012: 21], отечественные лингвокультурологи должны задуматься и о говорящем порусски татарине, удмурте, башкире и т.д. Иными словами, действительно, отечественным лингвокультурологам, сосредоточившим внимание на изучении специфики русского языка, стоит избегать известного бахвальства, не следует быть столь громогласными со своими заключениями о сугубо русском характере в такой многонациональной и многоязычной стране, как Россия.

Именно поэтому критика российской лингвокультурологии кажется весьма уместной в настоящее время, когда накоплен уже определенный багаж информации о национальном языке и мышлении. Вероятно, наступает время остановиться, «оглянуться» и переосмыслить некоторые, как ранее казалось, истины. Хотя, безусловно, эта критика весьма преувеличенна и, вероятно, также тенденциозна, именно поэтому она должна быть рассмотрена конструктивно. Указанными работами этот спор не ограничивается: в настоящее время в дискуссию вступили и другие ученые: представитель Волгоградской школы лингвокультурологии С.Г. Воркачев [Воркачев 2014], исследователь из Хакасского госуниверситета А.В. Прожилов [Прожилов 2015], представитель Московской семантической школы М.Ю. Федосюк [Федосюк 2012]. Вероятно, дискуссия о правомерности научного статуса лингвокультурологии еще будет продолжаться.

Предлагаемое здесь исследование в частности посвящено и выявлению этноспецифических особенностей лингвокогнитивной категоризации в русском языковом сознании, некоторые факты категоризации будут рассмотрены в сопоставительном аспекте с привлечением материала некоторых других языков, поэтому опыт подобных дискус-

сий окажется полезным для формулировки выводов в настоящем исследовании.

Подводя итоги данного раздела, следует расставить некоторые акценты в отношении проблемы изучения категоризации действительности в русском языковом сознании.

Проблема изучения языкового сознания является актуальной в отечественной и зарубежной лингвистике на протяжении многих десятилетий. Существуют разные подходы к изучению языкового сознания: *психолингвистический*, предполагающий изучение закономерностей формирования языкового сознания как общечеловеческого психологического процесса и определение роли языка в формировании психологического (в т.ч. ментального) мира человека (А.А. Потебня, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Т.Н. Ушакова и др.); *когнитивный*, при котором языковое сознание рассматривается как часть общей познавательной (когнитивной) деятельности человека (С.А. Песина, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.); *культурологический*, в рамках которого языковое сознание понимается как феномен культуры, а сам язык трактуется как особая форма культуры (М.П. Киселева и др.); *этнокультурный*, предполагающий изучение этноспецифических закономерностей формирования национального мышления под влиянием национального языка (Е.Л. Березович, В.В. Воробьев, Анна А. Зализняк, И.В. Левонтина, А.Д. Шмелев, Е.И. Зиновьев, Е.Е. Юрков, А.Ю. Казакова, В.В. Красных, А.А. Мельникова, М.П. Одинцова, Е.О. Опарина, С.Е. Никитина, Е.В. Рахилина, Н.В. Солоник, А.Ю. Сорокин, Н.В. Уфимцева и др.); *гендерно-функциональный*, при котором в структуре языковой личности, помимо отмеченных Ю.Н. Карауловым вербально-семантического, тезаурусного (лингвокогнитивного) и мотивационного уровней [Караулов 2010], дополнительно рассматривается лингвогендерный уровень, содержащий гендерномаркированные единицы, называемые лингвогендерами (А.Г. Фомин [Фомин 2003]; Е.И. Горошко [Горошко 2003]) и др. Очевидно, что данный перечень не охватывает всего многообразия подходов к изучению языкового сознания, и данный список, безусловно, может быть дополнен.

Множество существующих подходов к изучению языкового сознания отнюдь не способствует формированию устойчивого и однозначного терминологического аппарата, поэтому целесообразно отметить специфику трактовки основополагающих терминов, актуальных для данного – лингвокогнитивного исследования.

Когнитивное и языковое сознание сосуществуют на принципах корреляции. При этом под *когнитивным сознанием* понимается сис-

тема знаний и представлений человека о мире, сформированная в результате не только вербального, но также авербального типов мышления; **языковое сознание** трактуется как такая область лингвоментального мира человека, которая объективирует в виде вербальных единиц когнитивное сознание.

На принципе корреляции взаимодействуют между собой и соответствующие данным типам сознания варианты когнитивной и языковой картин мира. Как **когнитивное сознание** включает разные по когнитивным установкам картины мира (научную, профессиональную и наивную), так и **языковое сознание** предполагает разные подходы к языковому освоению объективной действительности, допускает разные интерпретации фактов реального мира, т.е. интегрирует разные варианты языковой картины мира: научную, профессиональную, наивную.

Термин *языковая картина мира* в предпринятом исследовании трактуется, с одной стороны, традиционно – как «запечатленные в языке процессы и результаты концептуализации действительности как проявление творческой мыслительной и языковой / речевой активности человека» [Никитина 2006б: 46 – 47]. С другой стороны, в исследовании предпринят новый подход к интерпретации термина *языковая картина мира*, предполагающий не только традиционное посессивное значение термина (в этом смысле более верным был бы термин *картина мира языка*, т.е. система знаний и представлений о мире, отображенная в семантике языка, ‘принадлежащая языку’), но также инструментальное значение, при котором язык понимается как инструмент познания и репрезентации знания в разных вариантах языковой картины мира (т.е. в научной, профессиональной и наивной картинах мира). Таким образом, под **языковой картиной мира** понимается вербальный коррелят системы знаний и представлений об объектах действительности, присущий когнитивному сознанию; под **вариантами языковой картины мира** предполагаются такие разновидности языковой картины мира, которые вербально отображают варианты когнитивной картины мира (научная, профессиональная, наивная картины мира). Дифференциация вариантов языковой картины мира основана на разных **типах лингвокогнитивной категоризации** (категоризации научной, профессиональной, наивной). Вопросы интерпретации основных понятий теории лингвокогнитивной категоризации отражены в следующем параграфе.

1.2. Теория категорий в отечественной и зарубежной лингвистике: от Аристотеля до наших дней.

Ментальные процедуры получения, обработки, систематизации и репрезентации знаний в знаковой форме с той или иной стороны изучались с древнейших времен: сначала в основном философами, в более поздние годы и до настоящего времени психологами и психолингвистами, социологами и социолингвистами, антропологами и этнолингвистами, когнитологами и прагматическими лингвистами и т.д. Как ранее было отмечено, когнитивная лингвистика сосредоточивает внимание на изучении «мыслительных структур, лежащих в основе организации языка как системы и в основе его функционирования» [Болдырев 1996: 78 – 79], на описании процессов познания мира человеком и систематизации знаний с помощью категорий языка, на выявлении лингвокультурных (этно-, социоспецифичных и т.п.) особенностей вербализации этих знаний и представлений в национальном языке.

Важность изучения названных ментальных процедур в течение уже нескольких десятилетий подчеркивают зарубежные и отечественные исследователи (А. Вежбицка, Р. Джекендофф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, С. Пинкер, Э. Рош, Ж. Фоконье, Ч. Филлмор и др.; Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, Д.О. Добровольский, А.А. Залевская, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, Н.А. Кобрина, В.В. Колесов, А.В. Кравченко, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, А.П. Чудинов и др.).

Процессы получения, обработки и систематизации знаний, помогающие человеку существовать и ориентироваться в упорядоченном силами своего сознания мире, принято называть категоризацией и концептуализацией. Под *категоризацией* понимается процесс разделения объектов всего онтологического пространства на классы, группы и т.д.; это есть процесс упорядочения полученных знаний, распределения нового знания по тем или иным рубрикам, существующим в сознании человека и часто задаваемых категориями языка, носителем которого этот человек является. Е.С. Кубрякова рассматривает понятие категоризации в широком и узком смысле, ср.: «КАТЕГОРИЗАЦИЯ – в узком смысле подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории, но в более широком смысле – процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явле-

ний через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений и т.п., а также – результат классификационной (таксономической) деятельности» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 42]. При этом объект исследования – **категория** – с одной стороны, отражает мир, но отражает его сквозь призму человеческого сознания; с другой стороны, «категория отражает особенности человеческого восприятия, так как определенные фрагменты действительности могут быть отражены определенными областями человеческого мозга, определенными перцептивными возможностями человека» [Кубрякова 2004: 112].

Концептуализация – это процесс определения набора когнитивных признаков (в том числе – и категориальных) какого-либо явления реального или воображаемого мира, которые позволяют человеку хранить в сознании и пополнять новой информацией сколько-нибудь очерченное понятие и/или представление об этом явлении и отличать его от других феноменов. Этот фрагмент знания человека о мире в когнитивной лингвистике принято называть **концептом**, который когнитологами определяется как «дискретное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Стернин 2005: 257].

Процессы концептуализации и категоризации как ментальные процедуры получения, обработки, хранения и воспроизведения информации, взаимосвязаны. Е.С. Курякова подчеркивает: «являя собой классификационную деятельность, они (процессы концептуализации и категоризации – *Е.В. Дзюба*) различаются вместе с тем по конечному результату и/или цели деятельности. Первый направлен на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, второй – на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 93].

Отечественные ученые на протяжении нескольких десятилетий плодотворно изучали процессы концептуализации. В настоящее время известны сотни диссертационных и монографических работ, посвященных изучению универсальных, этноспецифичных и индивидуально-авторских концептов [см. подробнее об этом: Дзюба 2011: 49 – 51].

Возможно, именно такое обилие исследований в области лингвоконцептологии в какой-то мере подорвало авторитет данной науки в глазах западных ученых (о дискуссии на этот счет см. п. 1.1). Значительно меньше в отечественной лингвистике исследований, посвященных изучению механизмов категоризации и описанию самих категорий, формирующих, упорядочивающих человеческое знание под влиянием языка и сохраняющих это знание в категориях языка. Именно эти вопросы являются наиболее перспективными и требующими научного обоснования в настоящее время.

Однако определенный опыт изучения категорий в отечественной лингвистике, безусловно, накоплен. Анализ частей речи как классов слов, существующих и функционирующих в языке в качестве естественных прототипических категорий был представлен Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1997, 2004]. Сущность процессов категоризации, методология и методы исследования категорий, виды языковых категорий (лексические, грамматические, модусные), соотносимые с главными функциями языка (соответственно – номинативной, коммуникативной и интерпретирующей) описаны в многочисленных трудах Н.Н. Болдырева [Болдырев 1996, 1999, 2000а, 2000б, 2001а, 2001б, 2004, 2006, 2007а, 2007б, 2008, 2011, 2013, 2014а, 2014б]. О.О. Борискиной и А.А. Кретовым была предложена модель описания языковой категоризации мира методом выявления криптоклассных систем английского и русского языков на примере категорий первоистихий (воздуха, воды, огня и земли) в англоязычном и русском языковом сознании [Борискина 2011а; Борискина 2011б; Борискина, Кретов 2003].

Необходимо также отметить разноаспектные исследования: отдельные работы по методологии языковой категоризации [Абишева 2013; Мишанкина 2013 и др.] и проблемам прототипической структуры категорий [Лобанов, Радчикова 2011; Маскадыня 2012 и др.], работы, направленные на выявление видов категорий [Ма 2010], исследования, посвященные изучению категорий в аспекте лингвокогнитивной иерархии (т.е. в рамках теории Э.Рош о распределении в человеческом сознании категорий по уровням: базисному, выше- и нижележащему) [Радчикова 2005].

Объектом лингвокогнитивных исследований являлись и отдельные категории языкового сознания: категории пространства, времени, причинности [Сулейманова, Беклемешева 2009], индивидуального пространства [Безукладова 2011], количества [Бажанова 2010], интенсивности [Ревенко 2013], градуальности [Фурс, Назарова 2008], роста [Бу-

зинова 2010], инакости [Кислякова 2012], собирательности [Григорик 2012] и др.

Как было отмечено Н.Н. Болдыревым, языковые категории делятся на лексические, грамматические и оценочные, соотносимые с разными функциями языка (номинативной, коммуникативной, интерпретирующей). Учение о грамматических категориях существует сотни лет, со времен появления первых национальных грамматик, и развивается вплоть до нашего времени. История данного вопроса не является предметом данного исследования, поэтому уместно ограничиться лишь упоминанием выдающихся отечественных ученых, которые внесли существенный вклад в учение о грамматических категориях русского языка (В.А. Богородицкий [Богородицкий 1935], А.Х. Востоков [Востоков 1831], В.В. Виноградов [Виноградов 1975; 1986], Г.О. Винокур [Винокур 1959], Е.А. Земская [Земская 1973], В.В. Лопатин [Лопатин 1977], С.П. Обнорский [Обнорский 1953], А.А. Потебня [Потебня 1958], А.А. Реформатский [Реформатский 1978], А.А. Шахматов [Шахматов 1941]; Л.В. Щерба [Щерба 1957]. В этом ряду нельзя не упомянуть авторов «Грамматики русского языка» Н.Д. Арутюнову, А.В. Бондарко, И.С. Улуханова и др. [Русская грамматика 1980, электронный ресурс] и т.д.

В настоящее время не меньший интерес ученых вызывают лексические категории. Этот интерес обусловлен тем, что, с одной стороны, подобные исследования в значительной степени отражают особенности представлений носителей языка о мире, с другой стороны, имеют особую практическую ценность: они предоставляют плодотворную научную базу для современной лексикографии. Следует упомянуть некоторые из таких работ: терминология как когнитивные форматы хранения экспертного знания изучается Т.В. Дроздовой [Дроздова 2013]; категоризация растений, имеющих наименования орнитологического происхождения, рассматривается С.Ю. Дубровиной [Дубровина 2014]; вопросами фразеологической категоризации в сфере фитонимии русского и немецкого языков занимается Т.Ю. Капишева [Капишева 2009]; особенности категоризации артефактов (в частности – напитков) являются предметом исследований Д.А. Мореля Мореля [Морель Морель 2012]; категоризация лекарственных средств на основании изучения внутренней формы их наименований является предметом исследования А.Н. Подoliaки [Подoliaка 2013]; категоризацией температурных представлений, отраженных в языковом сознании англичан, занимается Н.С. Сергеева [Сергеева 2012]; гендерные категории являются предметом исследований Д.В. Погонцевой и Д.Д. Узловой [Погонцева, Узлова 2013]; категоризация интеллектуальных способно-

стей человека и рассмотрение лексических маркеров понимания в русском языке изучена в диссертационном исследовании А.А. Прокубовского [Прокубовский 2009] и т.д.

Наименее исследованы, пожалуй, оценочные (т.н. модусные) языковые категории, отражающие интерпретирующую функцию языка. Оценочную категоризацию, в основном на материале русского и английского языков, в настоящее время активно изучает Н.Н. Болдырев и представители его научной школы [Болдырев 2011; Болдырев, Гунина 2000; Болдырев, Панасенко 2013; Панасенко 2014 и др.]; оценочная категоризация нравственных понятий ХОРОШО – ПЛОХО является предметом исследований А.Ж. Досановой и Ж.Б. Нурмахановой [Досанова, Нурмуханова 2015]; категории артефактов, природных субстанций и явлений как интерпретирующие форматы знания изучаются Л.А. Панасенко [Панасенко 2012а, 2012б]; наречия как средства оценочной категоризации интеллектуальных способностей рассматриваются в работах Н.М. Кравцовой [Кравцова 2011] и т.д.

Современные ученые выделяют **три ведущих подхода к осмыслению категорий** как ментальных феноменов: 1) классический подход, 2) критика классической теории, 3) прототипический подход, или теория прототипов [Болдырев 1996: 79 – 80; Боярская 2011; Скребцова 2011: 85 – 96].

Первый опыт научного размышления о категориях принадлежит древнегреческому философу Аристотелю. По его мнению, следует выделять категории сущности, качества, количества, отношения, пространства, времени, состояния, обладания, действия и претерпевания. Так, описывая категорию сущности, философ утверждает, что она «не допускает большей или меньшей степени; ...если эта вот сущность есть человек, то не будет человеком в большей или меньшей мере ни сам он по отношению к себе, ни один по отношению к другому. Ведь один человек не в большей мере человек, чем другой, не так, как одно белое в большей или меньшей степени белое, чем другое, и не так, как одно красивое называется более красивым или менее красивым, чем другое» [Аристотель. Категории, электронный ресурс]. Таким образом, философ настаивает на том, что категории (в частности – категории сущности) носят исключительно онтологический характер, имеют четко очерченные границы и строгую организацию членства (категории определяются совокупностью равноправных между собой составляющих – элементов категории, которым свойствен одинаковый набор характерных, типичных для категории признаков, позволяющих включать эти элементы в одну категорию).

По словам Н.Н. Болдырева, классическая (Аристотелева) теория об онтологическом характере мыслительных категорий и их автономности по отношению к человеческому сознанию представлялась в лингвистике в самых разных вариациях: в виде концепции о божественном происхождении категорий (Платон, Декарт); в виде учения о врожденном, генетическом характере категорий Н. Хомский, Д. Биккертон; в виде рассуждений об отражении в устойчивых признаках реального мира в процессе категоризации (Б. Рассел, Р. Карнап и др. позитивисты) и т.д. [Болдырев 1996: 79].

Существенный вклад в развитие классической (умозрительной) теории категорий внес Иммануил Кант, который рассматривал генетическую природу категорий не в онтологическом ключе, а сквозь призму логических суждений, называя интересующий нас феномен категориями рассудка. Философ разделил суждения на четыре группы, каждая из которых в свою очередь предполагает логическую триаду. В соответствии с каждой группой и каждым видом суждений И. Кант выделил категории, в каждой категории он представил своего рода подкатегории. Соответствие логических суждений и категорий рассудка можно представить в виде таблицы (см. Таблицу № 1).

Таблица № 1.

Суждения и категории рассудка (теория Иммануила Канта)

№	Логическое суждение	Вид категории
1	Суждение о количествах - общих - частных - единичных	Категория количества - множественности - целокупности - единичности
2	Суждение о качествах - утвердительные - отрицательные - бесконечные	Категория качества - реальности - отрицания - ограничения
3	Суждение об отношении - категорические - гипотетические - разделительные	Категория отношения - субстанция и акциденция - причинность и зависимость (или причина и действие) - общение (или взаимодействие)
4	Модальность - проблематические, - ассерторические, - аподиктические	Категория модальности - возможности – невозможности - существование-несуществование необходимость-случайность

Иммануил Кант, представляя триадическую структуру категорий рассудка, делал акцент на диалектической взаимосвязи и особой упорядоченности между элементами категории. При этом в структуре кан-

ждой категории первая подкатегория выступает как тезис, вторая как антитезис, третья как синтез (ср., например: целокупность ... есть не что иное, как множество, рассматриваемое как единство»), т.е. «третья категория возникает всегда из соединения второй и первой категорий», это соединение первой и второй категории, образующее третье понятие, требует особого акта рассудка, не тождественного с актом рассудка в первой и второй категории» [Кант 1964: 178].

Г.В.Ф. Гегель предложил свою систему категорий, которая, по мнению современных философов, представляет собой выдающееся достижение в области системно-категориального творчества [Орлов 2011: 186]. Отдавая дань уважения Аристотелю, предложившему перечень категорий, и И. Канту, представившему классификацию категорий, Г.В.Ф. Гегель разработал свою целостную (тотальную), кольцевую (в виде круга) систему философских категорий, основанных на идее взаимодействия сознания и материи. Так, первый круг в его философской концепции составляют категории ЛОГИКА – ПРИРОДА – ДУХ. Далее, каждая из этих категорий делится на категории малых кругов. Категория ЛОГИКА, например, включает категории БЫТИЕ – СУЩНОСТЬ – ПОНЯТИЕ. Далее вновь следует деление на более частные круговые области: БЫТИЕ включает категории КАЧЕСТВО, КОЛИЧЕСТВО, МЕРА, СТЕПЕНЬ и т.д. Подобным образом, категория ВЕЩИ включает категории МАТЕРИИ и ФОРМЫ; категория ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ включает категории ПРИЧИНЫ и ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, категории ВОЗМОЖНОСТИ, СЛУЧАЙНОСТИ и НЕОБХОДИМОСТИ и т.д. По замыслу Г.В.Ф. Гегеля каждая философская категория должна выводиться из диалектического противоречия двух ранее рассмотренных, как, например, выводится категория ОСНОВАНИЯ из противоположности ТОЖДЕСТВА и РАЗЛИЧИЯ. Вся система категорий у философа «строилась так, что каждая категория занимала строго определенное место в системе, выводилась из предшествующих, в конечном счете из начальной, служила необходимым звеном для выведения последующих... Способ такого выведения является, – как отмечает В.В. Орлов, – замечательным интеллектуальным приобретением того нового «типа интеллекта», каким служит философия великого мыслителя» [Орлов 2011: 195].

Уход от умозрительно-логического осмысления природы категорий в сторону ее практического, реалистического освоения осуществляет Людвиг Витгенштейн. Австрийский философ к. XIX – н. XX вв. указывает на более сложную природу категорий [Витгенштейн, электронный ресурс], нежели это представляли себе его предшественники. Автор «Философских исследований» настаивает на идее об отсутствии

у мыслительных категорий четких границ и равноправного членства. Л. Витгенштейн выдвигает теорию о существовании так называемого «фамильного сходства» членов категорий. Философ настаивает на отсутствии равноправия элементов, входящих в ту или иную категорию: «Вместо того, чтобы выявлять то общее, что свойственно всему называемому языком, я говорю: во всех этих явлениях нет какой-то одной общей черты, из-за которой мы применяли к ним всем одинаковое слово. Но они родственны друг другу многообразными способами» [Витгенштейн, электронный ресурс].

В качестве иллюстрации Л. Витгенштейн приводит пример с категорией игры, ср.: «Рассмотрим, например, процессы, которые мы называем играми. Я имею в виду игры на доске, игры в карты, с мячом, борьбу и т.д. Что общего у них всех? Присмотрись, нет ли чего-нибудь общего для них всех. Ведь, глядя на них, ты не видишь чего-то общего, присущего им всем, но замечаешь подобия, родство, и притом целый ряд таких общих черт. Присмотрись, например, к играм на доске с многообразным их родством. Затем перейди к играм в карты: ты находишь здесь много соответствий с первой группой игр. Но многие общие черты исчезают, а другие появляются. Если теперь мы перейдем к играм в мяч, то много общего сохранится, но многое и исчезнет. Все ли они развлекательны? Сравни шахматы с игрой в крестики и нолики... И так мы могли бы перебрать многие виды игр, наблюдая, как появляется и исчезает сходство между ними» [Витгенштейн, электронный ресурс]. Философ приходит к выводу, что члены категории не являются абсолютно равноправными и тождественными по набору характеризующих их как единицы категории признаков; автор этих философских размышлений говорит о сложной сети подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом. Такие подобия, переплетения признаков членов одной категории Л. Витгенштейн называет «семейными сходствами» и указывает, что «так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т.п.» [Витгенштейн, электронный ресурс].

Вопрос о соотношении категорий с четкими и нечеткими границами автор «Философских исследований» совершенно справедливо, на наш взгляд, решает исключительно в пользу намерений человека, осмысляющего те или иные категории, ср.: «...я могу придать, например, понятию числа строгие границы, то есть использовать слово *число* для обозначения строго ограниченного понятия. Однако я могу пользоваться им и таким образом, что объем понятия не будет заключен в какие-то границы. Именно так мы и употребляем слово *игра*. Ибо как

ограничить понятие игры? Что еще остается игрой, а что перестает ею быть? Можно ли здесь указать четкие границы? Нет. Ты можешь провести какую-то границу, поскольку она еще не проведена... Можно сказать, что понятие игры – понятие с расплывчатыми границами» [Витгенштейн, электронный ресурс]. Тем не менее, нельзя утверждать, что любая категория может исключительно интенционально осмыслиться человеком как категория с четкими и нечеткими границами. Есть основания полагать, что существуют категории, рамки которых объективно заданы: с какой точки зрения мы не взглянем на треугольник, даже если предположить переносные, метафорические значения (например, *любовный треугольник*), главный признак категории – наличие трех компонентов, трех точек отсчета – будет строго ограничивать список претендентов на членство в данной категории.

Действительно, если категории сущности, как их описывал Аристотель, и имеют место быть, то их, вероятно, и следует называть категориями с четкими границами. Это категории, которые не допускают степени или меры, не допускают двойной интерпретации. Набор составляющих таких категорий строго определен наличием у каждого представителя категории совокупности наиболее важных, типичных признаков, при этом все члены данной категории будут действительно равноправными. Такими категориями, вероятно, оперируют главным образом теоретики: философы, логики, математики и др. Если речь заходит о практическом применении таких категорий, например, в юриспруденции, то их границы намеренно стараются очертить для справедливости оценки каждого встретившегося в практической жизни явления, подходящего под ту или иную категорию.

В юридической практике строго разграничиваются понятия абстрактного и конкретного, но также четко устанавливается их взаимосвязь, ср.: «Конкретное в процессе юридической квалификации понимается как непосредственно данное, чувственно воспринимаемое явление, конкретный жизненный случай, который сопоставляется с абстрактным. Норма права, в силу своей абстрактности, не может содержать массу разнообразных признаков, которыми обладают конкретные жизненные обстоятельства, она лишь содержит некие общие понятия. Норма права не должна содержать каких-либо случайных признаков, она должна выделять такие из них, которые раскрывают сущность квалифицируемого явления. Образование общих, абстрактных понятий углубляет познание объективной действительности, позволяет осмыслить наиболее существенные связи и закономерности природы общественной жизни. Общее реально существует, но не само по себе, не самостоятельно, а в конкретных единичных явлениях. Закрепленные в

правовой норме абстрактные юридические факты могут встретиться в реальной действительности не сами по себе, в реальной жизни мы сталкиваемся с жизненными фактами, которые содержат в себе признаки того или иного юридического факта, закрепленного в правовой норме» [Кудрявцев 2007: 36–37].

Таким образом, категории с четкими границами, предполагающие равноправие всех своих членов, все-таки существуют, без них нельзя было бы говорить о существовании науки вообще. Но нельзя отрицать и того, что, погружаясь в реальную жизнь, эти абстрактные категории начинают расшатываться. Например, мнение Аристотеля о сущности человека и его утверждение, что человек не может быть человеком в большей или меньшей степени, верно с биологической точки зрения или с позиции демократического равноправия, но, к сожалению, в практической жизни это не всегда так. Например, раб в древнем мире считался вещью, а не человеком; женщина в восточной культуре имеет более низкий статус, чем мужчина; в обществе с жестким классовым расслоением было нормой разделять людей «с голубой кровью» – дворян и обычных людей – простолюдинов; для гражданина любой страны соотечественник всегда более уважаем, чем мигрант. Вероятно, даже определение сущностных категорий зависит от общей модели мировидения: в рамках одной модели (например, научной картины мира) человек – это категория с четкими границами, и в этой категории все члены равноправны; но в «наивном» сознании под воздействием разных идей складываются разные модели мировидения. Следовательно, даже категории с четкими границами могут варьироваться в зависимости от модели мира: в рамках научной картины мира структура категории может быть упорядоченной, а все ее члены равноправными; в наивной картине мира структура категории может меняться: одни члены категории выходят на первый план и становятся типичными образцами категории, другие выходят на задний план и могут вообще не сразу осознаваться как члены данной категории. Е.С. Кубрякова в этом смысле уточняет, что следует рассматривать категории жесткие (четкие), которые основаны на равенстве всех членов, и нежесткие (размытые), основанные на сходстве, подобии [Кубрякова 2004: 100].

Возвращаясь к размышлениям Аристотеля, следует обратить внимание на описание иных категорий, например, категории качества. Мыслитель разводит качества, допускающие большую или меньшую степень, и качества, этого не допускающие. Так, например, «об одном белом говорят, что оно более бело или менее бело, чем другое, и об одном справедливом – что оно более справедливо или менее справед-

ливо, чем другое... Между тем треугольное или четырехугольное, как и всякая другая фигура, не допускает, видимо, большую степень» [Аристотель. Категории, электронный ресурс].

Иными словами, категории по своей структуре делятся на два вида: *с четкими границами* (категории, в которых все члены равноправны, так как они обладают одинаковым набором признаков, актуальных для данной категории) и *с нечеткими (размытыми) границами*, члены которых неравноправны. При этом категории с четкими границами могут допускать противоположности и располагаться на полюсах как оппозиции (*законно – незаконно, мужчина – женщина, жизнь – смерть, совершеннолетний – несовершеннолетний*), но существуют также категории с четкими границами, в составе которых все члены также равноправны, но они не допускают противоположности (ср. понятия: *треугольный, четырехугольный*) и т.д.

Третий подход к пониманию сущности и структуры категорий предпринят американским психологом Элеонорой Рош, автором знаменитой «теории прототипов» [Rosch 1973, 1975a, 1975b, 1978, 1983], хотя, впрочем, эти идеи высказывались и ранее в работах Б. Берлина и П. Кея [Berlin & Kay 1968; Kay et al. 1997; Kay 1999]. Значение исследований Э. Рош для теории категоризации подчеркнул Дж. Лакофф: «Э. Рош сосредоточила внимание на двух следствиях классической теории. Во-первых, если категория определяется только теми свойствами, которыми обладают все ее члены, то не должно быть таких ситуаций, когда один из ее членов в большей степени соответствует представлению об этой категории, чем другие. Во-вторых, если категории определяются только теми свойствами, которые внутренне присущи ее членам, то сами категории должны быть независимы от особенностей строения тех существ, которые осуществляют категоризацию». Исследования Э. Рош и ее коллег, как поясняет Дж. Лакофф, «демонстрируют, что в общем случае категориям свойственно иметь наилучших представителей (они названы прототипами) и что все перечисленные способности человека реально участвуют в процессах категоризации» [Lakoff 1987].

Для Э. Рош и ее коллег аксиоматичен тезис о существовании категорий в объективно-психологической системе знаний человека о мире, ср.: «For some years, I have argued that human categorization should not be considered the arbitrary product of historical accident or of whimsy but rather the result of psychological principles of categorization, which are subject to investigation» [Rosch, Lloyd 1978: 27]. Категории человеческого сознания обусловлены не их онтологической природой, но субъективной природой – природой самого человеческого сознания. Э. Рош

подчеркивает, что значительная часть таких категорий человеческого сознания не имеет четких границ, ср.: «Most, if not all, categories do not have clear-cut boundaries» [Rosch, Lloyd 1978: 28].

Специалисты по когнитивной психологии отмечают, что во многих работах по философии, психологии, лингвистике и антропологии утверждается, что категории – это логически ограниченные явления, членство в которых определяется строгим и однотипным набором критериальных признаков, что любой объект, обладающий такими признаками, в равной степени становится равно- и полноправным членом категории. В противоположность такому подходу американские исследователи [Lakoff 1972; Rosch 1973] доказывают, что некоторые естественные категории имеют аналоговый вид, и поэтому должны логически представляться таким образом, чтобы их аналоговая структура была отражена. Вслед за Л. Витгенштейном, американские исследователи при моделировании категорий используют принцип «фамильного сходства», ср.: «...members of a category come to be viewed as prototypical of the category as a whole in proportion to the extent to which they bear a family resemblance to (have attributes which overlap those of) other members of the category. Conversely, items viewed as most prototypical of one category will be those with least family resemblance to or membership in other categories» [Rosch, Mervis 1975: 575]; «The concept of family resemblances is also of general use because it characterizes prototype formation as part of the general process by which categories themselves are formed» [Rosch, Mervis 1975: 602].

Э. Рош подчеркивает, что среди членов категории, объединенных на основании признаков «фамильного сходства», существуют наиболее и наименее яркие образцы, лучшие и худшие представители категории. Иными словами, некоторые естественные категории включают в свою внутреннюю структуру, с одной стороны – прототипы (наиболее явные члены), с другой стороны – непрототипичные члены, которые представлены членами с разной степенью типичности для данной категории, ср.: «...has further characterized some natural analog categories as internally structured into a prototype (clearest cases, best examples of the category) and nonprototype members, with nonprototype members tending toward an order from better to poorer examples» [Rosch, Mervis 1975: 573-574]. При этом прототипы характеризуются исследовательницей как такие члены категории, которые наиболее явно отражают избыточность структуры в целом, ср.: «In short, prototypes appear to be just those members of a category that most reflect the redundancy structure of the category as a whole» [Rosch, Lloyd 1978: 37].

Наиболее прототипичными оказываются те члены категории, у которых имеются признаки, позволяющие им включаться в типичные и общепринятые сценарии, ср.: «With respect to prototypes, it appears to be those category members judged the more prototypical that have attributes that enable them to fit into the typical and agreed upon script elements» [Rosch, Lloyd 1978: 45].

Прототипы развиваются по тем же принципам (таким, как максимизация валидности признака и максимизация фамильного сходства), которые используются при формировании и самих категорий (ср.: «... prototypes develop through the same principles such as maximization of cue validity and maximization of category resemblance 1 as those principles governing the formation of the categories themselves» [Rosch, Lloyd 1978: 37]), но прототипы не представляют собой ни какой бы то ни было процессуальной модели категорий, ни какой бы то ни было теории репрезентации категорий, ни какой бы то ни было теории обучения категориям, ср.: «Prototypes do not constitute any particular processing model for categories...; Prototypes do not constitute a theory of representation of categories...; Although prototypes must be learned, they do not constitute any particular theory of category learning» [Rosch, Lloyd 1978: 40 – 41].

Не менее ценна, по мнению целого ряда исследователей (Дж. Лакофф, Н.Н. Болдырев, Т.Г. Скребцова и др.), и вторая часть теории категоризации Э. Рош, которая представляет учение об иерархии категорий в человеческом сознании «от более общих к более частным». Э. Рош распределяет категории по трем уровням: суперординатному (вышележащему) – базовому (среднему) – субординатному (нижележащему), указывая при этом, что «базовые категории сосредоточены в середине иерархии «от общего к частному», обобщение идет вверх от базового уровня, а спецификация – вниз» [Лакофф 2004].

За основу распределения категорий по трем уровням Э. Рош принимает степень валидности признака. Валидность признака категории в целом исследователь определяет как сумму показателей валидности для всех признаков данной категории. Категория с высокой валидностью признака по определению отличается от других категорий сильнее, чем категория с низкой валидностью признака, ср.: «The cue validity of an entire category may be defined as the summation of the cue validities for that category of each of the attributes of the category. A category with high cue validity is, by definition, more differentiated from other categories than one of lower cue validity» [Rosch, Lloyd 1978: 30 – 31]. При этом общая валидность и фамильное сходство категорий вышележащего (суперординатного) уровня ниже, чем у базовых категорий, по-

тому что они имеют меньше общих признаков. Более того, величина показателя фамильного сходства внутри категорий суперординатного уровня может быть даже отрицательной из-за преобладания различных признаков над общими. Общая валидность категорий вышележащего уровня ниже валидности базовых категорий, так как эти категории обладают общими признаками с противоположными категориями нижележащего (субординатного) уровня, ср.: «Superordinate categories have lower total cue validity and lower category resemblance than do basic-level categories, because they have fewer common attributes; in fact, the category resemblance measure of items within the superordinate can even be negative due to the high ratio of distinctive to common features. Subordinate categories have lower total cue validity than do basic categories, because they also share most attributes with contrasting subordinate categories» [Rosch, Lloyd 1978: 31]. Таким образом, по мнению Э. Рош, категории базового уровня максимально отражают структуру отношений в окружающем нас мире, так как они максимально воплощают валидность признака и фамильное сходство, ср.: «That basic objects are categories at the level of abstraction that maximizes cue validity and maximizes category resemblance is another way of asserting that basic objects are the categories that best mirror the correlational structure of the environment» [Rosch, Lloyd 1978: 31]. Именно поэтому они являются наиболее важными с точки зрения изучения структуры категорий, ср.: «...the basic level provides the cornerstone of a taxonomy» [Rosch, Lloyd 1978: 46].

Созданная Э. Рош теория прототипов легла в основу многих лингвистических исследований, в частности – изучения языковых категорий: грамматических, лексических, модусных (оценочных). Прототипический подход может быть применим к анализу таких лингвистических явлений, как, например, словообразовательная деривация, полисемия, варьирование (в т.ч. метафорическое) типовой ситуации в структуре фрейма, дискурсивные модификации прототипического феномена и др. Вряд ли здесь целесообразно перечислять многочисленные работы, которые посвящены изучению прототипических эффектов, проявляющихся на разных уровнях языка и текста, а также в процессе коммуникации. Вероятно, будет достаточно показать потенциальные возможности применения прототипического подхода к анализу языковых и речевых фактов. В качестве примера изучения прототипических эффектов в грамматике может послужить рассмотрение категории глагола. Так, Н.Н. Болдырев, обнаруживая отличие феноменов *инвариант* и *прототип* в разнонаправленности классификационного процесса – в сторону обобщения (инварианты) и в сторону конкрети-

зации (прототипы), отмечает следующее: «...понятие глагола как части речи является инвариантным для всех конкретных групп глагола и отдельных лексем. Прототипом всех категории глагола как части речи являются акциональные глаголы, проявляющие в наибольшей степени и в наиболее чистом виде характерные свойства в данной категории. Между тем акциональность тоже может рассматриваться как инвариантный признак всех акциональных глаголов, прототипом которых принято считать глаголы конкретного физического действия» [Болдырев 2003: 55].

Метод прототипического анализа также актуален при изучении семантических категорий. А.Э. Левицкий, опираясь на классический в лингвокогнитологии пример с птицами, иллюстрирует прототипическую специфику семантической категории четкости – нечеткости, ср.: «Птичность» выступает основой утверждения, что *малиновка, курица, пингвин и летучая мышь* относятся к категории птиц. На основании ее наличия у разных перечисленных видов, можно утверждать, что *малиновка – это птица; курица менее характеризуется как птица; пингвин – еще меньше, а летучая мышь вообще птицей не является. Корову* же, к примеру, никак нельзя отнести к категории птиц на основании отсутствия у нее даже отдаленного свойства, им присущего. Если же идти от отрицания наличия свойств птицы у перечисленных видов, то *корова – совсем не птица, летучая мышь – почти совсем не птица, а пингвин – не совсем птица*» [Левицкий 2011]. Языковые маркеры *совсем не, почти совсем не, не совсем* и под. являются в данном случае вербальными репрезентантами, определяющими степень типичности или нетипичности образца в структуре лексической категории. Ср. также контексты, в которых благодаря оценочным языковым маркерам «выстраивается» категория АВТОМОБИЛЬ: *Лучше BMW, только BMW – это кому нужно **авто в полном смысле этого слова** – быстрое, маневренное, надежное...* (<http://reviews.drom.ru/bmw/1-series/69505/>); *LADA **не совсем авто**, но с «породистым» сердцем* (<http://www.drive2.ru/l/6845693/>); *Самый главный минус: это – ОКА, что и **автомобилем-то** назвать сложно...* (<http://www.drive2.ru/r/lada/816148/>).

А.В. Бондарко на основании принципа актуализации степеней прототипичности представил методику анализа семантических единиц одного смыслового поля. Данная методика включает следующие этапы: «1) ставится вопрос (как своего рода предварительная гипотеза) о возможности истолкования определенного семантического элемента как категориального значения, представляющего собой инвариант; 2) раскрывается система вариантов; именно в этой области целесооб-

разно использование понятия прототипа как эталона, наиболее точно и полно представляющего специфику данного признака; 3) анализ вариантов начинается с прототипа как эталонного варианта, затем прослеживается цепочка постепенных переходов от эталона к его окружению – шаг за шагом, сначала к ближайшему окружению, которое чаще всего не отделено четкой гранью от прототипа, а затем к ближней и наконец к дальней периферии рассматриваемого семантического пространства. Рассмотрение таких переходов дает возможность ввести определенный принцип системности в анализ вариативности» [Бондарко 2001: 13].

Теория прототипов весьма успешно реализуется в лексикографической практике, в частности – при создании таких идеографических словарей, в которых лексические объединения группируются на основании типовой семантики и базовых имен ил иглаголов (см. серию словарей, подготовленных под редакцией Л.Г. Бабенко [Толковый словарь русских глаголов 1999; Большой толковый словарь русских существительных 2005; Большой толковый словарь русских глаголов 2007; Большой толковый словарь синонимов русской речи 2008; Словарь-тезаурус русских прилагательных 2011]).

Теория прототипа, по мнению некоторых исследователей, применима и к изучению текстов. К числу таких исследователей относится, например, Е.С. Кубрякова, которая выделяет прототипические тексты на основании следующих признаков: информативная самодостаточность, адресность, целенаправленность и некоторые другие когнитивные признаки [Кубрякова 2004: 512 – 515]. Т.Е. Литвиненко разделяет точку зрения о возможности выявления прототипических текстов, однако предлагает собственное видение набора признаков, которому должен соответствовать текст-прототип. Это признаки формальной и содержательной воплощенности, тематической определенности (цельности и связности), информационной самодостаточности, ситуативности, адресности, целенаправленности, отдельности, выделенности, завершенности, прагматической ориентации, интенциональности, интертекстуальности, признак малого речевого объема и др. [Литвиненко 2012: 145]. По мнению исследователя, к прототипическим денотатам категории ТЕКСТ, составляющим ее ядро, относятся письма, научные и публицистические статьи, тексты интервью, инструкции к артефактам, обобщенный образ рассказа и некоторые другие. В околоядерную зону и ближайшую периферию включаются такие тексты, которые лишены какого-либо признака (признаков) в отличие от прототипов. Например, если обобщенные образы текстов превышают прототипы по параметру их вербальной протяженности, т.е. объемны по форме (ро-

маны, монографии, конституции, религиозные трактаты, эпические поэмы и под.), то они будут относиться именно к периферии [см. подробнее: Литвиненко 2012: 143 – 147].

Действительно, теория категоризации и прототипической структуры категорий получила широкий резонанс в лингвистике, исследователи приводят все новые языковые факты для подтверждения ее достоверности. Одним из таких примеров-доказательств наличия прототипических эффектов даже, казалось, в рамках категорий с четкими границами является часто приводимый исследователями пример с категорией числа [см. об этом работы Вежбицка 1996а; Lakoff 1987; Скребцова 2011 и др.]. При абстрактном понимании категории числа все ее составляющие (то есть все числа) объективно равноправны и одинаково способны представлять данную категорию, но при экспериментальных опросах большинство русскоязычных людей называют в первую очередь числа 3 и 7. Речь здесь действительно идет о разнице в осмыслении строго теоретических, научных понятий – с одной стороны, и практически, жизненно применимых фактах – с другой стороны. Так, например, в речевом обиходе под влиянием сложившейся в сознании человека картины мира, его фоновых знаний, культурных традиций и т.д. некоторые числа воспринимаются более типичными представителями категории числа. Для русского человека 3 и 7 – знаковые числа, что объясняется влиянием фольклорной или религиозной традиции, жизненным опытом и т.п. (ср. символику числа 3 в русских сказках; устойчивые выражения *Бог троицу любит*, *Семь раз отмерь – один отрежь*, *Семеро одного не ждут*, *Семь пятниц на неделе* и др.). Такая речевая практика объясняет тот факт, что в обыденном сознании разные числа являются неравноправными членами одной категории. Структура категории числа в наивной картине мира, безусловно, этноспецифична. Если бы подобные эксперименты проводились среди китайцев, то они обязательно бы назвали 8, так как в их представлении это счастливое число, которое приносит удачу. В этом смысле интересно рассматривать структуру категорий сквозь призму их лингвокультурной специфики.

Следовательно, если речь идет о сугубо теоретических рассуждениях, обобщениях (о научной картине мира), то говорить о категориях с четкими границами и равноправии всех членов категории можно и даже нужно, но если речь идет о конкретном человеческом сознании, о носителе того или иного национального языка, то целесообразно говорить о категориях с нечеткими границами. Это подтверждает идею о том, что категории не могут формироваться без участия человеческого сознания, ср. высказывание Дж. Лакоффа: «...присущая человеку мен-

тальная процедура категоризации в существеннейшей степени опирается на человеческий опыт и воображение – на особенности восприятия, моторной активности и культуры, с одной стороны, и свойства метафоры, метонимии и ментальной образности – с другой. Как следствие этого человеческое мышление в решающей степени зависит от тех же факторов и не может характеризоваться просто в терминах манипулирования абстрактными символами» [Lakoff 1987].

Обобщая исследования предшественников и продолжая их рассуждения, Дж. Лакофф выдвигает некоторые фундаментальные положения, на которых базируется теория категоризации. Исследователь признает идею Л. Витгенштейна о наличии не общего набора устойчивых признаков, но лишь «семейного сходства» у представителей одной категории (ср.: «Члены категории могут быть связаны между собой, при том, что у них нет общего свойства, определяющего категорию»). Дж. Лакофф также поддерживает идею Э. Рош и ее коллег о градуированности членов категорий, которые выразили свое мнение следующим образом: «Cue validity is a probabilistic concept; the validity of a given cue x as a predictor of a given category y (the conditional probability of y/x) increases as the frequency with which cue x is associated with category y increases and decreases as the frequency with which cue x is associated with categories other than y increases» [Rosch, Lloyd 1978: 30]. Так, и Дж. Лакофф указывает на то, что «среди членов категории могут оказаться и более, и менее удачные примеры этой категории, ср.: «...the idea that at least some categories have degrees of membership and no clear boundaries» [Lakoff 1987: 12]. Иными словами, Дж. Лакофф настаивает на существовании градуальной структуры категорий с нечеткими границами. При этом исследователь акцентирует внимание на том, что «свойства некоторых категорий представляют собой отражение сущности биологических способностей человека и опыта его функционирования в материальном и социальном окружении»; Дж. Лакофф подчеркивает, что специфика процесса категоризации зависит от когнитивной модели, а концептуальные признаки того или иного феномена не *осознаются интеллектуально*, а *используются* автоматически, бессознательно и без заметных усилий, воспринимаясь просто как часть нормальной жизнедеятельности человека [Лакофф, 2004].

В отношении противопоставления классического и прототипического подходов к рассмотрению категорий некоторые когнитологи указывают на необходимость синтеза этих концепций [Н.Н. Болдырев 1996; Вежбицка 1996]. Так, Анна Вежбицка отмечает: «В семантическом анализе есть, конечно, место для прототипов, но есть и место для инвариантов, одно не исключает другого» [Вежбицка 1996: 201]. Ис-

следователь подчеркивает, что идеализированные когнитивные модели, которые предполагают наличие категорий с четкими границами, погружаясь в реальный мир, помещаясь в контекст остального человеческого знания о мире, «приобретает размытость, источником которой является не сама модель, но несоответствие исходных посылок, лежащих в основе модели, нашему знанию о мире» [Вежбицка 1996а: 202]. В доказательство этого положения А. Вежбицка приводит пример с понятием *холостяк* и указывает, что модель *холостяк* – *неженатый взрослый мужчина* не работает в случае, если речь идет, например, о Тарзане или Папе Римском. По мысли А. Вежбицкой, достаточно изменить основание для формирования категории, дополнить его другими признаками, чтобы модель заработала, ср.: «...почему бы нам, к примеру, не заменить модель на такую дефиницию: *холостяк* – *неженатый мужчина, который мыслится как такой, который мог бы вступить в брак?* Исследователь делает вывод, что «обсуждение «необходимых и достаточных признаков» обычно заикливается на материальных признаках и не принимает во внимание нематериальные. Между тем, концепты естественного языка нередко представляют собой сплав компонентов обоого рода. Для холостяка считаться способным вступить в брак так же необходимо, как быть мужского пола и неженатым» [Вежбицка 1996а: 204]. А. Вежбицка подчеркивает, что категории с четкими границами все-таки существуют, главное – точно сформулировать такие признаки, которые стали бы достаточным основанием для выделения данной категории и включения того или иного члена в ее границы. При этом необходимо учитывать и материальные, и нематериальные (идеальные) признаки.

Именно с учетом материальных и нематериальных признаков необходимо разграничивать четкие и размытые категории. А. Вежбицка справедливо указывает на ошибочное допущение психологов и лингвистов рассматривать явления разных логических порядков как явления одного категориального ряда. В работах предшественников действительно *птица* и *мебель* рассматриваются как категориальные слова одного и того же типа. А. Вежбицка возражает: «Имеются, однако, ясные грамматические (а также семантические) свидетельства того, что эти два слова воплощают совершенно разные типы понятий. Птица – таксономическое понятие, соотносимое с определенным «типом живых существ». Но мебель – никоим образом не таксономическое понятие: это собирательное понятие, которое соотносится с разнородной совокупностью предметов различных типов. Нельзя сказать «три мебели», но можно – «три птицы»; нельзя представить себе или изобразить экземпляр мебели вообще, но можно изобразить птицу вообще.

Для птиц можно провести границу между птицами и не-птицами (летучие мыши относятся к последним). Для мебели нельзя провести границу между объектами, входящими в эту суперкатегорию, и объектами, не относящимися к ней. Понятие *мебель* с полным основанием может быть названо «размытым» – равно как и другие понятия, соотносимые с собирательными существительными, обозначающими разнородные совокупности объектов (кухонная утварь, посуда, одежда и т. д.)» [Вежбицка 1996а: 215].

Парадоксально также то, что само положение о разных границах категорий у носителей разных языков подтверждает мысль о том, что ментальные категории – это категории с нечеткими, размытыми границами, но человеческое сознание пытается провести границы категорий для приобретения неких образцов, которые помогают человеку упорядочивать мир и в нем ориентироваться. А. Вежбицка утверждает, что намеренное очерчивание границ категорий позволит обеспечить теоретическую базу для лексикографии (ср.: «...не только многочисленным философам и психологам, но и целому поколению лексикографов не удалось составить из дискретных компонентов приемлемых толкований обыденных понятий. Но лексикографии всегда недоставало теоретической базы. Теоретическая семантика расцветала в эмпирическом вакууме, а лексикографы бились над своими «практическими» задачами, не имея достаточных теоретических основ. Учитывая отсутствие помощи со стороны семантической теории, приходится удивляться достижениям лексикографов, а не их неудачам. Эра серьезных лексикографических исследований, базирующихся на строгих теоретических основаниях, только начинается. Успех этих исследований в какой-то мере будет зависеть от их способности усвоить и развить сделанные психологами и философами наблюдения относительно роли прототипов в человеческом мышлении. Однако в первую очередь он будет зависеть от согласованных усилий по установлению основного фонда человеческих понятий – универсальных семантических примитивов, – из которых строятся сложные понятия» [Вежбицка 1996: 230]). При этом исследователь не отрицает значение теории прототипов, но подчеркивает, что «прототипы не могут «спасти нас» от строгого лексикографического исследования, но они могут помочь нам построить лучшие, более глубокие определения, ориентированные на человеческую концептуализацию реальности, которая отражена и воплощена в языке» [Вежбицка 1996: 230].

Итак, диапазон исследований по вопросам языковой категоризации необычайно широк, он варьируется от анализа грамматических категорий до изучения категоризации в сфере создания искусственного

интеллекта и теории обучения [Divjak, Arppe1 2013; Kalyan 2012; Lepper 2000; Mashal et al. 2014; Pustet 1995; Regier 1995; Taylor 2011 и др.]. В отечественной лингвистике, по словам Л.С. Абросимовой, в настоящее время наиболее актуальны два направления лингвокогнитологии: когнитивная семантика и когнитивная грамматика. При этом «объектом когнитивной семантики являются знания и представления носителей культуры о внеязыковой действительности, отраженные в единицах языка» [Абросимова 2011: 7]. Исследователь поясняет, что когнитивная семантика стремится «рассмотреть за семантическими категориями общие понятийные категории, спровоцированные процессом освоения мира человеческим познанием. В этом смысле лингвокогнитологам важно определить границы энциклопедического и собственно лингвистического (семантического) знания. Когнитивная грамматика рассматривает «грамматические модели описания языков, ориентированные на изучение когнитивных аспектов языковых явлений» [Абросимова 2011: 7]. Н.Н. Болдырев, размышляя о видах языковых категорий, помимо лексических и грамматических, выделяет модусные, или оценочные, категории, связанные с интерпретирующей функцией языка [Болдырев 2011, 2014а; см. также: Гаврилова 2005; Кумахова 2011; Панасенко 2014 и др.].

Концептуальная база данного исследования, имеющего целью выявление структурно-семантических, функционально-прагматических и этноспецифических особенностей лингвокогнитивной категоризации (на примере категорий лингвоментальной субсферы «Продукты растительного происхождения»), строится на теоретических положениях, отраженных в следующей системе понятий.

Когнитивный процесс в человеческом сознании осуществляется примерно по следующей схеме: **когнитивная элекция** (сосредоточение человеческого сознания на определенном фрагменте действительности, т.е. выбор объектов для когнитивной обработки) – **идентификация и категоризация** (сопоставление объекта познания с членами знакомых категорий по выявленным признакам категоризации и его отнесение к данной категории) – **категориальная номинация** (присвоение объекту познания категориального имени).

Внимание сосредоточивается на процессах лингвокогнитивной категоризации, которая соотносится одновременно с двумя областями: ментальной (процедура выявления существенных признаков у познаваемого объекта, сопоставление с известными членами естественных категорий) и языковой (подведение нового знания под категории языка или наложение языковых категорий на фрагмент познаваемой действительности).

Под *категоризацией* понимается процесс упорядочения и систематизации полученных человеком знаний об окружающем мире и о себе самом, точнее: это процесс распределения нового знания по тем или иным рубрикам, существующим в сознании человека и часто задаваемых категориями языка, носителем которого этот человек является. *Лингвокогнитивная категоризация* в данной работе трактуется как специфический для каждого варианта (вариации) языковой картины мира процесс вербализованного упорядочения знаний, полученных из окружающей среды. Результатом лингвокогнитивной категоризации является система категорий, формирующаяся в языковом сознании человека. При этом под *категорией* понимается лингвоментальный феномен человеческого сознания, который представляет собой лингвокогнитивную ячейку в системе знаний и представлений человека о мире и о себе самом, изоморфно отображающую фрагмент реальной и/или воображаемой действительности в человеческом сознании. При этом *изоморфный* понимается здесь не как 'одинаковый', но как 'подобный', абсолютно не тождественный, а понятие *лингвокогнитивная ячейка* считается весьма условным в том смысле, что она предполагает не жесткие, но гибкие границы. Категории, отображающие определенный фрагмент действительности в языковом сознании человека, могут иметь четкие (жесткие) и нечеткие (размытые) границы, могут менять свою структурно-содержательную организацию в зависимости от *типа лингвокогнитивной категоризации*, который предопределяет специфику того или иного варианта языковой картины мира (т.е. научной, профессиональной, наивной картины мира).

1.3. Типы лингвокогнитивной категоризации.

В настоящем исследовании отчетливо разводятся понятия *виды категорий* и *типы категоризации*, как разводятся общефилософские понятия конкретного (частного) и общего, точнее – обобщающего. В этом смысле первое понятие несет идею разделения на варианты, разновидности; второе понятие выполняет функцию объединения на основании общих подходов к интерпретации фактов. Под *видами категорий* понимаются такие конкретные варианты лингвоментальных феноменов, представляющих собой «ячейки» знаний о мире, которые разграничиваются на основании структурных, структурно-семантических, семантико-грамматических и аксиологических признаков. Типы категоризации являют собой лингвоментальные феномены, которые объединяют конкретные варианты на основании неких общих

когнитивных подходов и тенденций субъекта(-ов) познания к интерпретации воспринимаемых фактов действительности. На основании указанных ниже критериев целесообразно выделить следующие **типы лингвокогнитивной категоризации**.

1. В соответствии со сферами человеческого знания, спецификой существенных признаков категоризации и особенностями лексической интерпретации можно выделить такие типы лингвокогнитивной категоризации: категоризация **научная, профессиональная, наивная**.

Научная категоризация строго определена границами той или иной науки, «замкнутой в самой себе» и не допускающей отступления от требований научной объективности. Например, специалистов по ботанике совершенно не смущает, что такие термины, как *ягода* или *орех*, совершенно иначе трактуются в бытовой речи, что в литературном языке за данными единицами закреплены иные значения. Научная категоризация свойственна ботанической, агрономической, физиологической, физической и др. картинам мира, соотносенным с теоретическими науками. При этом научная категоризация никоим образом не ориентирована на наивное сознание. Актуальные для научной категоризации существенные признаки, как правило, одинаково значимы для всех членов категорий научного сознания, в структуре которых вряд ли выделяются наиболее и наименее типичные образцы.

Наивная категоризация подвержена влиянию как объективных, так и субъективных факторов, которые способствуют специфическому структурированию категорий в сознании носителей языка, т.е. выявлению лучших и худших образцов осмысляемых категорий. Такие представления характерны для бытового видения окружающей действительности (наивной картины мира).

Профессиональная категоризация (при очевидной условности данного термина в силу близости понятий *наука* и *профессия*) в данном исследовании трактуется как процесс членения онтологического пространства, учитывающий научное знание, но также адаптирующий, опосредующий научные представления о мире к условиям наивного восприятия. Именно в силу своего посреднического характера профессиональная категоризация, с одной стороны, учитывает научное и бытовое видение мира, с другой стороны, зависит и от условий, заданных требованиями профессиональной сферы. Именно поэтому профессиональная категоризация не тождественна ни научной, ни наивной.

Профессиональная категоризация свойственна, например, производственной, торгово-экономической, юридической, кулинарной, лексикографической картинам мира. Так, составители словарей при дефиниционном описании лексических единиц обобщают научные знания и

наивные представления об объектах окружающего мира. Кулинария, с одной стороны, учитывает технологические процессы обработки продуктов растительного и животного происхождения и в этом смысле тяготеет к научному знанию, с другой стороны, нацелена на реализацию кулинарной продукции простому обывателю с его «наивным» взглядом на мир. Юридическая сфера основана на научном знании (правоведении), но многообразие квалифицируемых юристами фактов не всегда может быть определено абстрактными теоретическими положениями, что приводит к необходимости учета правоприменительной практики при решении многих правовых вопросов. Производство бытовой техники невозможно без знания физического устройства приборов, лежащего в основе принципа действия предмета бытовой техники, но сам процесс классифицирования данных объектов осуществляется с учетом закономерностей наивной категоризации, так как производитель бытовой техники нацелен в первую очередь на покупателя. Торговая сфера, во-первых, учитывает принципы научной категоризации, которой оперируют производители (например, агрономы – производители продуктов растительного происхождения, инженеры – производители бытовой техники и т.п.). Во-вторых, торговля, имеющая главной целью реализацию продукции, ориентирована на покупателя, носителя обыденного сознания. В-третьих, в торговой и таможенной сферах учитываются также особые правила, требования, нормы, регламенты, регулирующие товарооборот. Совокупность этих факторов, актуальных для указанных сфер деятельности человека, способствует формированию категориальной системы особого типа – профессионального.

2. По признаку намеренности / ненамеренности отмечаются **интенциональная** и **неинтенциональная категоризация**. В работе «Философские исследования» Л. Витгенштейн упомянул, что часто вопрос о формировании категорий решается в зависимости от намерений человека, осмысляющего те или иные категории. Философ заметил: «Я могу придать, например, понятию числа строгие границы, то есть использовать слово *число* для обозначения строго ограниченного понятия. Однако я могу пользоваться им и таким образом, что объем понятия не будет заключен в какие-то границы» [Витгенштейн, электронный ресурс]. На таком основании – интенции субъекта категоризации – можно выделить **интенциональный и неинтенциональный типы категоризации**. Категоризация при этом находится в прямой зависимости от факторов, которые влияют на процесс упорядочения информации в человеческом сознании.

К *факторам неинтенциональной категоризации* относятся естественные условия, в которых происходит процесс получения и систематизации знаний: наличие индивидуального житейского опыта, место жительства человека, социально-культурный и исторический уклад, пол и возраст человека и т.п. Безусловно, процесс категоризации является большей частью бессознательным, категории формируются в сознании человека спонтанно, под влиянием окружающей среды. Таким образом, к факторам неинтенциональной (неосознанной) категоризации можно отнести следующие.

1. Категории формируются в сознании человека в зависимости от житейского индивидуального опыта, фоновых знаний, полученных что вполне объяснимо, не из специальной и/или научной литературы. Например, источником информации для неспециалистов по растениеводству или ботанике чаще является житейский опыт: общение с окружающими людьми, информация с прилавков магазинов, перечисление ингредиентов на товарных упаковках, кулинарные книги и т.п., реже – специальная литература. Так, на прилавке магазина можно найти товар, на упаковке которого указано наименование «Сухофрукты и орехи». В состав данного продукта входит изюм, сушеная папайя, банановые чипсы, арахис, кешью и фисташки. С ботанической точки зрения в этом списке из всего перечисленного к фруктам можно отнести (и то – условно) лишь банан (если, конечно, не сомневаться, что перед нами именно фруктовые сорта, так как существуют и овощные сорта бананов, которые в некоторых южных странах варят или жарят), виноград и папайя имеют плоды в виде ягод; нет здесь и ни одного представителя семейства ореховых или буковых, которые называют орехами в строго научном смысле (арахис – представитель семейства бобовых, плоды этого растения называют бобами; кешью и фисташки – представители семейства анакардиевых, кешью и фисташка – это семена соответствующих растений). Следовательно, представления о категориях ФРУКТЫ и ОРЕХИ у носителей обыденного сознания значительно отличаются от научных концепций.

2. На процесс категоризации конкретного человека оказывает влияние место его жительства, что связано с особыми климатическими условиями и обусловленной ими спецификой тех или иных плодов, обладающих особыми вкусовыми качествами. Так, в китайской кулинарной традиции помидоры принято подавать в составе десертных блюд, поскольку китайские сорта томатов сладкие на вкус, что позволяет причислять их к фруктам.

3. Межкультурное взаимодействие, открытые границы, набирающих темпы международный товарооборот способствует расширению

когнитивного кругозора. Так, в сознании носителей русского языка овощи и фрукты являются априорно съедобными. Показательно, что в одном из нормативных документов, регламентирующих товарооборот («Решении Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешней экономической деятельности Таможенного союза и Единого таможенного тарифа Таможенного союза») в Разделе II «Продукты растительного происхождения» (группа 08) дано примечание следующего характера: «1. В данную группу не включаются несъедобные орехи или фрукты» [Решение Совета Евразийской экономической комиссии..., электронный ресурс]. Следовательно, таковые существуют. Действительно, в некоторых уголках планеты растут так называемые несъедобные фрукты. Жителям Техаса, штата на юге США, известна Маклюра оранжевая (дерево, несущее несъедобные плоды, по форме и цвету напоминающие апельсин), используемая в декоративном садоводстве. В тропических и субтропических районах Азии и Южной Америки, а также на островах Тихого океана произрастает Тунговое дерево, приносящее костянковидные плоды с тонкой деревянистой оболочкой. Семена этих плодов ядовиты, но богаты жирами, именно поэтому плоды Тунгового дерева используются для изготовления лакокрасочных материалов [<http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 08.01.2013)].

4. Процесс категоризации в человеческом сознании носит также индивидуальный характер. На структуру (членство) некоторых категорий в индивидуальном сознании не может не влиять, например, гендерная принадлежность субъекта познания. Таким образом, например, формируется категория БЫТОВАЯ ТЕХНИКА. Для мужчин типичными образцами данной категории является электробритва, машинка для стрижки волос и под., в сознании женщин это нетипичные образцы, чего нельзя сказать о фене, щипцах для укладки волос, депиляторе, электробигудях, маникюрном наборе и под. Несомненно, феном или щипцами для укладки волос в практической жизни могут воспользоваться и мужчины, в основном те, которые особенно следят за своей внешностью, придерживаются какого-либо особенного стиля и т.п., однако обычно считается, что эти приборы принадлежат женщинам.

Под *интенциональной категоризацией* понимается намеренное воздействие на когнитивную сферу человека с целью формирования структуры знания в том виде, в котором этого требуют какие-либо формальности, внешние регламенты. К *факторам интенциональной категоризации* следует отнести, во-первых, идеологический. Господствующая в тот или иной исторический период система ценностей,

идеология, установившийся в ту или иную эпоху социально-политический строй – эти факторы оказывают воздействие особенно на абстрактные (в частности – связанные с духовно-нравственной стороной жизни общества) категории, накладывая идеологический отпечаток на структурно-содержательные и особенно аксиологические характеристики категории.

Данное положение можно проиллюстрировать лексикографическим материалом из словарей разных эпох, представляющих содержание категории ИНТЕЛЛЕКТ. Оставаясь всегда актуальной для человеческого сознания, эта категория с течением времени претерпевала серьезные изменения в плане содержания и оценочности. В период Русского Средневековья категория ИНТЕЛЛЕКТ носила отпечаток религиозной идеологии: вряд ли вообще можно было говорить об этой категории как таковой. В сознании древнерусского человека существовало представление о некоем триедином феномене *ум – душа – дух*, который предполагал постижение Божией истины, основанном, как известно, не на суждении или умозаключении, но на вере. С конца XVIII века (в эпоху Просвещения) с развитием собственно научного знания начала формироваться такая категория, которая предполагала произведение собственно умственной, аналитической деятельности.

В период господства советской идеологии определенной части лексики смыслового поля ИНТЕЛЛЕКТ (*интеллигенция, интеллигент*) дается весьма тенденциозное описание, ко многим словам (*мысль, мышление, логика* и др.) приводится сугубо специфичный для эпохи контекст (иллюстративный материал предлагается из источников классиков марксизма – ленинизма). Некоторым лексемам дается негативная оценка (используются стилистические пометы: *ироническое, прерзительное* и др.).

В постсоветский период лексикографические источники фиксируют изменения: оценочная коннотация слов *интеллект, ум, мозг* стала позитивной. В «Толковом словаре...начала XXI века» [Толковый словарь русского языка... 2006] делается акцент на аксиологическом и прагматическом аспектах категории ИНТЕЛЛЕКТ: ум становится ценностью, от которой зависит благополучие и развитие общества. Однако прагматический аспект становится столь значительным, что в смысловой структуре категории ИНТЕЛЛЕКТ постепенно затухает такой концепт, как ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ с его смысловыми компонентами 'духовность', 'нравственность', 'культурная образованность'; на его смену приходит концепт ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТЬ, весьма актуальный в области политики и бизнеса. Остается надеется, что этот концепт сохранит не только такие смысловые компоненты, как 'наличие глубоко-

ких знаний', 'интеллектуальная креативность и мобильность', 'высокий профессионализм', но также возродит прежние смысловые компоненты 'моральная чистоплотность', 'культурная образованность', 'духовное богатство'. Таким образом, влияние идеологии и системы ценностей того или иного исторического периода на формирование категорий является именно фактором интенциональной лекической категоризации.

Во-вторых, на процесс категоризации (и субкатегоризации) могут влиять и другие социальные факторы, например, нормативно-правовые регламенты. Так, расширение торгового пространства для той или иной страны (создание таможенных союзов, т.н. единых экономических пространств и иных экономических сообществ), и обусловленное этим введение нормативно-правовых ограничений в сфере торговли вносят коррективы в процесс категоризации овощей и фруктов. Известно, что в странах Евросоюза, например, некоторым продуктам, которые обыватели традиционно относят к категории ОВОЩИ, официально придан статус фруктов. К ним относятся томаты, съедобные части стебля ревеня, морковь, сладкий картофель, огурцы, тыква, дыня, арбуз и имбирь. Это намеренное допущение обусловлено стремлением легально производить из этих плодов и экспортировать соки, варенья, джемы, мармелад, которые по правилам Евросоюза производятся только из фруктов [<http://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 08.01.2013)].

В-третьих, границы категорий существенно расширяют научно-технические достижения (современные технологии обеспечивают многообразие способов обработки продуктов растительного происхождения, что делает виды продукции все более разнообразными). Так, в последнее время стали известны способы высушивания овощей наряду с изготовлением известных ранее сухофруктов. Это способствовало появлению новой субкатегории в структуре категории ОВОЩИ – сухие овощи.

Справедливость данного положения можно также продемонстрировать на примере развития категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА. Так, в структуре данной категории совершенно нетипичными образцами для современных носителей русского языка становятся механические устройства (ручные кофемолки, мясорубки, соковыжималки, устройство для отжима белья ручным способом и т.п.), что обусловлено именно уровнем развития электроники в современном мире. Безусловно, перечень факторов, влияющих на процессы лингвокогнитивной категоризации, может быть продолжен. Описание более широкого круга категорий, разных по своим сущностным характеристикам, позволит до-

полнить предложенную классификацию факторов новыми классификационными рубриками.

Обобщая рассмотрение факторов влияния на процессы лингвокогнитивной категоризации, следует заметить, что факторы неинтенциональной категоризации являются субъективными, факторы интенциональной категоризации чаще носят объективный характер.

3. На основании соотнесения когнитивного процесса с той или иной стороной языкового знака выделяется три типа категоризации: **лексическая, грамматическая и модусная**. При этом лексическая категоризация представляет собой «языковой аналог категоризации естественных объектов и объектов внутреннего мира человека», грамматическая категоризация «отражает онтологию самого языка, деление на естественные для языка категории, обеспечивающие его существование как определенной семиологической системы и выполнение возложенных на него функций» [Болдырев 2006: 9 – 10; см. также: Болдырев 2007а: 97; Шарандин 2011: 11 и др.]. Модусная категоризация «обеспечивает возможности различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов» [Болдырев 2006: 15]. По мнению исследователей, этот тип категоризации реализуется в существовании таких языковых категорий: отрицание, аксиологические категории (собственно оценочные) категории, категории аппроксимации, эвиденциональности, экспрессивности и др. [Болдырев 2006: 15 – 16].

4. Некоторые ученые различают типы категоризации по уровню идентификации объекта когниции и выделяют на данном основании **субординатный и суперординатный типы категоризации** (в основе такого разграничения лежит идея о категориях трех уровней Элеоноры Рош, описанная в ГЛАВЕ I). О.А. Сулейманова и Н.Н. Беклемешева указывают, что категориальная оценка объекта познания может осуществляться по двум направлениям: 1) **идентификация до уровня члена класса**, предполагающая выявление признаков, общих для всех членов класса; 2) **идентификация до уровня индивида**, основанная на определении индивидуальных свойств объекта, выделяющих его среди подобных [Сулейманова, Беклемешева 2009: 89]. Ярким примером репрезентации этих двух типов категоризации, по мнению исследователей, является использование определенного и неопределенного артикля в английском языке: очевидно, что определенный артикль подчеркивает индивидуализацию объекта познания, неопределенный – его общность с подобными объектами.

Не сомнений, что предложенная классификация типов категоризации в перспективе может уточняться и дополняться иными классификационными основаниями и новыми рубриками.

1.4. Виды категорий в русском языковом сознании.

Первый опыт научного размышления о категориях, как было указано выше, принадлежит Аристотелю, который придавал данному феномену исключительно онтологический статус, подчеркивая равноправие всех членов категории, обусловленное строгим набором существенных признаков каждого из ее членов. Такие категории философ разделил на *категории сущности* (не допускающие меры и степени) и *категории качества* (предполагающие градацию качественного признака по шкале *более – менее, наиболее – наименее*). Аристотель поясняет: «Сущность не допускает большей или меньшей степени... Если эта вот сущность есть человек, то не будет человеком в большей или меньшей мере ни сам он по отношению к себе, ни один по отношению к другому. Ведь один человек не в большей мере человек, чем другой, не так, как одно белое в большей или меньшей степени белое, чем другое, и не так, как одно красивое называется более красивым или менее красивым, чем другое» [Аристотель. Категории, электронный ресурс].

Концепция Аристотеля была подвергнута сомнению Людвигом Витгенштейном, который считал природу категорий более сложной и указывал на отсутствие равноправия элементов, входящих в ту или иную категорию [Витгенштейн, электронный ресурс]. Философ подчеркнул, что члены категории не могут быть абсолютно равноправными и тождественными по набору характеризующих их признаков, он говорит о сложной сети подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом. Такие переплетения признаков членов одной категории Л. Витгенштейн назвал «семейными сходствами» [Витгенштейн, электронный ресурс]. Позже эти идеи получили активное развитие в работах американских когнитологов (Р. Джекендофф, У. Лабов, Дж. Лакофф, Э. Рош и др.).

Вместе с тем мнение Аристотеля о существовании категорий с четкими границами нельзя полностью отвергать: без таких категорий вообще нельзя было бы говорить о существовании науки. Философы, логики, математики... и, пожалуй, специалисты любой научной сферы стремятся оперировать категориями с четкими границами. Иными словами, с точки зрения структурной организации рассматриваемые феномены можно разделить на *категории с четкими границами* (кате-

гории, в которых все члены равноправны, так как они обладают одинаковым набором стандартных признаков) и *категории с нечеткими (размытыми) границами*, члены которых неравноправны. Вслед за Аристотелем можно также указать, что категории (в основном с четкими границами) *могут допускать противоположности*. Составляющие таких категорий располагаются на разных полюсах как оппозиции. Например, категория ИНТЕЛЛЕКТ основывается на оппозиции *умный – глупый*; категория БЫТИЕ определяется оппозицией *жизнь – смерть*; категория НРАВСТВЕННОСТЬ зиждется на противостоянии *добра и зла*. Однако существуют также категории, которые *не допускают противоположности*, хотя и обобщают разнородные сущности (ТРАНСПОРТ, ЦВЕТЫ, ДЕРЕВЬЯ и др.).

Говоря о структурной организации категорий, следует сделать еще одно важное замечание: сама их структура может быть закрытой или открытой. Категории с закрытой структурой имеют ограниченное количество подкатегорий или концептов, членство таких категорий не подчиняется внешним факторам (факторам исторического, социально-культурного, научно-технического развития и т.п.). Среди таких категорий можно выделить категории с дву-, трех-, четырехчленной структурой и т.д. При этом количество концептов в их структуре строго ограничено, ср.: двучленные категории: ЧЕЛОВЕК (мужчина – женщина), БЫТИЕ (жизнь – смерть); трехчленные категории: ВРЕМЯ (прошлое – настоящее – будущее); четырехчленные категории: ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ (вода – огонь – земля – воздух), ВРЕМЕНА ГОДА (весна – лето – осень – зима) и т.п.

Категории с открытой структурой предполагают неограниченное число членов, они, как правило, многочленны, при этом количество их подкатегорий способно меняться под воздействием разного рода факторов. Развитие научных технологий естественным образом обуславливает появление новых и нередко исчезновение ранее существующих членов таких категорий, как ЛЕКАРСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА, МЕДИЦИНСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ, ХИМИЧЕСКИЕ ВЕЩЕСТВА, КОСМЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, ОРУЖИЕ, ТРАНСПОРТ, СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ и т.п. Расширение межкультурных связей и географического кругозора носителей конкретной лингвокультуры способствует изменению структуры, например, таких категорий, как ОВОЩИ и ФРУКТЫ: постепенно полноценными членами этих категорий становятся ранее неизвестные жителям умеренного климата экзотические плоды (авокадо, дуриан, кивано, питахайя, рамбутан и мн. др.). Таким образом, категории языкового сознания по признаку от-

крытости – закрытости для новых членов категории делятся на **категории с закрытой и открытой структурой**.

Трудно отрицать, что, погружаясь в реальную жизнь, многие четко ограниченные, научно обоснованные категории начинают расшатываться. Например, мнение Аристотеля о сущности человека и его утверждение, что человек не может быть человеком в большей или меньшей степени, верно с биологической точки зрения или с позиции демократического равноправия, но, к сожалению, в истории немало примеров, когда людей делили на дворян и простолюдинов, черных и белых, арийцев и не-арийцев и т.д. Такие разграничения бытовали не только в наивной картине мира, они были закреплены законодательно, с установлением привилегий для одних и ограничений прав для других. Например, раб в древнем мире считался вещью, это было закреплено законом: «Рабы не считались людьми. По римскому праву они были *res* – вещи, говорящие орудия (*instrumentum vocale*). Как вещи или как объекты права рабы находились под неограниченной властью господ» [Пухан и др. 2000: 79]. Понятие *раб* в сознании древних римлян было членом категорий ВЕЩИ, ИНСТРУМЕНТЫ, но не категории ЧЕЛОВЕК. Таким образом, даже категории с четкими границами могут варьироваться в зависимости от модели мира: в рамках научной картины мира структура категории может быть упорядоченной, а все ее члены равноправными; в наивной картине мира структура категории может меняться: одни члены категории выходят на первый план и становятся типичными образцами категории, другие уходят на задний план и могут вообще не сразу осознаваться как члены данной категории. Иными словами, в зависимости от сферы формирования можно выделить **категории научной и наивной картины мира**.

Различия наивной и научной категоризации можно обнаружить в интерпретации категории ЯГОДЫ. Так, *помидор* и *баклажан*, *тыква* и *огурец*, *яблоко* и *апельсин* в ботанике считаются ягодами, а не овощами или фруктами, как это представляется обывателям. Типичные же для наивного сознания ягоды: малина, клубника, земляника, ежевика и др. – ягодами с ботанической точки зрения не являются [Бавутто, Еремин 1997: 297].

При изучении особенностей структуры некоторых категорий наивного сознания обнаруживается одна закономерность. Данные опроса, который проводился с целью определения наиболее и наименее типичных образцов среди овощей, фруктов и ягод, показали, что в структуре категории ЯГОДЫ невозможно выявить «сверхтипичные» образцы (см. подробнее Главу IV настоящего исследования). Сверхтипичными, или идеальными, считаются те представители категории,

которые упоминаются более 80% респондентов. При этом в структуре категорий ОВОЩИ и ФРУКТЫ такие образцы присутствуют и составляют ядро: для категории ОВОЩИ это огурец, помидор, картофель и морковь; для категории ФРУКТЫ – яблоко, апельсин и банан. Таким образом, если у одних категорий выявляются лучшие (сверхтипичные) образцы, а у других нет, следовательно, в структуре этих категорий наблюдаются различия. Можно сделать вывод, что категории в зависимости от плотности структуры и наличия плотного ядра делятся на *категории с плотной структурой (плотным ядром)* и *категории с рассеянной структурой*, не имеющие четко сформированного ядерного центра. Так, категории ОВОЩИ и ФРУКТЫ относятся к первой группе, категория ЯГОДЫ – ко второй.

Отдельную рубрику в типологии категорий представляют феномены, которые имеют или не имеют соотношение с объектами реального (вещественного) мира. В этом смысле категории делятся на *идеальные* – такие, которые не соотносятся с предметным миром (ИНТЕЛЛЕКТ, ДУХОВНОСТЬ, НРАВСТВЕННОСТЬ и т.д.), и *конкретные*, соотносимые с объектами реального мира (БЫТОВАЯ ТЕХНИКА, ФРУКТЫ, ОВОЩИ, МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ и т.п.).

Рассуждая о наличии лучших и худших образцов в структуре категорий с нечеткими границами, когнитологи отстаивают идею о градуированной структуре таких категорий. Следует уточнить, что в зависимости от типа градации можно рассматривать *категории с внешней градацией* (градацией членства, обусловленной психологией человека) и *категории с внутренней градацией* (имеющие онтологически обусловленную иерархию). Внутренне градуированные категории чаще идеальны, они предполагают градацию по качественному признаку. Внутренней градацией обладает, например, категория ИНТЕЛЛЕКТ. В русском языке признак интеллектуальной градуированности прослеживается на всех языковых уровнях: семантическом (градация прослеживается на уровне значений: *тупой – глупый – неразумный – разумный – толковый – образованный – способный – умный – мудрый*); на словообразовательном (ср.: *туповатый, глуповатый, недоумок, умный-преумный* и др.); морфологическом (ср.: *более/менее умный, более/менее разумный, более/менее глупый; мудрейший, глупейший* и под.); лексико-фразеологическом (ср.: *шариков не хватает, выше своей головы не прыгнешь, мудрый яко змий*) и синтаксическом (ср.: *Более мудрого человека я не знаю...; Что за дурь (чушь)?!;...до того умен, что...*) уровнях.

При описании идеальных категорий возникает вопрос: все ли из них являются градуированными. Например, в юриспруденции отсутст-

вует градация ряда категорий. С юридической точки зрения деяние может быть законным или незаконным, оно не может быть *почти законным* или *почти незаконным*. Также с правовой позиции нельзя быть *почти женатым* (состоящим в браке), *почти работающим* (трудоустроенным), *почти совершеннолетним* и т.д. Однако в речевом обиходе встречаются выражения *почти женат*, *немного женат* или *он самый неженатый из нас*. Между тем, эти, как правило, иронические высказывания предполагают скорее не градацию данной категории, но вероятность скорой смены социального статуса субъекта (*он скоро женится/разведется*), либо сложность оценки отношений субъектов (*живут вместе без регистрации брака*), либо особенности психологии субъекта, если он, например, убежденный холостяк. В этом случае указание на наличие меры и степени признаков внутренне градуированной категории свидетельствует лишь об интенции говорящего выразить собственную оценку того или иного факта. Показательно в этом смысле ироническое высказывание *почти беременна*, хотя с медицинской и юридической точек зрения беременной можно быть или не быть.

Еще одним примером сложности интерпретации градуированности изучаемых феноменов является категория БЫТИЕ / СУЩЕСТВОВАНИЕ. Конечно, в русском языке существуют единицы *полумертвый*, *едва живой*, *ни жив ни мертв*... Однако и данные обороты речи вряд ли предполагают градацию, вероятнее всего, они выражают особое состояние здоровья, внешний вид субъекта или его физическую форму. Они указывают на возможную угрозу жизни, возможное скорое наступление смерти, отсутствие некоторых признаков жизни и т.д. Эти выражения свидетельствуют скорее о градуированности категории ЗДОРОВЬЕ, но не самой категории БЫТИЕ / СУЩЕСТВОВАНИЕ. Так, например, после сражения всех даже очень тяжело раненых отнесут к живым, а не к мертвым, хотя их могут назвать *умирающими* или *полумертвыми*. Таким образом, вряд ли категорию БЫТИЕ можно назвать градуированной. Следовательно, можно утверждать, что некоторые идеальные категории не могут предполагать внутренней градации (ЗАКОННОСТЬ, ЖЕНАТЫЙ, БЕРЕМЕННОСТЬ, СУЩЕСТВОВАНИЕ).

Конкретные категории делятся на *объективно существующие*, имеющие в большей степени онтологическую природу (ВРЕМЕНА ГОДА, ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ, ВРЕМЯ СУТОК), и *артефактные*, зависящие от объектного мира, создаваемого человеком (МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ, БЫТОВАЯ ТЕХНИКА и под.).

Вероятно, не все категории легко причислить к той или иной группе. Например, ОВОЩИ и ФРУКТЫ являются такими категориями, которые соотносятся и с онтологически существующими явлениями природы, и с сознанием человека, который не всегда может провести четкую границу между этими категориями. Более того, человек постоянно вмешивается в природу этих явлений, разрабатывая новые технологии и создавая новые образцы. Так появляются гибридные сорта овощей или фруктов: *грейпфрут* (гибрид помело и апельсина), *нэши* (гибрид яблока и груши) и др.

Иным параметром классификации является специфика членов категории. На этом основании категории делятся на **собираательные** (ХИМИЧЕСКИЕ ВЕЩЕСТВА, ТРАНСПОРТ, ФРУКТЫ, ОВОЩИ, ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ, ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ, МЕБЕЛЬ, ОДЕЖДА, ОБУВЬ, ОРУЖИЕ, ЛЕКАРСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА, НАПИТКИ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУХНИ, НАСЕКОМЫЕ, ЖИВОТНЫЕ, РАСТЕНИЯ и др.) и **таксономические** (термин А. Вежбицкой [Вежбицка 1996а]), ср.: ЦВЕТЫ, ДЕРЕВЬЯ, ЯГОДЫ, ОРЕХИ, ЗВЕРИ и др. (при этом между собой таксономические и собираательные могут находиться в иерархической зависимости).

Отличить таксономические и собираательные категории можно по семантическому и грамматическому критериям. А. Вежбицка рассматривает два типа понятий – ПТИЦА и МЕБЕЛЬ – и отмечает, что «существуют грамматические (а также семантические) свидетельства того, что эти два слова воплощают совершенно разные типы понятий. *Птица* – таксономическое понятие, соотносимое с определенным «типом живых существ». Но *мебель* никоим образом не таксономическое понятие: это собираательное понятие, которое соотносится с разнородной совокупностью предметов различных типов. Нельзя сказать *три мебели*, но можно – *три птицы*; нельзя представить себе или изобразить экземпляр мебели вообще, но можно изобразить птицу вообще» [Вежбицка 1996а]. С этим трудно не согласиться: если мы говорим *три птицы*, мы предполагаем либо три птицы одного вида, либо три любые птицы, птицы вообще. Если мы допустим, например, выражение *три фрукта*, то мы будем предполагать именно три вида фруктов, например: *яблоко, апельсин и банан*, иначе мы бы сказали конкретно: *три апельсина, три яблока...*

Можно указать, по крайней мере, еще один грамматический признак, дифференцирующий категории. Это способность или неспособность к образованию дериватов с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов. Имена таксономических категорий это допускают (ср.: *птичка, ягодка, цветочек, деревце* и др.), наименования

собирабельных и идеальных категорий этого не допускают (ненормативно: *фруктик, одеждочка, интеллектик* и т.д.). Кроме того, наименования идеальных категорий чаще не имеют форм множественного числа (ДУХОВНОСТЬ, ПРАВСТВЕННОСТЬ, РЕЛИГИОЗНОСТЬ, СПОРТ, ИНФОРМАЦИЯ, БЫТИЕ, ЗДОРОВЬЕ).

Собственно языковые факты: 1) *птица, ягода, цветы* или *деревья* с семантической точки зрения представляют собой виды одного существа, в то время как *мебель, одежда, посуда, бытовая техника* и под. обозначают предметы различных видов, и 2) первую группу представляют счетные существительные (*три птицы, три ягодки, три цветка*), а вторую – несчетные (например, невозможно **три мебели, три одежды, три транспорта*) – не случайны, эти факты «отражают и фиксируют это различие в сфере концептуализации» [Вежбицка 1996а].

Интересно, что некоторые таксономические категории могут обладать **потенциалом собирабельности**. Например, таксономическая категория ПТИЦА может превращаться в собирательную, если слово *птица* используется в значении ‘объект разведения или продукт питания’ (ср.: *домашняя птица, мороженая птица* или *Птица* как название отдела в магазине продуктов). Здесь *птица* – понятие собирабельное, которое предполагает совокупность предметов (индюшку, курицу, утку и др.). То же касается категории ЯГОДА. В тексте известной песни *Чорнявая дівчина в саду ягоду брала* слово *ягода* используется в собирательном значении как обозначение любой садовой ягоды: и малины, и смородины, и клубники... Наименования категорий, не имеющих потенциала собирабельности, в таких случаях предполагают чистое значение множественности, что оформляется соответствующими грамматическими средствами – окончаниями: ср. АВТОМОБИЛИ, ДЕРЕВЬЯ, ЦВЕТЫ и под.

Идеальные (абстрактные) и конкретные (вещественные) категории различаются также **по признаку устойчивости vs. изменчивости аксиологической составляющей категории**. Некоторые абстрактные категории зависимы от идеологии, господствующей в обществе в тот или иной исторический период. Так, категория ИНТЕЛЛЕКТ, оставаясь всегда актуальной для человеческого сознания, с течением времени претерпевала серьезные изменения в плане содержания и оценочности. Эта категория антиномична: с одной стороны, она константна как абстрактная категория, связанная с духовной жизнью человечества; с другой стороны, изменчива в плане аксиологии, т.е. зависима от мировоззрения общества в тот или иной период исторического развития. Очевидно, что вещественные категории, хотя и подвержены существенным структурным изменениям, обусловленным временем, однако

они значительно менее зависимы от идеологии, в большей степени они подчиняются законам научно-технического прогресса, но, в целом, аксиологические компоненты в структуре категорий остаются неизменными.

Итак, на основании вышеизложенного классификацию видов категорий можно представить таким образом:

1. Структурная классификация: а) в зависимости от наличия или отсутствия строгого набора существенных признаков, определяющих членство категорий, последние могут быть *категориями с четкими и с нечеткими границами*; б) в зависимости от степени открытости или закрытости для вхождения новых членов в структуру категорий можно выделить *категории с открытой и закрытой структурой*; в) в зависимости от плотности структуры и наличия плотного ядра в структуре категории выделяются *категории с плотной структурой (плотным ядром)* и *категории с рассеянной структурой*.

2. Структурно-семантическая классификация: а) в зависимости от специфики смысловых отношений членов внутри категории выделяются *категории, допускающие и не допускающие противоположности*; б) в зависимости от типа градации (онтологической или психологической) выделяются *категории с градацией внутренней и внешней (градация членства)*.

3. Семанτικο-грамматическая классификация: а) в зависимости от наличия или отсутствия соотнесенности с объектами реального мира категории делятся на *идеальные и конкретные*; б) по семанτικο-грамматическим показателям (синтагматические связи, способность к деривации и т.п.) категории делятся на *собираательные и таксономические*.

4. Аксиологическая классификация: в зависимости от господствующей идеологии категории могут меняться в отношении оценочной составляющей (*переменные категории*), но могут и оставаться относительно устойчивыми (*постоянные категории*).

Выводы по первой главе

Проблемы изучения языковой категоризации решаются в русле традиционного в отечественной лингвистике подхода к рассмотрению взаимосвязи языка и мышления. На формирование картины мира (в т.ч. категориальных структур) в сознании человека влияют многочисленные факторы: объективные (система ценностей, господствующая в ту или иную эпоху, особенности социального и научно-

технологического развития и др.) и субъективные (место жительства субъекта познания, историко-культурные традиции, в которых воспитан индивидум, род деятельности человека (или социума), фоновые знания, житейский опыт и т.д.). Немаловажную роль в формировании категориальных и концептуальных структур человеческого сознания играет язык, носителем которого является субъект. Языковые категории, заложенные в национальном языке, в определенной степени задают параметры постижения мира человеческим сознанием.

В настоящее время существует множество подходов к изучению языкового сознания (лингвокогнитивный и психолингвистический, культурологический и лингвокультурный и др.), что отнюдь не способствует формированию единой терминологической системы в данном вопросе. В первой главе данного исследования определена сущность и установлены границы некоторых базовых понятий лингвокогнитологии: *языковое знание, языковое сознание, языковое мышление, языковая картина мира* и др.; установлено положение о множественности формирующихся в коллективном языковом сознании *вариантов и вариаций языковой картины мира*. В данной части исследования подчеркивается, что в основе дифференциации вариантов языковой картины мира лежит тип лингвокогнитивной категоризации (научная, профессиональная, наивная категоризация). Специфика типа лингвокогнитивной категоризации определяется целым рядом параметров, среди которых наиболее важными являются следующие: сфера человеческого знания, специфика субъекта познания, набор существенных признаков категоризации, особенности вербальной репрезентации категориального знания. Таким образом, под *лингвокогнитивной категоризацией* в данном исследовании понимается специфический для каждого варианта языковой картины мира процесс вербализованного упорядочения знаний и представлений о реальном (ирреальном) мире, обусловленный особенностями субъекта и объекта познания, типом лингвокогнитивной категоризации, а также набором существенных признаков категоризации

В первой главе также освещены исторические и теоретические аспекты рассмотрения категорий языкового сознания; отражено существующее в отечественной и зарубежной лингвистике многообразие концепций изучения лингвокогнитивных механизмов формирования картины мира в человеческом сознании; предложена структурная, структурно-семантическая, семантико-грамматическая и аксиологическая классификации видов категорий языкового сознания.

Глава II. Методологические основы изучения лингвокогнитивной категоризации

2.1. Методологические принципы изучения лингвокогнитивной категоризации действительности.

В настоящее время учеными уже сформулированы **постулаты** и **общие принципы когнитивной лингвистики** как научного направления [см. работы Баранов, Добровольский 1997; Болдырев 2004, 2008, 2013; Кибрик 1983, 1992 и др.]. Следует оговориться, что в методологии науки термины *постулат* и *принцип* разграничиваются. Отличаются эти понятия как минимум двумя признаками: во-первых, областью, или широтой, научного применения (т.е. степенью универсальности); во-вторых, степенью доказанности, экспериментальной обоснованности. **Постулаты** являются такими теоретическими «положениями-предположениями», которые условно принимаются как неоспоримые и не нуждающиеся в доказательстве, т.е. такие фундаментальные положения, которые принимаются за основу целой теории или даже целого направления в науке. Так, автор «Философского словаря» И.Т. Фролов понимает *постулат* как «утверждение некоторой научной теории, принятое в ней в качестве исходного, недоказуемого в ее рамках», и подчеркивает, что в современной логике и методологии науки это понятие часто отождествляется с понятием *аксиома* [Философский словарь 2001: 353].

По словам Т.Г. Скребцовой, ученые, стоявшие у истоков когнитивной лингвистики, провозгласили основным постулатом данной науки связь языка и когниции [Скребцова 2011: 8]. При этом «когниция охватывает в совокупности процесс достижения знания (т. е. познание) и его результат (т. е. знание)» [Кубрякова 1994: 35]. По мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, когнитивная лингвистика базируется на нескольких постулатах, среди которых: 1) постулат о примате когнитивного; 2) постулат о нерелевантности противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания; 3) постулат о тенденции к экономии усилий; 4) постулат о множественности воплощения когнитивных структур в языке; 5) постулат о неоднородности плана содержания языкового выражения; 6) постулат о множественности семантического описания; 7) постулат о значимости нестандартных употреблений» [Баранов, Добровольский 1997: 11].

Не менее важны для теоретико-методологического обоснования научных исследований т.н. *принципы*, т.е. такие теоретические поло-

жения, которые нуждаются в обосновании и должны быть доказаны экспериментальным путем. Только после убедительного обоснования принципы могут быть приняты как безапелляционная основа для дальнейших научных изысканий, но и они в результате новых экспериментов могут быть подвергнуты корректировке. По области применения принципы могут быть общенаучными (универсальными) и специализированными, т.е. актуальными либо для определенных научных областей (философские принципы, принципы психологических исследований и т.д.), либо для конкретных научных теорий (принципы филологического анализа, принципы языковой категоризации и т.д.).

Среди фундаментальных принципов когнитивной лингвистики Н.Н. Болдыревым отмечаются следующие:

1) **принцип антропоцентризма** (признание ведущей роли человека в организации и использовании языка);

2) **междисциплинарный характер исследования** (использование достижений различных наук при изучении языка с когнитивных позиций);

3) **понимание языка как когнитивной способности** наряду с другими когнитивными способностями человека;

4) **многоуровневость значений языковых единиц** (рассмотрение языка в когнитивном контексте);

5) **уровневый характер процессов языковой концептуализации и категоризации** [Болдырев 2004: 23 – 24; Болдырев 2013: 7 – 8];

6) **принцип структурно-функциональной целостности** (рассмотрение языка и речи как единого объекта изучения в когнитивной лингвистике) [Болдырев 2008: 11].

Е.С. Кубрякова во главу угла ставит **принцип равноправия двух основных функций языка – когнитивной и коммуникативной**, которые обобщаются в когнитивно-дискурсивных исследованиях [Кубрякова 2009б: 13]. Н.А. Беседина вслед за Е.С. Кубряковой поясняет: «При акценте на когнитивную составляющую речь идет о содержании и значении языковых явлений; при акценте на дискурсивную – о способе подачи и распределения информации по «поверхности» рассматриваемых единиц (от слов до дискурса)» [Беседина 2010: 33].

Помимо принципов **антропоцентричности, междисциплинарности и когнитивно-дискурсивного подхода к изучению языка**, Н.А. Беседина выделяет **принцип многофакторности и системности**, понимая под этим описание языкового явления как коммуникативно-когнитивной единицы и как элемента более высоких систем, частью которых является язык; **принцип концептуального единства языка и речи; принцип разграничения концептуального и семанти-**

ческого уровня, предполагающий дифференциацию неязыкового уровня концептуальной репрезентации и уровня языковой репрезентации, что подчеркивает различие языковой и концептуальной картин мира [Беседина 2010: 33 – 35].

Т.Г. Скребцова сформулировала десять фундаментальных принципов когнитивной лингвистики, среди которых обозначила:

1) **холистический подход** к интерпретации языковой способности и процессов восприятия и порождения текста человеком (т.е. осознание их целостной взаимосвязи);

2) **принцип осмысления языковой способности как проявления общих когнитивных механизмов**, что позволяет через язык изучать особенности мышления и познавательные процессы человека;

3) **принцип органической взаимосвязи языкового знания и психики человека**;

4) **антропоцентрический принцип**;

5) **принцип признания центральной роли физического опыта взаимодействия человека с окружающим миром в организации его понятийной системы**;

6) **принцип учета субъективных факторов**, влияющих на когнитивные процессы;

7) **принцип изучения языка в его функционировании**;

8) **принцип сосредоточенности на изучении языковых значений** (семантике языка), являющихся связующим звеном между языком и когницией;

9) **принцип экспланаторности**, т.е. установка не на описание, но на объяснение языковых реалий;

10) **принцип открытости** когнитивной лингвистики по отношению к различным областям знаний [Скребцова 2011: 26 – 29].

Перечисленные принципы являются общетеоретическими для лингвокогнитологии, они лежат в основе любого исследования, которое имеет целью изучение взаимообусловленности языковых структур и когнитивных процессов, происходящих в сознании человека. Однако в зависимости от специфики направления, теории, методики лингвокогнитивного исследования учеными разрабатываются более частные методологические принципы, на которых эти исследования базируются. Для изучения категоризации действительности в русском языковом сознании соответственно актуальны принципы теории языковой категоризации. Опыт формулировки таких принципов в теории лингвокогнитологии существует. Так, К.М. Абишева считает целесообразным выделять пять принципов языковой категоризации [Абишева 2013 : 21 – 30]:

1) **принцип прототипичности**, сформулированный Э. Рош [Rosh 1978] и предполагающий выделение в структуре естественных категорий лучших представителей – прототипов, обладающих наибольшим числом типичных для данной категории существенных признаков;

2) **принцип нестрогости категоризации**, предполагающий «подключение новых членов к категории не благодаря буквальному повторению у объекта познания характеристик, свойственных остальным членам, но благодаря повторению части этих характеристик» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 43] (эта идея, проиллюстрированная разными примерами, ранее высказывалась Л. Витгенштейном при описании теории «фамильного сходства» [Витгенштейн, электронный ресурс] и обосновывалась Э. Рош [Rosh 1973, 1975a, 1975b, 1978], Дж. Лакоффом [Lakoff 1987] и др. учеными);

3) **принцип множественности и разнородности оснований категоризации**, предполагающий учет разнообразных человеческих когний и признание индивидуализированного характера категоризации;

4) **принцип континуальности**, т.е. цельности физического тела в пространственных границах;

5) **принцип градуированности**, реализующийся в наличии родовых отношений, в которые вступают члены одной категории [Абишева 2013: 23 – 27]. В данном исследовании методологические принципы, отмеченные специалистами ранее, уточняются и дополняются такими принципами, которые актуальны для изучения лексической категоризации.

В данном исследовании предлагается **система методологических принципов изучения лингвокогнитивной категоризации**, которая включает принцип прототипичности; принцип «фамильного сходства»; принцип континуально-когнитивной относительности; принцип контекстно-когнитивной детерминированности; принцип пересекаемости категориальных структур; принцип вариативности категориальных структур в личностном, социальном и национальном лингвоментальном сознании; принцип корреляции онтологической и лингвоментальной природы категории; принцип статичности или динамичности категориальных структур; принцип иерархичности и градуированности.

1. Принцип прототипичности был разработан в трудах Элеоноры Рош [Rosch 1973, 1978, 1983], Дж. Лакоффа [Lakoff 1987], Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay 1969; Kay et al., 1997; Kay, 1999]. В основе данного принципа лежит выявление лучшего образца и его противопоставление худшим представителям категорий. Важно отметить, что данные формулировки охватывают лишь крайние точки

структуры категорий. При таком рассмотрении не прослеживается специфика всей структуры категории, не обнаруживаются особенности плотности категории (характеристика по численности). Выявление лишь крайних точек (лучших и худших образцов), актуальных для каждой отдельно взятой категории, не позволяет увидеть закономерности структурирования категорий в сопоставлении. Эту проблему во многом решает разработанная здесь более дробная уровневая классификация степеней типичности, выявляемая по принципу частотности на основании опросов носителей языка. Так, в структуре категории могут быть выявлены образцы **пяти степеней типичности**:

1) **сверхтипичные** (образцовые, идеальные) члены категории, обладающие высокой степенью типичности, обычно называемые при опросах более 80 % респондентов;

2) **типичные** члены категории, которые можно распределить по двум подгруппам:

- высокочастотные, упоминаемые 60 % – 80 % информантов и

- среднечастотные, упоминаемые 30 % – 60 % респондентов;

3) **малотипичные**, называемые 10 % – 30 % опрошенных;

4) **нетипичные** члены категории, которые обычно отмечает 5 % – 10 % респондентов;

5) **сверхнетипичные** члены категории, называемые менее чем 5% участников анкетирования.

Единый подход к распределению членов категорий в соответствии со степенями типичности позволяет увидеть разницу в структурно-содержательной организации сопоставляемых лингвокогнитивных категорий, отражающую многообразные способы постижения человеческим сознанием разных фрагментов онтологического мира.

В отношении принципа прототипичности следует сделать еще одно замечание. Некоторые отечественные ученые указывают на сходство данного принципа с «работающим в лингвистике со времен Пражского лингвистического кружка принципа инвариативности / вариативности» и с принципом полевой организации языковых систем разного уровня [см. подробнее: Абрамян 2009; Бондарко 2004].

Как было указано выше со ссылкой на утверждение Н.Н. Болдырева о разном статусе прототипа и инварианта, эти понятия (*прототип* и *инвариант*) нельзя поностью отождествлять. Однако некоторые ученые рассматривают явление прототипичности сквозь призму оппозиции вариантивности vs. инвариантности. При этом под прототипом понимается «наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических

признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты и (во многих случаях) наиболее высокой степенью регулярностью функционирования» [Бондарко 2004: 188].

С точки зрения полевого подхода, который в лингвистике нередко применяют к изучению единиц разных уровней языковой структуры (морфологии, словообразованию, лексике, синтаксису) [Павлов 1996; 1998; 2001], прототипические элементы категорий будут представлять собой ядерный уровень полевой организации, нетипичные представители категории будут относиться к периферийному уровню [см. подробнее: Абрамян 2009: 30 – 31].

2. **Принцип «фамильного сходства»**, определяющий членство категорий, был сформулирован Людвигом Витгенштейном и развит в трудах Элеоноры Рош и Кэролин Мервис [Rosch 1978; Rosch, Mervis 1975; Rosch et al. 1976]. Сущность этого принципа, заключается в следующем: члены категории объединяются в одну группу не на основании строгого и единообразного для всех набора категориальных признаков, но на основании разнообразного переплетения признаков у разных членов категории.

3. **Принцип континуально-когнитивной относительности** заключается в наличии нередко существенного отличия лингвокогнитивных структур (членства, структуры, границ лингвокогнитивных категорий) в разных сферах человеческого знания – научной (ботанической, агрономической, кулинарной и т.д.), торговой (в т.ч. таможенной) и наивной (бытовой), что позволяет утверждать идею о различных *вариантах* и *вариациях языковой картины мира*.

4. **Принцип контекстно-когнитивной детерминированности** (принцип сформулирован с опорой на термин Н.Н. Болдырева *когнитивный контекст* [Болдырев 2014б]) предполагает взаимообусловленную зависимость трех составляющих процесса категоризации: 1) тип лингвокогнитивной категоризации (тот или иной вариант и/или вариация языковой картины мира); 2) существенные признаки лингвокогнитивной категоризации; 3) структура (членство) и границы категории. Тип лингвокогнитивной категоризации и актуальные для него существенные признаки определяют членство, особенности структуры и границы категории. В разных вариантах и вариациях языковой картины мира структуры категорий (то есть набор членов) различаются. Это обусловлено тем, что в разных сферах и даже науках, имеющих один предмет изучения, существуют разные основания для категоризации, разные способы получения информации, выделяются разные существенные признаки для классификационного рубрицирования объектов реального мира.

5. Принцип пересеканности категориальных структур обнажает возможность отнесения одного и того же объекта действительности (реальной или воображаемой) к разным категориям. Очевидно, что, например, электросковорода, может в человеческом сознании одновременно относиться и к категории ПОСУДА, и к категории ЭЛЕКТРОПРИБОРЫ (или БЫТОВАЯ ТЕХНИКА).

6. Принцип статичности vs. динамичности категориальных структур основывается на признаке возможности – невозможности их динамического развития. Статические категории являются по типу своей структурной организации закрытыми, они не предполагают включения новых членов (ср.: категории ВРЕМЕНА ГОДА, МЕСЯЦЫ ГОДА, ДНИ НЕДЕЛИ, ВРЕМЯ СУТОК; ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА; ЦВЕТА СПЕКТРА и под.). Динамические категории, или категории с открытой структурой, под влиянием внешних факторов способны изменять свою структуру. При этом члены внутри одной категории могут менять свой статус и переходить из разряда наиболее типичных в разряд наименее типичных и наоборот. Например, посудомоечная машина и компьютер еще пару десятилетий назад воспринимались обывателями как крупногабаритные, практически «производственные» агрегаты (посудомоечные машины устанавливались в учреждениях общественного питания, вычислительные машины занимали объемные пространства в исследовательских институтах). В настоящее время эти образцы стали типичными в структуре категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА. Обратный процесс (член категории являлся наиболее ярким представителем категории, но со временем перешел в разряд нетипичных образцов) можно наблюдать на примере категории ОВОЩИ: в сознании русских людей допетровских времен «лучшим» образцом данной категории была репа, сегодня для большинства носителей русского языка это далеко не самый яркий образец категории ОВОЩИ.

Существуют и иные механизмы изменения структур лингвокогнитивных категорий под влиянием внешних факторов: члены некоторых категорий могут полностью переходить в структуру иных категорий, либо одновременно становиться членом разных (смежных) категорий (см. п. 5). Так, для многих современных носителей языка чайник, пароварка, фритюрница и некоторые другие предметы бытовой утвари практически перестали быть членами категории ПОСУДА, стали типичными представителями категории ЭЛЕКТРОПРИБОРЫ, или БЫТОВАЯ (КУХОННАЯ) ТЕХНИКА.

7. Принцип вариативности категориальных структур в личном, социальном и национальном лингвоментальном сознании предполагает признание значительного влияния человека на процесс

категоризации. Специфика лингвокогнитивной категоризации во многом зависит от разного рода субъективных факторов: места жительства и индивидуального опыта субъекта(-ов) категоризации, социально-культурных и исторических условий, в которых протекает процесс категоризации и т.п. Например, на формирование категорий может оказывать влияние гендерный фактор. В структуре категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА (субкатегория «ПРИБОРЫ ЛИЧНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ») наиболее типичными образцами для мужчин является электробритва, для женщин – щипцы для завивки волос, фен, электробигуди и под.

Очевидно, что не менее важную роль при формировании категорий играет профессиональная принадлежность человека. Так, мастер швейного дела, профессионал (здесь может быть не важен даже гендерный аспект), обязательно при перечислении бытовых приборов назовет швейную машину (для него это типичный представитель категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА), в то время как женщина, не увлекающаяся шитьем, о ней и не вспомнит (для нее швейная машина – нетипичный образец категории).

Признание значительной роли человеческого фактора при формировании когнитивных структур не исключает также наличие онтологической природы некоторых категорий. Из этого положения вытекает следующий принцип.

8. Принцип корреляции онтологической и лингвоментальной природы категории указывает на различное соотношение лингвоментальной и онтологической природы категории, которое нередко зависит от типа лингвокогнитивной категоризации и вида самой категории. Например, категории ВРЕМЕНА ГОДА или ЧАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА имеют преимущественно онтологическую природу, а значит – более устойчивую структуру и более четкие границы категории. Соответственно категория ДУХОВНОСТЬ имеет в большей степени субъективную природу, что обуславливает размытость границ данной категории, например, в отношении обязательности – необязательности включения в ее структуру концептов *религия, образование* и т.п.

9. Принцип иерархичности реализуется в явлении субкатегоризации, под которой понимается разделение категории на частные категориальные области, объединяющие члены по одному из существенных признаков. Этот принцип – выявления родо-видовых отношений – К.М. Абишева определила как принцип градуированности [Абишева 2013: 27], что вряд ли соответствует устоявшимся в науке представлениям о той градуированности, о которой говорили Э.Рош, Дж. Лакофф и др. Исследователи указывали на наличие градации членства как на

отличительный признак некоторых категорий. Это, по их мнению, предполагало разную степень интенсивности проявления категориального признака у представителей одной категории. Так, огурец для носителя русского языка более овощ, нежели, например, авокадо. Поэтому целесообразно разграничить принцип иерархичности и принцип градуированности. При этом под иерархичностью следует понимать собственно таксономию, которая может выражаться, например, в явлении лингвокогнитивной субкатегоризации (*субкатегоризация* – членение категории на частные категориальные области, объединяющие члены по одному из существенных признаков, см. об этом подробнее: Глава IV. п.4.5. настоящего исследования).

10. **Принцип градуированности** реализуется в наличии у категорий внутренней и внешней градации. Рассуждая о наличии лучших и худших образцов в структуре категорий с нечеткими границами, когнитологи отстаивают идею о градуированной структуре таких категорий. Дж. Лакофф подчеркивает: «По крайней мере, некоторые категории не имеют четких границ и принадлежность к ним выражается не абсолютно, а градуально» [Lakoff 1987: 12].

Следует уточнить, что здесь речь идет, по словам Дж. Лакоффа, о градации членства, или внешней градации, которая имеет исключительно психологическую основу (зависит от жизненного, социально-культурного опыта индивидуума, его фоновых знаний и т.п.). Однако существуют и категории с внутренней градацией, которая в большей степени обусловлена самой онтологической природой категории. Такие категории чаще идеальны, они предполагают градацию по качественному признаку.

Внутренней градацией обладает, например, категория ИНТЕЛЛЕКТ. В русском языке признак интеллектуальной градуированности прослеживается на всех языковых уровнях: семантическом (градация реализуется на уровне значений: *тупой – глупый – неразумный – разумный – толковый – образованный – способный – умный – мудрый*); словообразовательном (ср.: *туповатый, глуповатый, недоумок, умный-преумный* и др.); морфологическом (ср.: *более/менее умный, более/менее разумный, более/менее глупый; мудрейший, глупейший* и под.); лексико-фразеологическом (ср.: *шариков не хватает, выше своей головы не прыгнешь, мудрый яко змий*); синтаксическом (ср.: *Более мудрого человека я не знаю...; Что за дурь (чушь)?!;...до того умен, что...*). Таким образом, внутренняя градация предполагает изменение интенсивности проявления категориального признака, что часто отражается в грамматических и лексических категориях языка.

Внешняя градация, или градация членства, предполагает наличие лучших и худших образцов в структуре категории, выявляемых на основании более и менее четкой выраженности существенных признаков у каждого из членов.

Указанные принципы лексической категоризации представляют теоретико-методологическую базу для аналитического описания широкого круга лексических категорий: выявления закономерности их структурной организации, определения специфики взаимовлияния разных категориальных структур, характеристики лингвокультурной обусловленности структуры категорий, выделения разных типов лексических категорий.

2.2. Современные методы анализа языкового сознания. Методика изучения лингвокогнитивной категоризации в русском языковом сознании.

За несколько десятилетий существования лингвокогнитологии были разработаны разные методы исследования, среди которых наиболее актуальны следующие.

Метод прототипического анализа. Сущность метода заключается в выявлении на материале опросов носителей языка наиболее и наименее типичных образцов категорий с учетом актуальных для данной категории существенных признаков. Автор теории прототипов Э. Рош на основании многочисленных экспериментов с испытуемыми пришла к выводу, что члены одной категории не являются равноправными, среди них выделяются «лучшие» и «худшие» примеры [Rosch 1973; 1975a; 1975b].

Серьезный вклад в развитие прототипического подхода к изучению языка и мышления, по словам Дж. Лакоффа, внесли Дж. Остин, Лотфи Заде, Ф. Лонсбери, Б. Берлин, В. Кей, Ш.М. Даниель, Р. Браун, П. Экман, Э. Рош и др. [Лакофф 2004]. Значение прототипических эффектов в формировании когнитивного опыта человека подчеркивали А. Вежбицка [Вежбицка 1996a], У. Лабов [Labov 1972], Дж. Лакофф [Lakoff 1972; 1973; 1977; 1987], Т. Гивон [Givón 1982; 1986], Л. Колеман и П. Кей [Coleman, Kay 1981], М. Монелья [Монелья 1997], Дж. Росс [Ross 1972; 1974; 1975], Б. Тверски [Tversky 1990], Дж. Тэйлор [Taylor 1995], Ф. Унгерер и Х.Дж. Шмид [Ungerer, Schmid 1996], Ч. Филлмор [Fillmore 1975; 1977; 1978], А. Ченки [Ченки 2002] и другие зарубежные исследователи. Среди отечественных специалистов, так или иначе затрагивающих в своих исследованиях теорию

прототипов, следует отметить Р.Р. Айрапетян [Айрапетян 2013], Н.Н. Болдырева [Болдырев 2007б], С.Н. Бредихина [Бредихин 2014а; 2014б], В.З. Демьянкова [Демьянков 1994; 1995; 1996], А.А. Карелину [Карелина 2003], Е.С. Кубрякову [Кубрякова 1997; 2004]; А.П. Лобанова и Н.П. Радчикову [Лобанов, Радчикова 2011], Д.Н. Новикова [Новиков 2010], Л.О. Трушкову [Трушкова 2010], Е.В. Рахилину [Рахилина 2000; 2008] Т.С. Скребцову [Скребцова 2011], О.Ю. Шмелеву [Шмелева 2010], Т.С. Шунтову [Шунтова 2009] и др.

В данном исследовании метод прототипического анализа используется в качестве одного из основных методов, направленных на изучение структурно-смысловых и функционально-прагматических особенностей лексический категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ (субсфера «Продукты растительного происхождения») в разных вариантах и вариациях языковой картины мира.

Метод когнитивно-таксономического анализа представляет собой «систему приемов исследования иерархической организации лингвистических объектов, основанную на... иерархии концептов» [Болдырев 2008: 12]. Следует заметить, что таксономия в лингвистике трактуется как «классификация, представленная в виде иерархически организованной системы лингвистических объектов» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 504].

Метод берет свое начало в теории категорий базисного уровня Э. Рош, отметившей, что в структуре понятийной системы человека категории занимают отнюдь не одинаковые позиции. Категории находятся на разных таксономических уровнях: высшем (суперординатном) – среднем (базисном) – низшем (субординатном) [см. об этом подробнее: Berlin 1992; Lakoff 1987; Rosch 1978; Ungerer, Schmid 1996; Болдырев 2007б: 29 – 30; Кубрякова 1996; Рахилина 2000; Скребцова 2011: 100 – 106]. При этом Э. Рош доказала наличие особого – привилегированного – статуса категорий базисного уровня, которыми в первую очередь и мыслит человек. Категории других уровней в понятийной структуре человеческого сознания играют второстепенную роль, потому что при выборе наименования какого-либо объекта человек из ряда всевозможных имен выбирает то, которое относится именно к базисному уровню. Так, в таксономическом ряду категорий *продукты – продукты растительного происхождения – овощи – баклажан* для работы операционного мышления человеческим сознанием чаще выбирается, разумеется, не понятие *продукт растительного происхождения*, но понятие *овощ*. Для носителя языка привычны выражения: *блюда из овощей, овощной гарнир, как вкусно приготовить овощи,*

купить овощей, но никто никогда не спросит: *Как приготовить рагу из продуктов растительного происхождения?* Носители языка чаще оперируют именно категориями базисного уровня. Однако можно также употребить более конкретное выражение: *приготовить рагу из картофеля, кабачков и капусты*. В этом случае будут задействованы категории субординатного (низшего) уровня, но выбор этих категорий обусловлен лишь конкретной коммуникативной ситуацией, в ситуации обобщенной будут использоваться именно категории базисного уровня. Как правило, категории базисного уровня являются опорной точкой толкования слов определенной тематической группы (в структуре лексического значения слова это категориальная сема; ср.: *Рена – овощ с утолщенным корнем...* [Большой толковый словарь русского языка, электронный ресурс]).

Метод выявления криптоклассных систем (глубинных когнитивных структур) в языковой картине мира. Идея существования скрытых категорий (криптоклассов) в языковой картине мира высказывалась изначально зарубежными учеными (Э. Сэпир, Б.Л. Уорф), а затем развивалась в работах отечественных лингвистов (А.Н. Баранова [Баранов 2001], Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева [Булыгина, Шмелев 1997], С.Д. Кацнельсона [Кацнельсон 2010], Е.В. Падучевой [Падучева 1989], А.А. Потебни [Потебня 1958], Ю.С. Степанова [Степанов 1980] и др.). Наиболее продуктивное развитие теория анализа криптоклассов как структурно-семантической организации языковой картины мира получила в работах представителей Воронежской лингвистической школы О.О. Борискиной и А.А. Кретьова [Борискина, Кретьов 2003]. Под криптоклассом исследователи понимают «скрытую языковую категорию, характеризующуюся тождеством семантического признака составляющих ее слов и проявляющуюся в особенностях лексико-синтаксической сочетаемости» [Борискина, Кретьов 2003: 14 – 15]. Каждый криптокласс и субкриптокласс характеризуется признаком однотипности (т.е. он формируется языком однотипно), что позволяет глаголам, прилагательным и существительным, репрезентирующим тот или иной криптокласс, выступать в качестве классификатора имен. Криптоклассы, по мнению О.О. Борискиной и А.А. Кретьова, также отличаются признаком неоднородности, так как структурно содержат «ядро – моделирующее и периферию – моделируемое» [Борискина, Кретьов 2003: 15]. При этом ядерные единицы – имена-эталоны – обладают «прототипическими категориальными признаками». Эти положения подтверждаются примером криптокласса ВМЕСТИЛИЩЕ, где ядерным – наиболее типичным (моделирующим) – является представление о сосуде (емкости), а периферийным – моделируемым – катего-

ризация воздуха как вместилища (ср.: *воздух наполнен, пуст, открыт* и т.п.).

Данная теория и разработанная уникальная методика выявления потенциальной сочетаемости группируемой криптоклассом лексики позволила исследователям проанализировать криптоклассы первостихий в русском и английском языках. По словам В.Б. Гольдберг, принятое О.О. Борискиной и А.А. Кретовым исследование убеждает, что криптоклассы, во-первых, выполняют функции регуляторов сочетаемости языковых единиц в речи; во-вторых, являются формой существования типов образности в психике человека (ср.: *воздух наполнен...*); в-третьих, представляют собой еще один параметр сравнения языков – сравнение их криптоклассных систем» [Гольдберг 2004б: 115 – 116]. Автор рецензии на монографию О.О. Борискиной и А.А. Кретьева подчеркивает, что метод описания криптоклассных систем позволяет представить полную и достаточно точную картину наших знаний о природе вещей, а также может иметь существенное значение для создания искусственного интеллекта [Гольдберг 2004б: 116].

Методы психолингвистического анализа как инструмент изучения когнитивных процессов в языковом сознании. Одним из распространенных методов исследования языкового сознания (независимо от аспекта его изучения: психолингвистического или лингвокогнитивного) является психолингвистический эксперимент, осуществляемый посредством прямых и косвенных методик. Прямыми методиками считаются такие, «где регистрируемые изменения непосредственно отображают исследуемый феномен» [Леонтьев А.А. 2003: 75]; косвенные методики предполагают фиксацию результатов о психических феноменах посредством анализа физиологических реакций, например, через регистрацию сосудистых реакций испытуемых на какие-либо вербальные импульсы и т.п. [см. подробнее: Леонтьев А.А. 2003: 77 – 76].

Среди разработанных в психолингвистике прямых методов анализа языкового сознания для данного исследования наиболее актуальны следующие: 1) метод вербально-ассоциативного эксперимента; 2) метод семантического шкалирования; 3) метод незавершенных предложений.

Метод вербально-ассоциативного эксперимента был разработан и положен в основу лексикографического описания модели языкового сознания такими учеными, как Ю.Н. Караулов, Ю.С. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.Ф. Уфимцева, Г.А. Черкасова [Русский ассоциативный словарь 1994; Славянский ассоциативный словарь 2004; Черкасова 2008], А.А. Леонтьев [Леонтьев 1977]. Посредством данного метода исследователь «получает информацию о структуре внутреннего лекси-

кона испытуемых, т.е. о тех познавательных процессах, которые лежат в основе ассоциирования» [Леонтьев А.А. 2003: 75; см. подробнее также: Ушакова 2000, 2004].

Методика семантического шкалирования (или «метод семантического дифференциала» Ч. Осгуда [Osgood 1957]») направлена на изучение эмоционального отношения информантов к тем или иным понятиям для определения их смысла. Метод предполагает создание такой экспериментальной ситуации, при которой испытуемые размещают тестируемые объекты (в данном случае – слова) на градуированной шкале в соответствии со своей субъективной оценкой значения предложенных слов.

Метод незавершенных предложений, или метод свободных дефиниций, описанный в работах В. Вундта, Ф. Гальтона, А. Пейна, А. Ронде, Дж. Роттера, Д. Сакса, А. Тендлера, Б. Форера, К. Юнга, А.Р. Лурии и других зарубежных и отечественных исследователей, является видом направленного эксперимента проективного характера. Эксперимент позволяет актуализировать осознаваемые и неосознаваемые мысли, чувства, оценки информантов в отношении каких-либо заданных тем или проблем.

Метод когнитивного моделирования. Разработчиком метода считается Дж. Лакофф, сформулировавший понятие идеализированной когнитивной модели [Lakoff 1987], однако, как замечает сам исследователь, в основу концепции когнитивного моделирования легла теория фреймового анализа семантики [Филлмор 1983], теория метафоры и метонимии Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004], теория когнитивных сфер (областей) Р. Лангакера [Langacker 1991] и теория ментальных пространств Ж. Фоконье [Fauconnier 1994]. Вероятно, можно добавить также теорию ментальных моделей Ф. Джосона-Лэрда [Джонсон-Лэрд 1988]. Все перечисленные теории, как и собственно теория когнитивного моделирования, с одной стороны, предполагают стремление человеческого сознания к организации «концептуальной системы человеческого знания как той базы, на которой мышление протекает» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 57], с другой стороны, основываются на признании «определяющей роли когнитивных контекстов в процессах формирования и понимания языковых значений» [Болдырев 2004: 26], что способствует необходимости привлечения к языковому анализу лингвистических и нелингвистических (энциклопедических) знаний, т.е. признания многоуровневого характера семантики.

Дж. Лакоффом выделяются четыре типа когнитивных моделей: пропозициональные, схематические (образные), метафорические и

метонимические [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 57]. Некоторые из них стали объектом целого ряда лингвистических исследований, нередко сформировавших отдельное научное направление. Значительное место в зарубежной и отечественной лингвистике занимает **теория концептуальной метафоры и когнитивно-метафорического моделирования в разных видах дискурса** [Бикертон 1990; Бирдсли 1990; Блэк 1990; Дэвидсон 1990; Гудмен 1990; Кассирер 1990; МакКормак 1990; Лакофф, Джонсон 2004; Миллер 1990; Ортони 1990; Рикер 1990; Серль 1990; Арутюнова 1990; Будаев 2007б; Калашникова 2006; Телия 1988а, 1988б; Чудинов 2001а, 2006]. А.П. Чудинов отмечает, что «основным способом познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира», а также формой экспликации концептуальных структур является метафора «как проявление аналоговых возможностей человеческого разума» [Чудинов 2008: 143]. Изучая метафорические модели в политическом дискурсе, исследователь резюмировал теорию концептуальной метафоры следующим образом: «В основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате однонаправленной метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры» [Там же: 144]. Формирующаяся и/или существующая схема связи между понятийными сферами называется метафорической моделью. А.П. Чудинов приводит примеры метафорических моделей политической коммуникации: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА, ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ – это ПУТЕШЕСТВИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ – это ДЕНЬГИ [Чудинов 2006]; РОССИЯ – МАТЬ, РОССИЯ – ЦВЕТУЩИЙ САД, РОССИЯ – ДОМ ТОРЖЕСТВА ЗАКОНА И СПРАВЕДЛИВОСТИ, РОССИЯ – ЛЕТАЮЩАЯ ПТИЦА или МЧАЩАЯСЯ ВПЕРЕД ТРОЙКА и др. [Чудинов 2001а].

Компонентами любой метафорической модели, по мнению исследователя, являются 1) исходная понятийная область, 2) новая (моделируемая) понятийная область, 3) фреймы (единица знаний, организуемая вокруг некоего понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия; это своего рода структура данных для представления стереотипной ситуации), 4) типовые слоты (элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации), 5) концепты (составляющие слот

единицы), 6) компоненты, связывающие первичные и метафорические смыслы, 7) дискурсивные характеристики (прагматический и эмотивный потенциал, взаимосвязи модели с существующей политической ситуацией) и т.д. [Чудинов 2006: 130–133]. Методика анализа метафорических моделей изложена в работах А.П. Чудинова и широко применялась в исследованиях представителей его научной школы (Э.В. Будаева, Т.С. Вершининой, М.Б. Шинкаренковой, Е.Г. Кабаченко, А.А. Касловой, Е.В. Колотниной, С.Я. Колтышевой, А.Б. Ряпосовой, О.А. Солоповой, А.М. Стрельникова, Е.В. Шустровой и др.). Среди исследований когнитивных моделей можно также назвать работы Т.Л. Верхотуровой [Верхотурова 2009], О.В. Дехнич [Дехнич 2004], Л.В. Калашниковой [Калашникова 2006], О.Н. Кондратьевой [Кондратьева 2014], М.Н. Конновой [Коннова 2007], Н.А. Мишанкиной [Мишанкина 2013], Ю.А. Соловьевой [Соловьева 2007] и др.

Одним из продуктивных методов описания структуры когнитивных моделей является **метод фреймового анализа**. Впервые термин *фрейм* был использован М. Минским при проведении исследований по искусственному интеллекту [Минский 1979]. По мнению американского ученого, «человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ) ...с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных частей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений и процессов. Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации» [Минский 1979]. Первым, кто применил фреймовый анализ в лингвистике, был Ч. Филлмор. По его убеждению, «теория фреймов представляет собой полезный инструмент лексической семантики, грамматической семантики и семантики текста» [Филлмор 1988: 53]. Исследователь подчеркнул, что фрейм весьма пригоден для удержания вместе целых групп слов на том основании, что «они мотивируются, определяются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта» [Филлмор 1988: 54].

Поскольку фрейм – это «тип когнитивной модели, репрезентирующей знания и мнения, связанные с конкретными, часто повторяющимися ситуациями» [Ungerer, Schmid 1996], его отличает две специфические черты:

1. Фрейм формируется на взаимодействии «семантического пространства языка (языковых значений) и структур знания, мыслительного пространства» [Болдырев 2000а; 2014а: 104]; при этом граница

между языковыми значениями и человеческим опытом нивелируется, иными словами «языковое значение находится в полной зависимости от познавательного опыта человека» [Болдырев 2000а: 37; 2014б].

2. Фрейм является «структурированной единицей, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними» [Болдырев 2000а: 40]. По терминологии М. Минского, фрейм представляет собой некую сеть, состоящую из узлов разных уровней (суперординатного и субординатного) и связей между ними. Узлы верхнего (суперординатного) уровня представляют собой неизменные и четко определенные для типичной ситуации понятия. Узлы нижнего (субординатного) уровня – слоты – заполняются частными данными на основе известной ситуации [см. подробнее: Минский 1979].

Метод фреймового анализа языковых единиц активно используется в самых разных лингвистических областях: коммуникативной лингвистике [Никонова 2006, 2007, 2008]; лингвокультурологии [Бурцева 2013; Буторин 2010 и др.], метафорологии [Чудинов 2001а, 2001б, 2003, 2005; Будаев 2006, 2007а, 2007б; Вершинина 2002; Веснина 2010; Кабаченко 2007; Каслова 2003; Колотнина 2001; Колтышева 2009; Перескокова 2005; Прокопьева 2006; Ряпосова 2002; Солопова 2006; Шустрова [Шустрова 2008] и др.], лингвоконцептологии [Зырянова 2011] и т.д. Метод фреймового анализа широко применяется для описания единиц разных языковых уровней: словообразования [Евсеева 2011; Косырева 2008], лексики и фразеологии [Болдырев 2000а; Болдырев, Гунина 2000; Гончарова 2000; Ромашина 2008; Старостина 2004; Сытникова 2008; Широколобова 2011а, 2011б и др.]. Такую популярность в исследовательских кругах метод фреймового анализа заслужил, по словам С.В. Буторина, благодаря своей универсальности, которая «объясняется тем, что фрейм является максимально обобщенной системой репрезентации различной информации» [Буторин 2010].

Востребованным в современной лингвистике является **метод когнитивно-пропозиционального анализа**. Метод берет начало в логическом направлении языкознания [см. об этом подробнее: Frege 1952], затем проецируется на собственно лингвистический материал [Арутюнова 1991; Залевская 1985; Караулов 1987; Кубрякова 1998; Павиленис 1983, 1986; Панкрац 1992; Филлмор 1981; Чейф 1983 и др.].

Пропозиция является одной из форм репрезентации мира и отношений объектов реальной действительности в сознании человека и представляет собой структуру, которая отражает отношения, характеризующие объекты и события. Сущность пропозициональной структуры кратко охарактеризовал А.С. Кравец: «Пропозиция является элементарным высказыванием, связывающим имя номинации с предика-

том... Субъект высказывания (подлежащее) намечает тему мыслительного акта, тогда как доминанты смысла (то, что хотим сказать о субъекте) разворачивается в предикации. Лишь соединение субъекта с соответствующим предикатом образует законченную мысль, т.е. предложение» [Кравец 2001: 21].

Некоторые ученые считают предикацию главной функцией языка и подчеркивают первостепенную значимость пропозициональных моделей в процессах получения и хранения информации о мире [Anderson, Bower 1973; Norman, Rumelhart 1975], другие указывают на их определенное место среди других форм хранения знания, например, образных и гештальтных [Paivio 1971, 1990; Залевская 1985].

Т.А. ван Дейк и В. Кинч отмечают значимость пропозициональной стратегии как одной из стратегий понимания любого высказывания или текста: «...распознавание слов основывается на лежащей в основе семантической интерпретации, порождающей ожидания о возможных значениях и, следовательно, возможных классах слов и общей синтаксической структуре предложения» [Дейк, Кинч 1988: 166 – 167]. «Так, существительному или местоимению, - поясняют авторы - ... в функции грамматического подлежащего, обозначающему лицо, стратегически приписывается в пропозициональной схеме позиция агенса, даже до завершения анализа остальной части предложения» [Дейк, Кинч 1988: 167].

Метод когнитивно-пропозиционального анализа в современной лингвистике используется при описании естественного и поэтического языка. Так, Л.Г. Бабенко посредством выстраивания и анализа пропозициональных моделей рассматривает концептуальное пространство художественного текста. Исследователь использует теорию пропозиции при анализе концепта *жизнь* в поэзии А.П. Пушкина и концепта *счастье* в рассказах Н. Тэффи [Бабенко 2004: 102–154]. Л.Г. Бабенко предлагает начинать анализ когнитивно-пропозициональных структур текста с изучения контекстов, содержащих предикатные слова одной семантической области, имеющие в тексте концептуальную значимость. Чаще такими предикатными словами, по мнению исследователя, являются глаголы, прилагательные, наречия, а также существительные с предикатной семантикой. Например, рассматривая концепт *жизнь* в творчестве А.С. Пушкина, Л.Г. Бабенко обобщает регулярные лексические репрезентации всех возможных вариаций субъекта *жизни* (ср.: *я, ты, мы, поэт, священник, Сократ, парнасские жрецы, гусары, Гораций, душа, вечная любовь* и т.д.) и всех возможных реализаций сопряженных предикатов (ср.: *Я жить хочу..., Я жить люблю...* и т.д.). Далее анализируются все употребляемые атрибутивные и пред-

катные позиции при имени *жизнь* (ср.: *жить мирно, дружно, согласно, благополучно, в любви; жить мало; жить в кругу чужих...; жить ...для жизни...; жить, чтоб мыслить и страдать*). Пропозициональная структура в данном случае, по мнению ученого, состоит из следующих позиций: субъект – предикат жизни – образ жизни и ее характеристика – цель жизни – временные параметры жизни.

Следующим этапом исследователь предлагает проанализировать образные репрезентанты концепта *жизнь*, отмечая такие метафорические реализации: *жизнь – природная стихия (водная стихия, огонь, погода), жизнь – пространство (пустыня, даль, могила, поле); жизнь – дар; жизнь – текст; жизнь – живое существо, способное перемещаться, обмануть, играть или с которым можно играть; жизнь – сон; жизнь – предмет (предмет, имеющий цену, форму, вкус; предмет, которым можно играть; предмет, который можно спрятать); жизнь – цветок; жизнь – дорога*.

Заключительный этап исследования предполагает выявление отношения лирического субъекта к жизни сквозь призму таких оппозиций: желанность – нежеланность, приятие – неприятие, любовь – нелюбовь, отвращение – восхищение и т.д.

Все отмеченные компоненты Л.Г. Бабенко распределяет по уровням концептуального поля, ядром которого является обобщенная когнитивно-пропозициональная структура. Приядерная зона включает все номинации субъекта и предиката, т.е. когнитивно-пропозициональной структуры; ближайшая периферия поля состоит из образных номинаций концепта; дальнейшая периферия включает субъективно-модальные смыслы концепта. Л.Г. Бабенко подчеркивает обязательный индивидуальный, уникальный характер содержания данного поля, поэтому в произведениях других авторов оно может быть структурировано иначе [Бабенко 2004: 138–154].

Изучение концептов посредством описания когнитивно-пропозициональной структуры актуально также при анализе естественного языка. И.К. Миронова в диссертационной работе «Концепт *еда* в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозициональные структуры и их лексические репрезентации» предприняла успешную попытку проанализировать названный феномен на лексикографическом материале [Миронова 2002].

Теория пропозициональных моделей является методологической основой лексикографической работы. Коллективом авторов (Л.Г. Бабенко, Т.М. Воронина, Ю.В. Казарин, М.Л. Кусова, М.Ю. Мухин, А.М. Плотникова, Е.И. Плотникова, С.В. Плотникова, Т.В. Попова, Т.Н. Сивкова, Д.Р. Шарафутдинов) составлен экспери-

ментальный синтаксический словарь «Русские глагольные предложения» [Экспериментальный синтаксический словарь 2002], в котором систематизированы семантические модели русских глагольных предложений, отражающие все типовые ситуации процессуально-событийного мира. При этом основными единицами описания в словаре являются базовые семантические модели, отображающие определенную типовую ситуацию, и её лексико-семантические варианты. Так, по данным словаря, группа «Предложения, отображающие ситуацию одностороннего движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов» реализует базовую пропозициональную модель: СУБЪЕКТ — ПРЕДИКАТ ОДНОНАПРАВЛЕННОГО ДВИЖЕНИЯ — ИСХОДНЫЙ ПУНКТ — КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ, где предикатами являются следующие единицы: *двигаться, опускаться, передвигаться, перемещаться, подниматься, следовать, спускаться, трогаться*. Типовая семантика предложений, реализующих данную модель, такова: «Человек, группа лиц, живое существо (животное, птица, рыба, насекомое), транспортное средство, предмет движется в каком-либо направлении от одного пункта к другому пункту самостоятельно или под действием какой-либо силы по твердой поверхности, в воздушной или водной среде горизонтально или вертикально» [Экспериментальный синтаксический словарь 2002]. Следует заметить, что предпринятый в словаре подход структурно-семантического описания глагольных предложений в русском языке успешно сочетает метод когнитивно-пропозиционального структурирования с методом прототипического анализа, направленного на выявление типовой (прототипической) семантики, соответствующей определенной модели глагольного предложения.

Метод матричного анализа лингвокогнитивных структур. Данный метод анализа предложил и применил на практическом материале со своими последователями Н.Н. Болдырев [Болдырев 2008; Болдырев, Алпатов 2008, Болдырев, Куликов 2006; Шелховская 2009 и др.]. Под когнитивной матрицей исследователь понимает «систему взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта» [Болдырев 2014а: 58], а под когнитивным контекстом — «структуры знаний, лежащие в основе формирования и интерпретации языковых значений» [Болдырев 2014б: 119] (о специфике формирования понятия когнитивного контекста в зарубежной и отечественной лингвистике см. также [Сазонова, электронный ресурс]). Когнитивная матрица способна охватить все много- и разнообразие репрезентаций концептов, актуальных в разных сферах человеческой деятельности. Автор данного метода приводит примеры: «понятие УПРАВЛЯЮ-

ЩИЙ МЕХАНИЗМ в области корабельного дела именуется термином *штурвал*, в области автомобильного дела – термином *руль*, в технике – *пульт*, в компьютерной сфере – *джойстик*, в сфере общественного и экономического управления – *рычаг* и т.п. ...Одно и то же вещество в быту мы называем солью, в профессиональной сфере – хлоридом натрия...» [Болдырев 2014а]. Процесс осмысления конкретного смыслового элемента в разных когнитивных контекстах и вариативность вербальных репрезентаций одного ментального феномена в зависимости от когнитивного контекста определяют специфику матричного анализа.

Н.Н. Болдырев подчеркивает, что в основе теории матричного анализа лежат научные концепции о т.н. «матрицах доменов» (или концептуальных областях), которые разрабатывали Л. Ленекер [Langacker 1987: 154], У. Крофт и Д.А. Круз [Croft, Cruse 2004], В. Иванс и М. Грин [Evans, Green 2006] и др. Однако автор отечественной концепции отмечает целый ряд отличительных особенностей когнитивной матрицы от образных схем, фреймов, концептуальных полей и им подобных феноменов, описываемых зарубежными исследователями: отсутствие иерархии компонентов в структуре когнитивной матрицы; сложный и интегративный характер компонентов, обусловленный пересечением когнитивных контекстов; варьирование содержания матрицы в пределах от обыденного до экспертного знания; наличие как общих, так и частных вариантов когнитивной матрицы [Болдырев 2014а: 57 – 67].

Развитие теории когнитивно-матричного анализа осуществляется главным образом в аспекте изучения основных лингвокогнитивных механизмов реализации смысла на функциональном уровне. К таким механизмам формирования и репрезентации смыслов относятся профилирование, фокусирование, конкретизация, перспективизация, шкалирование, а также инференция, эвфемизация, концептуальная деривация, концептуальная интеграция, концептуальная метафора и метонимия и др. [Болдырев 2011; Болдырев 2014а: 101 – 103; Фурс, Назарова 2008; Дзюба К.А. 2014 и др.].

Метод концептуального анализа. Данный метод описания лингвоментальных феноменов является, пожалуй, одним из самых разработанных в отечественной лингвистике. Р.М. Фрумкина в общетеоретической работе по вопросам лингвоконцептологии определила, что «заниматься концептуальным анализом синонимично анализировать концепт» [Фрумкина 1992б: 3]. Концепт, как отмечает Е.С. Кубрякова, отражает представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и зна-

ния, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких *квантов* знания...» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 90].

За несколько десятилетий активного развития лингвоконцептологии накопился значительный опыт в области изучения концептов в самых разных аспектах, что объясняет существующее многообразие методик концептуального анализа. Как отмечает М.В. Зацепина, выбор методик описания смысловой структуры концепта остается во многом субъективным и «определяется содержанием, которое вкладывает автор работы в термин концепт, материалом исследования, типом изучаемого концепта» [Зацепина 2006: 24]. В настоящее время наиболее актуальными направлениями лингвоконцептологии являются лингвокультурологическое и когнитивное (в т.ч. когнитивно-семантическое и когнитивно-дискурсивное).

Главным отличием этих двух подходов является признание или непризнание первостепенного значения ценностной (культурно значимой) составляющей концепта, обусловленной спецификой той или иной лингвокультуры. Сугубо как факт культуры концепт рассматривают С.Г. Воркачев [Воркачев 2001, 2004], В.И. Карасик [Карасик 1996; Карасик, Слышкин 2001 и др.], Н.А. Красавский [Красавский 2008], В.А. Маслова [Маслова 2004], Ю.С. Степанов [Степанов 1997]; описание концептов через систему существующих в национальной культуре кодов предлагает М.В. Пименова [Пименова 2006а; 2006б; 2007], Т.В. Леонтьева [Леонтьева 2003], Н.М. Сергеева [Сергеева 2004а, 2004б], А.А. Мишин [Мишин 2007] и др.

Изучение репрезентации концептуальных структур на уровне лексики (семантики) и/или грамматики языка ставят во главу угла Н.Н. Болдырев [Болдырев 2014а], Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2004], З.Д. Попова и И.А. Стернин [Попова, Стернин 2006] и др.

Осмысляя различия когнитивно-семантического и лингвокультурологического подходов к изучению концептов, В.И. Карасик подчеркнул, что когнитологов интересуют общие процессы сохранения и структурирования в индивидуальном сознании информации о мире и самом себе в виде определенных структур представления знаний и оценок. При этом акцент делается на переработке информации от сенсорных сигналов до ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т.п.) в сознании человека. Лингвокультурологов интересуют только те концепты, которые характеризуют специфику культуры как совокупности человеческих достижений во всех сферах человеческой жизни. По мысли исследователя, «когнитивные концепты – это индивидуальные содержательные

ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность. Культурные концепты – это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры» [Карасик 2005: 96]. В одной из своих работ В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин подчеркивают: «Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, выделяемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип), акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит ценностный принцип» [Карасик, Слышкин 2001: 77]. Ученые приводят пример с выделяемыми исследователями-когнитивистами З.Д. Поповой и И.А. Стерниным концептами, обозначающими специалистов по разведению воробьев, носорогов, крыс и т.д., для которых нет языкового обозначения (ср. нет таких лексем: *носороговод* или *крысовод*). Когнитивисты делают вывод, что не все концепты имеют прямые номинации, лингвокультурологи же вовсе будут отрицать наличие таких концептов. В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин пишут: «Для лингвокультурологии концепты *носороговод* и *крысовод* не существуют, но не потому, что для них нет языкового обозначения, а потому, что в сознании носителей языка нет ценностного отношения к подобным феноменам» [Карасик, Слышкин 2001: 77].

Нередко концепт становится объектом когнитивно-дискурсивного анализа. Концепты политического дискурса изучались Л.В. Балашовой [Балашова 2010], В.И. Карасиком [Карасик 2010], М.Д. Невинской [Невинская 2006], И.П. Рябковой [Рябкова 2011а; 2011б; 2014], Л.Н. Синельниковой [Синельникова 2010], Т.Д. Фоминой [Фомина 2006], Е.И. Шейгал [Шейгал 2000] и мн. др. Концепты педагогического дискурса стали предметом диссертационных исследований Е.Г. Кабаченко [Кабаченко 2007], Ю.Ю. Поспеловой [Поспелова 2009], Н.В. Гавриловой [Гаврилова 2007], И.А. Калюжной [Калюжная 2007], И.А. Караваевой [Караваева 2007], Е.Н. Заречневой [Заречнева 2009] и др.

Метод полевой стратификации содержания когнитивных феноменов. Данный метод вряд ли можно назвать собственно когнитивным, скорее это общелингвистический метод, который, однако, оказывается весьма востребованным при наглядном представлении содержательного наполнения лингвокогнитивных единиц (концептов и категорий). Теоретическое обоснование метод полевой стратификации получил в работах Й. Трира [Trier 1931, 1932] и Г. Ипсена [Ipsen 1924;

1932], после чего он широко стал использоваться при описании лексики (см. работы Ф. Дорнзайфа [Dornseiff 1934], Р. Халлига и В. фон Вартбург [Hallig, Wartburg 1952]), морфосемантики [Guiraud 1955], синтагматики [Porzig 1986], грамматики [Гухман 1961] и т.д. В настоящее время этот метод широко применяется для систематизации данных о единицах всех уровней языка [Абрамян 2009; Бондарко 1987; 2002; 2003; 2004; Павлов 1996, 1998, 2001; Уфимцева 1961, 1962; Шафилов 1999; Щур 1974 и др.].

Востребованность метода полевой стратификации в когнитивной лингвистике объясняется тем, что при таком подходе элементы лингвокогнитивных структур рассматриваются не как «ящики» с четкими границами, а как структуры с диффузными переходами между разными уровнями внутренней организации поля [см. об этом подробнее: Daneš 1966]; при этом крайняя граница также не является четко очерченной, что позволяет отобразить интегрированный характер сосуществующих и взаимодействующих феноменов. Так, большинство отечественных ученых, признавая условность данного положения, говорят о полевой организации концепта, в структуре которого выделяются единицы разных уровней, при этом границы этой структуры весьма расплывчаты (см. об этом: Л.Г. Бабенко [Бабенко 2004], В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин [Карасик, Слышкин 2001], И.А. Стернин [Попова, Стернин 2001; 2006], Н.К. Рябцева [Рябцева 1991], Л.О. Бутакова [Бутакова 2005], М.В. Зацепина [Зацепина 2006], Т.Г. Рабенко [Рабенко 2004] и мн. др.).

В виде поля с размытыми границами между уровнями внутренней структуры целесообразно рассматривать разные лингвокогнитивные феномены, которые включают набор когнитивных признаков, располагающихся по степени значимости и смысловой оформленности от центра к периферии. Поле, таким образом, имеет ядерную и приядерную зоны, уровень ближайшей, дальнейшей и крайней периферии. При этом основные (общие, универсальные, наиболее частотные, прототипические и т.п.) когнитивные признаки находятся в центре и составляют ядро; второстепенные (дополнительные, интерпретационные: этно-, социо-, идиоспецифичные, наименее частотные и т.п.) признаки располагаются на периферии. Важно заметить, что полевая структура, изображаемая обычно в плоскости и представленная во многих исследованиях в виде круга, – понятие весьма условное, в действительности структура концепта – это скорее сфера ментальных смыслов, вряд ли имеющая четкие границы. Тем не менее, такое графическое изображение смысловой структуры концепта удобно для представления и ран-

жирования когнитивных признаков, формирующихся как единицы разных уровней ментального обобщения.

Итак, когнитивная лингвистика за несколько десятилетий своего существования выработала значительное число разнообразных методов анализа лингвокогнитивных феноменов, которые, однако, существуют не изолированно относительно друг от друга. Чаше лингвокогнитивные разработки в отношении методов исследования носят интегрированный характер, где методы переплетаются и дополняют друг друга.

Осуществленная здесь инвентаризация современных методов исследования позволяет сформировать специфический комплекс методов изучения лингвокогнитивной категоризации. Данный комплекс включает методы основные, позволяющие достичь главной цели исследования, и вспомогательные (частные), участвующие в решении конкретных (промежуточных) задач. Одним из основных методов – **методом прототипического анализа** – в данной работе выявляются наиболее и наименее типичные образцы рассматриваемых категорий, определяется набор существенных признаков категоризации, актуальных для каждого варианта (вариации) русской языковой картины мира. При этом используются также вспомогательные методы: **метод психолингвистического эксперимента** в разных его трансформациях (метод вербально-ассоциативного эксперимента, метод семантического шкалирования, метод незавершенных предложений) и **метод количественного (статистического) анализа** полученных в ходе опросов результатов.

Метод когнитивно-таксономического анализа (основной) позволяет, с одной стороны, проанализировать внутреннюю иерархическую структуру изучаемых категорий (выявить субкатегории, представляющие собой структурно-содержательные элементы категории), с другой стороны, рассмотреть эти категории как элементы макроединиц, т.е. когнитивных феноменов более высокого уровня организации (макро- или гиперкатегорий, ментальных сфер и субсфер). Данный метод в совокупности с общенаучным – **сопоставительным методом** – также дает возможность определить специфику факторов формирования категорий, их структурно-содержательной организации (членства и границ категорий) в разных вариантах языковой картины мира: научной, профессиональной, наивной. **Метод таксономического описания** также реализуется в предпринятом в данном исследовании построении классификаций изучаемых лингвоментальных феноменов: типов лингвокогнитивной категоризации и видов категорий языкового сознания. **Метод полевой стратификации** (вспомогательный) позво-

ляет наглядно, в графическом виде, представить содержательную организацию категорий, распределяя элементы смысловой структуры по разным уровням (степеням) типичности: от ядерных (прототипических) – к периферийным (наименее типичным) образцам категории.

На основании представленной в работе интерпретации концепции языкового сознания и теории категоризации, в соответствии с изложенными методологическими принципами и с опорой на описанные выше лингвокогнитивные и психолингвистические методы разработана методика анализа лингвокогнитивной категоризации действительности в русском языковом сознании.

Основные этапы изучения процесса лингвокогнитивной категоризации в русском языковом сознании.

Выстроенная и отрабатываемая в данном исследовании методика анализа категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ предполагает следующие аналитические действия (этапы исследования):

1. Анализ классификационного описания структуры (членства) категорий и закономерностей (в частности – существенных признаков) лингвокогнитивной категоризации в разных вариациях научной языковой картины мира (на основании изучения специальной научной литературы по ботанике, агрономии, медицине, фармакогнозии).

2. Изучение существенных признаков лингвокогнитивной категоризации изучаемых феноменов в разных вариациях профессиональной языковой картины мира (производственной и торгово-экономической, в т.ч. таможенной).

3. Анализ лексикографического (дефиниционного) материала, представляющего информацию о структуре рассматриваемых категорий и принципах лингвокогнитивной категоризации в лексикографической картине мира.

4. Проведение психолингвистического эксперимента с целью выявления структуры (членства) категорий и закономерностей (в частности – существенных признаков) лингвокогнитивной категоризации в наивной картине мира.

5. Графическое представление результатов исследования, предъявляющих структуру изучаемых категорий в наивном сознании.

6. Сопоставительный анализ структур рассматриваемых категорий в разных картинах мира.

7. Формулировка выводов:

7.1. Выявление закономерностей процессов познания и лингвокогнитивной категоризации действительности в русском языковом сознании. Определение факторов формирования категорий.

7.2. Определение лингвокультурной специфики лингвокогнитивной категоризации в русском языковом сознании.

7.3. Построение типологии категорий (описание типов лингвокогнитивной категоризации и видов категорий).

Представленная методика позволит выявить структурно-смысловые, функционально-прагматические и этноспецифические особенности категорий лингвоментальной субсферы «Продукты растительного происхождения», однако эта методика также может быть применена при изучении более широкого круга категорий языкового сознания [см. примеры: Дзюба 2015а, 2015б, 2015в].

Выводы по второй главе

В данной главе с опорой на достижения выдающихся исследователей современной лингвокогнитологии были перечислены основные общекогнитивные постулаты и принципы. Было установлено, что при рассмотрении категорий в разных вариантах и вариациях языковой картины мира важно учитывать не только традиционные для когнитивистики методологические **принципы прототипичности** (Э. Рош) и **«фамильного сходства»** (Л. Витгенштейн), но также следующие принципы: **принцип континуально-когнитивной относительности**, заключающийся в наличии нередко существенных отличий когнитивных структур в разных картинах мира; **принцип контекстно-когнитивной детерминированности**, предполагающий взаимообусловленность трех составляющих процесса категоризации: типа лингвокогнитивной категоризации, существенных признаков лингвокогнитивной категоризации, структуры и границ категорий; **принцип нересекаемости категориальных структур**, допускающий возможность отнесения одного и того же объекта действительности к разным категориям; **принцип вариативности категориальных структур в личностном, социальном и национальном лингвоментальном сознании**, обусловленный существенным влиянием человеческого фактора на процессы лингвокогнитивной категоризации; **принцип корреляции онтологической и лингвоментальной природы категории**; **принцип статичности или динамичности категориальных структур**, основанный на признаке возможности / невозможности динамического развития содержательной структуры категорий; **принцип иерархично-**

сти, реализующийся в способности категорий к членению на частные категориальные области (субкатегории), и принцип *градуированности*, предполагающий наличие внутренней и/или внешней градации категорий.

В настоящем разделе также была произведена инвентаризация современных методов лингвокогнитологии с целью создания методологического комплекса, нацеленного на изучение лингвокогнитивной категоризации. Разработанный методологический комплекс включает методы ведущие, или основные, направленные на решение главной цели исследования (*методы прототипического и когнитивно-таксономического анализа*), а также методы вспомогательные, или дополнительные, нацеленные на решение промежуточных задач (*психолингвистические методы, сопоставительный метод, метод количественного анализа, метод полевой стратификации*). В результате формирования теоретико-методологической базы изучения лингвокогнитивной категоризации была разработана методика анализа категорий русского языкового сознания.

Глава III. Категории лингвоментальной субсферы «Продукты растительного происхождения»: специфика научной, профессиональной и наивной категоризации

Данная глава посвящена выявлению специфики формирования и функционирования категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ (лингвоментальная субсфера «Продукты растительного происхождения», сфера «Природа») в разных вариантах и вариациях русской языковой картины мира, а именно: в ботанической, агрономической, торгово-экономической, кулинарной, лексикографической, наивной картинах мира. Лингвоментальные единицы субсферы ПРОДУКТЫ неоднократно становились предметом исследования в работах современных зарубежных и отечественных лингвистов. В аспекте категоризации на материале английского языка в ряду других категорий овощи и фрукты рассматривали Э. Рош [Rosh 1973], Ф. Унгерер и Х.Й. Шмид [Ungerer, Schmid 1996] и др. В отечественной лингвистике известно сопоставительное исследование лексико-семантической группы «Фрукты и овощи» в русском и английском языках Э.Д. Хаустовой [Хаустова 1999]. В более широком контексте как объекты субсферы ЕДА некоторые из рассматриваемых в данном исследовании феномены на материале русского языка изучались И.К. Мироновой [Миронова 2002], на материале русского и польского языков – З.А. Гуловой [Гулова 2013], на материале русского и английского языков – О.Г. Савельевой [Савельева 2006]. Как объект лингвокультурологии данный концепт исследовался в работах Н.С. Марушкиной [Марушкина 2011, 2012, 2014].

В лингвокогнитивном аспекте была также изучена лексическая категория НАПИТКИ. Д.А. Морель Морель на материале экспериментальных данных рассмотрел соотношение онтологической и субъективной природы указанной категории, описал иерархическую структуру категории, подчеркнул гендерную специфику категоризации напитков в сознании носителей русского языка [Морель Морель 2012]. Лексико-семантическое поле сферы ВИНОДЕЛИЕ (наименования винограда и вин) на материале итальянского, испанского и французского языков стало предметом диссертационного исследования К.М. Романовой [Романова 2008]. Лингвоментальные феномены смыслового поля «Еда» привлекали и еще будут привлекать внимание лингвокультурологов, однако в отечественной лингвистике лексико-семантические единицы сферы ПРОДУКТЫ не рассматривались как феномены языкового сознания, они не изучались с точки зрения соотношения научной, профессиональной и наивной категоризации. Кате-

гории ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ не подвергались собственно категориальному описанию, не рассматривалась структура (членство) данных категорий, не были выделены существенные признаки лингвокогнитивной категоризации овощей, фруктов, ягод, злаков и орехов в разных вариантах и вариациях русской языковой картины мира. В данной работе выделяются и описываются структурно-содержательные, функционально-прагматические и этноспецифические особенности лингвокогнитивной категоризации ОВОЩЕЙ, ФРУКТОВ, ЯГОД, ЗЛАКОВ и ОРЕХОВ в ботанической, агрономической (сельскохозяйственной), медицинской (фармакогностической, фармакологической, диетологической), торгово-экономической (в т.ч. таможенной), производственно (кулинарной) и наивной картинах мира.

3.1. Категории лингвоментальной субсферы «Продукты растительного происхождения»: специфика научной категоризации.

Овощи, фрукты, ягоды, злаки и орехи как объекты реального мира подвергаются научному описанию со стороны биологов (специалистов по ботанике), медиков, агрономов. В разных картинах мира, даже если они являются научными, не существует единого мнения в оценке того, к какой категории принадлежит тот или иной продукт растительного происхождения. Структура (членство) категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ и ОРЕХИ в разных научных картинах мира не является единообразной. Это обусловлено в первую очередь тем, что в разных науках, имеющих один предмет изучения, существуют разные основания для лингвокогнитивной категоризации, разные способы получения информации, выделяются разные существенные признаки для классификационного рубрицирования объектов реального мира. При этом **признаки категоризации** трактуются как такие существенные характеристики объекта реального / ирреального мира, которые позволяют причислить познаваемый человеческим сознанием феномен к подобным ему объектам и наделить его общим для объектов данной группы родовым именем (т.е. именем категориальным).

Для биологов, например, не существует деления растений (или их частей) на овощи и фрукты (эти категории не актуальны для ботанической картины мира). То, что в ботанике понимается под терминами *ягода* и *орех*, не соответствует лексическому значению этих слов, употребляемых в кулинарии и бытовой сфере. Иными словами, практически в каждой области человеческого знания существует собствен-

ная концепция лингвокогнитивной категоризации продуктов растительного происхождения.

3.1.1. Категории ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ в научной (ботанической) картине мира.

Для определения категориальной принадлежности того или иного продукта растительного происхождения в ботанической картине мира учитываются по крайней мере два существенных признака: *морфологический* и *систематический*, что обусловлено существованием разных аспектов биологического описания растений, важных для разных разделов ботаники. Морфологические признаки учитываются в структурной ботанике, которая «изучает внешнее строение растений, отдельных органов, их видоизменение в зависимости от окружающей среды, закономерности строения и процессы формирования растений» [Бавтуто, Еремин 1997: 33]. Сведения о морфологии растений актуальны для данной работы необходимостью определения ботанической специфики той части растения, которая используется в хозяйственных целях (в качестве продукта питания): корень (морковь, свекла, петрушка и др.) или клубень (картофель, топинамбур, батат); стебель (ревень, сельдерей) или кора ствола (корица); листья (салат, черемша, щавель, шпинат и др.); цветок или соцветие (цветная капуста, брокколи, каперсы, гвоздика), семя (гранат, какао, мак, подсолнечник, тыква и др.) или зерно (бразильский орех, кукуруза и др.), плод в виде ягоды (перец, томат, баклажан; арбуз, дыня, кабачок; клюква, черника и под.), коробочки (гречиха) или ореха (грецкий орех, фундук и др.).

Систематический признак учитывается при составлении подробного каталога и описании всех видов растений, обитающих на земном шаре, при «создании современной филогенетической системы, отражающей родственные связи между таксонами разного ранга и эволюцию растительного царства» [Бавтуто, Еремин 1997: 34]. С этой точки зрения все растения, в т.ч. используемые в хозяйственных (медицинских, торговых, промышленных, кулинарных и т.д.) целях, представляются в следующих классификационных рубриках, или категориях: ЦАРСТВО растений – ОТДЕЛ (голосемянные и покрытосемянные) – КЛАСС (двудольные и однодольные) – ПОДКЛАСС – ПОРЯДОК – СЕМЕЙСТВО и ПОДСЕМЕЙСТВО – ВИД – РОД [Бавтуто, Еремин 1997: 25].

Следует отметить, что в науке не существует классификации интересующих нас продуктов растительного происхождения, основанной

на исключительно ботанических признаках, так как в ботанике, во-первых, не выделяются, как ранее было отмечено, категории ОВОЩИ и ФРУКТЫ. Термины *ягода*, *злак* и *орех* в биологии используются, однако они имеют совершенно иное значение, нежели в обыденном лексиконе. Во-вторых, актуальные для ботаники существенные признаки лингвокогнитивной категоризации предполагают выявление иных естественных (научных) категорий, коррелирующих с единицами научной терминосистемы, которая специфическим образом категоризирует вещественный мир (здесь: растений и их съедобных частей) и вербализует этот ботанический взгляд на объекты реальной действительности.

Составление классификации овощей, фруктов, ягод, орехов и злаков на основании научно-ботанических признаков весьма необходимо для последующего сопоставления их категориальных характеристик в разных вариантах и вариациях русской языковой картины мира. В данном исследовании предпринимается попытка составления классификации продуктов растительного происхождения на основании ботанических признаков, что позволит в дальнейшем выявить отличительные особенности разных типов лингвокогнитивной категоризации (категоризации научной, профессиональной и наивной).

Научно-ботаническое описание выделенных объектов осуществлялось таким образом: представители названных категорий были отобраны посредством анкетных опросов носителей русского языка, выборки из лексикографических источников, анализа данных Интернет-ресурсов, сбора наименований в супермаркетах. Таким способом был составлен список продуктов растительного происхождения, актуальных для русского языкового сознания. Для определения ботанической принадлежности продукта к той или иной категории использовались специализированные учебные пособия [Комарницкий и др. 2007; Яковлев, Челомбитько 2001]. Каждый продукт рассматривался сквозь призму ботанической (точнее – систематической) классификации и помещался в определенную классификационную рубрику в соответствии с ботаническим категориальным признаком *место в систематике растений*, т.е. по принципу принадлежности к таким категориям, как ОТДЕЛ, КЛАСС, ПОДКЛАСС, ПОРЯДОК, СЕМЕЙСТВО, ВИД. Распределение изучаемых феноменов по названным категориям отражено в Таблице № 2 «Категоризация ОВОЩЕЙ, ФРУКТОВ, ЗЛАКОВ, ЯГОД, ОРЕХОВ по ботаническому (систематическому) признаку».

Таблица № 2.

**Категоризация ОВОЩЕЙ, ФРУКТОВ, ЗЛАКОВ, ЯГОД, ОРЕХОВ
по ботаническому (систематическому) признаку**

ЦАРСТВО РАСТЕНИЙ (семенные растения)

ОТДЕЛ: голосеменные

КЛАСС: хвойные

ПОДКЛАСС	ПОРЯДОК	СЕМЕЙСТВО	ВИД	Комментарий
хвойные	сосновые	сосновые	сосна сибирская (кедровая) <i>Pinus sibirica</i> – кедровый орех	кедровый орех – семена сосны сибирской (кедровой)

ОТДЕЛ: покрытосеменные (цветковые)

КЛАСС: двудольные

ПОДКЛАСС	ПОРЯДОК	СЕМЕЙСТВО	ВИД	Комментарий
магнолииды	лавровые	лавровые	авокадо, корица, лавровый лист	деревья или кустарники; кора (кора высушенного дерева) и лавровый лист – пряности; авокадо – маслянистый плод
	магнолиевые	мускатниковые	мускатный орех	дерево, плод костянкообразный, с мясистым околоплодником, содержит крупное семя, снабжённое ветвистым красноватым мясистым присемянником; используется как пряность
	перцевые	перцевые	перец черный	травянистое или кустарниковое растение с ягодообразными плодами
ранункулиды	лютиковые	барбарисовые	барбарис	кустарники с гроздьями продолговатых съедобных красных плодов
	маковые	маковые	мак	чаще травянистое растение, семена (или масла) которого используются в кулинарии и медицине
кариофиллиды	гречишные	гречишные	гречиха, ревен, щавель	в России травянистое растение с плодами в виде гранистого ореха (гречиха) – используется как крупная и

				медоносная культура; в пищу используют также листья щавеля и черешки ревеня
	гвоздичные	кактусовые	питахайя	древовидное растение с крупными съедобными ягодами
		маревые	свекла, шпинат	травянистое растение, в хозяйственных целях используют клубни свеклы (столовые и сахароносные сорта); у салатных сортов шпината используют листья
гамамели-диды	ореховые	ореховые	грецкий орех, маньчжурский орех, пекан	деревья с ценными плодами – псевдомонокарпными костянками с кожистым экзокарпием (орехами)
	буковые (в некоторых источниках рассматриваются как семейство ореховых)	буковые	желудь, каштан	крупные деревья, плоды которого представляют собой псевдомонокарпий, односеменной орех
		березовые	лещина (фундук)	культурные сорта лещины дают орехи фундук
дилленииды	тыквенные	тыквенные	арбуз, дыня, кабачок, цуккини, патиссон, тыква, (семя тыквы), огурец (в пищу используется в незрелом виде)	растение представляет собой лиановую траву с толстостенными ягодами
	вересковые	вересковые; подсемейство: брусничные	брусника, голубика, клюква, черника	кустарничковые растения с плодами – ягодами
		лещитисовые	бразильский орех	дерево, в пищу употребляются зерна (в ботаническом смысле не называются орехами)
	каперсовые	каперсовые	каперсы	травянистое растение, бутоны цветков которых употребляются в пищу в маринованном

		крестоцветные	капуста бело-и краснокочанная, брюссельская капуста, брокколи, кольраби, цветная капуста, брюква, репа, редька, редис, рапс, турнепс, хрен, кресс-салат, горчица	виде к крестоцветным относятся известные овощные растения: капуста, редька, репа и др.; это чаще травы, редко кустарники
	крапивные	тутовые	инжир (род: фикус; др. название: смоковница или фиговое дерево), тутовник (шелковица)	дерево, соплодия которого называются фиговыми, винными ягодами или сикониями
	актинидиевые	актинидиевые	киви (актинидия)	древесная лиана с сочными плодами – ягодами
	мальвовые	стеркулиевые	какао	семена шоколадного дерева
	чайные	чайные	чай	дерево или крупный кустарник, листья которого используются для приготовления напитка
		клюзиевые	мангустан	дерево с сочными плодами, называемыми тропическими фруктами
	эбеновые (хурмовые)	страстоцветные	маракуйя (пассифлора)	деревья с ягодовидными сухими плодами
		кариковые (пайевые)	папайя (плод дынного дерева, похожий на дыню)	
		эбеновые	хурма	
	розида	розоцветные	розоцветные	подсемейство розановые: ежевика, земляника, костяника, малина, морошка, рябина, ши-

			повник; подсемейство сливовые: алыча, абрикос, боярышник, вишня, миндаль, нектарин, персик, слива, черемуха, черешня; подсемейство яблоневые: яблоко, груша	
	крушиновые	лоховые	облепиха	кустарник, плод ложный (костянка), состоящий из орешка, одетого разросшимся, сочным мясистым, гладким и блестящим цветоложем
	виноградные	виноградные	виноград	древесные лианы с мясистыми или суховатыми ягодами с 1-4 семенами
	зонтичные	зонтичные	анис, кинза, кориандр, морковь, пастернак, петрушка, сельдерей, укроп, тмин, фенхель	указано лишь, что эти представители – известные используемые в пищу растения ; плоды аниса, фенхеля, кориандра, тмина исп. также в медицине
	бобовые	бобовые	арахис (земляной орех), бобы, горох, нут, соя, фасоль, чечевица	данные представители травянистые растения, плоды – одно-, дву- или многосеменные бобы (т.е. в пищу употребляют семена); у арахиса завязь погружается в почву на 10 см, где развивается плод
	ворсянковые	жимолостные	бузина, жимолость, калина	кустарники или небольшие деревья чаще с гроздьями плодов (у жимолости плоды – ягода; у калины и бузины – костянка)
	миртовые	миртовые	гвоздика, гуава, фейхоа	деревья или кустарники; в хозяйственных целях используются

				бутоны гвоздичного дерева, плоды фейхоа (вообще плоды миртовых: ягода, орех, костянка или коробочка)
		гранатовые	гранат	крупный кустарник с плодами – гранатинами, внутри которых содержатся семена с сочной кожурой
	рутовые	рутовые	подсемейство цитрусовые: грейпфрут, клементин, лайм, лимон, мандарин, минеола (гибрид мандарина и грейпфрута), помело	древесные растения с плодами – гесперидиями , в гнездах завязи которых образуются выросты внутреннего эпидермиса плодolistиков (так образуются соковые мешочки с семенами – «дольки»)
		анакардиевые	кешью, манго, фисташка	кустарники с плодами; в хозяйственных целях используется манго как экзотический фрукт и семена кешью и фисташки как деликатесные продукты
	гераниевые	кисличные	карамбола	кустарник или небольшое дерево с сочными плодами – ягодами
	кизиловые	кизиловые	кизил	кустарник или небольшое дерево с сочными кисло-сладкими плодами (плод – яркие костянки, сросшиеся в сочное соплодие)
	камнеломковые	крыжовниковые	крыжовник, смородина	кустарники с кистями сочных ягод
	сапиндовые	сапиндовые	личи, рамбутан	деревья со сладкими плодами
ламииды	пасленовые	пасленовые	баклажан, картофель, перец красный (острый), перец сладкий (болгарский), томат, физалис	травянистые или кустарниковые растения с плодами – ягодами (иногда несъедобными (у картофеля))
		вьюнковые	батат (сладкий картофель)	травянистая лиана, в пищу употребляют ее клубни

	маслиновые	маслиновые	маслины, оливки (недозрелые маслины)	невысокое дерево с плодами – односеменными костянками
	ясноткоцветные	яснотковые (губоцветные)	базилик, крапива, майоран	травянистые растения
		педалиевые	кунжут	травянистое растение, плод коробочка с семенами
	горечавковые	мареновые	кофейное дерево (зерна – кофе)	кофейное дерево, семена плодов которого используется в хозяйственных целях
астериды	сложноцветные (астровые)	сложноцветные	артишок, подсолнечник (семя), топинамбур	чаще травянистое растение; мясистое «цветоложе» артишока используют в качестве овощной культуры; пищевым считают топинамбур; семена подсолнечника используют как масличную культуру

ОТДЕЛ: покрытосеменные (цветковые)

КЛАСС: однодольные

ПОДКЛАСС	ПОРЯДОК	СЕМЕЙСТВО	ВИД	Комментарий
liliиды	бромелиевые	бромелиевые	ананас	ягодообразный плод
	имбирные	имбирные	имбирь, кардамон, куркума	травянистые растения, в пищу употребляют в качестве пряности высушенные и измельченные корни куркумы, корневище имбиря, семена кардамона
		банановые	банан	гигантские травы с удлинёнными плодами, существуют фруктовые и овощные сорта
	злаки	злаки	кукуруза, рожь, рис, овес, пшеница, просо, сахарный тростник, ячмень	травянистые растения с плодами – зерновками, в пищу употр. зерна (семена); у сахарного тростника употребляют сочную сердцевину стебля , содержащую сахаро-

				зу
	спаржевые	спаржевые	спаржа (аспарагус)	травянистые растения, в пищу употребляют белые молодые побеги спаржи лекарственной
	амарилисовые	луковые	лук-батун, лук репчатый, лук-порей, чеснок, черемша	травянистые луковые или корневищные растения
арециды	пальмы	пальмы	кокос, финик	древовидные растения, финиковая пальма дает ягодные плоды с косточкой; у кокосовой пальмы плод – костянка

Примечание:

1. Лексические единицы *овощи* и *фрукты* используются здесь условно, так как данные категории не фиксируются в ботанической картине мира. Однако при описании различий в категориальной оценке продуктов растительного происхождения за основу была взята наивная категоризация, оперирующая понятиями *овощи* и *фрукты*.

2. В таблице не только указаны основные классификационные рубрики ботанической системы (категории), к которым принадлежат те или иные продукты растительного происхождения, но также предлагается комментарий авторов учебников по ботанике. Комментарий содержит следующую информацию: о какой форме произрастания идет речь (травянистой, кустарниковой или древесной); какой морфологический критерий лежит в оценке того или иного растения, употребляемого в пищу (плод, цветок, стебель, корень или клубень); каково хозяйственное, медицинское и кулинарное применение названных растений; как ботаническая концепция в каждом конкретном случае соотносится с другими отраслями науки и сельского хозяйства (авторы отмечают, какие растения или их части используются как фрукт, овощ или приправа, какой плод является ягодой, какой – орехом и т.п.). Приведенный комментарий, хотя не является строго научным в ботаническом смысле (поэтому он не всегда последовательно представлен в указанных учебных пособиях), в данном случае облегчит задачу сопоставления научной (в данном случае – ботанической) категоризации с другими типами лингвокогнитивной категоризации, присущими иным вариантам и вариациям русской языковой картины мира.

Систематизированные в виде таблицы данные являются наглядным доказательством наличия существенных различий научной и наивной категоризации продуктов растительного происхождения. Как видно из материалов таблицы, в одну ботаническую группу (категорию), объединенную общностью генетического происхождения, входят совершенно разные для обыденного сознания растения: например, к одной группе лавровых относятся лавровый лист и авокадо, одно

семейство (миртовых) – у гвоздики (приправа) и фейхоа, одно семейство (крестоцветных) роднит горчицу, репу и капусту. Носитель обыденного сознания привык первое в этих рядах относить к категории ПРИПРАВЫ и СПЕЦИИ, а второе – к категории ФРУКТЫ (авокадо, фейхоа) или ОВОЩИ (репа и капуста). В одну группу гречишных в ботанике объединяется греча и щавель, хотя обычно носители языка считают гречу таким же ЗЛАКОМ, как рис или кукуруза. К одному и тому же семейству тыквенных относится арбуз, дыня и огурец, которые называют соответственно: *фрукты* и *овощ*. Одинаковое генетическое происхождение (розоцветные) имеет малина, яблоко, рябина и слива, которые носитель обыденного сознания обязательно разведет по разным рубрикам: *ягоды* и *фрукты*. К одному семейству бобовых в ботанике относится арахис и горох, первый из которых нередко в наивном сознании считается орехом, а второй – овощем. Этот ряд примеров можно продолжать: одно семейство у артишока и топинамбура, у свеклы и шпината, у томата, баклажана и картофеля; родственны с ботанической точки зрения манго, кешью и фисташки и т.д. Эти многочисленные факты свидетельствуют о существенном различии структурной организации категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ в научной (ботанической) и наивной картинах мира.

Итак, для ботаники важны такие признаки категориального разграничения растений и их съедобных частей, как 1) ***место в систематике растений*** и 2) ***особенности морфологии***. Результаты ботанической категоризации фиксируются (вербализуются) в первом случае в виде таких терминологических единиц, как *царство, класс, подкласс, семейство, подсемейство, род, вид*; во втором случае – в виде таких терминов, как *корень, клубень, побег, стебель, лист, цветок, плод*. Все живые организмы царства растений без исключения описываются биологами в таких терминах и с таких позиций, все растения классифицируются на основе объективно существующих признаков. Поэтому для ботанической языковой картины мира выявление типичных и нетипичных образцов категорий наименее актуально, для данной науки не важна градация членов категории. Специалисты по ботанике вряд ли назвали бы морковь как корнеплод лучшим образцом растений, а картофель, батат и топинамбур – худшими образцами на том основании, что морковь представляет собой с морфологической точки зрения главный (основной) корень, а остальные названные растения имеют видоизмененные корни (клубни, образующиеся на боковых корнях).

3.1.2. Категории ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ в научной (медицинской) картине мира.

Источниками информации при изучении лингвокогнитивной категоризации продуктов растительного происхождения в медицинской сфере являются учебники по фармакогнозии [Яковлев 2006] и фармакологии [Аляутдин 2004], а также специализированные книги по диетическому питанию [Маршак 1967].

Продукты питания (в т.ч. – растительного происхождения) обеспечивают жизнедеятельность человеческого организма, поэтому процесс их употребления в том или ином количестве (дозировке), при той или иной обработке становится предметом научной и народной медицины. Наука, изучающая продукты растительного и животного происхождения как лекарственное сырье, имеет в основе столетиями накапливающиеся сведения из народной медицины. Официально эта наука, получившая название **фармакогнозии** [Яковлев 2006: 5], была признана лишь в конце XX века. Фармакогнозия предполагает деление на фитотерапию (лечение лекарственными средствами растительного происхождения, в т.ч. гомеопатию) и зоотерапию (лечение лекарственными средствами животного происхождения). Очевидно, что в этом смысле фармакогнозия тесно связана с биологией (ботаникой и зоологией), фармакологией, медициной и химией (в частности – химией природных соединений). Фармакогнозия, фармакология и медицина (народная и научная) изучают состав лекарственного сырья растительного или животного происхождения и влияние тех или иных химических элементов и их соединений на здоровье человека. Это определяет существенные признаки, в соответствии с которыми категоризируются все продукты (в т.ч. актуальные для данного исследования продукты растительного происхождения).

Существенными признаками лингвокогнитивной категоризации растений в фармакогнозии является, во-первых, **их место в общей систематике**, во-вторых, **морфология растений**, те или иные части которых используются как лекарственное сырье (например, плоды малины или шиповника, корень одуванчика или ревеня, листья крапивы, мяты, земляники и т.п.). Морфологический признак также важен при определении специфики заготовки лекарственного сырья (в свежем или засушенном виде, в виде растворов или настоек и т.д.). Актуализация систематического и морфологического признаков лингвокогнитивной категоризации растений объединяет фармакогнозию с ботаникой. Для данной науки так же, как для ботаники, не существует разделения продуктов растительного происхождения на овощи и

фрукты. Однако здесь, безусловно, рассматривается не весь имеющийся в природе корпус растений, но лишь те представители растительного мира, которые оказывают на человека лечебное влияние при наличии того или иного заболевания. Кроме того, эти растения большей частью не используются в кулинарии, они продаются не на прилавках магазинов, а в аптеках.

Важнейшим признаком лингвокогнитивной категоризации лекарственных растений в фармакогнозии является наличие в них действующего (биологически активного) вещества. С этой точки зрения продукты растительного происхождения делят на растения с веществами первичного метаболизма (продукты, богатые белками, углеводами, липидами, витаминами, нуклеиновыми кислотами) и растения с веществами вторичного метаболизма (алкалоиды, гликозиды, каротиноиды, флаваноиды, стероиды, танины и мн. др.) [Яковлев 2006: 38 – 49]. Таким образом, при категоризации лекарственных растений одним из существенных признаков является *химический состав* продукта растительного происхождения.

Следующий этап медицинского использования продуктов растительного происхождения – их употребление в определенной дозировке как лекарственного средства, что изучается в фармакологии, или как продукта питания, обеспечивающего здоровый образ жизни человека, страдающего или не страдающего какими-либо заболеваниями, что учитывается в сфере диетического питания.

В фармакологии существует несколько классификаций: 1) алфавитная классификация (по наименованиям лекарственных средств в алфавитном порядке на русском и латинском языках; 2) химическая классификация (по химической структуре лекарственного средства); 3) фармакологическая классификация (по воздействию на человеческий организм: например, лекарственные средства, действующие на сердечно-сосудистую систему, центральную нервную систему и т.п.); 4) фармакотерапевтическая классификация (по заболеваниям, при которых используются те или иные лекарственные средства) и др. [Аляутдин 2004: 25]. Однако общим признаком лингвокогнитивной категоризации лекарственных растений является влияние тех или иных биологически активных веществ и химических элементов или их соединений на здоровье человека, т.е. признак, в основе которого лежит оппозиция *полезно / вредно для здоровья при том или ином психофизическом состоянии человека*.

Если для анатомической, клинической и фармакологической медицины важен критерий наличия или отсутствия биологически активных веществ в продуктах растительного происхождения, то для дието-

логии, близкой кулинарии, весьма актуально деление продуктов на овощи, фрукты, злаки, ягоды и орехи, которые становятся ингредиентами полезных или не очень полезных для здоровья человека блюд.

Таким образом, лингвокогнитивная категоризация растений и их частей, употребляемых в пищу с целью сохранения здоровья, в медицине, фармакологии и фармакогнозии основывается на ботанических признаках (*систематический и морфологический*) и признаке *наличия – отсутствия лечебного эффекта при том или ином заболевании*. В диетологии классификационные рубрики продуктов растительного происхождения те же, что в кулинарии, специфическим является один признак: *вредно – полезно для здоровья при том или ином психологическом состоянии человека*.

Типичным свойством собственно лексической категоризации в медицинской картине мира является метонимическая номинация, реализованная по следующим схемам:

1) растение → плод растения (плоды малины, плоды шиповника), растение → цветки растения (цветки артишока), растение → листья (листья мяты) и т.д. (при этом в основе лингвокогнитивной категоризации лежит морфологический признак);

2) части растения → химические вещества в них содержащиеся (гликозиды, каротиноиды, флаваноиды, таниды), здесь в основе лингвокогнитивной категоризации лежит признак химического состава растения.

3.1.3. Категории ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ в научной (агрономической) картине мира.

Как известно, производство (выращивание) овощей и плодов является задачей сельского хозяйства, которое основывается на достижениях агрономической науки, в частности растениеводстве (плодоводстве и овощеводстве). Выявить специфику лингвокогнитивной категоризации овощей, фруктов, злаков, ягод и орехов в агрономической картине мира позволяет специальная научная литература по сельскому хозяйству. Однако представить единую агрономическую классификацию всех продуктов растительного происхождения практически невозможно из-за обилия признаков, которые необходимо учитывать при разделении овощей и плодов на группы. Производители продуктов растительного происхождения предлагают отдельно рассматривать овощные и плодовые культуры.

Ю.М. Андреев, автор учебника по овощеводству, указывает на трудности классифицирования овощей. Он подчеркивает, что собственно ботаническая и производственно-биологические классификации неудобны для производителей продуктов растительного происхождения (агрономов), товароведов и кулинаров, так как эти классификации не являются строгими в научном смысле [Андреев 2003: 8–9]. Исследователь отмечает, что если представители одного и того же семейства имеют разные продуктивные органы, то классификация должна строиться именно на данном основании – **по продуктовым органам того или иного растения**. С этой точки зрения, по мнению Ю.М. Андреева, все культуры должны делиться на **плодовые овощи** (в пищу используются молодые завязи: кабачок, огурец, патиссон, стручковая фасоль и др.), **плодовые** (в пищу используются плоды в стадии биологической и технической зрелости: томат, баклажан, тыква, арбуз, дыня, перец, кукуруза сахарная и др.), **листовые** (в пищу используются листья: шпинат, салат листовой, капуста пекинская, петрушка и сельдерей листовые и др.), **листочковые** (в пищу используются стебли и листья: укроп, фенхель, чеснок, капуста бело- и краснокочанная, брюссельская капуста и др.), **черешковые** (в пищу используются черешки растений: ревень, черешковый сельдерей и др.), **цветковые** (в пищу используются цветки и соцветия: артишок, цветная капуста, брокколи и др.), **луковичные** (в пищу используются луковички: лук, чеснок), **клубнеплодные** (используются клубни: картофель, батат, топинамбур), **корнеплодные** (используется корень: редис, свекла столовая, репа, морковь и др.), **корневищные** (хрен, катран, лопух съедобный), **ростковые** (спаржа) и **грибы** (шампиньон, вешенка и др.) [Андреев 2003: 12 – 13].

Классификация, описанная Ю.М. Андреевым, соответствует требованиям работников перерабатывающей промышленности, но не учитывает биологических и технологических особенностей овощных культур. В определенной степени эти разногласия снимает классификация, предложенная В.И. Эдельштейном и включающая следующие рубрики: **капустные овощные культуры** (капуста красно- и белокочанная, пекинская, савойская, цветная, брокколи, кольраби, брюссельская и т.д.), **корнеплодные** (свекла столовая, репа, редис, редька, морковь, брюква, петрушка корневая и т.д.), **клубнеплодные** (картофель, батат, топинамбур), **луковичные** (лук репчатый, чеснок), **плодовые** (огурец, тыква, патиссон, кабачок, томат, баклажан, перец стручковый, овощная фасоль, овощные бобы, дыня, арбуз и др.), **многолетние овощные культуры** (ревень, спаржа, шавель, хрен и др.), **грибы** (шампиньон, вешенка и др.) [Эдельштейн 1962]. Эта классификация спо-

собна удовлетворить запросы технологов, агрономов, потребителей продукции и в какой-то мере биологов, так как опирается на морфологическую классификацию растений. Однако трудно не заметить, что эта классификация строится на разных основаниях (учитывается признак строения (*морфологический*), временной признак (*однолетние – многолетние растения*), признак – *вид живых организмов* (относительно грибов). Это делает границы категории предельно размытыми, что не должно быть свойственно научной категоризации (например, у сельдерея съедобны и черешки, и листья, и корень, следовательно, он становится членом как минимум трех субкатегорий (листовые, черешковые, корнеплодные овощные культуры). Кроме того, данная классификация охватывает только овощные культуры; фрукты, ягоды, злаки и орехи здесь не учитываются.

При классификационном описании плодов также возникает немало сложностей. В одном из учебных пособий по плодоводству предлагается две классификации плодов и ягод: морфолого-биологическая и производственно-биологическая [Потапов и др. 2000: 3]. В основе первой классификации лежит следующий признак лингвокогнитивной категоризации: *биологические особенности роста и развития и преобладающая жизненная форма, отражающая приспособленность растений к условиям внешней среды*. Данная классификация отражена в Таблице № 3).

Таблица № 3.

**Морфолого-биологическая
классификация плодовых растений**

Морфологическая группа плодовых пород	Морфологические особенности растений	Виды растений
Древовидные	деревья большой высоты с мощным стволом и деревья меньших размеров и с менее выраженным стволом	грецкий орех, пекан, каштан, черешня и др.; абрикос, груша, рябина, хурма, яблоня и др.
Кустовидные	растения с несколькими стволами либо с одним слабовыраженным стволом	вишня древовидная, гранат, лещина, кизил, облепиха, лох, фисташка и др.
Кустарниковые	растения, имеющие надземную систему в форме невысокого куста, состоящего из нескольких равноценных ветвей нулевого порядка;	смородина, крыжовник, малина, ежевика, жимолость съедобная и др.;
Кустарничковые	растения высотой до 0,8 м.	голубика, черника, брусника, толокнянка и др.
Лиановые	древесные вьющиеся плодовые растения	актинидия, виноград, лимонник и др.
Травянистые	растения без надземных осей, побеги которых стелются по земле	земляника, клубника, клюква, морозника, костяника

Очевидно, что подобная классификация имеет слишком общее основание для выделения групп плодов, что делает границы научных категорий и субкатегорий размытыми. Так, в одну группу попадают совершенно разные по способам переработки, хранения, транспортировки и приготовления плоды, что не позволяет назвать классификацию удобной для торгово-производственной сферы, с которой сфера агрономии должна быть тесно связана. Это осознают сами авторы учебника по плодоводству, поэтому предлагают вторую – производственно-биологическую – классификацию плодовых пород, которая отражена в Таблице № 4.

Таблица № 4.

**Производственно-биологическая классификация
плодовых пород**

Производственно-биологические группы плодовых растений	Особенности плодовых растений	Виды растений
Семечковые	Различаются по форме, количеству, размеру и т.д. семян. Выращиваются ради сочных плодов.	айва обыкновенная, боярышник, груша, мушмула кавказская, рябина, яблоня и др.
Косточковые	Различаются по форме, количеству, размеру и т.д. семян. Выращиваются ради сочных плодов (искл. – миндаль: выращивают ради получения семян, поэтому относят к орехоплодным культурам)	абрикос, алыча, персик, слива, черешня; миндаль
Ягодные	Выращивают ради сочных ягодообразных плодов, не выдерживающих длительного хранения и часто малотранспортабельных. Ягодники отличаются высокой урожайностью и десертными вкусовыми качествами плодов.	земляника, калина, малина, облепиха, черника и др.
Орехоплодовые	Растения имеют плоды – орехи или сухие костянки. Хозяйственно ценной частью плодов является семя, которое часто называют ядром (исп. в кондитерской, пищевой и медицинской промышленности).	грецкий, каштан, лещина, миндаль, пекан, фисташка, фундук и др.
Субтропические разноплодные	Растения, требующие почти круглогодичной вегетации для плодоношения. Некоторые являются холодостойкими, поэтому выращиваются в России.	гранат, инжир, маслина, фейхоа, хурма, все цитрусовые
Цитрусовые	Субтропические невысокие вечнозеленые деревья или многолиственные кустарники с плодами, имеющими кожистый экзо- и мезокарпий и сочную внут-	апельсин, грейпфрут, лайм, лимон, мандарин и др.

	ренный часть (эндокарпий). Широкое распространение получили благодаря высоким вкусовым качествам плодов, их хорошей транспортабельностью, возможностью переработки (соки, цукаты, компоты и др.).	
Тропические разно- плодные	Теплолюбивые плодовые породы со слабовыраженной или невыраженной сезонностью плодоношения.	авокадо, ананас, банан, кокос, маслина, финик и др.
Пряные и тонизи- рующие древесные	Теплолюбивые растения, возделываемые в тропических зонах	ваниль, гвоздичное дерево, кола, кокаинный куст, кофейное дерево, лавр благородный, коричник, чай и др.

Данную классификацию едва ли можно назвать строго логической: она так же строится на основании разных категориальных признаков: *биологическая структура* – тип плодов (семечковые, косточковые, ягодные), *место в систематике растений* (например, цитрусовые – растения рода Цитрус), *специфика зонального размещения* (тропические и субтропические), *специфика хозяйственного использования и действия на человека* (пряные и тонизирующие). Именно поэтому одна и та же плодовая культура становится членом разных научных категорий и субкатегорий. Например, цитрусовые отнесены к субтропическим и одновременно выделены в отдельную группу; миндаль отнесен к косточковым, но назван орехоплодным; пряные и тонизирующие выделены в отдельную группу, но так же, как и все тропические, возделываются в тропиках и т.д. Тем не менее, большинство учебников по плодоводству опирается именно на эту классификацию [Потапов и др. 2000; Долгачева 1999 и др.].

Авторы учебника «Основы сельскохозяйственных знаний» [Колесников и др. 1986] стремятся объединить в одной классификации разные возделываемые культуры: злаковые, овощные, плодовые, ягодные. Предлагаемая классификация выглядит таким образом: к первой группе относятся *полевые* культуры, среди которых отмечается пять групп: зерновые, зернобобовые, клубнеплоды, корнеплоды, технические и кормовые культуры. Ко второй группе относятся *овощные* культуры. При этом овощами специалисты называют сочные органы растений: листья, кочаны, луковицы, корнеплоды, соцветия, плоды, корневища, грибы [Колесников и др. 1986 : 46 – 110]. (Остается догадываться, картофель, являющийся клубнеплодом, свекла и морковь, известные как корнеплоды, относятся к полевым (группы корнеплодов и клубнеплодов) или к овощным). В третью группу в данной классификации включаются *плодовые* и *ягодные* культуры [Колесников и др.

1986 : 112 – 146]. Данная классификация также имеет несколько оснований: *способ культивации* (полевые), *морфологический признак* и *признак сочности* (съедобны разные сочные части у овощей, плоды – у ягодных и плодовых культур). Таким образом, границы категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ остаются размытыми даже в научной (в частности: в агрономической) картине мира. Это обусловлено тем, что один и тот же объект (как, например, картофель, морковь или свекла) оказывается членом разных категорий.

Спецификой лексической категоризации в агрономической картине мира является, во-первых, отсутствие среди научных категорий феномена ФРУКТ (объекты, обычно именуемые фруктами, в агрономии называются плодами). Во-вторых, категории в агрономии носят составные наименования, построенные по схеме: частное категориальное имя (в форме прилагательного) + общее категориальное имя *культура*, ср.: ПОЛЕВЫЕ КУЛЬТУРЫ, ОВОЩНЫЕ КУЛЬТУРЫ, ПЛОДОВЫЕ КУЛЬТУРЫ, ЯГОДНЫЕ КУЛЬТУРЫ. Использование общего категориального имени *культура* актуализирует существенный для агрономической картины мира признак лингвокогнитивной категоризации, а именно *специфика возделывания, культивации*, и далее соответственно – специфические признаки агрономической субкатегоризации: специфика произрастания и способ возделывания (полевые, плодовые, ягодные, орехоплодные культуры), зональность культивирования (тропические, субтропические культуры) и т.д.

Итак, анализ источников указанных выше областей научного знания показал, что в ботанической, медицинской и агрономической картинах мира наблюдается существенные отличия в лингвокогнитивной категоризации продуктов растительного происхождения: выделяются разные существенные признаки категоризации, что обуславливает размытость границ категорий и их специфическую для каждой вариации языковой картины мира структуру (членство).

3.2. Категории лингвоментальной субсферы «Продукты растительного происхождения»: специфика профессиональной категоризации.

Категории лингвоментальной субсферы «Продукты растительного происхождения» специфическим образом отображаются в разных вариациях профессиональной картины мира, в частности – в торгово-экономической, производственной и лексикографической. Рассмотрение различий категориальной оценки продуктов растительного проис-

хождения следует предварить некоторыми замечаниями о специфике профессиональной картины мира, сосуществующей с другими вариантами языковой картины мира (картиной мира научной и наивной).

Термин *профессиональная картина мира* за последние несколько лет постепенно начал входить в научный оборот [см. работы Масыч 2010; Мишланова 2003; Новодранова 2012; Стецюра 2010; Хохлова 2013; Чернышова 2011 и нек. др.]. Некоторые исследователи под профессиональной картиной мира понимают «содержательный инвариант научного знания в определенной области профессиональной деятельности человека» [Чернышова 2011]. При таком толковании профессиональная картина мира трактуется несколько механистически: как часть научной картины мира, ее фрагмент. Отмечая специфику профессиональной языковой картины мира, Л.А. Чернышова подчеркивает, что данный лингвоментальный феномен одновременно является «продуктом научного осмысления научных понятий, принадлежащих определенной отрасли знания, и продуктом обыденного мышления как результата профессионального осмысления данных научных понятий языковой личностью» [Чернышова 2011].

В предпринятом исследовании термины *профессиональная картина мира* и *профессиональная языковая картина мира* трактуются несколько иначе. В дальнейшем будет доказано, что в основе дифференциации картины мира (в т.ч. языковой) на варианты (научная, профессиональная, наивная картины мира) лежит *тип лексической категоризации*, который принципиально различает подходы человеческого сознания к лингвоментальному освоению действительности в науке, в профессиональной сфере, в обыденной жизни. В этом смысле профессиональная языковая картина мира, с одной стороны, действительно носит некий посреднический характер между научной и наивной, своеобразно адаптирует научные категории к особенностям ненаучного языкового сознания. Однако профессиональная языковая картина мира отражает и такую сторону лингвоментальной деятельности человека (например, категориального членения мира), которая детерминирована сугубо специфическими условиями профессиональной сферы. Поэтому нельзя утверждать, что профессиональная картина мира, как и языковая профессиональная картина мира, является лишь содержательной частью картины мира научной (в т.ч. языковой). Это иной феномен по своей генетической сущности и структурной организации, феномен, который формируется по своим собственным законам, обусловленным рамками и требованиями профессиональной сферы.

3.2.1. Категории ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ и ОРЕХИ в торгово-экономической картине мира.

Основными источниками информации о специфике категориальной оценки продуктов растительного происхождения в торговой сфере является не только специальная литература, рассчитанная на работников торговли, но также действующие нормативные документы, регулирующие товарооборот продуктов растительного происхождения и продукции, из них изготовленной (ГОСТы [ГОСТ 27521-87; ГОСТ 27523-87, ГОСТ 27524-87, электронные ресурсы]), «Общероссийский классификатор видов экономической деятельности, продукции и услуг...» [Общероссийский классификатор..., электронный ресурс], таможенная документация [Общие условия международной купли-продажи...; Решение Совета Евразийской экономической комиссии..., электронные ресурсы]).

Продукты питания как вид продукции становятся предметом товарооборота внутри одного государства или между странами и частично определяют экономические отношения, обусловленные производством, распределением, обменом и потреблением продуктов растительного происхождения. Основными признаками лингвокогнитивной категоризации в торговой картине мира являются *особенности переработки, хранения, транспортировки и реализации продукта как товара*.

Торговую картину мира целесообразно разделить на две разновидности: собственно торговую и таможенную, так как концепции лингвокогнитивной категоризации действительности в рамках этих систем представлений могут быть различными. Это объясняется тем, что собственно торговая картина мира складывается под закономерным влиянием производителя овощей, фруктов, ягод, злаков и орехов – агрономов, специалистов в области сельского хозяйства. Данный факт указывает на определенную близость собственно торговой и агрономической картин мира в отношении признаков лингвокогнитивной категоризации и членства категорий. Однако нельзя говорить и об абсолютном тождестве. Так, например, в торговой сфере в структуре категории ОВОЩИ обнаруживаются не только такие типичные образцы, как помидор и огурец, капуста и морковь и т.д., овощами в торговле называют также такие культуры, которые в агрономии считаются зерновыми (кукуруза), зернобобовыми (горох, фасоль, нут) и зелеными (укроп, петрушка и под.). В торговой картине мира в структуре категории ФРУКТЫ присутствуют не только типичные для нее яблоко и груша, которые в агрономии относятся к плодовым культурам. Торго-

вые работники причисляют к фруктам также ягоды и орехи, которые агрономы считают отдельными категориями, именуемые как *ягодные* и *плодовые культуры*. На таможенную сферу оказывают влияние иные факторы, обусловленные требованиями международных стандартов, которые регламентированы международными соглашениями, договорами и т.д.

Таким образом, лингвокогнитивной категоризация в торгово-экономической картине мира имеет специфические черты: в торговле широко применяются для наименования интересующих нас категорий такие термины, как *овощи* и *фрукты*, однако границы данных категорий, как будет показано далее, значительно более размыты, чем, например, в наивной картине мира. Так, категория ОВОЩИ охватывает наименования зеленных, зернобобовых и некоторых зерновых культур; категория ФРУКТЫ обобщает не только фрукты в привычном понимании, но также ягоды и орехи. Специфика такого категориального членения обусловлена особыми требованиями сферы торговли.

3.2.2. Категории ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЗЛАКИ, ЯГОДЫ, ОРЕХИ в производственной (кулинарной) картине мира.

Описание кулинарной картины мира в актуальном для данного исследования аспекте следует начать с указания на ее неоднозначный статус. В сфере общественного питания кулинария предполагает реализацию профессиональных технологий по обработке, разделке, приготовлению продуктов питания, их реализации, подаче в кафе и ресторанах, раскладке на прилавках магазинов и т.д. В этом смысле кулинария, точнее технология приготовления пищи, тяготеет к научному описанию. Г.Г. Дубцов отмечает: «Технологию следует рассматривать как науку о средствах и способах обработки материалов» [Дубцов 2002: 3]. В данном случае материалом выступают продукты растительного и животного происхождения, а сама наука нацелена не только на организацию технологического процесса создания кулинарной продукции, но также на совершенствование методов, приемов, способов, «направленных на повышение качества и пищевой ценности продукции при экономии сырья благодаря снижению технологических затрат» [Дубцов 2002: 3]. Технология приготовления пищи основывается на достижениях других научных дисциплин: аналитической, физической и коллоидной химии, биологии, агрономии, товароведения и др. Это еще раз подтверждает научный статус данной области кулинарного дела. Однако стратегии реализации кулинарной продукции,

которые используют представители соответствующей сферы услуг (работники объектов общественного питания, магазинов и т.п.), вряд ли нацелены на специалистов по биологии, растениеводству и животноводству. Посетители магазинов и ресторанов – обычные люди, носители обыденного сознания, у которых система представлений о мире часто значительно отличается от экспертного знания биологов, агрономов, животноводов, товароведов. Более того, кулинария предполагает также сферу приготовления пищи в домашних условиях. На этих основаниях кулинария тяготеет к бытовой сфере, следовательно, кулинарная и наивная картины мира могут иметь немало общего.

В силу неоднозначного статуса кулинарии данная картина мира рассматривается отдельно, однако акцент делается на профессиональную сторону кулинарного дела, поэтому основными источниками информации о лингвокогнитивной категоризации выступают учебные пособия, направленные на подготовку профессионалов, специалистов-технологов приготовления пищи [Анфимова 2008; Богушева 2007; Дубцов 2002; Ковалев и др. 2003; Соловьева и др. 2007]. Бытовой аспект кулинарии в настоящем исследовании отдельно не рассматривается в силу его близости наивному представлению о продуктах, используемых в процессе приготовления пищи в домашних условиях.

Технологии, методы и способы (рецепты) приготовления разных блюд позволяют выявить членство интересующих нас категорий, так как на основании используемых ингредиентов (в частности – продуктов растительного происхождения) блюда относятся к тому или иному разделу, например, «Овощные блюда», «Гарниры из овощей», «Салаты из овощей» или «Десерты», «Сладкие блюда», «Конфитюры, джемы, варенья, морсы, компоты» и т.д., которые готовят в основном из фруктов и/или ягод. Очевидно, что основными признаками лингвокогнитивной категоризации ОВОЩЕЙ, ФРУКТОВ, ЯГОД, ЗЛАКОВ и ОРЕХОВ в кулинарной картине мира являются следующие: *особенности разделки, обработки, приготовления, хранения продуктов растительного происхождения и их употребления в пищу*.

3.2.3. Категории ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЗЛАКИ, ЯГОДЫ, ОРЕХИ в лексикографической картине мира.

Лексикографическая картина мира, вопреки мнению многих современных исследователей, весьма отличается от картины мира наивной. Это нетрудно показать на примере категории ОВОЩИ: в современных толковых словарях указывается семейство и род растения,

выступающего в качестве овощного продукта питания (ср.: *Огурец – огородное растение семейства тыквенных с небольшими продолговатыми зелеными плодами* [Большой толковый словарь..., электронный ресурс]). Очевидно, что наивное сознание не мыслит категориями СЕМЕЙСТВО и ПЛОД. В естественной речи ни один носитель русского языка всерьез не скажет, что на обед он съел салат из плодов растений семейства тыквенных и пасленовых (т.е. салат из огурцов и помидоров). Следовательно, нельзя утверждать, что лексикографический и наивный типы категоризации тождественны. Это позволяет сделать вывод о необходимости отдельного рассмотрения специфики лексикографической категоризации.

Содержание изучаемых категорий в лексикографической картине мира менялось на протяжении столетий. В первую очередь эти модификационные процессы связаны с установками составителей словарей на отражение наивной или научной интерпретации продуктов растительного происхождения. Наиболее показательны в этом смысле исторические изменения в дефиниционном описании слов *овощи*, *фрукты* и *ягоды* в древнерусском и русском языках.

Слово *овощ* по происхождению общеславянское, ср.: «*овощ* – судя по наличию *-и-*, заимствовано из церковнославянского» и, вероятно, восходит к славянскому **voksti-* ‘расти’ [Фасмер 1973]. В древнерусском языке овощем называли любое растение, в том числе – древесное, имеющее плоды, которые в современном языке именуются фруктами; ср. контексты из некоторых словарей:

- из «Словаря древнерусского языка XI – XIV вв.»: «ОВОШТЕ – *распытаи кое бо овоште отъ плода познавается (дѣвдров); показаше намъ древа овоща различна, имуща плодъ многъ (дѣвдра ‘опорофорико’)*» [Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.];

- из «Материалов...» И.И. Срезневского: «*овоште* – растение» [Срезневский 1983];

- из «Словаря русского языка XI – XVII вв.»: «**ОВОЩИ** – 1. Плоды (садовые и огородные), а также зелень и корни, употребляемые в пищу; 2. Засахаренные плоды. Сладкие блюда из плодов, ягод; 3. Растения, деревья (плодовые); **ОВОЩИЕ** – 1. Плоды (овощи, фрукты); 2. Растения, деревья (плодовые)» [Словарь древнерусского языка XI – XVII вв.].

Таким образом, овощами в старославянском и позже древнерусском языке называли любое растение независимо от его размера и специфики произрастания: овощами именовались и травянистые, и кустарниковые, и древовидные растения, в том числе и плодовые (фруктовые) деревья. Однако у слов *овощь* (*овошть*), *овощи* (*овошти*) в

древнерусском языке были синонимы: нарицательное существительное *садъ* в значении ‘растение, дерево’ и собирательное ‘*садовие*’ (‘растения’, деревья’). Слово *овоць* (*овошть*) имело и метонимическое значение – ‘плод’, синонимами которого выступали латинское *fructus* и греческое καρπός, однако эти слова фиксировались в словарях как иностранные эквиваленты, о заимствовании пока не могло быть и речи. Слово *фрукт* было заимствовано русским языком лишь в XVIII веке, ср.: «*фрукт* – род. п. -а, начиная с Петра I, 1705 г.; через польское *frukt* из латинского *fructus*» [Фасмер, электронный ресурс]. Тот факт, что под овощами в старославянском и древнерусском языках называли и фрукты в современном понимании, подтверждают материалы других славянских языков: в украинском языке *овоч*, *овічник* – это ‘торговец фруктами’, в болгарском *овоще* – ‘фрукты, плоды’, в чешском *ovoce* – ‘фрукты’ и т.д. Однако и в «Словаре Академии Российской» слово *овощ* является собирательным существительным со следующим значением: «ОВОЩЬ – плоды древесные и огородные» [Словарь Академии Российской, электронный ресурс].

Иными словами, плоды, которые в современном русском языке разделяются на овощи и фрукты, практически до конца XVIII века назывались одним словом – *овощ*. Доказательством этого являются некоторые словарные статьи из «Словаря Академии Российской»: «РЕПА – корневой овощ» (здесь отражено и современное понимание овоща как плода травянистого растения) и «ОВОЩИ – сладкия, с сахаром заедки, закуски» (вероятно, здесь речь идет о десертах, которые готовились из фруктов и ягод, т.е. о варенье).

Показательно, что слово *растение* в древнерусском языке имело исключительно процессуальную семантику, ср.: «*растение* – возрастание, выращивание» [Срезневский 1893], метонимический перенос произошел позже.

В «Словаре...» В.И. Даля отражено уже современное представление об овощах, фруктах, ягодах; ср.: «ОВОЩ – огородин, съедомая ботва и коренья: луки, капуста, морковь, репа, свекла с ботвой и пр., а также плоды огородные, как огурцы, арбузы...»; «ФРУКТ – плод, древесный плод»; «ЯГОДА – мелкий, мякотный плод, более кустарный, в коем заключены семена...» [Даль, электронный ресурс]. Основным категориальным признаком разделения плодов является общий для ботанической, агрономической и наивной картин мира признак **способ произрастания** (травянистый, древесный, кустарниковый). Слово *растение* в «Словаре...» В.И. Даля так же приобрело современное значение, из которого исчезла семантика процессуальности, но актуализировалось субстантивное значение, ср. в структуре дефиниции к

глаголу РАСТИ: «Растение, ... крепкое к почве своей, живущее питаньем от корня. Царство растений, все растущее недвижно, от мха до кедра...» [Даль, электронный ресурс].

Таким образом, анализ значений единиц *овощи* и *ягоды* в словарях, фиксирующих состояние языка до конца XVIII века, позволяет сделать вывод, что существенными признаками лингвокогнитивной категоризации в лексикографической картине мира древнерусского периода были следующие: ***способ произрастания, возделывания, приготовления и употребления в пищу***. Следовательно, в этот период отражалось в основном наивное, обыденное представление о рассматриваемых феноменах.

Развитие науки способствует появлению новых тенденций в лексикографическом описании реального мира, открытия ученых раньше или позже накладывают отпечаток на семантику слов, толковые словари постепенно начинают ориентироваться не только на наивные представления носителей языка о том или иной объекте, но также на научные достижения. Это можно проследить на примере слова *репа*. В «Словаре Академии Российской» представлена следующая дефиниция: «Рѣпа, пы. с. ж. Braffica gara. Овощъ; произрастение в огородах и на пашнях сеемое, двулетное, имеющее корень плоскокруглой, гладкой, одетой кожицею красною или бела-желтоватою...» [Словарь Академии Российской, том V: 264, электронный ресурс]; в «Словаре...» В.И. Даля указано: «Репа, рипа, ж. корневой овощ» [Даль, электронный ресурс]. И хотя уже в «Словаре Академии Российской» обнаруживается тенденция к научному описанию (указано латинское междunarодное название репы), в целом, лексикографы прошлого ориентируются на наивную картину мира: именно такой категорией – *овощ* – оперирует обыденное сознание, если речь заходит об огородных растениях.

В современных словарях предлагается дополнительная информация, представляющая ботаническое описание растения: указывается его место в систематике растений (семейство, к которому относится овощ), ср.: «Репа, -ы; жс. Огородное растение семейства крестоцветных, овощ с утолщенным корнем, обычно белого или желтоватого цвета...» [здесь и далее в п. 3.2.3. цитируется по: Большой толковый словарь русского языка, электронный ресурс]. Таким образом, можно утверждать, что современные лексикографы стремятся объединить наивное представление (толковые словари в первую очередь предназначены для широкого круга читателей, не являющихся специалистами в ботанике или агрономии) и научное объяснение того или иного факта.

Признаками категоризации изучаемых плодов в современной лексикографической картине мира являются, с одной стороны, ***способ и место произрастания*** (ср.: *морковь, лук, картофель* – огородные растения...; *виноград* – кустарниковое растение и т.п.), с другой стороны, ***место в систематике растения*** (ботанический признак), ср.: ОГУРЕЦ – огородное растение семейства тыквенных с небольшими продолговатыми зелеными плодами; ПЕРСИК – южное плодовое дерево семейства розоцветных, дающие мясистые сочные плоды с пушистой желтовато-красной кожицей и крупной косточкой»; ЗЕМЛЯНИКА – многолетнее травянистое растение семейства розоцветных, с белыми цветами, дающие пушистые плоды розовато-красного цвета». В некоторых случаях фиксируются также другие признаки лексической категоризации: ***целевое использование и хозяйственное назначение растения*** (ср.: БОЯРЫШНИК – 1. Колючий кустарник или небольшое дерево семейства розоцветных (используется для создания живых колючих изгородей или как декоративное растение)»); ***способ употребления в пищу*** (ср.: ВИНОГРАД – 1. Вьющееся теплолюбивое кустарниковое растение с гроздьями крупных сочных ягод, употребляемых в пищу или используемых для приготовления вина, соков, изюма и пр.»). Спецификой лингвокогнитивной категоризации продуктов растительного происхождения в современной лексикографической картине мира является стремление авторов-составителей объединить научную (ботаническую и агрономическую) интерпретацию категориальной принадлежности плодов к тем или иным категориям и наивное представление носителей русского языка об овощах, фруктах и ягодах. Таким образом, можно сделать вывод, что со временем лексикографическая картина мира в отношении рассматриваемых явлений менялась: в исторических словарях фиксируется наивное представление об указанных плодах, в современных словарях наблюдается тенденция к их научному описанию.

Сформулированный выше вывод подтверждает также тот факт, что лексикографическая картина мира является вариантом картины мира профессиональной. Во-первых, словари в дефиниционных описаниях наименований продуктов растительного происхождения сочетают научную информацию об объекте с наивными представлениями о нем, что соотносится с положением о некоем посредничестве профессиональной картины мира между научной и наивной. Во-вторых, работа составителей словарей носит сугубо интенциональный характер: лексикограф, безусловно, тщательно обдумывает специфику подхода к систематизации лексики, намеренно определяет аспекты дефиниционного описания. И.А. Стернин и А.В. Рудакова подчеркивают, что

лексикограф вынужден следовать принципу редукционизма значения. Исследователи замечают: «лексикографическое значение – это в любом случае искусственный конструкт лексикографов, некоторый субъективно определенный ими минимум признаков, который предлагается пользователям словаря как словарная дефиниция» [Стернин, Рудакова 2011: 12]. Интенциональность в подходе к отбору и систематизации лексики русского языка, в определении границ дефиниционного содержания лексем особенно отчетливо проявляется в разрабатываемых в настоящее время словарях нового типа. Авторы-составители подобных словарей стремятся к достижению следующих целей:

- составление активного словаря русской лексики, основанного не только на корпусах текстов, но также на лингвистическом эксперименте и представляющего «по возможности полную информацию о каждом слове, необходимую для его правильного употребления в собственной речи говорящих» [Апресян, электронный ресурс] (см. подробнее о работе над активным словарем русского языка в ИРЯ РАН под руководством Ю.Д. Апресяна);

- отражение реально существующего значения слова, фиксируемого в сознании современных носителей языка (одним из таких проектов является составление «Словаря обыденных толкований слов» и его продолжение в виде Интернет-проекта «Викилексия», осуществляемые под руководством Н.Д. Голева [см. подробнее: Голев 2010, 2013, 2014];

- «всеохватное лексикографическое представление» лексического ядра русского языка, предполагающее максимально обширную информацию о слове: лингвистическую и культурологическую (см. подробнее о реализации проекта «Всеохватного» словаря в Институте русского языка им. А.С. Пушкина под руководством В.В. Морковкина [Морковкин 2001, 2007; Морковкин, Богачева 2011];

- более углубленное и объемное описание семантики лексических единиц (см. подробнее И.А. Стернин о разработке «Психолингвистического толкового словаря» [Попова, Стернин 2007: 94 – 97; Стернин 2010: 57; Стернин, Рудакова 2011: 169 – 183]).

Общей тенденцией современной лексикографии является стремление к универсализации справочных изданий, нивелированию границ между собственно лингвистической и энциклопедической информацией, что обусловлено требованием пользователя найти в одном источнике разноплановую информацию о слове: и лингвистическую (сведения об орфоэпическом и орфографическом облике слова, о его семантических и грамматических особенностях, о его этимологии), и экстралингвистическую (указание на прагматическую, лингвокультурологическую и иную специфику) [см. об этом подробнее: Карпова 2000,

2004: 36 – 37, 2006; Левенталь 2014: 15 – 21; Морковкин 1992]. Авторы-составители словарей нового типа отмечают особую практическую значимость таких словарей, которая заключается в решении в первую очередь учебных задач при изучении русского языка как родного и как неродного. Подобные словари содержат такой объем материала и таким образом его структурируют, что это может стать хорошей основой для эффективной учебно-методической работы как преподавателя, так и обучающихся [см., например, Морковкин 1977, 1986, 1990; 1992].

Интересным в этом смысле и актуальным для исследования лингвокогнитивной категоризации является «Большой толковый словарь русских существительных», подготовленный авторским коллективом под руководством Л.Г. Бабенко [Большой толковый словарь русских существительных 2005]. Словарь представляет собой реализацию одного из подходов к идеографическому описанию русской лексики. Лексические единицы в данном словаре, как отмечают авторы-составители, «группируются на понятийной основе». При этом исследователи выявляют тип отображаемой лексемами ситуации или компонента ситуации (т.е. денотата существительного). Отмеченная типовая семантика и базовое (категориальное) имя группы слов, с одной стороны, и толкование конкретного значения отдельных слов данной группы, с другой стороны, позволяет «выявить тонкие семантические различия между близкими по смыслу словами одной тематической группы» [Большой толковый словарь русских существительных 2005: 15]. Специфика подхода к описанию русской лексики авторов рассматриваемого толково-идеографического словаря заключается в признании существенного влияния на выделение лексических групп денотативной категоризации имен предметов, которая отражается в словаре на уровне выделения денотативных сфер и денотативных групп имен существительных.

Актуальная для данного исследования лексика рассматривается авторами «Большой толкового словаря русских существительных» (под ред. Л.Г. Бабенко) в двух денотативных сферах. Значительная часть единиц, номинирующих объекты лингвокогнитивных категорий ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ОРЕХИ (т.е. члены данных категорий), включена в рубрику «Существительные, обозначающие растения, плоды или части которых употребляются человеком в пищу или используются при ее приготовлении» (денотативная сфера «Растения и грибы»). Существенным признаком лингвокогнитивной категоризации при таком членении объектов является общий для разных картин мира (ботанической, агрономической, наивной) признак *способ произрастания*: древесный, кустарниковый, травянистый. Так, в отдельную рубрику

включены существительные, обозначающие многолетние растения с твердым стволом и/или ветвями, плоды (фрукты, ягоды, орехи и т.п.) и/или листья которых съедобны. Указанная типовая семантика обуславливает специфическую структуру словарной статьи: дефиниционное описание растения + описание его съедобной части (указание метонимического значения), ср.: «АБРИКОС, -а, *мн. род.* – ов, *м.* – Южное фруктовое дерево семейства розоцветных с крупными ароматными цветами, дающее сочные и сладкие желто-красные плоды, покрытые пушком, имеющие сладкую сочную мякоть, крупную твердую косточку, а также сам плод этого растения» [Большой толковый словарь русских существительных 2005: 82]. Однако такой подход не позволяет охватить лексическую группу в полном объеме, например, ни в денотативной сфере «Растения и грибы», ни в сфере «Питание» не представлена лексема *яблоко*, единица упоминается лишь при дефиниционном описании существительного *яблоня*, но собственного описания в словаре она не получила.

Таким образом, в основе категоризации, отображенной в рассматриваемом толково-идеографическом словаре, лежит категоризация денотативная. При дефиниционном описании авторы-составители словаря стремятся соотнести научные представления об объекте (указание семейства, способ и зональность произрастания, специфика произрастания, ср.: *вечнозеленое, многолетнее* и т.п.) с фрагментами наивной категоризации (упоминания, например, о размере, запахе, вкусе, цвете, степени плотности плода). В этом смысле показательны также сами формулировки дефиниций: например, при описании некоторых растений, плоды которых являются съедобными, используется сема 'фруктовое дерево' (следы наивной категоризации), ср. дефиниции лексем *абрикос, груша, персик, слива, яблоня*. Однако при описании лексического значения таких слов, как *айва, алыча, апельсин, вишня, гранат, грейпфрут, мандарин, маслина, папайя, хурма, черешня* используется термин *плодовое дерево* (следы агрономической категоризации). Причина дефиниционных различий не получила объяснения.

Единицы лексической категории ОВОЩИ отмечены в рубрике «Существительные, обозначающие травянистые растения со съедобными плодами и листьями». Типовая семантика охватывает многолетние или однолетние растения с невысоким мягким стеблем, плоды (корнеплоды, орехи, зерна) или листья которых съедобны или используются как пряности. Данная группа объединяет и собственно овощи (сема 'овощ' и 'огородное растение' используется при формулировке значений, ср. значения слов *баклажан, брюква, кабачок, картофель, морковь, огурец* и т.п.), и бобовые культуры (*арахис, бобы, горох, фа-*

соль, чечевица и др.), и злаки (*кукуруза, овес, просо, рис, рожь* и др.). Как было отмечено авторами-составителями, в данную группу лексики входят также наименования растений, используемых как зеленные культуры (*мята, петрушка, укроп* и под.) и пряности (*кардамон, перец, тмин, шафран* и др.).

Категория ЯГОДЫ также рассматривается составителями словаря в двух рубриках: первая группа включает наименования ягод, растущих на деревьях и кустах, в другой группе перечисляются наименования ягод как плодов травянистых растений. При этом слово *ягода* используется в обыденном значении, но не в ботаническом смысле. Так, авторы словаря называют ягодами плоды таких растений, как барбарис, вишня, ежевика, калина, кизил, крыжовник, малина, рябина, смородина, черемуха, черешня, шелковица (о плодах древесных и кустарниковых растений), а также плоды брусники, голубики, земляники, клубники, клюквы, костяники, морошки и черники (о плодах травянистых растений). В собственно ботаническом смысле из перечисленных объектов к ягодам относят лишь крыжовник, смородину, бруснику, голубику, клюкву и чернику (рябина представляет собой ягодовидный плод в виде яблока); остальные плоды в ботанике считаются костянками. Таким образом, при категориальном описании ягод авторы-составители словаря опираются на концепции, близкие агрономической, торгово-экономической, кулинарной и наивной картинам мира, однако это не исключает присутствия в дефинициях ботанических характеристик (указание на место в систематике растений), ср.: «МОРОШКА, -и, ж. Северное дикорастущее болотное травянистое или полукустарниковое растение семейства розоцветных с белыми цветками и съедобными рыжевато-желтыми душистыми ягодами, по виду похожими на малину, а также сами эти ягоды» [Большой толковый словарь русских существительных 2005: 88].

Общие категориальные имена ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ описываются в словаре в двух рубриках: «Существительные, обозначающие общие понятия, связанные с растениями» (денотативная область «Растения и грибы») и «Существительные, обозначающие пищевые продукты» (денотативная область «Питание»). В отношении идеографического описания перечисленных единиц (категориальных имен) в данном словаре можно выявить некоторые особенности:

1) некоторые лексемы дублируются, попадая в разные категориальные области, что позволяет сделать вывод об отсутствии четких границ у изучаемых категорий;

2) лексемы ОВОЩИ и ЗЛАКИ фиксируются в форме множественного числа; единицы ОРЕХ, ФРУКТ, ЯГОДА – в форме единственного числа;

3) лексема ЗЛАКИ не упоминается в рубрике «Питание», так как данная категория более актуальна для ботаники и агрономии (единица присутствует в лексической группе денотативной области «Растения и грибы»), чем для кулинарной сферы и бытового приготовления пищи.

Следует подчеркнуть, таким образом, что при составлении толково-идеографического словаря лексическая категоризация естественным образом опирается на денотативную; при этом лексикографы в дефиниционных описаниях лексики обобщают наивное представление об объектах действительности и научные концепции (обозначают место в систематике растений, подчеркивают специфику, способ и зональность произрастания, отмечают особенности хозяйственного использования). Это позволяет говорить о влиянии профессионального типа лингвокогнитивной категоризации на формирование лексикографической картины мира.

3.3. Категории лингвоментальной субсферы «Продукты растительного происхождения»: специфика наивной категоризации.

Определение специфики лингвокогнитивной категоризации овощей, фруктов, злаков, ягод и орехов в наивной картине мира в настоящем исследовании основывается на данных направленного ассоциативного эксперимента, в котором участвовало 600 человек (в основном жителей Свердловской области) от 17 до 67 лет. Помимо названных информантов для определения специфических черт именно русского сознания использовались материалы анкетирования студентов из Китая и Монголии (30 человек).

Респондентам было предложено три задания, первое из которых было направлено на выявление наиболее и наименее типичных образцов названных категорий (формулировка задания № 1: *Запишите известные вам овощи, фрукты, злаки, ягоды, орехи в соответствующие столбцы*; см. Приложение № 1). В столбцах были пронумерованы строки от 1 до 10. При обработке данных учитывалась позиция (место), на которое был поставлен респондентами тот или иной продукт: очевидно, что на первых позициях фигурируют наиболее лучшие, наиболее типичные образцы категории (именно они первыми приходят в голову носителю языка при появлении стимула – слова, называющего категорию), на последних позициях находятся наименее типичные

члены категории (худшие образцы). Таким образом, при обработке результатов важны два параметра: общее количество упоминаний того или иного продукта и позиция (от 1 до 10), на которой располагается то или иное наименование.

В результате обработки анкет были получены количественные данные о названных образцах каждой из категорий, распределенных впоследствии в соответствии с разработанной классификацией степеней типичности членов категории: 1) **сверхтипичные** члены категории (лучшие образцы), обладающие высокой степенью типичности, названные более 80 % респондентов; 2) **типичные** члены категории, которые можно распределить по двум подгруппам: высокочастотные, упоминаемые 60 % – 80 % респондентов; среднечастотные, упоминаемые 30 % – 60% респондентов; 3) **малотипичные**, названные 10 % – 30 % респондентов; 4) **нетипичные** члены категории, названные 5 % – 10 % респондентов; 5) **сверхнетипичные** члены категории, названные менее 5% респондентов. Члены категории, вошедшие в четвертую и пятую группы, считаются худшими образцами категории.

Количественные данные были внесены в сводные таблицы, затем образцы были распределены по указанным выше степеням типичности и охарактеризованы в зависимости от особенностей лингвокогнитивной категоризации, присущей тому или иному варианту (вариации) языковой картины мира. За основу распределения по степеням типичности были взяты наивные представления о принадлежности тех или иных образцов к категориям ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЗЛАКИ, ЯГОДЫ, ОРЕХИ. Категориальная оценка продуктов в других картинах мира определялась в соответствии с актуальными для той или иной сферы источниками информации, свидетельствующими о принадлежности продукта к определенной категории. Описание результатов выполнения первого задания осуществлено в Главе IV, посвященной выявлению структурно-содержательных особенностей изучаемых категорий в наивной картине мира в сопоставлении с их эквивалентами в иных вариантах и вариациях языковой картины мира.

Второе задание эксперимента предполагало выявление существенных признаков каждой из названных категорий, в соответствии с которыми тот или иной образец включается в определенную рубрику (формулировка задания № 2: *Укажите, по каким признакам Вы относите те или иные плоды к фруктам, овощам, злакам, ягодам, орехам (вкус, размер, форма, структура или состав, способ или место произрастания, т.е. как растут: на ветках деревьев, на кустах, на травянистых растениях или иное; что собой представляют: плод, сте-*

бель, корень, клубень, цветок или иное). Опишите эти признаки максимально конкретно).

Вопрос о возможности описания существенных признаков, на основании которых формируется та или иная категория в сознании носителей языка, на сегодняшний день является спорным. Некоторые исследователи отмечают невозможность представить окончательный список стандартных для каждой категории признаков (Л. Витгенштейн, Э. Рош, Дж. Лакофф и др.). Однако в настоящее время предпринимаются попытки определить пусть не окончательный, но сколько-нибудь полный список таких признаков для некоторых категорий (см. работы А. Вежбицкой [Вежбицка 1996a]).

Как показали результаты эксперимента, в сознании носителя языка существует определенный набор существенных признаков, на основании которых формируются категории. Эти признаки, обычно актуальные для наивного сознания, часто кардинально расходятся с научно обоснованными критериями категоризации, но именно они позволяют человеку классифицировать и, соответственно, систематизировать, упорядочивать разрозненные знания о мире.

Результаты обработки количественных данных, полученных после выполнения респондентами второго задания анкеты, представлены в Таблице № 5. Указанные в опросных листах ответы были обработаны статистически, первые десять наиболее частотных признаков условно выделены как наиболее существенные для наивной категоризации овощей, фруктов, ягод, злаков и орехов (полный вариант статистической обработки данных анкетирования представлен в Приложении № 2).

Таблица № 5.

Существенные признаки категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ в наивной картине мира

№	ОВОЩИ	ФРУКТЫ	ЯГОДЫ	ОРЕХИ	ЗЛАКИ
1	в пищу употребляется любая часть (в зависимости от растения): корень в разных видах (клубень, корнеплод и под.), стебель или черешки, листья, плоды, цветки и семена (морфологический при-	фрукты имеют ярко выраженный вкус (сладкие, кислые или кисло-сладкие на вкус или просто вкусные)	частью растут на кустах, реже являются плодами травянистых растений или деревьев (признак: способ произрастания)	растут на кустах или деревьях (признак: способ произрастания)	из них делают муку (признак: особенности хозяйственного использования)

	знак)				
2	растут на / в земле, близко к земле (являются травянистыми растениями) – признак: способ произрастания	на деревьях и кустах (признак: способ произрастания)	имеют ярко выраженный вкус (как правило, ягоды сладкие)	растут в лесу (признак: место произрастания)	из них делают крупу (признак: особенности хозяйственного использования)
3	по вкусовым свойствам не-сладкие	съедобен только плод (морфологический признак)	по размеру ягоды мелкие (небольшие)	имеет, как правило, твердую оболочку (признак: структура плода, морфологический)	выращиваются на полях (признак: место произрастания)
4	растут на грядке, на огороде и в разных климатических условиях (признак: место произрастания)	по форме чаще круглые, реже овальные (продолговатые)	по структуре и консистенции (степени плотности) ягоды сочные и мягкие	по форме обычно круглые или овальные	состоят из стебля и колоса (признак: структура растения, морфологический)
5	по размеру бывают разными: мелкими, средними, крупными	по размеру чаще средние или крупные	ягоды представляют собой съедобный плод (морфологический признак)	обычно не-большого размера	имеют зерна (признак: структура растения, морфологический)
6	по форме бывают разными (круглыми, овальными, продолговатыми, вытянутыми и т.п.)	произрастают в южных регионах (признак: зональное распространение)	имеют косточку или семена внутри (морфологический признак);	являются питательным (высококалорийным) продуктом	зерна обычно круглой или овальной формы
7	употребляются в пищу в обработанном виде (вареными, жареными, солеными, маринованными и под.) – признак: способ хозяйственного использования	имеют сочную мякоть (консистенция, степень плотности)	произрастают в разном климате (признак зональности распространения), растут в саду / лесу (культивируемые / дикорастущие)	имеет жесткую структуру (консистенция, степень плотности)	злаки желтого или светлорычечного цвета
8	по степени плотности (консистенции) овощи жесткие твердые	по цвету фрукты яркие (разнообразные)	ягодные растения имеют период цветения (имеют цветков) – мор-	не требует специальной обработки при употреблении в пищу (признак:	урожай злаковых культур собирают механизированным способом

			фологический признак	способ хозяйственного использования	(специальными машинами: комбайнами и т.п.) – особенности сбора урожая
9	по цвету овощи, как правило, разные, неяркие	имеют мягкую структуру (мясистые) – консистенция степень плотности	используются в пищу в сыром виде или в обработанном (варенья, желе, соки, десерты, алкогольные напитки и т.п.) – признак: особенности хозяйственного использования	полезны для человека (особенности хозяйственного использования)	на полях их собирают в снопы или стога – особенности сбора урожая
10	по питательной ценности овощи калорийные, сытные (признак: польза для человека)	полезны (содержат фруктозу, клетчатку, витамины); используются в основном в сыром виде, в составе десертных блюд – признак: хозяйственное применение ; имеют косточку внутри (морфологический признак)	полезны для человека (содержат витамины) – особенности хозяйственного использования	по цвету орехи обычно коричневого цвета	используют на корм скоту (признак: способ хозяйственного использования)

Как видно из таблицы существенным признаками наивной категоризации овощей фруктов, ягод, злаков и орехов являются следующие: **особенности структуры растения** (морфологический признак: часть растения, употребляемая в пищу), **способ произрастания** (травянистое, кустарниковое или древесное), **место произрастания** (в лесу, в саду, на огороде), **вкусовые характеристики, форма, цвет, размер, консистенция (степень плотности) плода, особенности сбора урожая**. В отношении таких признаков, как выделение продуктивных органов и способ произрастания, наивная картина мира соотносится с научными представлениями; признак специфики сбора урожая и хозяйственного использования приближает наивную картину мира к

профессиональной, в остальном наивная категоризация строится на специфических признаках (вкус, цвет, размер, форма, консистенция, степень плотности плода).

Выводы по третьей главе

Структура категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЗЛАКИ, ЯГОДЫ, ОРЕХИ не одинакова в разных вариантах и вариациях языковой картины мира (в ботанической, медицинской, агрономической, торгово-экономической, кулинарной и наивной языковых картинах мира). В каждой из названных вариаций языковой картины мира учитываются специфические существенные признаки, определяющие членство и границы категорий.

В агрономической картине мира в основе лингвокогнитивной категоризации продуктов растительного происхождения лежат следующие признаки: *морфологический признак* (часть (орган) растения, употребляемого в пищу); *признак сходства или различия форм существования; особенности возделывания и зонального размещения; ботаническая структура; специфика хозяйственного использования*. Обилие учитываемых существенных признаков не позволяет представить единую агрономическую классификацию продуктов растительного происхождения, а учет нескольких существенных признаков делает границы данных категорий предельно нечеткими и размытыми, поэтому нередко один и тот же объект становится членом разных категорий или субкатегорий. Именно это как нельзя лучше доказывает верность идеи Людвига Витгенштейна о существовании не строгого набора существенных признаков у членов категории, а о наличии т.н. «фамильного сходства» между ними. Однако главным признаком собственно лингвокогнитивной категоризации в агрономической картине мира является *специфика возделывания, культивации*, что позволяет распределять изучаемые феномены по таким группам: ПОЛЕВЫЕ КУЛЬТУРЫ, ОВОЩНЫЕ КУЛЬТУРЫ, ПЛОДОВЫЕ КУЛЬТУРЫ, ЯГОДНЫЕ КУЛЬТУРЫ (категория ФРУКТЫ в агрономии не фиксируется).

Ботаническая концепция категориальной оценки плодов является наиболее последовательной по четкости классификационных оснований и выделяемых рубрик, однако специалисты по ботанике вообще не оперируют такими понятиями, как *овощ* или *фрукт*, а термины *ягода* и *орех* понимаются ими совершенно иначе, нежели агрономами, работниками торговли и обывателями. Главными признаками лингвокогни-

тивной категоризации растений, являющихся для носителей обыденного сознания овощами, фруктами, ягодами, злаками и орехами, в ботанической картине мира являются *систематический* (место в систематике растений) и *морфологический* (структура растения). Результаты ботанической языковой категоризации отражаются в виде таких наименований категорий: ЦАРСТВО, ОТДЕЛ, КЛАСС, ПОДКЛАСС, ПОРЯДОК, СЕМЕЙСТВО, ПОДСЕМЕЙСТВО, РОД, ВИД (на основании систематического признака), КОРЕНЬ (КЛУБЕНЬ), ПОБЕГ, СТЕБЕЛЬ, ЛИСТ, ЦВЕТОК (СОЦВЕТИЕ), ПЛОД (на основании морфологического признака).

В медицине, фармакологии и фармакогнозии существенными признаками являются собственно ботанические основания категоризации (*систематический и морфологический*), а также признак *наличие – отсутствие лечебного эффекта при том или ином заболевании*. Для диетологии специфичен следующий признак: *вредно – полезно для здоровья человека при том или ином его психофизическом состоянии*. При этом медицина оперирует такими категориями, как ЛЕКАРСТВЕННЫЕ РАСТЕНИЯ (члены таких категорий – растения и их части, используемые в медицинских целях, ср.: плоды шиповника, листья мяты и т.п.; в основании категоризации лежит морфологический признак и признак химического состава); ИСТОЧНИК БЕЛКОВ, ЖИРОВ и УГЛЕВОДОВ (основание лингвокогнитивной категоризации – химический состав, продукты первичного метаболизма). Диетология относительно рассматриваемых категорий в известной степени приближена к кулинарии, поэтому в данном случае актуализируются категории обыденного сознания: ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ.

В кулинарной картине мира, помимо признака *специфика употребления в пищу*, актуальны и другие: *особенности разделки, обработки, приготовления, хранения продуктов растительного происхождения и их употребления в пищу*.

В торгово-экономической сфере учитываются *особенности обработки, хранения, транспортировки и реализации продукта как товара* и специфика товарооборота между субъектами товарно-денежных отношений (в т.ч. – между разными государствами). Членение на категории в данной картине мира весьма специфично. Для торговой сферы среди изучаемых актуальны лишь такие категории, как ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЗЛАКИ; категории ЯГОДЫ и ОРЕХИ в торговой картине мира не выделяются, а объекты вещественного мира, которые обыденным сознанием причисляются к ягодам и орехам, категоризируются в торговле как фрукты.

Специфика лексикографической картины мира заключается в следующем: в древнерусский период лексикографическая картина мира была тождественна наивным представлениям о продуктах растительного происхождения, основным признаком категоризации был *способ произрастания, возделывания, приготовления и употребления в пищу*. Современные составители словарей стремятся соотнести научные и наивные представления о том или ином растении-продукте, следовательно, при определении категориальной отнесенности объекта учитываются разные существенные признаки – те, которые важны для специалистов по ботанике и сельскому хозяйству (*место в систематике растения, способ культивирования и место произрастания*), а также те, которые актуальны для обыденного сознания (*способ произрастания, особенности приготовления и употребления в пищу*). В последние годы наблюдается тенденция к ориентации деятельности лексикографов на пользователя, которая заключается, во-первых, в учете наивных метаязыковых представлений о семантике языка, во-вторых, в стремлении к универсализации справочного издания (т.е. к системному описанию лексики с включением лингвистической и экстралингвистической информации).

Особенности структуры растения, способ и место произрастания, вкусовые характеристики, форма, цвет, размер, консистенция (степень плотности) плода, особенности сбора урожая – существенные признаки лингвокогнитивной категоризации рассматриваемых феноменов в наивной картине мира.

На процессы категоризации в каждой из названных вариаций языковой картины мира влияют специфические признаки, в соответствии с которыми формируются те или иные категории. При этом в каждой сфере имеются также собственные авторитетные источники информации, в которых вербально закрепляются особенности лингвокогнитивной категоризации, фиксируется присутствие того или иного члена в рамках определенной категории, устанавливаются границы категорий. В приведенной ниже таблице (см. Таблицу № 6) приведены обобщенные данные о сферах изучения объекта вещественного мира, типах лингвокогнитивной категоризации, источниках информации о категориальной оценке объекта, аспектах его рассмотрения (признаках категоризации) и вариациях языковой картины мира.

Таблица № 6.

**Специфика категоризации
ОВОЩЕЙ, ФРУКТОВ, ЯГОД, ЗЛАКОВ, ОРЕХОВ
в разных вариантах и вариациях языковой картины мира**

Когнитивная сфера	Вариация языковой картины мира	Источники информации	Тип категоризации	Аспекты рассмотрения (существенные признаки категоризации)	Актуальные лексические категории
Наука (ботаника)	Ботаническая картина мира	Специальная научная литература по ботанике, ботанические словари, справочники, энциклопедии.	Научная категоризация	Систематический признак (место в систематике растений); морфологический признак (продуктивный орган)	Царство – порода – отдел – класс – подкласс – семейство – вид – род (систематика). Корень (клубень, клубнелуковица как видоизмененные корни), стебель, лист, цветок (или соцветие), плод
Наука (агрономия)	Агрономическая картина мира	Специальная научная литература по агрономии и растениеводству (овощеводству, плодоводству).	Научная категоризация	Специфика возделывания культурных пород (способ произрастания, особенности сбора урожая), зональность культивации (климатические условия, выбор почв и т.п.) и под.	Полевые, овощные, плодовые, ягодные, орехоплодные культуры
Научная медицина (фармакогнозия, фармакология, диетология)	Медицинская картина мира	Специальная литература по фармакологии, фармакогнозии и диетическому питанию	Научная категоризация	Химический состав продукта Наличие vs. отсутствие лечебного эффекта при болезни Влияние на	Плоды (стебли или листья), богатые веществами первичного и вторичного метаболизма Лекарственные растения (их плоды, стебли, листья и т.п.) Полезные vs.

				здоровье человека	вредные продукты для здоровья
Профессиональная сфера	Лексико-графическая картина мира	Специальная литература, имеющиеся толковые словари, анкетные опросы и под.	Профессиональная категоризация	Способ и место произрастания, место в систематике растения, целевое использование и хозяйственное назначение растения, способ употребления в пищу, особенности цвета, вкуса, запаха, формы, структуры и др.	Фрукты, овощи, ягоды, злаки, орехи
Профессиональная сфера (торговля внутренняя и международная)	Торгово-экономическая и таможенная картины мира	Нормативные документы: действующие ГОСТы, «Общероссийский классификатор видов экономической деятельности, продукции и услуг...», таможенные торговые документы и др.	Профессиональная категоризация	Особенности переработки, хранения, транспортировки и реализации продукта как товара	Фрукты, овощи
Профессиональная сфера (сфера производства и реализации кулинарной продукции)	Кулинарная картина мира	Специальная, учебная литература о технологиях, методах и способах приготовления пищи	Профессиональная категоризация	Особенности разделки, обработки, приготовления, хранения продуктов растительного происхождения и их употребления в пищу	Фрукты, овощи, ягоды, злаки, орехи
Бытовая сфера	Наивная картина мира	Данные анкетных опросов, бытовая речь	Наивная категоризация	Особенности произрастания, вкус, цвет, форма и размер продукта, особенности его обработки, приготовления	Фрукты, овощи, ягоды, злаки, орехи

				и употребления в пищу	
--	--	--	--	--------------------------	--

Примечание: 1. Разумеется, существуют и иные модели мира, в которых овощи, фрукты, злаки, ягоды и орехи могут наделяться специфическими характеристиками. Так, например, в мировой художественной литературе известны сюжеты, в которых фрукты или овощи, ягоды или орехи наделяются особыми, иногда волшебными, свойствами (наливные и молодильные яблоки в русских сказках, орехи в сказке братьев Grimm «Три сестры», волшебные бобы из английской сказки «Джек и бобовый стебель», волшебные грибы в сказке Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» и мн. др.). Нередко овощи или фрукты в сказках перевоплощаются в живых существ и также наделяются особыми свойствами и специфическими чертами характера (сказка Дж. Родари «Чиполлино», старик-боровик из русских сказок и под.). Таким образом, члены интересующих нас категорий в художественной картине мира могут обладать особыми признаками. Вероятно, аспектов изучения овощей, фруктов, злаков, ягод и орехов множество, однако настоящее исследование ограничивается теми аспектами, которые описаны в таблице.

2. Медицинская картина мира в дальнейшем исследовании не рассматривается в силу чрезмерной детализации и наибольшей спецификации категорий (ср.: продукты растительного происхождения с высоким содержанием белков / жиров / углеводов; продукты, содержащие алкалоиды / гликозиды / каротиноиды / флаваноиды / стероиды / танины и под.).

Глава IV. Категории лингвоментальной субсферы «Продукты растительного происхождения» в разных вариантах и вариациях языковой картины мира: сопоставительный аспект

Настоящая глава посвящена сопоставительному анализу структурно-содержательных особенностей категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ в ботанической, агрономической, торгово-экономической, производственной (кулинарной), лексикографической и наивной картинах мира. В данной части исследования демонстрируются статистически обработанные результаты проведенного эксперимента, реконструируются и графически представляются модели рассматриваемых категорий, формирующихся в сознании современных носителей русского языка.

4.1. Категоризация *ОВОЩЕЙ* в разных вариантах и вариациях языковой картины мира: сопоставительный аспект.

В биологии, медицине, агрономии, торговле (внешней и внутренней), кулинарии и бытовом представлении нет единства мнений в оценке того, к какой лингвокогнитивной категории принадлежит то или иное наименование продукта растительного происхождения, чаще называемый овощем. Для описания различий в категориальной оценке овощей за основу взята наивная классификация, основанная на данных анкетных опросов (см. Приложение № 1). Задание анкеты было сформулировано следующим образом: *Назовите известные вам овощи*. Для ответов были подготовлены шаблоны, включающие десять пронумерованных строк, в которые респонденты вписывали наименования овощей. Далее было подсчитано общее количество ответов в пользу того или иного продукта (см. Таблицу № 7), что позволило определить наиболее и наименее типичные образцы категории ОВОЩИ в общем представлении носителей русского языка. При анализе результатов учитывалась также позиция (от 1 до 10), на которой было зафиксировано то или иное наименование. Это также способствует определению лучших и худших образцов категории, так как наиболее типичные образцы категории приходят на ум первыми при появлении слова-стимула (в данном случае словом-стимулом выступает единица *овощ*).

Таблица № 7.

**Сводная таблица количественных данных
об образцах категории ОВОЩИ**

П/п	Название овоща	1 место	2 место	3 место	4 место	5 место	6 место	7 место	8 место	9 место	10 место	Общее кол-во отве- тов	Общее кол-во отве- тов в %
1	Огурец	119	163	62	46	25	33	26	21	15	9	519	86,5
2	Помидор	172	131	48	36	37	16	22	18	15	12	507	84,5
3	Карто- фель	159	58	76	61	38	31	28	29	16	10	506	84,33
4	Морковь	50	95	52	77	73	56	30	25	15	16	489	81,5
5	Капуста (белоко- чанная)	41	46	89	57	57	47	47	28	22	10	444	74
6	Свекла	16	32	61	64	72	50	38	35	20	14	402	67
7	Кабачок	9	10	47	41	40	64	46	41	53	28	379	63,16
8	Баклажан	7	8	31	39	39	38	28	37	44	34	305	50,83
9	Лук	5	10	38	42	43	42	30	32	22	25	289	48,16
10	Тыква	5	5	17	26	24	33	45	35	33	33	256	42,66
11	Перец сладкий	0	3	30	18	25	24	23	35	24	23	205	34,16
12	Редис	1	5	16	17	22	17	40	18	43	22	201	33,5
13	Репа	0	2	9	13	27	23	23	23	20	21	161	26,83
14	Редька	0	2	6	17	15	19	19	19	21	21	139	23,16
15	Чеснок	0	0	2	11	11	26	17	17	13	17	114	19
16	Патиссон	1	0	3	6	3	6	10	8	8	6	51	8,5
17	Брокколи	0	3	0	3	7	8	8	6	6	6	47	7,83
18	Горох	0	0	0	2	2	3	5	6	4	12	34	5,66
19	Сельде- рей	0	0	1	2	5	2	2	6	6	8	32	5,33
20	Кукуруза	1	0	0	1	0	2	6	2	8	4	24	4
21	Цветная капуста	0	1	1	2	2	1	4	5	4	4	24	4
22	Хрен	1	0	1	0	0	2	3	5	8	4	24	4
23	Салат	0	1	0	1	0	2	6	5	3	5	23	3,83
24	Петрушка	0	0	0	2	2	1	2	0	3	6	16	2,66
25	Брюква	1	0	0	0	0	2	3	2	2	4	14	2,33
26	Авокадо	1	0	0	0	0	2	1	1	3	2	10	1,66
27	Бобы	0	0	0	0	0	0	1	2	3	4	10	1,66
28	Спаржа	1	0	0	0	0	1	0	1	2	5	10	1,66
29	Фасоль	1	0	0	0	1	1	0	2	0	5	10	1,66
30	Цуккини	0	1	0	0	0	1	4	2	0	2	10	1,66
31	Артишок	1	1	0	0	0	0	1	1	3	1 (м)	8	1,33
32	Топинам- бур	0	0	0	0	0	2	1	1	0	3	7	1,16
33	Укроп	0	0	0	1	1	0	1	0	0	4	7	1,16
34	Батат	0	0	1	0	0	1	0	0	4	0	6	1
35	Дыня	0	1	0	0	0	0	2	0	2	0	5 (2м)	0,83
36	Щавель	0	0	1	0	0	1	1	2	0	0	5	0,83
37	Базилик	0	1	0	0	0	1	1	0	1	0	4	0,66
38	Кольраби	2	0	0	1	0	1	0	0	0	0	4	0,66
39	Турнепс	0	0	0	0	0	0	2	0	0	2	4	0,66
40	Брюс- сельская капуста	0	0	1	0	2	0	0	0	0	0	3	0,5
41	Грибы	0	0	0	0	0	0	2 (к)	1 (к)	0	0	3 (к)	0,5
42	Маслины / Оливки	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2	3	0,5
43	Арбуз	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	2	0,33
44	Калерсы	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	2	0,33

45	Морская капуста	0	0	0	0	0	0	1 (к)	0	1	0	2 (к)	0,33
46	Гвоздика	0	0	0	0	0	0	0	0	1 (м)	0	1	0,16
47	Голубика	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0,16
48	Дайкон	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0,16
49	Карамбо-ла	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0,16
50	Кешью	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1 (м)	1 (м)	0,16
51	Кинза	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0,16
52	Лавровый лист	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1 (м)	1 (м)	0,16
53	Морошка	0	0	0	0	0	0	0	0	1 (м)	0	1 (м)	0,16
54	Папайя	0	0	0	0	0	0	0	0	1 (м)	0	1 (м)	0,16
55	Перец острый	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0,16
56	Фрезия	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0,16
57	Черемша	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0,16
58	Шпинат	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0,16
59	Яйца	0	0	0	0	0	0	0	1 (к)	0	0	1 (к)	0,16

Примечание: (к) – анкета китайца; (м) – анкета монгола.

Представленные респондентами члены категории ОВОЩИ распределяются по группам в соответствии с критерием частотности употребления (т.е. по степени частотности): выделены сверттипичные образцы (лучшие представители категории, по мнению носителей русского языка), типичные (высоко- и среднечастотные), малотипичные, нетипичные и свертнетипичные (малотипичные и свертнетипичные являются худшими представителями категории). Далее образцам дается категориальная оценка в соответствии с той или иной вариацией языковой картины мира и актуальными для определенной сферы деятельности человека источниками информации о принадлежности продукта к обозначенной категории.

Сверттипичные (лучшие) образцы категории ОВОЩИ. К сверттипичным образцам категории ОВОЩИ, по результатам опроса, относятся **огурец, помидор, картофель, морковь** (см. ниже Таблицу № 7). Преобладающее число респондентов среди овощей отметило **огурец** (519 из 600; 86,5%), при этом в первую очередь его назвали 119 респондентов, вторым по списку он оказался у 163 человек. Второе место по общему количеству ответов занимает помидор (507 ответов, 84,5%; на первое место его поставили 172 человека). В отношении огурца и помидора разные картины мира отличаются характеристикой плодов: в ботанической картине мира оба плода являются ягодовидными (огурец называется тыквиной, которая представляет собой разновидность ягодовидного плода; помидор – собственно ягодой); в остальных рассмотренных картинах мира это овощи. Однако с агрономической точки зрения оказывается важным признак степени зрелости некоторых плодов. Например, в пищу, как указывают производители овощей, используются только незрелые плоды огурца, кабачка и цуки-

ни. Степень незрелости огурца характеризует в дальнейшем вид товара: корнишоны, среднеплодные или длинноплодные огурцы [см., например: <http://www.semco.ru>; дата обращения: 08.01.2013]. В бытовом сознании закреплено представление, что все употребляемые в пищу овощи, фрукты, ягоды и т.д. должны быть зрелыми (спелыми).

Помидор, как и морковь, традиционно считается овощем, однако здесь следует оговориться. Известно, что главное условие причисления плода того или иного растения к овощам и фруктам является его сочность. Согласно Приложению 2 к Федеральному закону «Технический регламент на соковую продукцию из фруктов и овощей» (от 27 октября 2008 года № 178-ФЗ) соки, сокосодержащие напитки, нектары, пюре изготавливаются из фруктов и овощей [Федеральный закон... № 178, электронный ресурс]. Очевидно, что документ опирается на факты наивной картины мира, в соответствии с которой помидор (также огурец) – это овощ, а не ягода или ягодовидный плод, как отмечают специалисты по ботанике. Необходимо подчеркнуть, что данный регламент специфичен лишь для России. В странах Евросоюза некоторым продуктам, которые традиционно относятся к категории ОВОЩИ, официально придан статус фруктов. К ним относятся помидоры, стебли ревеня, тыква, огурец, морковь, имбирь, сладкий картофель, дыня и арбуз. Это намеренное допущение обусловлено стремлением легально производить из этих плодов и экспортировать соки, варенья, джемы, мармелад, которые по правилам Евросоюза производятся только из фруктов [см. подробнее: <http://eur-lex.europa.eu>; дата обращения: 08.01.2013]. Из этого следует, что на процесс категоризации могут влиять чисто социальные факторы, например, нормативно-правовые регламенты.

Картофель, по результатам опроса, занимает третью позицию (506 ответов из 600; на первом месте он представлен в 159 анкетах). Во всех рассмотренных картинах мира употребляемые части растения *картофель* называют овощем, клубнем или клубнеплодом (клубень – это видоизмененный корень [Бавтуго 1997: 124]). Однако в производственной и кулинарной сферах мнения в отношении статуса картофеля расходятся: в учебниках по сельскому хозяйству картофель рассматривается именно как овощная культура [Андреев 2003; Тараканов 2003 и др.]. Среди производителей овощных культур популярен журнал с показательным названием «Картофель и овощи» [см. подробнее: <http://potatoveg.ru>; дата обращения: 08.10.2015], в котором строго разграничены рубрики «Картофелеводство» и «Овощеводство». При этом в статьях из раздела «Картофелеводство» употребляются следующие синонимические замены слову *картофель*: *продукция, картофелепро-*

дукты, культура, сорт (о конкретном виде), клубни, растение, продукт питания. Как видно, слово *овощ* применительно к картофелю не употребляется.

В разных пособиях по кулинарии также имеются расхождения во мнениях. В некоторых кулинарных книгах [Гришин 1961; Семин 1991] разводятся разделы «Блюда из картофеля» и «Блюда из овощей». Показательны в этом смысле описания приготовления некоторых блюд, ср.: *При приготовлении первых блюд, содержащих кислые овощи, в бульон вначале кладут картофель, затем овощи...*, *Салат из молодого картофеля с овощами* и т.д. [Семин 1991: 23]. В изданиях, в которых картофель не включается в категорию ОВОЩИ, этот продукт называют клубнями (не овощами). В других источниках в раздел «Блюда из овощей» включены такие статьи: «Картофельные котлеты», «Зразы картофельные», «Картофельный рулет», «Картофельная запеканка» и т.д. Таким образом, в агрономической и кулинарной картинах мира категориальная принадлежность картофеля к ОВОЩАМ разделяется не всеми специалистами.

Морковь в рейтинге овощей занимает четвертое место: ее отмечают 489 человек из 600 (81,5%), большинство из назвавших морковь (95 человек) поставили ее на вторую позицию. В рассматриваемых картинах мира морковь называется корнеплодом (ботаническая, таможенная картины мира) или овощем (торгово-экономическая картина мира). В остальных случаях либо используются оба термина (кулинарная картина мира), либо употребляются комбинированные наименования, ср.: *огородное растение, корнеплод* (лексикографическая картина мира); *корнеплодная овощная культура* (агрономическая картина мира). То есть морковь характеризуется как корнеплод с научной (ботанической и агрономической) точки зрения. К корнеплодам морковь причисляется также в лексикографической и таможенной картинах мира. В торгово-экономической, кулинарной и бытовой сферах морковь называется овощем (о причислении моркови к категории ФРУКТЫ в странах ЕС указано выше).

Характеристика сверхтипичных образцов категории ОВОЩИ представлена в Таблице № 8.

Таблица № 8.

**Сверхтипичные образцы категории ОВОЩИ
в разных вариантах и вариациях языковой картины мира**

П/п	Наивная КМ	Лексикографическая КМ	Ботаническая КМ	Агрономическая КМ	Торгово-экономическая (ГОСТ / ОК)	Таможенная КМ	Кулинарная КМ
1	Огурец	Плод огородного растения семейства тыквенных	Травянистое растение; незрелый ягодовидный плод (тыквина)	Плодовая овощная культура (тыквенные), используются незрелыми	Овощ (1)	Овощ	Овощ
2	Помидор	Плод однолетнего овощного растения семейства пасленовых	Травянистое растение, плод – ягода	Плодовая овощная культура (пасленовые), используются зрелые плоды	Овощ (1,2) / Фрукт (в странах ЕС)	Овощ	Овощ
3	Картофель	Подземные клубни огородного растения семейства пасленовых	Травянистое растение; наземный плод – ягода; клубень (видоизмененный подземный побег)	Клубнеплодная культура / овощная культура	Овощ (1)	Клубнеплод	Овощ или корнеплод
4	Морковь	Огородное растение сем. зонтичных, корнеплод	Травянистое растение; корнеплод (главный, простой, неразветвленный)	Корнеплодная овощная культура	Овощ (1) / Фрукт (в странах ЕС)	Корнеплод	Овощ

Примечания: 1. В столбце «Лексикографическая картина мира» используется выражение *огородное растение*, которое считается тождественным по семантике слову *овощ*; ср. данные «Большого толкового словаря русского языка»: «ОГОРОД, -а; м. 1. Участок земли, обычно вблизи дома, для выращивания овощей» [Большой толковый словарь русского языка, электронный ресурс].

2. Через точку с запятой отмечается ботаническая интерпретация части растения, употребляемого в пищу.

3. В столбце «Торгово-экономическая картина мира» после слова ОВОЩ указывается цифра (1) или (2), обозначающая номер номенклатуры в ГОСТе «Овощи»: Первый список / Второй список.

Типичные (высокочастотные) образцы категории ОВОЩИ.

Типичные представители категории ОВОЩИ были разделены на две группы: высокочастотные и среднечастотные. В русском языковом сознании типичными (высокочастотными) образцами категории ОВОЩИ являются **капуста** (кочанная), **свекла** и **кабачок** (см. Таблицу № 9); к среднечастотными отнесены **баклажан**, **лук**, **тыква**, **перец сладкий (болгарский)**, **редис** (см. Таблицу № 10).

Капуста кочанная по общему количеству ответов занимает пятое место (444 из 600; 74%), большинство респондентов (89) ставит ее на третью позицию. На шестом месте располагается **свекла**, которую отметили 402 человека (67%), 72 респондента поставили свеклу на пятое место. Во всех интересующих нас картинах мира капуста и свекла либо характеризуются с ботанико-морфологической точки зрения (капуста – листовая культура, свекла – корнеплод), либо по отношению к ним используется общеупотребительное – овощ. Иных различий не наблюдается. Заметим, однако, что свекла столовая и капуста белокочанная указаны в «Техническом регламенте на соковую продукцию из овощей и фруктов» [Федеральный закон... № 178, электронный ресурс], то есть они пригодны для изготовления соков. В соответствии с этим нормативным документом изготовлен, например, сок «Овощная смесь» (производитель фирма «Тонус», Россия, Екатеринбург), который имеет следующий состав: сок томатный, сок морковный, сок свекольный, сок огуречный, сок капустный, сок лимонный [<http://www.tonus-ekb.ru>; дата обращения: 13.06.2013]. Это явление специфично для российского производителя, так как в странах ЕС, например, в соответствии с нормативной документацией, свекла и капуста считаются овощами, они не включены в реестр фруктов, из которых изготавливаются соки, как морковь, ревеня или томат.

Кабачок в общем списке занимает седьмое место: его назвали 378 респондентов (63,16%), большая часть из которых (64 человека) расположили его на шестой позиции. Кабачок является ягодовидным плодом в ботанической картине мира, в агрономии, кулинарии и торгово-экономической сфере – овощем, при этом в соответствии с пищевыми стандартами он используется только в незрелом виде. В таможенной документации кабачок и некоторые другие традиционно называемые овощами продукты растительного происхождения условно называются овощами, ср.: *В товарных позициях 0709 – 0712 термин «овощи» относится также к съедобным грибам, трюфелям, маслинам, или оливкам, каперсам, кабачкам, тыквам, баклажанам, сахарной кукурузе (Zea mays var. saccharata), плодам рода Capsicum или рода Pimenta, фенхелю, петрушке, купырю, эстрагону, кресс-салату и майорану са-*

довому (*Majorana hortensis* или *Origanum majorana*) [Решение Совета Евразийской экономической комиссии..., электронный ресурс]. Вероятно, наличие этой оговорки обусловлено стремлением максимально нивелировать разночтения торгово-экономической и ботанической точек зрения на характеристику некоторых плодов.

Характеристика типичных (высокочастотных) образцов категории ОВОЩИ представлена в Таблице № 9.

Таблица № 9.

**Типичные (высокочастотные) образцы категории ОВОЩИ
в разных вариантах и вариациях языковой картины мира**

П/п	Наивная КМ	Лексико-графическая КМ	Ботаническая КМ	Агрономическая КМ	Торгово-экономическая КМ	Таможенная КМ	Кулинарная КМ
5	Капуста (кочанная)	Огородное растение семейства крестоцветных	Травянистое растение с розеткой листьев – кочаном	Листовая (капустная) овощная культура	Овощ (1)	Овощ	Овощ
6	Свекла	Растение семейства маревых; корнеплод	Травянистое растение; корнеплод	Корнеплодная овощная культура	Овощ (1)	Корнеплод	Овощ
7	Кабачок	Недозревший плод огородного растения семейства тыквенных	Травянистое растение с ягодовидным плодом – тыквиной	Плодовая овощная культура (тыквенные), используются незрелыми	Овощ (2)	Условно овощ	Овощ

Типичные (среднечастотные) образцы категории ОВОЩИ. По общему количеству ответов на восьмом, десятом и одиннадцатом месте находятся в соответствующей последовательности **баклажан** (305 из 600 ответов (50,83%), из них большая часть – 44 – закрепляет баклажан на девятой позиции), **тыква** (256 из 600, 42,66%; из них 45 ответов фиксируют тыкву на седьмой позиции), **перец сладкий** (205 из 600; 34,16%; из них 35 ответов устанавливают перец на восьмой позиции). Показательно, что эти плоды крайне редко указываются респондентами на первых позициях: так, например, баклажан и тыкву на первое место ставят соответственно 7 и 5 человек, перец на первом месте не указал ни один опрошенный. Более или менее высокие показатели (от 30 единиц) начинают фигурировать лишь с третьей позиции, что еще раз подтверждает их отсутствие среди типичных образцов категории ОВОЩИ с высокой частотностью употребления.

Специфичными особенностями характеристики **баклажана, тыквы и перца** является их отнесение к ягодовидным плодам в ботанике (в классификации ягодовидных плодов баклажан и перец представляют собой собственно ягоду, тыква считается ягодовидным плодом, называемым тыквиной) и причисление их к категории ОВОЩИ в остальных картинах мира. В торгово-экономической картине мира разногласие между отнесением этих плодов к ЯГОДАМ или ОВОЩАМ снимается оговоркой, что баклажан, тыква и перец условно являются овощными культурами (это касалось также кабачка).

Лук по общему количеству ответов занимает девятое место (289 из 600; 48,16%; наибольшее число респондентов – 43 – называют его пятым по счету). Во всех рассматриваемых картинах мира лук либо характеризуется с ботанико-морфологической точки зрения (как съедобные указываются и луковица, и трубчатые листья), либо по отношению к нему используется общеупотребительное наименование *овощ*. Однако в агрономической и кулинарной картинах мира фигурируют дополнительные номинации *зеленная культура* (сельское хозяйство) и *зелень* (кулинария), так как трубчатые листья часто используются в виде свежей приправы к холодным и горячим блюдам. Так, у категории ОВОЩИ в кулинарной картине мира выделяется субкатегория ЗЕЛЕНЬ, в агрономической – ЗЕЛЕННАЯ КУЛЬТУРА.

Редис занимает двенадцатое место по общему количеству ответов (201 из 600; 33,5%), наибольшее число респондентов (43) поставили его на девятое место; анкет, в которых редис занимает первую или вторую позиции, крайне незначительное количество – 1 и 5 соответственно. Редис характеризуется в рассматриваемых картинах мира, как и большинство корнеплодов, с двух сторон: либо как корнеплод (с ботанико-морфологической точки зрения), либо как овощ (в лексикографической, агрономической, торгово-экономической, кулинарной и наивной картинах мира).

Характеристика типичных (среднечастотных) образцов категории ОВОЩИ представлена в Таблице № 10.

Таблица № 10.

**Типичные (среднечастотные) образцы категории ОВОЩИ
в разных вариантах и вариациях языковой картины мира**

П/п	Наивная КМ	Лексико- графиче- ская КМ	Ботаниче- ская КМ	Агрономи- ческая КМ	Торго- во- эконо- миче- ская КМ	Тамо- женная КМ	Кулинар- ная КМ
8	Баклажан	Плод южно- го огород-	Травянистое растение;	Плодовая овощная	Овощ (1)	Условно овощ	Овощ

		ного растения семейства пасленовых	плод – ягода	культура (пасленовые), используются зрелыми			
9	Лук	Съедобные трубчатые листья или луковицы огородного растения семейства лилейных	Травянистое растение; луковица (клубнелуковица), трубчатые листья	Луковичная овощная культура	Овощ (1)	Луковичный овощ	Овощ (луковица)/ зелень (трубчатые листья)
10	Тыква	Крупные плоды растения с лежащими стеблями	Травянистое растение с ягодовидным плодом – тыквиной	Плодовая овощная культура (тыквенные), используются зрелыми	Овощ (2)	Условно овощ	Овощ
11	Перец сладкий (болгарский)	Плоды пряного растения семейства пасленовых (употребляются как овощ или пряность)	Травянистое растение, плод – ягода	Плодовая овощная культура (пасленовые), используются зрелыми	Овощ (2: перец стручковый)	Условно овощ	Овощ
12	Редис	Овощное растение со съедобным округлым корнем	Травянистое растение; корнеплод	Корнеплодная овощная культура	Овощ (2)	Корнеплод	Овощ

Малотипичные образцы категории ОВОЩИ. Малотипичными образцами категории ОВОЩИ, по данным эксперимента, стали **репа, редька и чеснок**. **Репа** названа 161 респондентом из 600; 26,83% (наибольшее число – 27 человек – поставили ее на пятое место); **редьку** указали 139 человек из 600; 23,16% (на девятую позицию ее поставил 21 человек, столько же отметили ее на десятом месте); **чеснок** упомянут 114 респондентами, 19% (26 человек ставят его на шестую позицию). Следует отметить, что репа, редька и чеснок набирают менее десятка ответов вплоть до четвертой позиции, более трех десятков упоминаний (более 5 % всех ответов) не набирает ни один из названных плодов. Эти данные подтверждают принадлежность репы, редьки, чеснока к группе малотипичных образцов категории ОВОЩИ.

В рассматриваемых картинах мира плоды данной группы представляются с двух сторон: в лексикографической, ботанической, агрономической картинах мира репа и редька категоризируются как корнеплоды, чеснок – как луковица или клубнелуковица (здесь актуален ботанико-морфологический признак); в торгово-экономической и кулинарной сферах все названные образцы – овощи). Редька не указана в таможенных документах.

Характеристика малотипичных образцов категории ОВОЩИ представлена в Таблице № 11.

Таблица № 11.

**Малотипичные образцы категории ОВОЩИ
в разных вариантах и вариациях языковой картины мира**

П/п	Наивная КМ	Лексикографическая КМ	Ботаническая КМ	Агрономическая КМ	Торгово-экономическая КМ	Таможенная КМ	Кулинарная КМ
13	Репа	Огородное растение семейства крестоцветных, овощ с утолщенным корнем	Травянистое растение; корнеплод	Корнеплодная овощная культура	Овощ (2)	Корнеплод	Овощ
14	Редька	Огородное растение семейства крестоцветных, овощ с крупным съедобным корнеплодом	Травянистое растение; корнеплод	Корнеплодная овощная культура	Овощ (2)	-	Овощ
15	Чеснок	Огородное растение семейства лилейных, овощ с дольчатыми луковицами	Травянистое растение; луковица (клубнелуковица)	Луковичная овощная культура	Овощ (1)	Луковичный овощ	Овощ

Нетипичные образцы категории ОВОЩИ. К нетипичным образцам категории ОВОЩИ были отнесены **патиссоны, брокколи, горох, сельдерей**. Патиссон указан 51 респондентом (8,5%), брокколи – 47 (7,83%), горох – 34 (5,66%), сельдерей – 32 (5,33%). Самые высокие показатели у данных плодов – от 8 до 12 ответов, респонденты их распределяют от шестой до десятой позиций. Дополнительным подтверждением нетипичности некоторых образцов данной группы является

их отсутствие в ГОСТе «ОВОЩИ» [ГОСТ 27523-87, электронный ресурс], это касается патиссона и брокколи.

В отношении категориальной характеристики патиссона, брокколи, гороха и сельдерея в разных картинах мира нет единой точки зрения. Так, плод **патиссона** как представителя семейства тыквенных в ботанике считается разновидностью ягоды (тыквиной), а части брокколи, употребляемые в пищу, – цветками в фазе бутонизации, или соцветиями; в таможенной картине мира патиссон овощем называют условно; в остальных картинах мира (кроме торгово-экономической, где они вообще не фигурируют) брокколи и патиссон – овощи.

Брокколи, как и цветная капуста, в наивной картине мира представляется овощной культурой, а не цветком. Безусловно, в бытовом сознании закреплено, что цветки некоторых растений могут употребляться в пищу. Так, из цветков одуванчика готовят варенье, цветки календулы, эхинацеи и бархатцев добавляют в салаты [<http://bookflowers.ru>; дата обращения: 15.01.2013], из цветков шиповника, липы, шалфея и т.д. готовят полезные напитки. В народной кулинарии насчитывают более четырех десятков блюд из разных цветов [см.: <http://kedem.ru>; дата обращения: 15.01.2013]. В официальной документации некоторые цветы причислены к категории ОВОЩИ: в ГОСТах 27523-87 «Овощи. Номенклатура. Первый список» и 27824-87 «Овощи. Номенклатура. Второй список» упоминаются одуванчик, колокольчик, рапунцель, шалфей, портулак огородный [ГОСТ 27523-87; ГОСТ 27824-87, электронные ресурсы]. Однако капустные культуры (а именно: брокколи и цветная капуста) в наивном сознании причисляются к овощам, но не цветам.

Горох занимает 18 место по общему числу ответов, максимальное количество – 12 ответов (2 % от общего количества) закрепляют его на десятой позиции, на первых трех позициях его никто не указал, что свидетельствует о принадлежности гороха к нетипичным образцам. Горох в разных картинах мира характеризуется либо как бобовая культура (лексикографическая, ботаническая), либо как овощ (торгово-экономическая). Встречаются также комплексные характеристики – бобовый овощ (агрономическая, таможенная картины мира). Исключение составляет торгово-экономическая картина мира, в которой горох категоризируется неоднозначно: в ГОСТе «Овощи» он назван овощем, в «Общероссийском классификаторе...» – зернобобовой культурой, что позволяет причислить их к группе зерновых наряду со злаками: пшеницей, рожью, ячменем, просом, рисом и, что показательно, гречихой и кукурузой [Общероссийский классификатор..., электронный ресурс].

Сельдерей занимает 19 место (32 ответа из 600, 5,33%; максимальное количество – 8 человек – ставят его на десятую позицию). В разных картинах мира сельдерей характеризуется либо с ботанико-морфологической точки зрения: в пищу употребляются черешки с листьями, или стебли, и корень (лексикографическая, ботаническая, агрономическая, таможенная картины мира), либо по отношению к нему используется общеупотребительное наименование – *овощ* (лексикографическая и торгово-экономическая картины мира). В кулинарии и в лексикографических источниках дополнительно указывается, что это ПРИПРАВА или ПРЯНОСТЬ. Интересно заметить, что сельдерей корневым и листовым включен в «Технический регламент на соковую продукцию из фруктов и овощей» [Федеральный закон... № 178, электронный ресурс], что позволяет его также причислить к овощам с торгово-экономической точки зрения.

Характеристика нетипичных образцов категории ОВОЩИ представлена в Таблице № 12.

Таблица № 12.

**Нетипичные образцы категории ОВОЩИ
в разных вариантах и вариациях языковой картины мира**

П/п	Наивная КМ	Лексико-графическая КМ	Ботаническая КМ	Агрономическая КМ	Торгово-экономическая КМ (ГОСТ / ОК)	Таможенная КМ	Кулинарная КМ
16	Патиссон	Сплюснутый плод огородного растения семейства тыквенных, овощ	Травянистое растение с ягодовидным плодом – тыквиной (толсто-стенной ягодой)	Плодовая овощная культура, используются незрелыми	-	Условно овощ	Овощ
17	Брокколи	Бутоны однолетнего овощного растения	Травянистое растение; мясистые цветочные побеги (в фазе бутонизации)	Цветковая (капустная) овощная культура, используются соцветия	-	Овощ	Овощ
18	Горох	Семена в стручках травянистого	Травянистое растение; боб как	Плодовая овощная культура	Овощ (1) / Зернобобовая культура	Бобовый овощ	Овощ (горох овощ-)

		полевого или огородного растения семейства бобовых	семя коробочковидного сухого плода	(бобовые)	тура; овощная культура (о зеленом горошке)		ной); бобовые
19	Сельдерей	Травянистое растение; огородное растение, корень и листья используется как приправа	Травянистое растение; корнеплод и побег (стебли или черешки, листья)	Корнеплодная и черешковая овощная культура (корневой, черешковый сельдерей)	Овощ (1: корневой и черешковый)	Корнеплод (корневой); условно овощ (черешковый)	Приправа, зелень

Сверхнетипичные образцы категории ОВОЩИ. К данной группе были отнесены те продукты растительного происхождения, которые были названы наименьшим числом респондентов (менее 5 %). Важно подчеркнуть, что среди ответов, объединенных в данную группу, встречаются как вполне адекватно представляющие категорию (т.е. названный объект характеризуется как овощ хотя бы в одной из картин мира), так и случайные, относящиеся к иным категориям человеческого сознания.

Среди адекватно представляющих данную группу образцов следует назвать **кукурузу, цветную капусту, хрен, салат, петрушку, брюкву, бобы, спаржу, фасоль, цуккини, артишок, топинамбур, батат, дыню, щавель, базилик, кольраби, турнепс, брюссельскую капусту, грибы, маслины (оливки), арбуз, каперсы, морскую капусту, дайкон, кинзу.**

Кукуруза, отмеченная 24 респондентами из 600, к категории ОВОЩИ причисляется в агрономической, торговой (в соответствии с ГОСТом) и кулинарной картинах мира; условно овощем кукуруза названа в таможенных документах. С ботанической точки зрения кукуруза относится к злаковым культурам, ее семена (зерна) представляют собой ореховидный плод – зерновку; лексикографы также подчеркивают, что кукуруза относится к злакам. В экономической картине мира (в соответствии с «Общероссийским классификатором...») кукуруза – это зерновая культура. Иными словами, кукуруза категоризируется в разных картинах мира как овощ, как злак или зерновая культура.

К группе сверхнетипичных отнесены некоторые представители капустных культур: **цветная капуста** (отмечена 24 респондентами), **кольраби** (4) и **брюссельская капуста** (3). В большинстве случаев эти культуры отмечаются как овощные (лексикографическая, агрономическая, торгово-экономическая, таможенная и кулинарная картины ми-

ра). В ботанической картине мира подчеркивается морфологический признак: у цветной капусты в пищу используются цветоносные побеги в фазе бутонизации, у кольраби – клубневидно утолщенный стебель (часть побега), у брюссельской капусты – кочанчики, образованные в пазухах листьев. Подобные дополнения приводятся также в лексикографических источниках и в агрономической литературе: у цветной капусты съедобны соцветия, у кольраби – клубневидный плод, у брюссельской капусты – листья. Кольраби не представлена в таможенных документах, отдельной лексикографической дефиниции нет в современных словарях у словосочетания *брюссельская капуста*.

Салат (назван 23 респондентами), **петрушка** (16), **укроп** (7), **щавель** (5), **базилик** (4), **кинза** (1) считаются овощами в агрономической и торговой картинах мира. Из перечисленных плодов в таможенных документах встречается лишь салат, который также назван овощем. В ботанической концепции главным является морфологический признак: отмечается, что у салата, щавеля, базилика и кинзы съедобны листья; у петрушки и укропа – весь побег (черешки и листья); у петрушки съедобен также корнеплод. В лексикографических источниках и кулинарных книгах, помимо указанных признаков (овощная листовая культура и под.), встречаются также термины *приправа* и *зелень*. Так, на прилавках магазинов действительно данные продукты можно встретить в свежем виде в отделе «Овощи и фрукты» и в сухом переработанном виде – на стойках с приправами.

Хрен, названный 24 респондентами, характеризуется с двух позиций. В лексикографической, ботанической, агрономической и таможенной картинах мира плод категоризируется, как в ботанике, с точки зрения морфологической структуры (корень или корнеплод). В торгово-экономической и кулинарной картинах мира хрен причисляется к овощам. В толковых словарях и кулинарных книгах у данного плода есть дополнительная характеристика – *приправа*.

Брюква (указана 14 респондентами), **топинамбур** (7), **батат** (6), **турнепс** (4) и **дайкон** (1) трактуются либо как овощи (в агрономической, торговой и кулинарной картинах мира), либо как корнеплоды (брюква, турнепс, дайкон) или клубнеплоды (топинамбур и батат) (в лексикографических источниках, ботанических описаниях и таможенных документах). Брюква не приводится в списке продуктов товарооборота в странах таможенного соглашения; топинамбур не представлен в «Общероссийском классификаторе...», батат не указан в ГОСТах «Овощи...». Турнепс не встречается ни в «Общероссийском классификаторе...», ни в таможенных документах, ни в кулинарных книгах. В лингвистических словарях подчеркивается, что данный корнеплод ча-

ще выращивается на корм скоту. Дайкон (японская редька) не имеет описания в русскоязычных лингвистических словарях, не встречается в «Общероссийском классификаторе...» и таможенных документах, не указан в ГОСТах «Овощи», однако перечисляется в качестве ингредиентов некоторых овощных блюд в кулинарных книгах и трактуется, таким образом, как овощ.

Бобы и фасоль, представленные в 10 анкетах, характеризуются с трех сторон: с морфологической точки зрения это семена коробочковидного сухого плода травянистых растений семейства бобовых (ботаническая и лексикографическая картины мира); с точки зрения систематики растений – это бобовые культуры; в агрономической и торгово-экономической сферах бобы и фасоль называют зернобобовыми или просто бобовыми овощными культурами.

Спаржа, причисленная к овощам 10 респондентами, в разных картинах мира характеризуется с двух позиций. В ботанической, лексикографической и агрономической картинах мира актуализируется признак морфологической структуры (в источниках указывается, что съедобны молодые побеги или ростки спаржи). В торгово-экономической сфере и кулинарии спаржа причисляется к овощам; в таможенных документах условно считается овощем.

Цукини, дыню и арбуз, традиционно в ботанике причисляемых к семейству тыквенных, овощами называли соответственно 10, 5 и 2 респондента. **Цукини** в разных картинах мира категоризируется по-разному: в ботанической картине мира этот плод является ягодовидным (это тыква, представляющая собой разновидность ягодовидного плода); в агрономической и кулинарной сферах цукини считается овощем, в таможенных документах он причисляется к овощам условно; в рассматриваемых лингвистических словарях не приводится дефиниция к слову *цукини*, не представлен этот плод ни в «Общероссийском классификаторе...», ни в ГОСТах «Овощи».

Арбуз и дыня заслуживают особого внимания: эти плоды допускают наибольшее число разночтений в разных картинах мира, к арбузу и дыне применяются самые разные наименования – и *овощ*, и *фрукт*, и *ягода* и объединяющее эти понятия – слово *плод*.

С ботанической точки зрения эти плоды не отличаются по категориальным признакам от кабачка, цукини, патиссона, тыквы и даже огурца (последние в этом ряду однозначно воспринимаются наивным сознанием как овощные культуры). При этом специалисты по ботанике, одинаково характеризуя перечисленные породы, подчеркивают, что они представляют собой лиановые травы с плодами в виде толстостенных ягод [Бавтуто, Еремин 1997: 22]. В растениеводстве (овощеводст-

ве) арбуз и дыню относят к овощным культурам, наряду с томатом, огурцом, морковью, капустой, чесноком и др. Однако важно подчеркнуть, что это позиция именно отечественных овощеводов. Например, британский специалист по выращиванию плодовых культур Х. Бейкер, автор книги «Fruit», разделив все плодовые культуры на две группы: ягодные культуры и фруктовые деревья, – дыню отнес к первой группе вместе с ежевикой, земляникой, малиной, смородиной и т.д. (арбуз в работе не упоминается) [Бейкер 1980: 3]. Иными словами, в зарубежной традиции растениеводства дыня относится к ягодам, что соответствует ботанической классификации, в отечественной сельскохозяйственной науке арбуз и дыня – овощи.

В «Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности, продукции и услуг (ОК004-93, утв. Постановлением Госстандарта РФ от 6 августа 1993 года № 17)» все культуры, относящиеся к ботанической точки зрения к семейству тыквенных, перечисляются в разделе «0112000 ОВОЩИ» [Общероссийский классификатор..., электронный ресурс]. В «Приказе Министерства экономического развития и торговли РФ от 7 сентября 2007 № 304 «Об утверждении норм естественной убыли продовольственных товаров в сфере торговли и общественного питания» [Приказ Министерства экономического развития и торговли..., электронный ресурс] арбуз и дыня, а также тыква и кабачок названы бахчевыми и отнесены к группе «Овощи и плоды (свежие)». Показательно, что данный документ содержит раздел «Ягоды», в котором арбуз и дыня не упоминаются; термин *фрукты* при характеристике данных плодов в документе не используется.

В ряде других документов, регламентирующих международные торговые отношения («Общие условия международной купли-продажи свежих фруктов и овощей, включая цитрусовые», принятые Европейской экономической комиссией ООН ECE/AGRI/40 1979 г. [«Общие условия...», электронный ресурс]; «Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешней экономической деятельности Таможенного союза и Единого таможенного тарифа Таможенного союза» [Решение Совета Евразийской экономической комиссии..., электронный ресурс]), арбуз и дыня отнесены в раздел «Фрукты».

Иное представлено в действующих на сегодняшний день ГОСТах. Так, в ГОСТе 27523 – 87 «Овощи. Номенклатура. Первый список» арбуз представлен под № 27, дыня – № 29, огурец – № 30 [ГОСТ 27523 – 87, электронный ресурс]. Кабачок и тыква представлены в ГОСТе 27524 – 87 «Овощи. Номенклатура. Второй список» [ГОСТ 27524 – 87, электронный ресурс]. В данных стандартах наиболее известные пред-

ставители семейства тыквенных названы овощами. При этом названные ГОСТы содержат особое примечание: «Термин *овощи* используется в коммерческом смысле, в связи с этим используемая часть не всегда является овощами в ботаническом смысле» [ГОСТ 27523 – 87, электронный ресурс].

Еще более осложняет картину «Номенклатура товаров, учитываемых в розничном товарообороте (систематический товарный словарь)», принятый Межрегиональной Ассоциацией «Статинформ» в Москве в 1992 г. Пункты 27 – 28 словаря называются следующим образом: «Плоды, ягоды, виноград, арбузы и дыни», в нем перечислены плоды семечковые (яблоки, груши и под.) и косточковые (вишня, черешня, слива, персики и под.), ягоды культурные (земляника, смородина, малина и др.), отдельно указан виноград, перечислены плоды цитрусовые (апельсины, лимоны, мандарины и др.), субтропические и тропические (ананасы, бананы, гранаты, инжир, манго, маслины и др.), представлены плоды и ягоды дикорастущие (альча, боярышник, брусника, клюква и др.), сухофрукты, орехи и, наконец, арбузы свежие и соленые, дыни свежие, вяленые, сушеные [Номенклатура товаров..., электронный ресурс]. Иными словами, арбуз и дыня выделены в отдельную рубрику, то есть не отнесены ни к плодам, ни к ягодам, ни к овощам, термин *фрукт* в данном словаре не употребляется.

Таким образом, в торгово-экономической сфере наблюдаются наиболее размытые границы между категориями ОВОЩИ, ФРУКТЫ и ЯГОДЫ: арбуз и дыня в одних документах отнесены к овощам, в других – к фруктам, в третьих – выделены в отдельную группу, не включенную ни в раздел овощи, ни в раздел фрукты. Арбуз как ягода в ботаническом смысле не фигурирует ни в одном из проанализированных документов.

Отечественная кулинария также не отличается последовательностью в категориальной оценке данных культур. Авторы учебников по кулинарии и технологии обработки пищи В.И. Богушева [Богушева 2007: 24] и Н.И. Ковалев, М.Н. Куткина, В.А. Кравцова [Ковалев и др. 2003: 365 – 368] относят арбуз и дыню к плодовым овощам. Г.Г. Дубцов в работе «Технология приготовления пищи», рассматривая группы готовой кулинарной продукции, арбуз и дыню называет бахчевыми культурами и относит кушанья из них к «СЛАДКИМ БЛЮДАМ», к которым также причисляет муссы, желе, кремы, мороженое, фруктовые ассорти, которые, как известно, готовятся из фруктов и ягод. Холодные и горячие овощные закуски рассматриваются отдельно, арбуз и дыня среди их ингредиентов не упоминаются [Дубцов 2002: 11–12].

Авторы учебника по кулинарии О.М. Соловьева, Г.К. Миронова, А.П. Елепин [Соловьева и др. Ч. 1. 2007: 26–27] так же не рассматривают арбуз и дыню в разделе «Овощные блюда», но упоминают в разделе «Блюда из ягод и плодов» (глава «Сладкие блюда»). При этом подчеркивают: «Из плодов и ягод приготавливают также ФРУКТОВЫЕ САЛАТЫ» [Соловьева и др. Ч. 1. 2007: 32] и предлагают технологию приготовления салата из дыни, из чего можно сделать вывод, что арбуз и дыня все-таки относятся авторами к ФРУКТАМ.

Неоднозначное мнение в отношении принадлежности арбуза и дыни к какой-либо категории можно наблюдать даже в одном пособии. Так, автор учебника по кулинарии Н.А. Анфимова то упоминает арбуз и дыню среди овощей, то причисляет их к фруктам или ягодам. Автор делит все овощи на девять групп, в том числе – тыквенные (тыква, кабачки, огурцы, патиссоны, арбуз, дыня)» [Анфимова 2008: 6], однако при этом описывает способы приготовления блюд из натуральных фруктов и ягод, среди которых называет арбуз и дыню [Анфимова 2008: 282]. Это является еще одним доказательством неоднозначного статуса арбуза и дыни, которые могут являться сленами разных категорий.

Характеризуя научную картину мира, можно утверждать, что арбуз и дыня как вид плода называется ЯГОДОЙ в ботаническом смысле и трактуется как ОВОЩ в сельскохозяйственной науке. В области торговли и кулинарии мнения специалистов расходятся: одни придерживаются точки зрения, близкой мнению представителей сельского хозяйства, и называют арбуз и дыню овощами; другие, отмечая вкусовые и иные качества (сладость, сочность и др.) и отсутствие необходимости в термической обработке, относят к фруктам; третьи стараются уйти от данной дилеммы и либо называют арбуз и дыню просто плодами, либо отмечают их отдельно, не относя ни к овощам, ни к фруктам, ни к ягодам. Следует заметить, что в лексикографических источниках арбуз и дыня названы плодами. Так, на примере указанных конкретных объектов реального мира (арбуз, дыня) наглядно представлены существенные различия лингвокогнитивной категоризации действительности в разных картинах мира.

Артишок, упомянутый в 8 анкетах, трактуется как овощ в лингвистической, агрономической, торгово-экономической и кулинарной картинах мира; ботаническое описание съедобных частей артишока основывается на морфологическом признаке: съедобен цветок в фазе бутонизации (этот признак становится дополнительным также в лингвистической и агрономической картинах мира); в таможенных документах артишок назван овощем условно.

В пищу также употребляются цветки **каперсов** в фазе бутонизации, что обозначено в ботанической литературе. В таможенной документации каперсы также обозначены как условные овощи, в иных источниках (лингвистических словарях, в ГОСТах «ОВОЩИ...», в «Общероссийском классификаторе...», в русскоязычных агрономических учебниках, в кулинарных книгах) каперсы не упоминаются.

Овощ, как показал анализ определений данного термина, является **частью травянистого растения**. Этот существенный категориальный признак фиксируется в учебниках по растениеводству или овощеводству (ср.: под овощами понимаются «сочные органы (плоды, корневые образования, клубни, луковицы, листья, стебли, соцветия) однолетних, мало- и многолетних травянистых растений, употребляемых в пищу в сыром и переработанном виде, а также съедобных грибов» [Тараканов и др. 2003: 3 – 5]; такое же мнение высказывают авторы других учебных пособий по сельскому хозяйству Е.В. Колесников, А.И. Пупонин, А.А. Павильонов [Колесников и др. 1986: 82]; В.С. Долгачева [Долгачева 1999: 165] и др.). Положение, что овощи представляют собой травянистые растения, было выявлено и при анализе ответов респондентов на второе задание (формулировка задания: *По каким признакам вы относите этот продукт к овощам?*). Тем не менее незначительная группа респондентов причислила к овощам плоды некоторых древесных растений, это касается авокадо, маслин (оливок), гвоздики и лаврового листа, карамболы и папайи.

Авокадо среди овощей упоминается 10 респондентами. Возникшие трудности при определении принадлежности авокадо к овощам или фруктам объясняются следующими причинами: авокадо с ботанической точки зрения является костянкой, маслянистым плодом древесного растения с косточкой внутри. Эти признаки позволяют называть этот плод фруктом, однако в кулинарии он чаще используется как овощ: из-за его особой жирности и отсутствия сладкого вкуса его чаще добавляют в холодные (салаты, сэндвичи с авокадо) и горячие блюда (суп-пюре из авокадо, ростбиф с авокадо, ризотто с авокадо и под. [<http://www.gotovim.ru>; дата обращения: 01.07.2013]; десерты из авокадо готовят значительно реже. Однако авокадо упоминается в ГОСТе как фрукт [ГОСТ 27521-87, электронный ресурс], в таможенных документах этот плод так же представлен в группе «08 Фрукты» [Решение Совета Евразийской экономической комиссии..., электронный ресурс]. В лексикографических источниках авокадо нейтрально назван плодом.

Маслины (в том числе **оливки**, или незрелые маслины), упомянутые 3 респондентами, так же являются плодами древесных деревьев, что зафиксировано в лингвистических словарях и ботанической лите-

ратуре. С точки зрения ботаники маслина представляет собой плод-костянку, родственную плодам абрикоса, алычи, вишни, сливы и под. Особенности произрастания способствуют причислению маслин к фруктам, однако кулинарные рецепты свидетельствуют, что маслины и оливки используются, как овощи, в салатах, в горячих первых и вторых блюдах, но не в сладких, десертных блюдах, как большинство фруктов. В производственной сфере маслины и оливки отнесены к фруктам, они включены в соответствующий ГОСТ «Фрукты. Номенклатура. Первый список» [ГОСТ 27521-87, электронный ресурс], однако в таможенной документации они условно причисляются к овощам. В экономической сфере единого представления нет: так, в «Общероссийском классификаторе...» маслины одновременно включены и в раздел «Овощи» (№ 0112590), и в раздел «Фрукты» (№ 0113424) [Общероссийский классификатор..., электронный ресурс].

Гвоздика и лавровый лист, упомянутые в анкетах единожды, также являются морфологическими частями древесных растений: первая представляет собой в ботанической интерпретации цветочные почки (бутоны) гвоздичного дерева, второй является собственно листом лаврового дерева. В лингвистических словарях и кулинарных книгах они характеризуются как приправы, специи или пряности. Они не упомянуты в ГОСТе «Овощи...», «Общероссийском классификаторе...», таможенной документации, просмотренных учебных пособиях по сельскому хозяйству.

Перец острый, названный в одной анкете, с ботанической точки зрения представляет собой ягодовидный плод (а именно – собственно ягоду); в агрономической, торгово-экономической картинах мира перец острый считается овощем, в таможенных документах к овощам причисляется условно; в кулинарии относится к приправам и специям; в лексикографических источниках назван пряным плодом в виде стручков.

Карамбола и папайя, обычно называемые фруктами, **кешью**, чаще причисляемое к орехам, **голубика** и **морошка**, называемые обывателями ягодами, а также **яйца**, представляющие собой продукт нераспавшегося происхождения, и несъедобная **фрезия**, вероятно, являются случайно попавшими в данную группу образцами, что может быть обусловлено разными факторами: незнанием реалии (карамбола знакома не всем жителям Уральского региона), культурно-национальной спецификой или незнанием наименования на русском языке (в группу опрошенных входили китайцы и монголы), возможным специфическим психологическим состоянием на момент опроса и т.д. Однако некоторые сверхнетипичные ответы могут дать интересные выводы:

так, среди овощей только китайцы и монголы называют грибы (3 человека) и морскую капусту (2 человека). **Грибы** в ботанике не считаются растениями, выделяется отдельное царство грибов. С этих позиций дается и лексикографическое описание грибам, ср.: «ГРИБЫ – особый организм, размножающийся спорами» [Большой толковый словарь..., электронный ресурс]. С агрономической и экономической точек зрения грибы считаются овощами, в таможенной документации они причислены к овощам условно. В кулинарных книгах рецепты блюд из грибов составляют, как правило, отдельный раздел, не пересекающийся с рецептами блюд из овощей. В ГОСТе «Овощи...» грибы так же не упоминаются, что позволяет вынести их в отдельную рубрику в торговой сфере.

Морская капуста (научное название – ламинария) с ботанической точки зрения является водорослью (низшим растением), в сельскохозяйственной литературе и кулинарии морская капуста описана как овощ, в остальных рассматриваемых источниках ее описание не приводится. Интересно заметить, что грибы и морскую капусту среди овощей отметили только носители китайского и монгольского языков, что обусловлено спецификой национальной кухни Китая и Монголии. Рацион жителей этих стран действительно включает много грибов разных видов и морской капусты, что обуславливает специфику структурной организации категории ОВОЩИ в сознании носителей китайского и монгольского языков.

Наглядно характеристика сверхнетипичных образцов категории ОВОЩИ в разных картинах мира представлена в Таблице № 13.

Таблица № 13.

**Сверхнетипичные образцы категории ОВОЩИ
в разных вариантах и вариациях языковой картины мира**

П/п	Бытовая КМ	Лексикографическая КМ	Ботаническая КМ	Агрономическая КМ	Торгово-экономическая КМ (ГОСТ/ОК)	Таможенная КМ	Кулинарная КМ
20	Кукуруза	Травянистое растение семейства злаковых с желтыми зернами, собранными в початок	Травянистое растение; зерна, или семена, ореховидного плода – зерновки	Плодовая овощная культура (мятликовые)	Овощ (1) / Зерновая и овощная культура	Условно овощи	Овощ
21	Цветная	Особый вид	Травянистое	Цветковая	Овощ (1)	Овощ	Овощ

	капуста	капусты, в пищу используются соцветия	растение; мясистые цветоносные побеги (в фазе бутонизации)	(капустная) овощная культура, используются соцветия			
22	Хрен	Травянистое растение семейства крестоцветных, корень используется как приправа	Травянистое растение; корень	Корневищная овощная культура	Овощ (2)	Корнеплод	Овощ / приправа
23	Салат	Травянистое огородное растение, в пищу используются листья	Травянистое растение; лист, черешки (части побега)	Листовые овощные культуры (однолетние)	Овощ (1: кочаный и листовый)	Овощ	Зелень
24	Петрушка	Растение семейства зонтичных, корень и листья используются в пищу как приправа	Травянистое растение; корнеплод и побег (стебли, листья)	Листовая овощная культура (однолетние) и корнеплодная овощная культура (корневая петрушка)	Овощ (1); овощ (2: Листовая, корневая петрушка)	-	Овощ / Зелень
25	Брюква	Огородное растение семейства крестоцветных с крупным шарообразным корнеплодом	Травянистое растение; корнеплод	Корнеплодная овощная культура	Овощ (1)	-	Овощ
26	Авокадо	Древесное растение семейства лавровых со съедобными плодами	Древесное растение; маслянистый плод	-	Фрукт / -	Фрукт (группа 08)	Овощ
27	Бобы	Травянистое растение семейства бобовых, семена фасоли	Травянистое растение; боб как вид коробочковидного сухого плода	Плодовая овощная культура (бобовые)	Овощ (1) / Зернобобовая, овощная культура	-	Бобовые
28	Спаржа	Травянистое растение	Травянистое и кустарни-	Ростковая овощная	Овощ (1)	Условно овощ	Овощ

		семейства лилейных, в пищу исполь- зуются моло- дые побеги	ковое расте- ние; моло- дые побеги	культура			
29	Фасоль	Травянистое растение семейства бобовых, в пищу исполь- зуются семена	Травянистое растение; боб как семя коробочко- видного сухого пло- да	Плодовая овощная культура (бобовые)	Овощ (1) / Зерно- бобовая культура и овощ- ная (стручко- вая)	Бобовый овощ	Овощ (стручко- вая фа- соль) бобовые
30	Цукини	-	Травянистое растение с ягодovid- ным плодом – тыквиной (толстостен- ной ягодой)	Плодовая овощная культура (тыквен- ные), ис- пользуются незрелыми	-	Условно овощ	Овощ
31	Арти- шок	Огородное травянистое растение семейства сложноцвет- ных, в пищу используются цветоложа, черешки и корень	Травянистое растение; цветок в фазе бут- тизации	Цветковая овощная культура, использует- ся цветок	Овощ (1)	Условно овощ	Овощ
32	Топи- намбур	Травянистое растение семейства сложноцвет- ных, в пищу используются клубни	Травянистое растение; клубень (видоизме- ненный подземный побег)	Клубне- плодная овощная культура	Овощ (1) / -	Клубне- плод	Овощ
33	Укроп	Огородное растение семейства зонтичных, используется как приправа	Травянистое растение; побеги (лист, сте- бель)	Листосте- бельная овощная культура	Овощ (1)	-	Зелень
34	Батат	Южное тра- вянистое растение семейства вьюнковых, в пищу исполь- зуются клуб- ни	Травянистое растение; корневые шишки (клубни) боковых и придаточ- ных корней	Клубне- плодная овощная культура	- / Овощ	Клубне- плод	Овощ

35	Дыня	Растение семейства тыквенных с крупными плодами	Травянистое растение с ягодовидным плодом – тыквиной (толстостенной ягодой)	Плодовая овощная культура (тыквенные), используются зрелыми	Овощ (1)	Фрукт	Плод / фрукт (в составе фруктового салата)
36	Щавель	Травянистое растение семейства гречишных, съедобны листья	Травянистое растение; листья (части побега)	Листовые овощные культуры	Овощ (1)	-	Овощ
37	Базилик	Южное кустарниковое растение семейства губоцветных, используется как пряность	Травянистое растение; листья (части побега)	Листовые овощные культуры	-	-	Зелень
38	Кольраби	Овощное растение с утолщенным стеблем (клубнем)	Травянистое растение; клубневидно утолщенный стебель (часть побега)	Плодовая (капустная) овощная культура	Овощ (1)	-	Овощ
39	Турнепс	Растение семейства крестоцветных, корни используются на корм скоту	Травянистое растение; корнеплод и листья (части побега)	Корнеплодная овощная культура	Овощ (2) / -	-	-
40	Брюссельская капуста	-	Травянистое растение; кочанчики, образованные в пазухах листьев	Листовая (капустная) овощная культура	Овощ (1)	Овощ	Овощ
41	Грибы	Особый организм, размножающийся спорами	Царство грибов	Грибы как овощная культура	- / Овощ	Условно овощ	Грибы
42	Маслины / Оливки	Древесное растение с овальными плодами	Древесное растение; плоды – односемянные костянки	-	Фрукт	Условно овощ	-
43	Арбуз	Травянистое растение с	Травянистое растение с	Плодовая овощная	Овощ (1)	Фрукт	Плод / Фрукт (в

		мясистыми плодами	ягодovidным плодом – тыкviной (толстостенной ягодой)	культура (тыквенные)			составе фруктового десерта)
44	Каперсы	-	Травянистое растение; цветки в фазе бутонизации (часть побега)	-	-	Условно овощи	-
45	Морская капуста	-	Водоросли (низшие растения)	-	Овощ (1) / -	-	Овощ
46	Гвоздика	Высушенные цветочные бутоны гвоздичного дерева, используются как пряность	Травянистое растение; цветочные почки (бутоны) гвоздичного дерева	-	-	-	Специя / Приправа
47	Голубика	Кустарниковое растение со съедобными сизоголубыми ягодами	Травянистое растение; плод – ягода	-	-	Фрукт (группа 08)	Ягода
48	Дайкон (японская редька)	-	Травянистое растение; корнеплод	Корнеплодная овощная культура	-	-	Овощ
49	Карамбола	-	Древесное растение; ягодovidный плод	-	-	Фрукт (группа 08)	Фрукт
50	Кешью	-	Древесное растение; семена разросшейся плодоножки в виде груши (орехovidные плоды)	-	-	Орех	Орех
51	Кинза	Травянистое растение семейства зонтичных, используется как пряность	Травянистое растение; листья (часть побега)	Листовые овощные культуры (однолетние)	-	-	Зелень

52	Лавровый лист	Древесное растение с листьями, используется как приправа	Древесное растение; лист лаврового дерева	-	-	-	Приправа / Специя
53	Морошка	Травянистое растение с плодами, напоминающими ягоды малины	Травянистое растение; плод – сборная костянка	-	-	Фрукт (группа 08)	Ягода
54	Папайя	Древесное растение с плодами, похожими на дыню	Древесное растение; ягодовидный плод дынного дерева	-	-	Фрукт (группа 08)	Фрукт
55	Перец острый	Пряное растение семейства пасленовых с плодами в виде стручков	Полукустарниковое растение; плод – ягода	Плодовая овощная культура (пасленовые), используются зрелыми	Овощ (2: перец стручковый)	Условно овощ	Специя / Приправа
56	Фрезия	-	Травянистое растение; несъедобное	-	-	-	-

Итак, как показал сопоставительный анализ категориальных характеристик овощей в разных вариантах и вариациях языковой картины мира, категория ОВОЩИ не имеет четких границ: хотя она номинативно обобщает конкретные предметы вещественного мира, тем не менее, ее структура (членство) существенно различается в научной (ботанической, агрономической), торгово-экономической, производственной (кулинарной) и наивной картинах мира. Многие объекты в языковом сознании одновременно осмысляются как члены разных категорий, что обуславливает пересекаемость границ категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ и ЯГОДЫ.

Понятие *овощи* используются в агрономической, торгово-экономической сферах, кулинарии и обыденной жизни. В ботанике оно не используется, эта наука оперирует иными классификационными рубриками: царство растений – отдел – класс – подкласс – порядок – семейство – род – вид (с точки зрения систематики растений) или корень и побег, в том числе – стебель, листья, цветок или соцветия, плод (с морфологической точки зрения). В агрономии чаще используются термины *овощная культура* или *культурная порода*; в торговле и

кулинарии используется слово *овощ*; в толковых словарях в дефинициях интересующих нас наименований используются в данном случае синонимичные единицы *овощ* или *огородное растение*.

Существенных разночтений в разных вариантах и вариациях языковой картины мира не наблюдается, если речь идет о корнеплодах, клубнеплодах и клубнелуковицах в ботаническом смысле. Эти термины: *корнеплод*, *клубнеплод*, *клубнелуковица* или *луковица* – используются в лексикографических источниках, в сельскохозяйственной литературе, в ГОСТах и иных товарно-экономических (в т.ч. таможенных) документах, часто наряду с понятием *овощ*. Нет существенных отличий также в интерпретации культурных пород, если съедобными частями растений являются стебли (черешки) и листья (ревень, сельдерей и др.). В этом случае ботанические термины *стебель*, *черешок* и *лист* трансформируются в агрономические понятия *черешковая* или *листовая овощная культура*; в остальных источниках для этих частей растений используется термин *овощ*.

Однако если речь заходит о характеристике таких съедобных частей, как плод или цветок (соцветие), то разночтения весьма заметны, и они носят последовательный характер. В этом смысле существенно отличается от всех остальных ботаническая картина мира. Если во всех рассматриваемых источниках (кроме ботанической литературы) для обозначения рассмотренных выше съедобных плодов и цветков растений используется слово *овощ*, то в ботанике используются совершенно иные термины. Так, например, с точки зрения ботаники плоды растений семейства тыквенных (огурец, кабачок, тыква, патиссон, арбуз, дыня и под.) являются ягодавидными плодами (толстостенным ягодами, или тыквинами); плоды растений семейства пасленовых (помидор, баклажан, сладкий перец) являются собственно ягодами; съедобные части таких растений, как брокколи, цветная капуста, артишок, каперсы, в ботанике называются цветками или соцветиями; кукуруза как представитель семейства злаковых в ботанике считается зерновкой (в пищу используются семена); горох, бобы и фасоль также представляют собой семена, находящиеся в стручках (плодах) растений семейства бобовых. Для снятия подобных разночтений с ботанической концепцией некоторые источники подчеркивают условность использования специальных терминов. Так, в таможенной документации перечисленные части растений условно называются овощами (это касается кабачка, баклажана, сладкого перца, тыквы, патиссона, кукурузы, спаржи и некоторых других культур). В агрономической литературе часто используются составные наименования, ср.: *клубнеплодная овощная культура*, *корнеплодная овощная культура*, *луковичная овощ-*

ная культура, листовая овощная культура, черешковая овощная культура, цветковая овощная культура, плодовая овощная культура. Однако в кулинарии и бытовой сфере используется однословное наименование *овощ*.

Останавливают внимание и так называемые травы. В нормативных документах, регламентирующих товароборот, укроп, эстрагон, петрушка и под. отнесены в раздел «Овощи». В агрономической картине мира перечисленные травы предстают как *зеленные культуры*, в кулинарных книгах и некоторых лексикографических источниках они называются *приправой*, *зеленью* или *пряностями*.

К овощам в некоторых источниках (исключение – ботаническая литература, толковые словари и кулинарные книги) причисляют также грибы, которые в ботаническом смысле вообще не относятся к царству растений, они стоят особняком по отношению и к растениям, и к животным [Бавтута 1997: 14–16].

Следует заметить, что нередко в какой-либо одной сфере наблюдаются разные взгляды на характеристику одной и той же культурной породы. Так, например, в торгово-экономической сфере картофель в соответствии с ГОСТом «Овощи. Номенклатура...» и «Общероссийским классификатором...» считается овощем, однако в некоторых агрономических источниках (например, в журнале «Картофель и овощи», созданном для производителей продуктов растительного происхождения) картофель рассматривается отдельно от овощей. В «Решении Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 г. № 54 «Об утверждении единой товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности...» [Решение Совета Евразийской экономической комиссии..., электронный ресурс] группа 07 имеет название «Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды» (название, пожалуй, вызывает больше вопросов, чем ответов). Из названия становится ясно, что морковь и свекла, репа и картофель, лук и чеснок, называемые корнеплодами и клубнеплодами, не относятся к категории ОВОЩИ, а входят в иные классификационные рубрики. (В торгово-экономической сфере разногласий о категории ОВОЩИ наблюдается более, чем в иных).

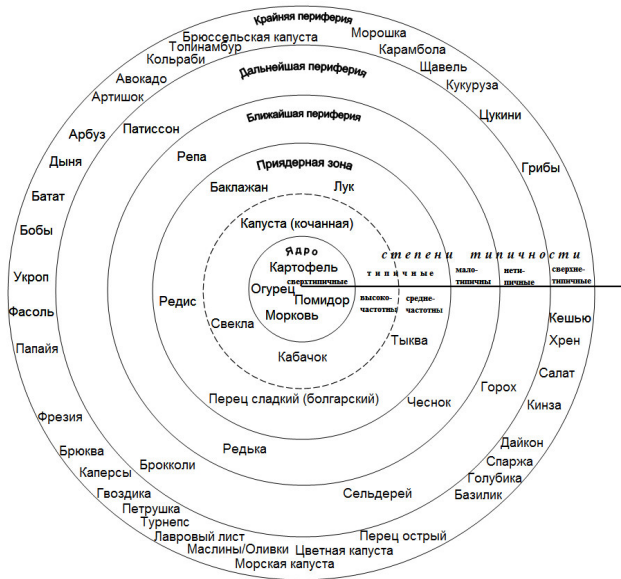
То же в кулинарных книгах: в одних источниках блюда из картофеля описываются в разделе «Овощные блюда», в других среди овощных ингредиентов тех или иных блюд картофель не упоминается, он отмечается отдельно.

В бытовом представлении, как показало анкетирование, к лучшим образцам категории ОВОЩИ относится огурец, помидор, картофель, морковь, свекла, кабачок и некоторые другие. Худшими образцами

данной категории являются экзотические плоды, мало- или нераспространенные на территории России, но известные по прилавкам супермаркетов (авокадо, дайкон, каперсы и т.д.); плоды, которые чаще относятся к другим категориям (ГРИБЫ, ЗЛАКИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ и под.), но нередко используются в составе овощных блюд (фасоль и бобы, кукуруза, карамбола, оливки и маслины и т.д.); травы, приправы и пряности, которые так же являются ингредиентами овощных блюд (укроп, петрушка, гвоздика, лавровый лист, острый перец и т.д.).

Как было указано в Главе II, одним из наиболее продуктивных способов моделирования и наглядного представления лингвоментальных феноменов человеческого сознания является метод полевой стратификации. Поле включает ядро и приядерную зону, ближайшую, дальнейшую и крайнюю периферию. При этом единицы названных уровней (или зон) располагаются по степени значимости: от ядра к периферии. Очевидно, что прототипическую структуру категорий можно также рассматривать в виде поля, в котором центральной точкой (ядром) считается прототип – лучший образец категории, наиболее полно отражающий признаки данной категории, остальные образцы распределяются по уровням (или зонам) поля по степени убывания или «затухания» репрезентативности категориальных признаков. В виде поля в данном исследовании будет представлена структура изучаемых категорий. Так, распределение образцов категории ОВОЩИ по степеням типичности (от лучших – к худшим, от центра / ядра – к периферии) в сознании современных носителей русского языка отражено в Схеме № 1.

Структура категории ОВОЩИ в наивной картине мира

4.2. Категоризация **ФРУКТОВ** в разных вариантах и вариациях языковой картины мира: сопоставительный аспект.

При рассмотрении категории **ФРУКТЫ** следует оговориться, что она, как и категория **ОВОЩИ**, имеет место не во всех картинах мира. В научной картине мира понятия *фрукт* не существует, поэтому в терминологическом аппарате биологии, медицины и агрономии при описании тех или иных плодовых культур единица *фрукт* не используется. Однако слово *фрукт* весьма употребительно в торгово-экономической сфере, кулинарии и бытовой речи. Для описания различий в категориальной оценке фруктов так же, как и при рассмотрении овощей, за основу взята наивная классификация, основанная на данных анкетных опросов. Формулировка задания такова: *Назовите известные вам фрукты*. Методика проведения эксперимента и обработка данных осуществлялась подобным образом, как это было сделано при рассмотрении категории **ОВОЩИ**. В результате опроса подсчитывалось общее количество ответов в пользу того или иного продукта,

что позволило определить наиболее и наименее типичные образцы категории ФРУКТЫ в общем представлении носителей русского языка. При анализе данных учитывалась позиция (от 1 до 10), на которой зафиксировано то или иное наименование, что способствовало определению лучших и худших образцов категории. Результаты анкетирования занесены в Таблицу № 14.

Таблица № 14.

**Сводная таблица количественных данных
об образцах категории ФРУКТЫ**

П/п	Название овоща	1 место	2 место	3 место	4 место	5 место	6 место	7 место	8 место	9 место	10 место	Общее кол-во	Общее кол-во в %
1	Яблоко	278	106	64	37	20	9	9	2	5	1	531	88,5
2	Апельсин	96	129	99	58	46	32	16	14	7	10	507	84,5
3	Банан	94	91	84	69	48	31	26	16	9	12	480	80
4	Груша	11	95	66	45	40	21	29	31	22	16	376	62,66
5	Мандарин	4	15	34	56	55	65	39	31	26	21	346	57,66
6	Персик	9	15	43	46	45	58	31	37	21	29	334	55,66
7	Ананас	9	33	23	35	31	33	37	30	36	21	288	48
8	Абрикос	13	13	28	40	31	34	43	30	29	20	281	46,83
9	Киви	11	10	16	32	41	30	28	39	26	30	263	43,83
10	Манго	4	4	14	11	26	32	33	22	27	27	200	33,33
11	Грейпфрут	1	2	7	12	23	30	35	29	26	25	190	31,66
12	Лимон	3	7	13	15	10	34	28	22	19	17	168	28
13	Виноград	7	5	16	20	26	19	19	16	15	16	159	26,5
14	Слива	1	5	8	8	15	18	13	11	13	14	106	17,66
15	Дыня	1	6	5	9	15	13	17 (1к)	15	13	12	106 (1к)	17,66
16	Авокадо	3	3	5	6	7	6	14	14	9	11	78	13
17	Нектарин	0	1	4	8	8	9	12	9	15	12	78	13
18	Гранат	1	0	6	7	6	3	10	21	11	7	72	12
19	Хурма	1	0	1	8	2	8	9	7	8	14	58	9,66
20	Папайя	1	0	1	3	0	4	7	10	14	9	49	8,16
21	Помело	0	0	0	4 (1м)	6	5	8	7	13	6	49 (1м)	8,16
22	Клементин	0	2	2	1	2	4	5	8	14	9	47	7,83
23	Маракуйя	0	0	3	2	5	8	4	8	4	9	43	7,16
24	Лайм	0	1	0	2	2	1	9	6	12	9	42	7
25	Арбуз	2	6 (3м)	5 (3м)	6 (2м)	4 (2м, 1к)	0	4 (1м)	2 (1к)	5 (2к)	2	36 (11 м, 3к)	6
26	Кокос	0	1	0	2	5	5	4	6	7	3	33	5,5
27	Айва	0	1	0	3	4	2	2	5	3	1	21	3,5
28	Фейхоа	1	0	2	1	5	3	0	0	4	3	19	3,16
29	Вишня	0	0	1	4	2	3	0	3	3	1	17	2,83
30	Инжир	0	1	1	0	2	1	2	4	2	3	16	2,66
31	Гуава	0	2 (1м)	0	1	2	2	0	3	3	1	14 (1м)	2,33
32	Алыча	0	0	2	1	0	2	0	0	4	2	11	1,83

33	Черешня	0	0	0	0	2	0	3	1	1	2	9	1,5
34	Личи / Рамбутан	0	1	0	0	1 (к)	1 (м)	1	0	2 (1к)	3 (1к)	9 (1м, 3к)	1,5
35	Минеола	0	0	0	0	1	0	1	1	0	2	5	0,83
36	Чернослив	0	0	0	0	1	0	0	0	3	1	5	0,83
37	Земляника	0	0	0	1 (м)	0	0	2 (2к)	1(к)	0	0	4 (1м, 3к)	0,66
38	Финик	0	0	0	1	0	0	0	2 (1к)	0	1	4 (1к)	0,66
39	Помидор	1	0	1 (к)	0	0	1	0	0	0	0	3 (1к)	0,5
40	Дуриан	0	0	1 (м)	0	0	0	1	0	0	1	3 (1м)	0,5
41	Бергамот	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1(к)	1 (1к)	0,16
42	Гуарана	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0,16
43	Земляная груша	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0,16
44	Карамбола	0	0	0	0	0	0	1 (м)	0	0	0	1 (1м)	0,16
45	Кумкват	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0,16
46	Кунжут	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0,16
47	Мушмула	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0,16
48	Морковь	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0,16
49	Питхайя	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0,16
50	Репка	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0,16
51	Салак	0	0	0	0	1 (м)	0	0	0	0	0	1 (1м)	0,16
52	Саподилла	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0,16

Сверхтипичные образцы категории ФРУКТЫ. Лучшими образцами категории ФРУКТЫ в сознании носителей русского языка являются **яблоко** (531 ответ из 600; 88,5%), при этом на первую позицию яблоко поставили 278 человек, на десятую – один, что свидетельствует о принадлежности яблока именно к лучшим образцам категории ФРУКТЫ. К лучшим также относится **апельсин** (его отметили 507 из 600 человек, 84,5%; большинство – 129 человек – поставило образец на вторую позицию) и **банан** (его отметили 480 респондентов из 600, 80%; примерно одинаковое количество человек отнесли банан на первую, вторую и третью позиции из десяти – 94 / 91 / 84 соответственно. Удивительно, но принадлежность этих трех образцов к лучшим в категории ФРУКТЫ в настоящее время является отнюдь не этноспецифичной, но универсальной. По результатам экспериментов, проводимых среди англоговорящих респондентов, первые три позиции занимают эти же образцы, но в иной последовательности: на первом месте – апельсин, на втором – яблоко, на третьем – банан [см. об этом Rosch 1975; Ungerer, Schmid 1996:17; Скребцова 2011: 92].

Анализ номинаций овощей и фруктов в разных языках позволяет подтвердить положение о том, что яблоко является прототипом кате-

гории ОВОЩИ-ФРУКТЫ в сознании человека, яблоко как своего рода первообраз предопределило представление об остальных плодах, ср.: *фр.* pomme de terre (картофель, *букв.* земляное яблоко), *ит.* pomì d'oro (помидор, *букв.* золотые яблоки), *англ.* pineapple (ананас, *букв.* сосновое яблоко), *нем.* Apfelsine (апельсин, *букв.* китайское яблоко) и т.д. Показательно, что в лексикографических источниках дефиниция к слову *яблоко* отличается предельной скупостью информации ('плод яблони') в отличие от словарных статей к словам *груша* или *персик*, в которых уточняется ботаническая принадлежность растения к тому или иному семейству. Вероятно, это объясняется наличием устойчивых представлений о яблоке как лучшем образце категории ФРУКТЫ, а также о наличии у яблока широкого культурологического контекста, который выходит далеко за пределы ботанического описания (ср. яблоко раздора в мифологии, адамово яблоко в христианстве, наливные яблочки в русских сказках, «Яблоко» как политическая партия и т.п.).

Удивителен факт, что одним из лучших образцов категории ФРУКТЫ для русскоязычных является банан, который не произрастает в климатических условиях России, но в последнее время широко представлен на прилавках магазинов. Вероятно, около двух десятилетий назад, когда эти фрукты не были так широко представлены в отечественной торговле, они вряд ли заняли бы первые позиции среди названных респондентами фруктов.

В отношении характеристики плодов, представляющих сверхтипичные образцы категории ФРУКТЫ, важно заметить, что в ботанике яблоко, апельсин и банан являются ягодами (ягодovidными плодами – яблоком, гесперидием и собственно ягодой в соответствующей последовательности). При этом при характеристике банана указывается, что он является плодом травянистого растения, что не соответствует типичным наивным представлениям о том, что фрукты, в отличие от овощей, являются плодами древесных растений. Однако в наивной картине мира этой непоследовательности не прослеживается: с точки зрения обыденного сознания пальма, на которой растут бананы, является именно деревом, а не гигантской травой, как уточняют специалисты по ботанике. В данном случае наивные представления оказываются более последовательными, хотя и основаны на заблуждении; в научной (агрономической) картине мира, в соответствии с которой плодовые культуры (фрукты) растут только на деревьях, наблюдается противоречие: банан, являясь травянистым растением, относится не к овощам, но к плодовым культурам, то есть – к фруктам, хотя уточняется, что у банана существуют как фруктовые, так и овощные сорта.

В агрономии категориальные характеристики яблока, апельсина и банана не совпадают: яблоко специалисты по сельскому хозяйству относят к семечковым, апельсин и банан – к тропическим культурам. В торгово-экономической и кулинарной сферах разногласий в характеристике данных плодов не выявляется: яблоко, апельсин и банан называются фруктами. В лексикографических источниках дефиниция наименований плодов представляет информацию агрономического характера (используется наименование *плод*, указывается вид растения в соответствии с агрономической классификацией).

Характеристика сверхтипичных образцов категории ФРУКТЫ представлена в Таблице № 15.

Таблица № 15.

**Сверхтипичные образцы категории ФРУКТЫ
в разных вариантах и вариациях языковой картины мира**

П/п	Наивная КМ	Лексико-графическая КМ	Ботаническая КМ	Агрономическая КМ	Торгово-экономическая КМ (ГОСТ / ОК)	Таможенная КМ	Кулинарная КМ
1	Яблоко	Плод яблони	Яблоко, ягодовидный синкарпный плод древесного растения семейства розоцветных	Плод яблони как семечковой культуры	Фрукт	Фрукт	Фрукт
2	Апельсин	Плод цитрусового дерева	Гесперидий (померанец), ягодовидный плод древесного растения семейства рутовых	Цитрусовые (субтропические) культуры	Фрукт / Фрукты (плоды цитрусовых культур)	Фрукт	Фрукт
3	Банан	Плод высокого тропического растения	Ягода, ягодовидный плод гигантского травянистого растения семейства банановые	Тропическая культура (овощные и фруктовые сорта)	Фрукт / Фрукты (плоды тропических культур)	Фрукт	Фрукт

Типичные (высокочастотные) образцы категории ФРУКТЫ. К типичным (высокочастотным) образцам категории ФРУКТЫ, по результатам опроса, относится единственный экземпляр – **груша**, на-

званная 376 респондентами из 600 (62,67%), при этом значительная часть опрошенных (95 человек) упоминают ее на второй позиции. Парадоксально, но с ботанической точки зрения грушу корректно назвать яблоком, так как она по структуре относится к яблоку как ягодовидному плоду, поэтому для специалистов по ботанике выражение *груша – это ягода в виде яблока* отнюдь не является абсурдным. В агрономии груша считается, как и яблоко, семечковой культурой, в торгово-экономической и кулинарной сферах называется фруктом. Лексико-графическое описание наименования обобщает информацию агрономического характера (это плодовая культура) и ботаническую характеристику (это плод растения семейства розоцветных).

Характеристика типичных (высокочастотных) образцов категории ФРУКТЫ в разных картинах мира представлена в Таблице № 16.

Таблица № 16.

**Типичные (высокочастотные) образцы категории
ФРУКТЫ в разных вариантах и вариациях
языковой картины мира**

П/п	Наивная КМ	Лексико- графиче- ская КМ	Ботаниче- ская КМ	Агрономиче- ская КМ	Торго- во- эконо- миче- ская КМ	Тамо- женная КМ	Кули- нарная КМ
4	Груша	Плод де- рева се- мейства розоцвет- ных	Яблоко, яго- довидный синкарпный плод древес- ного растения семейства розоцветных	Плод груши как семечковой культуры	Фрукт	Фрукт	Фрукт

Типичные (среднечастотные) образцы категории ФРУКТЫ. Типичными (среднечастотными) образцами категории ФРУКТЫ в русском языковом сознании являются **мандарин** (назван 346 респондентами из 600; 57,67%), **персик** (указан 334 опрошенными; 55,67%), **ананас** (упомянут в 288 анкетах из 600; 48%), **абрикос** (причислен к фруктам 281 человеком из 600; 46,83%), **киви** (отмечено 263 респондентами из 600; 43,83%), **манго** (обозначено как фрукт 200 опрошенными из 600; 33,33%) и **грейпфрут** (назван 190 информантами из 600; 31,67%). Из названных плодов мандарин, ананас, киви и грейпфрут с ботанической точки зрения являются ягодами (точнее – ягодовидными плодами: гесперидием у цитрусовых и собственно ягодой у ананаса и киви). Ананас, как видно из проанализированных анкет, в бытовом

сознании относится к фруктам, что вполне логично, по мнению респондентов, соотносится с представлением о фруктах как плодах древесных деревьев. Однако с ботанической точки зрения ананас является травянистым, но не древесным растением, плод которого считается не фруктом, а ягодовидным плодом, точнее сросшимися с осью сочными соплодиями. В агрономии ананас, мандарин и грейпфрут считают плодовыми тропическими и субтропическими культурами (мандарин и грейпфрут также причисляются к группе цитрусовых), киви, как и в ботанике, считают ягодой (ягодной культурой).

Персик, абрикос и манго в ботанике называются костянками, так как они имеют твердый эндокарпий (косточку), в агрономии соответственно причисляются к плодовым косточковым культурам, манго также характеризуется в сельском хозяйстве как тропическая культура.

В торгово-экономической и кулинарной сферах разногласий в характеристике плодов не наблюдается: все типичные для данной категории образцы в этих сферах называются фруктами. Однако в пособиях по кулинарии появляется определение *экзотический* при характеристике некоторых плодов (в данном случае – манго).

При анализе словарных статей наименований указанных плодов обнаруживаются некоторые интересные факты: описание мандарина отражает закономерность когнитивного процесса сопоставлять новое, непознанное с известным ранее (ср.: «Мандарин – плод, напоминающий апельсин» [Большой толковый словарь русского языка, электронный ресурс]). Удивительно, что апельсин получил более широкое распространение, чем мандарин и стал одним из лучших образцов категории ФРУКТЫ, в то время как мандарин является в сравнении с апельсином менее типичным образцом данной категории. Парадоксальность этого факта заключается в том, что апельсин является гибридом мандарина и помело, т.е. апельсин есть производное от мандарина.

Лексикографические источники в описании наименований плодов отражают как ботаническую концепцию (в словарных статьях часто указывается семейство, к которому принадлежит растение), так и агрономическое представление о плодовых культурах (отчетливо видны следы сельскохозяйственных классификаций: обозначен вид культуры – тропическая или субтропическая, косточковая или семечковая и т.п.). Однако важно заметить, что лексикографы не всегда последовательны в описании тех или иных наименований: так, например, у персика или ананаса отмечено семейство растений, а у мандарина и грейпфрута указывается не семейство (рутовые), а род – цитрус; киви вообще не характеризуется с точки зрения ботанической систематики растений, указано лишь, что это «плод тропического дерева».

Поскольку лексикографические источники в настоящее время опираются на научные описания при составлении дефиниции, понятие *фрукт* практически не встречается, так как данного термина не существует в научном аппарате ни ботаники, ни медицины, ни агрономии. Однако в дефиниционной статье к слову *абрикос* появляется специфический семантический компонент – ‘*фруктовый*’ (ср.: «Абрикос – плод фруктового дерева семейства розоцветных» [Большой толковый словарь русского языка, электронный ресурс]), при этом дефиниции слов *персик*, *слива* и др. единицу *фруктовый* не содержат.

Характеристика типичных (среднечастотных) образцов категории ФРУКТЫ представлена в Таблице № 17.

Таблица № 17.

**Типичные (среднечастотные) образцы категории ФРУКТЫ
в разных вариантах и вариациях языковой картины мира**

П/п	Наивная КМ	Лексико-графическая КМ	Ботаническая КМ	Агрономическая КМ	Торгово-экономическая (ГОСТ / ОК)	Таможенная КМ	Кулинарная КМ
5	Мандарин	Плод цитрусового дерева, напоминающий апельсин	Гесперидий (померанец), ягодовидный плод древесного растения семейства рутовых	Цитрусовые (субтропические) культуры	Фрукт / Фрукты (плоды цитрусовых культур)	Фрукт	Фрукт
6	Персик	Плод южного дерева семейства розоцветных	Костянка, костянковидный плод древесного растения семейства розоцветных	Плод косточковой культуры	Фрукт	Фрукт	Фрукт
7	Ананас	Плод травянистого тропического растения семейства бромелиевых	Сросшиеся с осью соплодия, ягодовидный плод травянистого растения семейства бромелиевых	Тропическая культура	Фрукт / Фрукты (плоды тропических культур)	Фрукт	Фрукт
8	Абрикос	Плод фруктового дерева семейства розоцветных	Костянка, костянковидный плод древесного растения семейства	Плод косточковой культуры	Фрукт	Фрукт	Фрукт

			розоцветных				
9	Киви	Плод тропического дерева	Ягода, ягодовидный плод древесной лианы семейства актинидиевых	Ягодная культура	Фрукт	Фрукт	Фрукт
10	Манго	Плод тропического вечнозеленого дерева семейства анакардиевых	Костянка, костянковидный плод кустарника семейства анакардиевых	Тропическая культура	Фрукт / Фрукты (плоды тропических культур)	Фрукт	Экзотический фрукт
11	Грейп-фрут	Плод цитрусового дерева	Гесперидий (померанец), ягодовидный плод древесного растения семейства рутовых	Цитрусовые (субтропические) культуры	Фрукт / Фрукты (плоды цитрусовых культур)	Фрукт	Фрукт

Малотипичные образцы категории ФРУКТЫ. К малотипичным образцам категории, по результатам анкетирования, относятся **лимон** (отмечен 168 респондентами из 600; 28%), **виноград** (встречается в 159 анкетах из 600; 26,5%), **слива** и **дыня** (указаны 106 опрошенными; по 17,67%), **авокадо** и **нектарин** (названы 78 респондентами из 600; по 13%), а также **гранат** (представлен в 72 анкетах; 12%).

С ботанической точки зрения некоторые из названных плодов, а именно: лимон, виноград, дыня и гранат – являются ягодами (точнее – ягодовидными плодами: лимон – ягодовидный плод гесперидий, дыня – ягодовидный плод тыквина, виноград – собственно ягода, гранат – ягодовидный плод гранатина). Слива, авокадо и нектарин представляют собой костянку (костянковидный плод).

Признанные ягодами в ботанике лимон, авокадо и гранат в агрономии называются тропическими или субтропическими культурами, виноград считается ягодной культурой, а дыня – овощной. Костянки (слива и нектарин) с сельскохозяйственной точки зрения закономерно считаются косточковыми культурами. Вероятно, к косточковым необходимо отнести также авокадо, которое имеет твердый эндокарпий (косточку). Это вновь обнаруживает размытость границ категорий в агрономической картине мира: авокадо одновременно попадает в группу «косточковые культуры» и «тропические культуры». Кроме того, авокадо, называемое в торгово-экономической картине мира фруктом, в кулинарии считается овощем, так как чаще в силу своей маслянисто-

сти и отсутствия сладости используется для приготовления овощных салатов.

Неоднозначно в разных картинах мира категоризируется и дыня, которая в сельскохозяйственной литературе, ГОСТе «Овощи...» и «Общероссийском классификаторе ...» причисляется к овощным культурам, в ботанике считается ягодой, а в таможенной документации и кулинарных книгах относится к фруктам, что обнажает еще одно противоречие: фруктами называют плоды древесных или кустарниковых растений, дыня, часто причисляемая к фруктам, является плодом травянистого растения (принадлежность к травянистым растениям является одним из существенных признаков при категоризации овощей).

В лексикографических источниках, как уже было отмечено, отражено стремление составителей словарей в описании лексического значения наименований плодов ссылаться на ботаническую концепцию, но здесь вновь обнаруживается отсутствие последовательности в работе лексикографов: у граната место в систематике растений не указано, у лимона отмечена его принадлежность к роду цитрусовых (однако не отмечено семейство), у остальных образцов данной группы обозначено лишь семейство, к которому принадлежит то или иное растение.

Следует заметить, что некоторые названные образцы фиксируются не во всех рассмотренных источниках: так, в ГОСТах «ОВОЩИ...» и «ФРУКТЫ...» не упомянуты авокадо и нектарин. Лексема *нектарин* отсутствует в толковых словарях. Возможно, этот факт объясняется, во-первых, редкостью, экзотичностью некоторых образцов для данного региона (это касается авокадо); во-вторых, развитием селекционной науки, результатом достижений которой являются гибридные образцы, представляющие собой разные варианты более типичных для обыденного сознания представителей (так, нектарин является более устойчивым к болезням и вредителям видом персика, поэтому в толковых словарях фиксируется лишь типичный образец – персик).

Характеристика малотипичных образцов категории ФРУКТЫ в разных картинах мира представлена в Таблице № 18.

Таблица № 18.

**Малотипичные образцы категории ФРУКТЫ
в разных вариантах и вариациях языковой картины мира**

П/п	Наивная КМ	Лексикографическая КМ	Ботаническая КМ	Агрономическая КМ	Торгово-экономическая (ГОСТ / ОК)	Таможенная КМ	Кулинарная КМ
12	Лимон	Плод цитрусового	Гесперидий (померанец),	Цитрусовые (субтропи-	Фрукт / Фрукты	Фрукт	Фрукт

		деревя	ягодovidный плод древесно-го растения семейства рутовых	ческие) культуры	(плоды цитрусовых культур)		
13	Виноград	Ягоды вьющегося теплолюбивого кустарникового растения	Ягода, ягодovidный плод древесной лианы семейства виноградные	Ягодная культура	Фрукт	Фрукт	Фрукт
14	Слива	Плод дерева / кустарника семейства розоцветных	Костянка, костяковидный плод древесно-го растения семейства розоцветных	Плод косточковой культуры	Фрукт	Фрукт	Фрукт
15	Дыня	Плоды растения семейства тыквенных	Тыква, ягодovidный плод травянистого растения семейства тыквенных	Овощная культура (бахчевая)	Овощ	Фрукт	Фрукт
16	Авокадо	Плод вечно-зеленого дерева семейства лавровых	Костянка, костяковидный маслянистый плод кустарника или дерева семейства лавровых	Тропическая культура	Фрукт / -	Фрукт	Овощ
17	Нектарин	-	Костянка, костяковидный плод древесно-го растения семейства розоцветных	Плод косточковой культуры	- / Фрукт	Фрукт	Фрукт
18	Гранат	Плод южного дерева / кустарника	Гранатина, ягодovidный плод кустарникового растения семейства гранатовых	Субтропическая культура	Фрукт / Фрукты (плоды субтропических культур)	Фрукт	Фрукт

Нетипичные образцы категории ФРУКТЫ. Среди нетипичных образцов категории ФРУКТЫ респонденты отметили **хурму** (58 человек из 600; 9,66%), **папайю** и **помело** (по 49 человек из 600; 8,16%), **кlementин** (отмечен 47 респондентами из 600; 7,83%), **маракуйю** (упомянута в 43 анкетах из 600; 7,16%), **лайм** (встречается 42 раза;

7%), **арбуз** (назван 36 респондентами из 600; 6%) и **кокос** (упомянут в 33 анкетах; 5,5%).

Удивительно, но все названные здесь образцы, кроме кокоса, с ботанической точки зрения считаются ягодами. Следует еще раз пояснить, что в ботанике ягодами называются многосеменные плоды, односсеменные плоды являются костянками, не ягодами. Таким образом, хурма, папайя и маракуйя представляют собой многосеменные ягоды; помело, клементин и лайм – это ягодовидный плод – гесперидий; арбуз считается ягодовидным плодом – тыквиной. Кокос, часто в быту называемый орехом, в ботанике не относится к орехоплодным, этот вид плода считается костянкой.

В агрономии все названные культуры, кроме арбуза, относятся к группам тропические и/или субтропические культуры; помело, клементин и лайм также причисляются к группе цитрусовых (таким образом, эти образцы становятся членами одновременно нескольких субкатегорий: тропические, субтропические и цитрусовые).

В торгово-экономической сфере все образцы, кроме арбуза и кокоса, причисляются к категории ФРУКТЫ. Арбуз в ГОСТе «Овощи...» и в «Общероссийском классификаторе...» назван овощем. Кокос, как и некоторые другие плоды: помело и клементин – не присутствует в ГОСТах ни среди овощей, ни среди фруктов. Однако в таможенных документах и в кулинарных книгах кокос упоминается, но он фигурирует как орех. Хурма, папайя, помело, клементин, маракуйя и лайм в торгово-экономической и кулинарной сферах причисляются к категории ФРУКТЫ.

В лексикографических источниках в формулировках дефиниций к словам *хурма*, *папайя*, *арбуз*, *лайм* и *кокос* заметна тенденция к обобщению агрономических и ботанических представлений, однако и здесь обнаруживается отсутствие последовательности: не во всех лексикографических статьях указано семейство, к которому принадлежит растение (см. единицы *лайм*, *кокос*, *папайя*). Лексическая единица *фрукт* в дефинициях не встречается.

В некоторых случаях описание объекта осуществляется посредством сравнения с более типичным и известным образцом: ср.: «*лайм* – сорт горького лимона; *папайя* – плод тропического дерева, напоминающий дыню» [Большой толковый словарь..., электронный ресурс]. У наименований некоторых экзотических плодов отсутствует лексикографическое описание (*помело*, *клементин*, *маракуйя*). Вероятно, в лексикографии сохраняются консервативные тенденции, что проявляется, во-первых, в высокой степени преемственности словарной работы от одного поколения словарей к другому, что вполне закономерно в

работе по нормализованному описанию языка; с другой стороны, лексикографы не всегда оперативно способны фиксировать последние достижения науки (в данном случае – селекции, так как появляются новые гибриды плодов, новые сорта и т.д.) и новые явления, возникновение которых обусловлено расширением межкультурного и межнационального взаимодействия, расширением торговых связей с самыми разными (в т.ч. экзотическими) странами, где культивируются весьма необычные для климата России и близлежащих государств породы.

Как выше было указано, категориальная принадлежность арбуза вызывает немало споров. В научной картине мира арбуз как вид плода называется ЯГОДОЙ в ботаническом смысле и трактуется как ОВОЩ в сельскохозяйственной науке. В области торговли и кулинарии мнения специалистов расходятся: одни придерживаются точки зрения, близкой мнению представителей сельского хозяйства, и называют арбуз и дыню овощами; другие, отмечая вкусовые и иные качества (сладость, сочность и др.) и отсутствие необходимости в термической обработке, относят к фруктам; третьи стараются уйти от данной дилеммы и либо называют арбуз и дыню просто плодами, либо отмечают их отдельно, не относя ни к овощам, ни к фруктам, ни к ягодам. Следует заметить, что в области торговли и кулинарии никто из специалистов не использует ботаническую терминологию, то есть не причисляет арбуз и дыню к ЯГОДАМ.

В наивном представлении арбуз (как и дыня) скорее считаются фруктами, так как их подают на десерт вместе с яблоками, грушами, виноградом и т.д., их чаще едят свежими, термически не обработанными, как и другие фрукты. Существует растиражированное мнение о том, что арбуз является самой большой ягодой (это показал проведенный опрос). Однако это представление, вероятно, результат некоей «мнимой образованности», воспроизведение чужого мнения, но не собственного взгляда. Большинство людей, во-первых, вряд ли сможет объяснить, почему арбуз – это ягода, а не фрукт или овощ; во-вторых, носители обыденного сознания не относят к этой категории огурец, тыкву или кабачок; в-третьих, при использовании выражений *пойти за ягодами* или *выпить ягодный морс* они вряд ли будут иметь в виду арбуз наряду с малиной, земляникой, черникой или клюквой. Заблуждением, в конце концов, является и то, что арбуз – это самая большая ягода, так как плоды тыквы могут значительно превосходить арбузы в размерах.

Характеристика нетипичных образцов категории ФРУКТЫ представлена в Таблице № 19.

Таблица № 19.

**Нетипичные образцы категории ФРУКТЫ
в разных вариантах и вариациях языковой картины мира**

П/ п	Наив- ная КМ	Лекси- когра- фиче- ская КМ	Ботаниче- ская КМ	Агроно- миче- ская КМ	Торгово- эконо- миче- ская (ГОСТ / ОК)	Тамо- жен- ная КМ	Кули- нар- ная КМ
19	Хурма	Плод южного дерева семейства эбеновых	Ягодовидный плод древесного растения семейства эбеновых	Субтропическая культура	Фрукт / Фрукты (плоды субтропических культур)	Фрукт	Фрукт
20	Папайя	Плод тропического дерева, напоминающий дыню	Ягодовидный плод древесного растения семейства кариковых	Тропическая культура	Фрукт / Фрукты (плоды тропических культур)	Фрукт	Экзотический фрукт
21	Помело	-	Гесперидий (помеланец), ягодовидный плод древесного растения семейства рутовых	Цитрусовые (субтропические) культуры	- / Фрукты (плоды цитрусовых культур)	Фрукт	Фрукт
22	Клементин	-	Гесперидий (помеланец), ягодовидный плод древесного растения семейства рутовых	Цитрусовые (субтропические) культуры	- / Фрукт	Фрукт	Фрукт

23	Маракуйя	-	Ягодовидный плод древесного растения семейства страстоцветных	Тропическая и субтропическая культура	Фрукт / Фрукты (плоды тропических культур)	Фрукт	Экзотический фрукт
24	Лайм	Сорт горького лимона	Гесперидий (помеланец), ягодовидный плод древесного растения семейства рутовых	Цитрусовые (субтропические) культуры	Фрукт / Фрукты (плоды цитрусовых культур)	Фрукт	Фрукт
25	Арбуз	Плод стелющегося растения семейства тыквенных	Тыква, ягодовидный плод травянистого растения семейства тыквенных	Овощная культура (бахчевая)	Овощ	Фрукт	Фрукт
26	Кокос	Косточковый плод пальмы	Костянка, плод кокосовой пальмы семейства пальмовых	Тропическая культура	- / Фрукты (плоды тропических культур)	Орех	Орех

Сверхнетипичные образцы категории ФРУКТЫ. К сверхнетипичным (худшим) образцам категории ФРУКТЫ относятся плоды, названные не более чем 5% респондентов. Это **айва** (3,5%), **фейхоа** (3,16%), **вишня** (2,83%), **инжир** (2,66%), **гуава** (2,33%), **алыча** (1,83%), **черешня** и **личи / рамбутан** (по 1,5%), **минеола** и **чернослив** (по 0,83%), **земляника** и **финик** (по 0,66%), **помидор** и **дуриан** (по 0,5%), а также плоды, указанные единожды (по 0,16%): **бергамот**, **гуарана**, **земляная груша**, **карамбола**, **кумкват**, **кунжут**, **мушмула**, **морковь**, **питахайя**, **репа**, **салак** и **саподилла**.

Значительная часть указанных плодов с ботанической точки зрения считается ягодой: айва и мушмула представляют собой ягодовидный плод – яблоко; фейхоа, гуава, дуриан, помидор, питахайя, карамбола и саподилла являются собственно ягодами; минеола, бергамот и кумкват представляют собой ягодовидный плод – гесперидий; инжир

является ягодовидным плодом, представляющим собой сросшиеся со-плодия. Другие плоды считаются либо костянкой (вишня, алыча, черешня, личи / рамбутан, чернослив как сорт сливы, финик), либо коробочкой (кунжут). Вероятно, случайно попавшие в данную группу морковь и репа являются корнеплодами травянистых растений и традиционно относятся к категории ОВОЩИ (выше было указано, что морковь является исключением, так как в странах Евросоюза она формально признана фруктом). В данной группе также оказалась земляника, которая вопреки привычке обывателей причислить ее к ягодам с ботанической точки зрения ягодой не является, а представляет собой сборный орешек, ореховидный плод.

С агрономической точки зрения названные плоды относятся к семечковому (айва, мушмула), косточковому (вишня, алыча, черешня, личи / рамбутан, слива), тропическим (гуава, финик, дуриан, карамбола, кунжут, питахайя, саподилла), субтропическим (фейхоа, инжир, личи / рамбутан, гуарана и др.), citrusовым (минеола, бергамот, кумкват), ягодным (земляника) и овощным (морковь, репа) культурам.

В торгово-экономической и кулинарной сферах большинство из рассматриваемых в данной группе плодов традиционно причисляется к категории ФРУКТЫ, исключение составляет земляника и вишня, которые в соответствии с ГОСТом, «Общероссийским классификатором...» и таможенной документацией считаются фруктами, но в кулинарии называются ягодами, а также репа и морковь, отмеченные в торговле и кулинарии как овощи. Черешня, минеола, бергамот и гуарана не представлены в современных ГОСТах (ни в ГОСТе «ОВОЩИ», ни в ГОСТе «ФРУКТЫ»); гуарана и кунжут не обозначены также в таможенной документации, регламентирующей торговлю между странами таможенного соглашения. Чернослив и финик в торгово-экономической сфере представлены как сухофрукты в рубрике «Фрукты».

В лексикографических источниках при описании значений наименований, называющих указанные плоды, так же обнаруживается стремление обобщить научные данные ботаники и агрономии, как и в иных случаях, рассмотренных ранее. Лексическая единица *фрукт* для характеристики названных плодов не упоминается. Кроме того, в данном случае так же видна непоследовательность в описании наименований: дефиниции к лексемам *финик*, *бергамот*, *кунжут* не содержат, в отличие от остальных, компонента значения, указывающего на принадлежность растения к тому или иному семейству. Многих наименований экзотических фруктов в толковых словарях не представлено, это касается дуриана, гуараны, карамболы, кумквата, питахайи.

Характеристика сверхнетипичных образцов категории ФРУКТЫ представлена в Таблице № 20.

Таблица № 20.

Сверхнетипичные образцы категории ФРУКТЫ в разных вариантах и вариациях языковой картины мира

П/п	Бытовая КМ	Лексико-графическая КМ	Ботаническая КМ	Агрономическая КМ	Торгово-экономическая (ГОСТ / ОК)	Таможенная КМ	Кулинарная КМ
27	Айва	Плод южного дерева семейства розоцветных	Яблоко, ягодовидный синкарпный плод древесного растения семейства розоцветных	Плод айвы как семечковой культуры	Фрукт	Фрукт	Фрукт
28	Фейхоа	Плод вечнозеленого кустарника семейства миртовых	Ягода, плод древесного или кустарникового растения семейства миртовых	Субтропическая культура	Фрукт / Фрукты (плоды субтропических культур)	Фрукт	Экзотический фрукт
29	Вишня	Плод дерева или кустарника семейства розоцветных	Костянка, костянковидный плод древесного растения семейства розоцветных	Плод косточковой культуры	Фрукт	Фрукт	Ягода
30	Инжир	Плод субтропического дерева семейства тутовых	Сросшиеся соплодия (фига) древесного растения семейства тутовых	Субтропическая культура	Фрукт / Фрукт (плоды субтропических культур)	Фрукт	Фрукт
31	Гуава (гуайява)	Плод вечнозеленого дерева семейства миртовых	Ягодовидный плод древесного растения семейства миртовых	Тропическая культура	Фрукт / Фрукт (плоды тропических культур)	Фрукт	Фрукт
32	Алыча	Плод южного дерева семейства розоцветных	Костянка, костянковидный плод древесного растения семейства розоцветных	Плод косточковой культуры	Фрукт	Фрукт	Фрукт

33	Черешня	Плод южного дерева семейства розоцветных	Костянка, костянковидный плод древесного растения семейства розоцветных	Плод косточковой культуры	- / Фрукт	Фрукт	Фрукт
34	Личи / Рамбутан	-	Костянка, костянковидный плод древесного растения семейства сапиндовых	Субтропическая культура	Фрукт / Фрукты (плоды субтропических культур)	Фрукт	Экзотический фрукт
35	Минеола	-	Гесперидий (померанец), ягодовидный плод древесного растения семейства рутовых, гибрид мандарина и грейпфрута	Цитрусовые (субтропические) культуры	- / Фрукты (плоды цитрусовых культур)	Фрукт	Фрукт
36	Чернослив	Сушеные плоды сливы сортов Венгерки	Костянка, костянковидный плод древесного растения семейства розоцветных	Плод косточковой культуры	-	Фрукт сушеный	Сухофрукт
37	Земляника	Ягоды многолетнего травянистого растения семейства розоцветных	Сборный орешек, ореховидный плод травянистого растения семейства розоцветных	Ягодная культура	Фрукт	Фрукт	Ягода
38	Финик	Съедобный плод финиковой пальмы	Костянка, костянковидный плод древесного растения семейства пальмовых	Тропическая культура	Фрукт / Фрукты (плоды тропических культур)	Фрукт	Сухофрукт
39	Помидор	Плод однолетнего овощного растения семейства пасленовых	Ягода ягодовидный плод травянистого растения семейства пасленовых	Овощная культура	Овощ	Овощ	Овощ
40	Дуриан	-	Ягодовидный	Тропическая	Фрукт /	Фрукт	Экзоти-

			плод древесного растения семейства мальвовых	культура	Фрукты (плоды тропических культур)		ческий фрукт
40	Бергамот	Плоды небольшого вечнозеленого цитрусового дерева	Гесперидий (померанец), ягодовидный плод древесного растения семейства рутовых	Цитрусовые (субтропические) культуры	- / Фрукты (плоды цитрусовых культур)	Фрукт	Фрукт
41	Гуарана	-	Зерна ягодовидного плода лианового растения семейства сапиндовых	Субтропическая культура	-	-	
42	Карамбола	-	Плод древесного растения семейства кисличных	Тропическая и субтропическая культура	Фрукт / Фрукты (плоды цитрусовых культур)	Фрукт	Экзотический фрукт
43	Кумкват	-	Гесперидий (померанец), ягодовидный плод древесного растения семейства рутовых	Цитрусовые (субтропические) культуры	- / Фрукты (плоды цитрусовых культур)	Фрукт	Экзотический фрукт
44	Кунжут	Семена южного однолетнего травянистого растения	Коробочка, коробочковидный плод травянистого растения семейства педалиевых (используются семена плода)	Тропическая и субтропическая культура	- / Масличные семена	-	Семена
45	Мушмула	Плоды южного кустарника / дерева семейства розоцветных	Яблоко, ягодовидный плод древесного растения семейства розоцветных	Плод семечковой культуры	Фрукт	Фрукт	Фрукт
46	Морковь	Огородное растение семейства зонтичных, корнеплод	Травянистое растение; корнеплод (главный, простой, не-	Овощная культура, корнеплод	Овощ	Овощ	Овощ

			разветвлен- ный)				
47	Пита- хайя (питайя)	-	Ягода, ягодо- видный плод древовидного растения се- мейства как- тусовых	Тропическая и субтропи- ческая куль- тура	- / Фрукты (плоды тропиче- ских куль- тур)	Фрукт	Экзоти- ческий фрукт
48	Репа	Огородное растение семейства крестоцвет- ных, овощ с утолщен- ным корнем	Травянистое растение; корнеплод	Овощная культура, корнеплод	Овощ	Овощ	Овощ
49	Сапо- дила	Плод южно- го дерева семейства сапотовых	Ягодовидный плод древес- ного растения семейства сапотовых	Тропическая и субтропи- ческая куль- тура	Фрукт / Фрукты (плоды тропиче- ских и субтропи- ческих культур)	Фрукт	Фрукт

В разных вариантах и вариациях языковой картины мира (ботанической, агрономической, торгово-экономической, лексикографической, кулинарной и наивной) представление о категории ФРУКТЫ весьма неоднозначно. В ботаническом научном аппарате термина *фрукты* не существует, многие плоды, именуемые в обыденной жизни фруктами, в ботанике считаются ягодами, соплодиями или костянками. Под термином *ягода* понимается вид многосеменного плода с сочной мякотью, поэтому помидор и огурец, арбуз и ананас, груша и апельсин с ботанической точки зрения являются именно ягодами. Следует пояснить, что ягода в ботаническом смысле предполагает наличие разновидностей: это *яблоко*, которое наблюдается у плодов яблони, груши, боярышника и рябины, *тыква* (арбуз, дыня, кабачок, патиссон, цукини, тыква), *гесперидий* (все цитрусовые: апельсин, мандарин, лимон, помело и др.) и собственно *ягода* (помидор, баклажан, сладкий перец и др.) [Еремин, Бавтута 1997: 295 – 297]. С ботанической точки зрения вполне корректно плод айвы или груши назвать ягодой или яблоком, плод тыквы, арбуза, огурца или апельсина и лимона так же назвать ягодой. Что же касается ягод в привычном понимании, то далеко не все из них могут с ботанической точки зрения носить такое название (подробнее представители категории ЯГОДЫ будут рассмотре- ны в следующем разделе).

Таким образом, говорить о категории ФРУКТЫ в ботанике невозможно, такая категория в данной науке отсутствует. Категория ЯГОДЫ выделяется в ботанической картине мира, при этом существенным признаком лингвокогнитивной категоризации является **структура плода**, который имеет относительно твердый экзокарпий (кожур), сочный мезокарпий с семенами (мякоть). При этом размер, вкус, цвет, способ произрастания и иные параметры, актуальные, например, для бытовой категоризации, в науке роли не играют. На основании особой структуры плода выделяется и другая группа плодов – костянки (плоды с твердым эндокарпием, т.е. косточкой), к которым также относятся привычные для носителя обыденного сознания фрукты: слива, абрикос, персик, вишня, черешня и др.

В агрономии понятия *фрукт* так же не существует, в терминологическом аппарате специалистов по сельскому хозяйству используется общий термин *плодовая культура*, среди них выделяют семечковые и косточковые, тропические и субтропические, цитрусовые, пряные и тонирующие культуры. Как было выше указано, эта сфера допускает наибольшую степень условности классифицирования и размытости категориальных границ, так как в основе лингвокогнитивной категоризации плодовых культур лежит одновременно несколько существенных признаков: **морфологический** (часть, или орган, растения, употребляемого в пищу, структура плода), **особенности возделывания и зонального размещения, влияние на организм человека** и др.

Представление о рассмотренных в данной части исследования плодах, отраженное в действующих ГОСТах, «Общероссийском классификаторе...» и таможенной документации, не противоречит наивным (бытовым и кулинарным) представлениям: в обеих картинах мира большинство из рассматриваемых плодов причисляются к категории ФРУКТЫ.

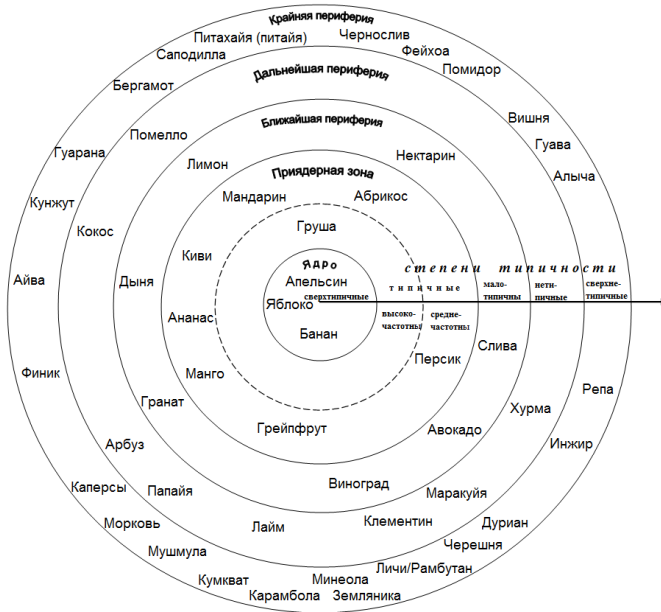
Лексикографическая картина мира, как показывает анализ словарных статей наименований плодов, обобщает научные представления ботаники и агрономии, поэтому лексическая единица *фрукт* в дефиниционных описаниях не встречается (исключение составляет формулировка значения лексемы *абрикос*). Словарные статьи отражают как ботаническую концепцию (указывается информация о месте того или иного представителя в систематике растений и морфологические признаки), так и агрономическое представление о плодовых культурах (отчетливо видны следы сельскохозяйственных классификаций: обозначен вид культуры – тропическая или субтропическая, косточковая или семечковая и т.п.). Однако важно заметить, что лексикографы не всегда последовательны в описании тех или иных наименований: так,

например, у некоторых наименований плодов в дефинициях указывается семейство, у других – род растений, у третьих такая информация опускается вовсе. В целом, следует заметить, что в лексикографической картине мира, отражающей в настоящее время научные представления, категория ФРУКТЫ не выделяется.

В наивной картине мира внутренняя организация категории ФРУКТЫ выглядит следующим образом: к лучшим образцам категории относятся яблоко (является прототипом для наименований некоторых фруктов и овощей в разных языках), апельсин, банан, груша, мандарин и некоторые другие. К худшим представителям категории ФРУКТЫ относятся, во-первых, экзотические плоды, не произрастающие на территории России, но известные частым посетителям супермаркетов и путешественникам в экзотические страны (фейхоа, гуава, личи и рамбутан, дуриан, кумкват, питахайя и др.); во-вторых, плоды, которые по какому-либо из существенных признаков могут быть причислены также к другим классификационным рубрикам. Например, в сознании носителя языка возникает дилемма, к какой категории – ФРУКТЫ или ЯГОДЫ – относится алыча, вишня, черешня, виноград и под., причиной сомнений является, с одной стороны, их малый размер, позволяющий отнести их к ягодам, с другой стороны, способ произрастания (чаще древесный) и особенности кулинарного использования (во фруктовых салатах, фруктовых десертах и т.п.), что свидетельствует о возможной их принадлежности к категории ФРУКТЫ. Так же непросто для носителей обыденного сознания вопрос отнесения арбуза и дыни к той или иной категории: большой размер не позволяет их назвать ягодами, принадлежность к травянистым растениям роднит их с овощами, кулинарная традиция подачи арбуза и дыни в качестве десертов позволяет причислить их к фруктам.

Распределение образцов по степеням типичности (от лучших – к худшим, от центра / ядра – к периферии) отражено в Схеме № 2.

Структура категории ФРУКТЫ в наивной картине мира

4.3. Категоризация **ЯГОД** в разных вариантах и вариациях языковой картины мира: сопоставительный аспект.

Ягода как общеупотребительное слово в бытовой и кулинарной сферах, а также как термин в ботанике используется достаточно широко. В агрономии плоды, обычно называемые ягодами, причисляются к отдельной группе – *ягодных культур*, существующих наряду с плодовыми. В торгово-экономической сфере термин *ягода* не употребляется, в ГОСТе «Фрукты...» и «Общероссийском классификаторе ...» соответствующие продукты растительного происхождения причисляют к категории **ФРУКТЫ**.

Для описания различий в категориальной оценке ягод за основу взята наивная классификация, основанная на данных анкетных опросов. Формулировка задания была следующей: *Назовите известные вам ягоды*. Методика проведения эксперимента и обработка данных осуществлялась подобным образом, как это было сделано при рас-

смотреии категорий ОВОЩИ и ФРУКТЫ. В результате опроса подсчитывалось общее количество ответов в пользу того или иного продукта, что позволило определить наиболее и наименее типичные образцы категории ЯГОДЫ в общем представлении носителей русского языка. При анализе данных учитывалась позиция (от 1 до 10), на которой зафиксировано то или иное наименование, что способствовало определению лучших и худших образцов категории. Результаты анкетирования занесены в Таблицу № 21.

Таблица № 21.

**Сводная таблица количественных данных
об образцах категории ЯГОДЫ**

П/п	Название ягоды	1 место	2 место	3 место	4 место	5 место	6 место	7 место	8 место	9 место	10 место	Общее кол-во	Общее кол-во в %
1	Клубника	96	97	90	42	41	19	27	19	7	6	444	74
2	Малина	88	94	46	64	41	23	21	21	15	16	429	71,5
3	Смородина	27	37	61	59	47	44	44	31	29	21	390	65
4	Земляника	37	57	53	56	37	37	26	21	27	16	367	61,16
5	Черника	20	30	37	71	47	44	29	34	27	22	361	60,16
6	Арбуз	134	31	29	21	20	24	26	15	14	12	326	54,33
7	Вишня	26	41	33	27	33	27	26	12	29	22	276	46
8	Ежевика	8	25	32	25	46	30	27	28	25	22	268	44,66
9	Крыжовник	7 (1к)	12	32	29	34	29	31	22	29	33	258 (1к)	43
10	Брусника	16	21	16	18	24	23	33	24	19	15	209	34,83
11	Клюква	8	17	15	21	21	18	19	19	19	18	175	29,16
12	Голубика	3	11	17	15	16	19	17	19	16	18	151	25,16
13	Черешня	6	6	17	16	16	17	14	17	12	14	135	22,5
14	Облепиха	4 (1к)	3	6	11	15	24	15	14	18	17	127 (1к)	21,16
15	Рябина	6 (3к)	6	7 (1к)	9	10	12	12	20	16	10	108 (4к)	18
16	Костяника	0	0	3	6	6	11	12	16	14	11	79	13,16
17	Слива	9	12 (1м)	4	6	7	10	6 (1м)	13	3	8	78 (2м)	13
18	Виноград	17	4	14	6	3	8	4	6	9	5	76	12,66
19	Жимолость	5	2	2	3	10	7	14	9 (1к)	11	11	74 (1к)	12,33
20	Черемуха	2	4	2	1	6	8	17	8	10	13	71	11,83
21	Ирга	0	0	1	7	7	11	12	9	8	6 (1м)	61 (1м)	10,16
22	Морошка	4	0	3	3 (1м)	6	7	3	12	8	12	58 (1м)	9,66
23	Виктория	3	4	11	7	4	8	5	4	1	1	48	8
24	Калина	0	3	2	3	5	5	7	11	6	5	47	7,83
25	Шиповник	1	1	1(к)	4	0	9	5	4	7	5	37 (1к)	6,16
26	Дыня	2	12	0	1	0	2	4	3 (1м)	2	2	28 (1м)	4,66
27	Барбарис	3 (2м)	2 (1м)	2 (м)	1 (м)	1 (м)	1	2	4	2	2 (1к)	20 (7м, 1к)	3,33
28	Волчья ягода	1	1	0	0	0	0	2	3	2	9	18	3
20	Боярышник	1	1	0	1	0	1	3	3	1	5	16	2,66
30	Черноплодная рябина	0	0	0	0	4 (1к)	2	1	3	2	2	14 (1к)	2,33

31	Алыча	0	1	0	2 (1к)	0	2	0	1	2	2	10 (1к)	1,66
32	Брюква	0	0	0	0	1	0	2	2	4	1	10	1,66
33	Помидор	1	3	0	1	2	1	1	1	0	0	10	1,66
34	Абрикос	1	0	0	0	1	0	1	1	2 (1к)	1	6 (1к)	1
35	Бузина	0	0	1 (м)	1	0	0	1	0	2	1	6 (1м)	1
36	Анис	2 (м)	0	0	0	1 (м)	0	0	1 (м)	1 (м)	0	5(м)	0,83
37	Гранат	1 (м)	1 (м)	3 (1к, 1м)	0	0	0	0	0	0	0	5 (3м, 1к)	0,83
38	Киви	1	0	0	0	0	0	0	0	1	1	3	0,5
39	Ананас	1 (м)	1 (м)	0	0	0	1	0	0	0	0	3 (2м)	0,5
40	Черно-слив	0	0	0	1	1	1	0	0	0	0	3	0,5
41	Тыква	0	0	0	0	1	1	0	1	0	0	3	0,5
42	Айва	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	2	0,33
43	Ассан	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	2	0,33
44	Инжир	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	2	0,33
45	Лимонник	0	0	0	0	0	0	0	2 (1к)	0	0	2 (1к)	0,33
46	Личи	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	2	0,33
47	Фейхоа	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	2	0,33
48	Шелковица	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	2	0,33
49	Банан	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0,16
50	Яблоки	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0,16
51	Хурма	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0,16
52	Минеола	0	0	0	1 (м)	0	0	0	0	0	0	1 (м)	0,16
53	Лимон	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0,16
54	Крысма	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0,16
55	Чеснок	0	0	0	0	1 (м)	0	0	0	0	0	1(м)	0,16
56	Хвойник	0	0	0	0	1 (м)	0	0	0	0	0	1(м)	0,16
57	Гвоздика	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0,16
58	Олива	0	0	0	0	0	1 (к)	0	0	0	0	1(к)	0,16
59	Тутовник	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0,16
60	Лайм	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0,16
61	Кизил	0	0	0	0	0	1 (м)	0	1	0	0	1(м)	0,16
62	Физалис	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0,16
63	Водяница	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0,16
64	Санберри	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0,16
65	Княженика	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0,16
66	Боб	0	0	0	0	0	0	1 (м)	0	0	0	1(м)	0,16
67	Водопьянник	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0,16
68	Клубянка	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0,16
69	Авокадо	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0,16
70	Финики	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0,16
71	Кушжуг	0	0	0	0	0	0	0	0	1 (м)	0	1(м)	0,16
72	Персик	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0,16
73	Чечевица	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0,16
74	Паслен	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0,16
75	Соя	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1 (м)	1(м)	0,16
76	Костянка	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0,16
77	Черемша	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0,16

Сверхтипичные образцы категории ЯГОДЫ. Ни один из названных респондентами образцов не набрал более 80% ответов. Отсутствие столь высоких показателей у категории ЯГОДЫ в отличие от категорий ОВОЩИ и ФРУКТЫ, вероятно, объясняется следующими причинами: во-первых, ягоды как продукт питания являются не столь значимыми, как овощи или фрукты, ягоды не составляют основной рацион питания человека.

Еще одним доказательством этого факта является то, что в сознании носителей другого, но тоже славянского языка – чешского – категория ЯГОДЫ не выделяется. В одном из чешских учебников для дошкольников детям предлагается рассмотреть картинку, на которой изображены и пронумерованы следующие плоды: 1) яблоко, 2) кукуруза, 3) груша, 4) вишня, 5) ананас, 6) клубника, 7) лимон, 8) помидор, 9) арбуз, 10) виноград. Далее задаются вопросы, из которых для нас показательны следующие: *Které ovoce má nejnížší číslo?* и *Které ovoce má nejvyšší číslo?* (рус.: Какой фрукт имеет наименьшее число?, Какой фрукт имеет наибольшее число?) [Praktický kurz přípravy do školy 2013]. В чешском языке *ovoce* переводится как *фрукты*, следовательно, у носителей чешского языка в категорию ФРУКТЫ включается и клубника, и виноград, которые обычно русскоговорящими называются ягодами. Слово *ягода* (*bobule*) есть в чешском языке, но чаще оно употребляется как ботанический термин (ягодой в этом смысле называется плод помидора, огурца, арбуза, крыжовника, киви, смородины и др. [Bobule // URL: <http://cs.wikipedia.org/wiki/Bobule>; дата обращения: 04.04.2014]. Земляника (по-чешски *jahoda*), ягода рябины (*jeřbina*), ягода терновника (*trnka*), ягода малины (*malina*) относятся в сознании носителей чешского языка к категории ФРУКТЫ. Именно поэтому преподаватели-чехи, обучающие русских чешскому языку, сталкиваются с трудностями в объяснении, почему при изучении единиц лексико-тематической группы ФРУКТЫ они называют клубнику, землянику и смородину.

Во-вторых, причиной отсутствия сверхтипичных образцов в структуре категории ЯГОДЫ является то, что носителям обыденного сознания известно большее количество видов и сортов ягод, нежели фруктов и овощей, что обусловлено широтой житейского опыта: известны не только садовые ягодные культуры (смородина, малина, крыжовник и др.), но также дикорастущие, которые широко распространены в умеренных климатических условиях (черника, голубика, морошка, клюква, брусника и менее известные – княженика, водопьянник, лимонник и под.). Дикорастущие овощи и фрукты, как пока-

зало исследование, в сознании носителей русского языка не фиксируются.

В-третьих, при определении членства категории ЯГОДЫ у носителей языка возникают затруднения, обусловленные различиями между научно-ботанической трактовкой и наивным представлением: например, в настоящее время растиражировано мнение о том, что арбуз является ягодой, хотя научно обосновать причины этого явления вряд ли кто-либо из не-специалистов может; кроме того, по ряду существенных признаков (размер, вкус, особенности хозяйственного использования и т.п.) многие ягоды легко объединить в одну категорию с так называемыми фруктами (это касается, например, винограда, вишни, черешни, алычи и под.).

Названные факторы объясняют затруднения носителей языка определить принадлежность того или иного образца к категории ЯГОДЫ, что в свою очередь способствует предельной размытости границ данной категории в сознании носителей языка.

Типичные (высокочастотные) образцы категории ЯГОДЫ. К типичным образцам категории ЯГОДЫ в сознании респондентов относятся **клубника, малина, земляника, черника, смородина**. Клубника названа 444 респондентами из 600 (74%), при этом самые высокие показатели занимают с первой по третью позиции (96 – 97 – 90 соответственно), что свидетельствует о принадлежности клубники к лучшим образцам категории ЯГОДЫ. Удивительно, но этот «лучший образец» категории ЯГОДЫ в ботанике не существует, его не существует как объекта реального мира: клубникой называется агрономический сорт земляники садовой, то есть в ботанике этот вид растения считается земляникой.

На втором месте, по результатам опроса, располагается малина, названная 429 опрошенными из 600 (71,5%), при этом самые высокие показатели закрепляют малину на первой и второй позициях (88 и 94 ответа), что также свидетельствует о ее принадлежности к лучшим образцам. На третьем месте – смородина (белая, красная, черная), представленная в 390 анкетах (65%). Далее располагаются земляника (указана в 367 анкетах; 61,16%) и черника (названа 361 респондентом; 60,16%).

Из наиболее типичных для категории ЯГОДЫ образцов с ботанической точки зрения ягодами являются лишь смородина и черника. Малина, земляника и ее сортовая разновидность клубника, представляемые в обыденном сознании носителей языка как типичные ягоды, специалистами по ботанике ягодами не называются, но по особенностям строения плода (по морфологической структуре) считаются сбор-

ными костянками, то есть плодами, имеющими косточки внутри сочной мякоти.

В агрономической картине мира все высокочастотные образцы причисляются к ягодным культурам, ягодами они считаются и в кулинарии.

В торгово-экономической сфере (согласно ГОСТу «ФРУКТЫ...», «Общероссийскому классификатору ...» и «Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза...») клубника, малина, земляника, черника и смородина причисляются к фруктам, категория ЯГОДЫ в названных документах не выделяется. Не отмечены ягоды и в Федеральном законе от 27 октября 2008 г. № 178-ФЗ «Технический регламент на соковую продукцию из фруктов и овощей», все отнесенные к данной группе плоды так же считаются фруктами. В ст. 1 раздела «Общие положения» данного закона уточняется следующее: «Настоящий Федеральный закон регулирует отношения, возникающие при применении и исполнении обязательных требований к соковой продукции из фруктов (включая ягоды) и (или) овощей...» [Федеральный закон ... № 178, электронный ресурс]. Иными словами, хотя существование ягод как продуктов растительного происхождения предполагается, тем не менее документально они относятся к категории ФРУКТЫ.

В лексикографических источниках дефиниции к лексемам *клубника*, *малина*, *земляника*, *черника* и *смородина* обобщают научную информацию и наивное представление о данных реалиях. У каждого образца отмечен способ произрастания: травянистое, кустарничковое или кустарниковое растение (агрономический признак) и указано семейство, то есть акцентируется собственно ботанический признак (место в систематике растений). Отмечаются также обыденные представления о ягодах: цвет, вкус и запах (показательно, что при описании фруктов и овощей лексикографы не учитывали характеристики цвета, вкуса, запаха, хозяйственного применения и т.п., что в первую очередь актуально для обыденного сознания).

Характеристика типичных (высокочастотных) образцов категории ЯГОДЫ представлена в Таблице № 22.

Таблица № 22.

**Типичные (высокочастотные) образцы категории ЯГОДЫ
в разных вариантах и вариациях языковой картины мира**

П/п	Наивная КМ	Лексико- графическая КМ	Ботаниче- ская КМ	Агрономи- ческая КМ	Торго- во- эконо- миче- ская КМ	Тамо- женная КМ	Кули- нарная КМ
1	Клубника	Ягоды травянистого растения семейства розоцветных	-	Ягодная культура (земляника садовая)	Фрукт	Фрукт	Ягода
2	Малина	Ягоды кустарникового растения семейства розоцветных	Сборная костянка (костянковидный плод)	Ягодная культура	Фрукт	Фрукт	Ягода
3	Земляника	Душистые ягоды многолетнего травянистого растения семейства розоцветных	Сборная костянка (костянковидный плод)	Ягодная культура	Фрукт	Фрукт	Ягода
4	Черника	Ягоды мелкого кустарничкового дикорастущего растения семейства брусничных	Ягода (ягодовидный плод)	Ягодная культура	Фрукт	Фрукт	Ягода
5	Смородина	Кисло-сладкие ягоды (черного, красного или белого цвета) кустарникового растения семейства крыжовниковых	Ягода (ягодовидный плод)	Ягодная культура	Фрукт	Фрукт	Ягода

Типичные (среднечастотные) образцы категории ЯГОДЫ.
Среди типичных среднечастотных образцов названы **арбуз, вишня, ежевика, крыжовник, брусника**. Арбуз отмечен 326 респондентами (54,33%), вишня обозначена в 276 анкетах (46%), ежевика указана 268

опрошенными (44,66%), крыжовник назван 258 респондентами (43%), бруснику отметили 209 человек из 600 (34,83%).

Собственно ягодами с ботанической точки зрения являются арбуз (см. подробное описание в разделах, посвященных анализу категории ОВОЩИ и ФРУКТЫ), крыжовник и брусника, они определяются как многосеменные ягоды, имеющие сочную мякоть. Вишня и ежевика считаются не ягодами, но костянками, так как имеют косточку внутри. Агрономическое представление относительно ежевики, крыжовника и брусники полностью совпадает с кулинарной и наивной картинами мира: эти культуры считаются ягодными. Чаще причисляемые к фруктам вишня и арбуз в сельском хозяйстве характеризуются иначе, нежели в быту: вишня относится к плодовым косточковым культурам, арбуз – к овощным. В торгово-экономической и таможенной документации вишня, ежевика, крыжовник и брусника причисляются к фруктам, арбуз в ГОСТе «Овощи...» и в «Общероссийском классификаторе...» фигурирует как овощ, в таможенной документации причисляется к фруктам.

Как ранее отмечалось, лексикографические источники при дефиниционном описании лексем, называющих указанные плоды, обобщают научную информацию: агрономическую (характеристика плодовых культур) и ботаническую (указание на способ произрастания и морфологический признак – структуру плода).

Характеристика типичных (среднечастотных) образцов категории ЯГОДЫ представлена в Таблице № 23.

Таблица № 23.

**Типичные (среднечастотные) образцы категории ЯГОДЫ
в разных вариантах и вариациях языковой картины мира**

П/п	Наивная КМ	Лексико- графиче- ская КМ	Ботаническая КМ	Агрономи- ческая КМ	Торго- во- эконо- миче- ская КМ	Тамо- женная КМ	Кули- нарная КМ
6	Арбуз	Травяни- стое расте- ние с мяси- стыми пло- дами	Травянистое растение с ягодovidным плодом – тык- виной (толсто- стенной яго- дой)	Плодовая овощная культура (тыквен- ные)	Овощ (1)	Фрукт	Плод / Фрукт (в составе фрукто- вых десер- тов)
7	Вишня	Плод дерева или кустар- ника семей- ства розо-	Костянка, ко- стянковидный плод древесно- го растения	Плод кост- точковой культуры	Фрукт	Фрукт	Ягода

		цветных	семейства розоцветных				
8	Ежевика	Сизо- черные ягоды кустарникового растения семейства розоцветных	Сборная костянка (костяно- квидный плод)	Ягодная культура	Фрукт	Фрукт	Ягода
9	Крыжовник	Кисло- сладкие ягоды ко- лючего садового кустарника	Ягода (ягодо- видный плод)	Ягодная культура	Фрукт	Фрукт	Ягода
10	Брусника	Красные кисловатые ягоды мел- кого дико- растущего кустарника	Ягода (ягодо- видный плод)	Ягодная культура	Фрукт	Фрукт	Ягода

Малотипичные образцы лексической категории ЯГОДЫ. К малотипичным образцам, по итогам обработки анкетных опросов, относятся **клюква** (названа 175 респондентами из 600; 29,16%), **голубика** (указана в 151 анкете; 25,16%), **черешня** (обозначена 135 опрошенными; 22,5%), **облепиха** (представлена 127 анкетами; 21,16%), **рябина** (приведена в 108 анкетах; 18%), **костяника** (отмечена 79 информантами; 13,16%), **слива** (указана 78 опрошенными; 13%), **виноград** (обозначен 76 респондентами; 12,66%), **жимолость** (обозначена 74 информантами; 12,33%), **черемуха** (названа 71 человеком; 11,83%), **ирга** (отмечена 61 человеком; 10,16%).

С ботанической точки зрения ягодами являются лишь клюква, голубика, виноград, жимолость (собственно ягоды), а также рябина и ирга, которые представляют собой ягодовидный плод в виде яблока. Черешня, облепиха, слива и черемуха называются в ботанике костянками, костяника представляет собой сборную костянку (подобно малине, ежевике и морошке). В агрономии среди названных плодов к ягодным культурам относят клюкву, голубику, облепиху, костянику, виноград, жимолость, черемуху и иргу. Черешню и сливу традиционно в сельском хозяйстве называют косточковыми, а рябину считают семечковой культурой.

В торгово-экономической сфере все представители данной группы относятся к категории ФРУКТЫ, в кулинарии фруктом считают лишь

виноград, сливу и черешню. Остальные плоды считаются ягодами. Лингвистические источники в описании лексем, называющих плоды данной группы, как ранее отмечалось, обобщают научное и наивное представления.

Характеристика малотипичных образцов категории ЯГОДЫ представлена в Таблице № 24.

Таблица № 24.

**Малотипичные образцы категории ЯГОДЫ
в разных вариантах и вариациях языковой картины мира**

П/п	Наим- ная КМ	Лексикогра- фическая КМ	Ботаническая КМ	Агроно- мическая КМ	Торгово- экономи- ческая КМ (ГОСТ / ОК)	Тамо- женная КМ	Кули- нарная КМ
11	Клюква	Красные кислые ягоды мелкого кустарника семейства брусничных (растет на моховых болотах)	Ягода (ягодovidный плод травянистого растения семейства брусничных)	Ягодная культура	Фрукт	Фрукт	Ягода
12	Голубика	Сизо-голубые кисловатые ягоды кустарничкового растения семейства брусничных	Ягода (ягодovidный плод травянистого растения семейства брусничных)	Ягодная культура	Фрукт / -	Фрукт (группа 08)	Ягода
13	Черешня	Плод южного дерева семейства розоцветных	Костянка, костяковидный плод древесного растения семейства розоцветных	Плод косточковой культуры	- / Фрукт	Фрукт	Фрукт
14	Облепиха	Желтые или оранжевые кисловатые ягоды кустарникового или древесного растения семейства лоховых	Костянка, костяковидный плод кустарникового или древесного растения семейства лоховых	Ягодная культура	Фрукт	Фрукт	Ягода
15	Рябина	Оранжево-красные ягоды древесно-	Яблоко (ягодovidный плод древесного	Плод семечковой культуры	Фрукт	Фрукт	Ягода

		го растения семейства розоцветных	растения семейства розоцветных)				
16	Костяника	Красные кислые ягоды лесного травянистого растения семейства розоцветных	Сборная костянка (костянковидный плод)	Ягодная культура	- / Фрукт	Фрукт	Ягода
17	Слива	Плод дерева / кустарника семейства розоцветных	Костянка, костянковидный плод древесного растения семейства розоцветных	Плод косточковой культуры	Фрукт	Фрукт	Фрукт
18	Виноград	Ягоды вьющегося теплолюбивого кустарникового растения	Ягода, ягодовидный плод древесной лианы семейства виноградовые	Ягодная культура	Фрукт	Фрукт	Фрукт
19	Жимолость	Кустарник с цветками светлой окраски (ягоды не упоминаются)	Ягода (ягодовидный плод) кустарникового растения семейства жимолостных	Ягодная культура	- / Фрукт	Фрукт	Ягода
20	Черемуха	Черные ягоды древесного растения семейства розоцветных	Костянка (плод древесного растения семейства розоцветных)	Ягодная культура	- / Фрукт	Фрукт	Ягода
21	Ирга	Куст или дерево (В.И. Даль)	Яблоко (ягодовидный плод древесного растения семейства розоцветных)	Ягодная культура	- / Фрукт	-	Ягода

Нетипичные образцы категории ЯГОДЫ. Нетипичными образцами категории ЯГОДЫ являются, по данным опроса, **морозка** (названа 58 респондентами из 600; 9,66%), **виктория** (указана 48 опрошенными; 8%), **калина** (представлена в 47 анкетах; 7,83%), **шиповник** (отмечен 37 респондентами; 6,16%). Их место в структуре данной категории объясняется спецификой распространения (морозка и калина растут лишь в северных регионах) и произрастания (все растения, кроме виктории, являются дикорастущими), а также отсутствием в тради-

ционной ботанической классификации (виктория является сортом садовой земляники).

С ботанической точки зрения ни один из образцов данной группы не является ягодой в научном смысле слова, однако в агрономической картине мира все образцы считаются именно ягодными культурами. В кулинарных книгах все, кроме шиповника (он назван плодом), так же причисляются к ягодам. В торгово-экономической сфере данные образцы относятся к фруктам: как было отмечено ранее, термин ЯГОДЫ в торгово-экономической сфере не используется. В лексикографических источниках научное описание сосуществует с наивными представлениями о специфическом цвете, вкусе, запахе и хозяйственном использовании ягод.

Характеристика нетипичных образцов категории ЯГОДЫ представлена в Таблице № 25.

Таблица № 25.

**Нетипичные образцы категории ЯГОДЫ
в разных вариантах и вариациях языковой картины мира**

П/п	Наивная КМ	Лексико- графическая КМ	Ботаническая КМ	Агроно- мическая КМ	Торгово- эконо- миче- ская КМ (ГОСТ / ОК)	Тамо- женная КМ	Кули- нарная КМ
22	Морош- ка	Желтовато-оранжевые плоды (напоминающие ягоды малины) травянистого или полукустарникового растения семейства розоцветных	Сборная костянка (плод травянистого или полукустарникового растения семейства розоцветных)	Ягодная культура	Фрукт / -	Фрукт (группа 08)	Ягода
23	Викто- рия	Название некоторых сортов ягод	-	Ягодная культура (сорт земляники)	-	Фрукт	Ягода
24	Калина	Красные ягоды кустарникового растения семейства жимолостных	Костянка (плод кустарникового растения семейства жимолостных)	Ягодная культура	- / Фрукт	-	Ягода

25	Шиповник	Плоды дикой кустарниковой розы	Сборный орешек, плод кустарникового растения семейства розоцветных	Ягодная культура	- / Фрукт	-	Плод
----	-----------------	--------------------------------	--	------------------	-----------	---	------

Сверхнетипичные образцы категории ЯГОДЫ. Среди сверхнетипичных образцов, по результатам опроса, выделяются **дыня** (отмечена 28 респондентами из 600; 4,66 %), **барбарис** (указан в 20 анкетах; 3,33%), **волчья ягода** (представлен в 18 анкетах; 3%), **боярышник** (назван 16 опрошенными; 2,66%), **черноплодная рябина** (представлена в 14 анкетах; 2,33%), **алыча, брюква и помидор** (указаны в 10 анкетах; по 1,66%), **абрикос и бузина** (названы в 6 анкетах; по 1 %), **анис и гранат** (представлены в 6 анкетах; по 1%). Менее 1 % респондентов (менее шести человек) назвали **киви, ананас, чернослив, тыкву, айву, ассан, инжир, лимонник, личи, фейхоа, шелковицу**. Единичными оказались случаи упоминания среди ягод таких плодов, как **банан, яблоко, хурма, минеола, лимон, крысма, чеснок, хвойник, *земклуника, гвоздика, олива, тутовник, лайм, кизил, физалис, водяница, санберри, княженика, боб, водопьянник, клубянка, авокадо, финик, кунжут, персик, чечевица, паслен, соя, костянка и черемша**.

Многие сверхнетипичные образцы категории ЯГОДЫ были ранее описаны, так как упоминались также среди овощей или фруктов (дыня, алыча, брюква, помидор, абрикос, гранат, киви, ананас, тыква, личи, фейхоа, банан, яблоко и др.). Барбарис, боярышник, физалис, водяника, санберри и паслен, действительно, с ботанической точки зрения являются ягодами (при этом боярышник и черноплодная рябина представляют собой ягодовидный плод в виде яблока, остальные плоды – собственно ягоды). Однако в агрономии ягодными культурами среди перечисленных считаются только барбарис и физалис; боярышник и черноплодная рябина относятся к семечковым культурам. Бузина, шелковица (тутовник), кизил и княженика, названные ягодами при опросе, в ботанике трактуются как костянки (бузина и кизил) или сборные костянки (шелковица / тутовник и княженика), в агрономии же считаются именно ягодными культурами.

Барбарис, боярышник, бузина, черноплодная рябина, лимонник, шелковица (тутовник), хвойник, кизил, физалис, водяника, княженика, санберри в кулинарии считаются, как в бытовой и агрономической картинах мира ягодами или ягодными культурами.

В документах, регламентирующих товарооборот, ягодные культуры чаще упоминаются в разделе «Фрукты», самостоятельно категория ЯГОДЫ, как правило, не выделяется.

В лексикографических источниках при дефиниционном описании лексем, называющих ягоды в привычном для обыденного сознания смысле, наблюдается стремление учесть ботанические и агрономические характеристики: в дефинициях присутствует упоминание о месте растения в общей систематике (фиксируется семейство), указание на способ произрастания (древесные, кустарниковые и т.п.) и зональность распространения (тропические или субтропические и под.). Учитываются также параметры, актуальные при выделении категории ЯГОДЫ в наивной картине мира: цвет, вкус, форма и под.

Характеристика сверхнетипичных образцов категории ЯГОДЫ представлена в Таблице № 26.

Таблица № 26.

**Сверхнетипичные образцы категории ЯГОДЫ
в разных вариантах и вариациях языковой картины мира**

П/п	Бытовая КМ	Лексико-графическая КМ	Ботаническая КМ	Агрономическая КМ	Торгово-экономическая (ГОСТ / ОК)	Таможенная КМ	Кулинарная КМ
26	Дыня	Плоды растения семейства тыквенных	Травянистое растение с ягодовидным плодом – тыквиной (толсто-стенной ягодой)	Плодовая овощная культура (тыквенные), используются зрелыми	Овощ (1)	Фрукт	Плод / фрукт (в составе фруктового салата)
27	Барбарис	Продолговатые мелкие кислые на вкус темно-красные ягоды кустарникового растения	Ягода, плод кустарникового растения семейства барбарисовых	Ягодная культура	- / Фрукт	-	Ягода
28	Волчья ягода	-	-	-	-	-	-
29	Боярыш-	Плоды	Яблоко	Плод се-	Фрукт	-	Ягода

	ник	кустарни- кового или древесного растения семейства розоцвет- ных	(ягодовид- ный плод кустарни- кового или древесного растения семейства розоцвет- ных)	мечковой культуры			
30	Черно- плодная рябина	См. рябина	Яблоко (ягодовид- ный плод кустарни- кового растения семейства розоцвет- ных)	Плод се- мечковой культуры	Фрукт	Фрукт	Ягода
31	Алыча	Плод юж- ного дере- ва семей- ства розо- цветных	Костянка, костяноч- ковидный плод дре- весного растения семейства розоцвет- ных	Плод кос- точковой культуры	Фрукт	Фрукт	Фрукт
32	Брюква	Огородное растение семейства кресто- цветных с крупным шарооб- разным корнепло- дом	Травяни- стое рас- тение; корнеплод	Корне- плодная овощная культура	Овощ (1)	-	Овощ
33	Помидор	Плод од- нолетнего овощного растения семейства паслено- вых	Ягода (ягодовид- ный плод)	Плодовая овощная культура (паслено- вые), ис- пользуют- ся зрелые плоды	Овощ (в странах ЕС – фрукт) (1, 2)	Овощ	Овощ
34	Абрикос	Плод фруктово- го дерева семейства розоцвет- ных	Костянка, костяноч- ковидный плод дре- весного растения семейства	Плод кос- точковой культуры	Фрукт	Фрукт	Фрукт

			розоцвет- ных				
35	Бузина	Красные и черные ягоды древесного растения семейства жимолостных	Костянка (плод древесного растения семейства жимолостных)	Ягодная культура	- / Фрукт	-	Ягода
36	Анис	Травянистое растение семейства зонтичных	Семянка (ореховидный плод травянистого растения семейства зонтичных)	-	-	-	-
37	Гранат	Плод южного дерева / кустарника	Гранатина, ягодовидный плод кустарникового растения семейства гранатовых	Субтропическая культура	Фрукт / Фрукты (плоды субтропических культур)	Фрукт	Фрукт
38	Киви	Плод тропического дерева	Ягода, ягодовидный плод древесной лианы семейства актинидиевых	Ягодная культура	Фрукт	Фрукт	Фрукт
39	Ананас	Плод травянистого тропического растения семейства бромелиевых	Сросшиеся с осью соплодия, ягодовидный плод травянистого растения семейства бромелиевых	Тропическая культура	Фрукт / Фрукты (плоды тропических культур)	Фрукт	Фрукт
40	Чернослив	Сушеные плоды сливы сортов	Костянка, костяночковидный плод дре-	Плод косточковой культуры	-	Фрукт сушеный	Сухофрукт

		Венгерки	весного растения семейства розоцветных				
41	Тыква	Крупные плоды растения с лежащими стеблями	Травянистое растение с ягодовидным плодом – тыквиной (толсто-стенной ягодой)	Плодовая овощная культура (тыквенные), используются зрелыми	Овощ (2)	Условно овощ	Овощ
42	Айва	Плод южного дерева семейства розоцветных	Яблоко, ягодовидный синкарпный плод древесного растения семейства розоцветных	Плод айвы как семечковой культуры	Фрукт	Фрукт	Фрукт
43	Ассан	-	-	-	-	-	-
44	Инджир	Плод субтропического дерева семейства тутовых	Сросшиеся соплодия (фига) древесного растения семейства тутовых	Субтропическая культура	Фрукт / Фрукты (плоды субтропических культур)	Фрукт	Фрукт
45	Лимонник	Ягоды (со вкусом лимона) кустарникового растения семейства магнолиевых	Сочная многолистовка (вид коробочковидного плода)	Ягодная культура	- / Фрукт	-	Ягода
46	Личи	-	Костянка, костянковидный плод древесного растения семейства сапиндовых	Субтропическая культура	Фрукт / Фрукты (плоды субтропических культур)	Фрукт	Экзотический фрукт

47	Фейхоа	Плод вечнозеленого кустарника семейства миртовых	Ягода, плод древесного или кустарникового растения семейства миртовых	Субтропическая культура	Фрукт / Фрукты (плоды субтропических культур)	Фрукт	Экзотический фрукт
48	Шелковица	Съедобные плоды южного дерева семейства тутовых	Сборная костянка (плод древесного растения семейства тутовых)	Субтропическая разнородная порода	- / Фрукт	Фрукт	Ягода
49	Банан	Плод высокого тропического растения	Ягода, ягдовидный плод гигантского травянистого растения сем. банановые	Тропическая культура (овощные и фруктовые сорта)	Фрукт / Фрукты (плоды тропических культур)	Фрукт	Фрукт
50	Яблоко	Плод яблони	Яблоко, ягдовидный синкарпный плод древесного растения семейства розоцветных	Плод яблони как семечковой культуры	Фрукт	Фрукт	Фрукт
51	Хурма	Плод южного дерева семейства эбеновых	Ягдовидный плод древесного растения семейства эбеновых	Субтропическая культура	Фрукт / Фрукт (плоды субтропических культур)	Фрукт	Фрукт
52	Минеола	-	Гесперидий (помаранец), ягдовидный плод древесного растения семейства рутовых, гибрид	Цитрусовые (субтропические) культуры	- / Фрукт (плоды субтропических культур)	Фрукт	Фрукт

			мандарина и грейп- фрута				
53	Лимон	Плод цит- русового дерева	Геспери- дий (поме- ранец), ягодовид- ный плод древесного растения семейства рутовых	Цитрусо- вые (суб- тропиче- ские) культуры	Фрукт / Фрукт (плоды субтропи- ческих культур)	Фрукт	Фрукт
54	Крысма	-	-	-	-	-	-
55	Чеснок	Огородное растение семейства лилейных, овощ с дольчаты- ми луко- вицами	Травяни- стое рас- тение; луковица (клубнелу- ковица)	Лукович- ная овош- ная куль- тура	Овощ (1)	Лукович- ный овощ	Овощ
56	Хвойник	-	Сухой плод (лож- ная ягода) кустарни- кового растения семейства хвойнико- вых	-	-	-	-
57	Гвоздика	Высушен- ные цве- точные бутоны гвоздично- го дерева, исполь- зуемые как пряность	Травяни- стое рас- тение; цветочные почки (бутоны) гвоздично- го дерева	-	-	-	Специя / Приправа
58	Олива/ маслина	Древесное растение с овальными плодами	Древесное растение; плоды – односе- мянные костянки	-	Фрукт	Условно овощ	-
59	Тутовник	См. Шел- ковица	Сборная костянка (плод дре- весного растения семейства	Субтропи- ческая разно- плодная порода	- / Фрукт	Фрукт	Ягода

			тутовых)				
60	Лайм	Сорт горького лимона	Гесперидий (поме-ранец), ягодовидный плод древесного растения семейства рутовых	Цитрусовые (субтропические) культуры	Фрукт / Фрукты (плоды субтропических культур)	Фрукт	Фрукт
61	Кизил	Кисло-вяжущие красные ягоды кустарникового растения	Костянка (плод кустарникового растения семейства кизиловых)	Ягодная культура	Фрукт	Фрукт	Ягода
62	Физалис	Съедобные плоды травянистого растения семейства пасленовых (близкое томату)	Ягода (ягодовидный плод травянистого растения семейства пасленовых)	Ягодная культура	- / Фрукт	Фрукт	Ягода
63	Водяника	-	Ягода (ягодовидный плод травянистого растения семейства вересковых)	-	-	-	Ягода
64	Санберри	-	Ягода (ягодовидный плод травянистого растения семейства пасленовых)	-	-	-	Ягода
65	Княженика	Красные ароматные ягоды травянистого рас-	Сборная костянка (многокостянка), плод тра-	Ягодная культура	- / Фрукт	-	Ягода

		тения семейства розоцветных	вянистого растения семейства розоцветных				
66	Бобы	Травянистое растение семейства бобовых, семена фасоли	Травянистое растение; боб как вид коробочковидного сухого плода	Плодовая овощная культура (бобовые)	Овощ (1) / Зернобобовая культура и овощная (бобы овощные)	-	Бобовые
67	Водопьянник	-	-	-	-	-	-
68	Клубянка	-	-	-	-	-	-
69	Авокадо	Древесное растение семейства лавровых со съедобными плодами	Древесное растение; маслянистый плод	-	Фрукт / -	Фрукт (группа 08)	Овощ
70	Финики	Съедобный плод финиковой пальмы	Костянка, костянковидный плод древесного растения семейства пальмовых	Тропическая культура	Фрукт / Фрукт (плоды субтропических культур)	Фрукт	Сухофрукт
71	Кунжут	Семена южного однолетнего травянистого растения	Коробочка, коробочковидный плод травянистого растения семейства педалиевых (используются семена плода)	Тропическая и субтропическая культура	- / Масличные семена	-	Семена
72	Персик	Плод южного дерева семейства розоцветных	Костянка, костянковидный плод древесного растения семейства розоцветных	Плод косточковой культуры	Фрукт	Фрукт	Фрукт

			ных				
73	Чечевица	Плоды (в виде сплюсненной горошины) травянистого растения семейства бобовых	Боб (коробочковидный плод травянистого растения семейства бобовых)	Зерно-бобовая культура	Овощ / Зерно-бобовая культура	-	-
74	Паслен	-	Ягода (ягодковидный плод травянистого или кустарникового растения семейства пасленовых)	-	Фрукт	-	-
75	Соя	Травянистое растение семейства бобовых	Боб (коробочковидный плод трав. растения семейства бобовых)	Овощ	-	-	-
76	Костянка	Плод растения с единственным семенем	Вид сочного плода	-	-	-	-
77	Черемша	Вид дикорастущего лука	Листья травянистого растения семейства амариллисовых	Листовая овощная культура	-	-	Листья

Результаты опроса респондентов показали, что выявление сверхтипичных образцов категории ЯГОДЫ (образцов, которые были бы названы более 80 % респондентов) весьма затруднительно, что объясняется несколькими причинами:

- слабой актуальностью в сознании носителей языка (категория ЯГОДЫ не является первостепенно значимой, так как ягоды не составляют основной рацион питания, в сравнении, например, с овощами и фруктами);

- многообразием членов категории, предполагающим более разветвленную систему субкатегоризации (например, ягоды могут быть дикорастущими и сортовыми, культивированными; фрукты и овощи, например, в русском языковом сознании не имеют такой оппозиции: они являются только культивируемыми);

- диффузностью границ категории ЯГОДЫ, члены которой нередко одновременно могут становиться членами иных категорий в зависимости от релевантной картины мира и соответствующих ей существенных признаков категоризации (так, малина, земляника, клубника, морошка, ежевика и под. в наивном сознании, кулинарии и агрономии считаются ягодами; в ботанике эти плоды к ягодам не относятся, называются сборными костянками; в торгово-экономической и таможенной документации они рассматриваются в разделе «Фрукты»).

В силу того, что в структуре категории ЯГОДЫ не был выявлен уровень сверхтипичных представителей, лучшими образцами категории ЯГОДЫ становятся члены, отнесенные к типичным высокочастотным: клубника, малина, земляника, черника и смородина. Худшими (сверхнетипичными) образцами данной категории являются, по мнению носителей языка, такие образцы:

1) плоды, категориальная принадлежность которых обусловлена спецификой той или иной вариации языковой картины мира (паслен и помидор, дыня и тыква, яблоко и айва, боярышник и черноплодная рябина, алыча и абрикос, киви и гранат, инжир и ананас и др. – все перечисленные плоды хотя бы в одной из рассматриваемых в исследовании сфер являются ягодами);

2) плоды растений со спецификой зонального размещения, т.е. распространенные на ограниченных территориях с особыми климатическими условиями и, таким образом, малоизвестные (лимонник, хвойник, шелковица / тутовник, водяника, княженика, санберри и др.);

3) плоды, имеющие народные наименования (так, наименование *волчья ягода* обозначает не плод конкретного растения, это собирательное наименование всех токсичных, вредных, несъедобных ягод).

Остальные наименования сверхнетипичных членов категории ЯГОДЫ, вероятно, являются случайными: они обусловлены либо незнанием реалии (черемша), либо ошибками разного рода (ср.: *костянка*, вероятно, вместо *костяники*; *клубянка* вместо *клубники* и т.д.).

Членство в структуре категории ЯГОДЫ обусловлено спецификой картины мира, типом лингвокогнитивной категоризации, существенными признаками, на основании которых формируется категория. Для ботанической категоризации в отношении ягод актуален *морфологический признак*, то есть особенности структуры плода: если плод, имею-

щий сочную мякоть, многосемянный, то он представляет собой ягоду, если сочный плод имеет косточку (косточки) внутри, то он является костянкой (сборной костянкой). Именно поэтому те плоды, которые в сознании носителя языка считаются типичными ягодами (земляника, клубника, малина, ежевика и под.), в ботанике ягодами отнюдь не являются, этот плод называется костянкой (точнее – сборной костянкой); ягодами по своей структуре с ботанической точки зрения являются боярышник и черноплодная рябина (точнее – это яблоко, ягодовидный плод), физалис, водяника, санберри и др.

Согласно агрономической концепции, плоды, называемые в быту ягодами, так же считаются ягодными культурами, иными словами, структура и границы категории ЯГОДЫ в агрономической (научной) и наивной картинах мира полностью совпадают. Подобная трактовка ягод наблюдается также в кулинарной картине мира.

В торгово-экономической сфере все представленные в наивной картине мира ягоды перечисляются в разделе «ФРУКТЫ». На ягоды не существует отдельного государственного стандарта, все перечисленные выше образцы приведены в ГОСТе «Фрукты. Номенклатура...» [ГОСТ 27521-87, электронный ресурс]. В других документах, регламентирующих товароборот («Общероссийский классификатор...» [Общероссийский классификатор..., электронный ресурс], «Решение Совета Евразийской экономической комиссии...» [Решение..., электронный ресурс], «Технической регламент на соковую продукцию из овощей и фруктов» [Федеральный закон... № 178, электронный ресурс] и т.д.), ягоды так же причисляются к фруктам. Однако существует ряд документов, в которых так или иначе выделяется категория ЯГОДЫ (Приказ Министерства экономического развития и торговли... № 304 [Приказ Министерства экономического развития и торговли..., электронный ресурс], «Номенклатура товаров, учитываемых в розничном товарообороте Межрегиональной Ассоциации «Статинформ» [Номенклатура товаров..., электронный ресурс] и др.). Это свидетельствует о том, что в торгово-экономической сфере наблюдается отсутствие однозначного подхода к определению категориального статуса ягод.

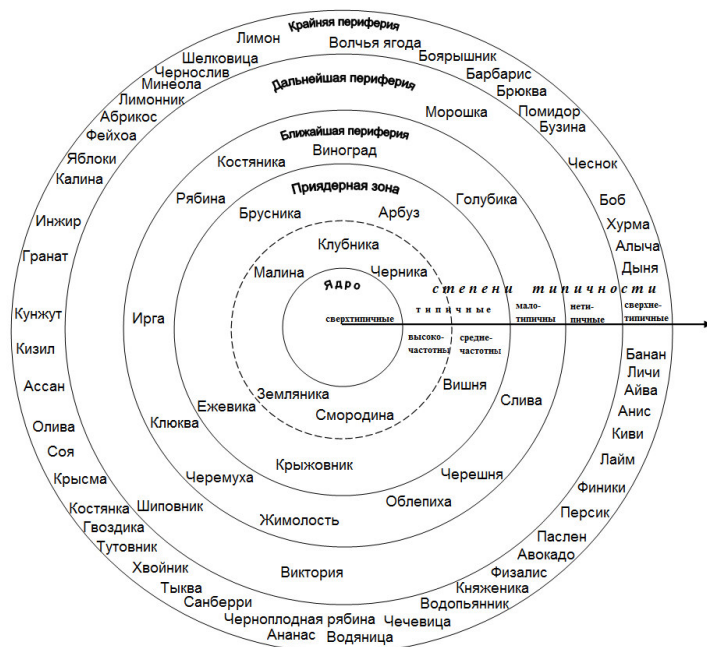
В лексикографических описаниях наименований ягод обнаруживается стремление составителей словарей объединить разные подходы: во-первых, учитывается научное (ботаническое) описание (указывается способ произрастания: травянистое, кустарниковое (кустарничковое) или древесное растение – и отмечается систематический признак, то есть место в систематике растений); во-вторых, используются агрономические характеристики (указывается зональность размещения –

тропические или субтропические; специфика целевого использования растения или его части – плодовые, овощные или ягодные культуры); в-третьих, учитываются и особенности наивного представления о ягодах (отмечается вкус, цвет, запах и под.). Последний признак не был актуален в словарных дефинициях наименований овощей и фруктов.

Структура категории ЯГОДЫ в наивной картине мира отражена в Схеме № 3.

Схема № 3.

Структура категории ЯГОДЫ в наивной картине мира

4.4. Категоризация ОРЕХОВ и ЗЛАКОВ в разных вариантах и вариациях языковой картины мира: сопоставительный аспект.

В рамках настоящего исследования были изучены все категории субсферы «Продукты растительного происхождения»: ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ и ОРЕХИ. Анализ каждой из категорий был основан на одной сформированной в исследовании теоретико-методологической базе и одинаковой методике анализа существенных признаков лингвокогнитивной категоризации в разных вариантах и

вариациях языковой картины мира, описания структуры (членства) указанных категорий, выявления интегрированных отношений изучаемых категорий с иными категориями человеческого сознания.

Категории ОРЕХИ и ЗЛАКИ так же, как и рассмотренные ранее (ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ), были проанализированы с точки зрения ботаники и агрономии, так же были выявлены специфические особенности категоризации орехов и злаков в торгово-экономической, кулинарной и наивной картинах мира. Однако вряд ли целесообразно в данной работе предлагать подробное описание категорий ОРЕХИ и ЗЛАКИ, как это было сделано с иными категориями субсферы «Продукты растительного происхождения». Это обусловлено главным образом тем, что результаты анализа категорий ОРЕХИ и ЗЛАКИ не представляют принципиально новой научной информации для изучения процессов лингвокогнитивной категоризации в теоретико-методологическом и методическом планах, поэтому следует ограничиться лишь перечислением некоторых фактов, которые подтверждают основные положения концепции, изложенной в настоящем исследовании.

В разных вариантах и вариациях языковой картины мира актуальны разные признаки лингвокогнитивной категоризации орехов и злаков, что обуславливает различия в их категориальной оценке. Ботаническая концепция предполагает строгое терминологическое определение понятия *орех*, которое обозначает плоды, имеющие твердое ядро, свободно располагающееся в оболочке (скорлупе). Этот термин обобщает наименования плодов очень ограниченного числа так называемых орехоплодных и буковых растений: в строго ботаническом смысле орехом считается лишь грецкий орех, фундук (лещина), желудь и каштан. Часто причисляемые к орехам иные плоды орехами в ботанике не считаются: арахис – представитель семейства бобовых, плоды этого растения называют бобами, как фасоль, нут или горох; кешью и фисташки – представители семейства анакардиевых, эти плоды являются семенами соответствующих растений; кедровые орехи так же представляют собой семена плода (шишки) Сосны сибирской [Яковлев, Челомбитко 2001: 291 – 462]. Иными словами, в соответствии с категориальными признаками, актуальными для ботанической картины мира: *морфологическим* (признак строения плода) и *систематическим* (место в систематике растений) к орехам можно причислить весьма ограниченное число образцов в сравнении с тем, что называют орехом носители обыденного сознания.

В агрономической картине мира привычно называемые орехами образцы перечислены в ГОСТе «Фрукты...», т.е. не выделены в от-

дельную категорию. Это касается миндаля, кешью, арахиса, бразильского ореха, каштана, лещины (фундука), кокосового ореха и др. [ГОСТ 27521-87..., электронный ресурс]. В торговой и кулинарной картинах мира представление об орехах совпадает с наивным.

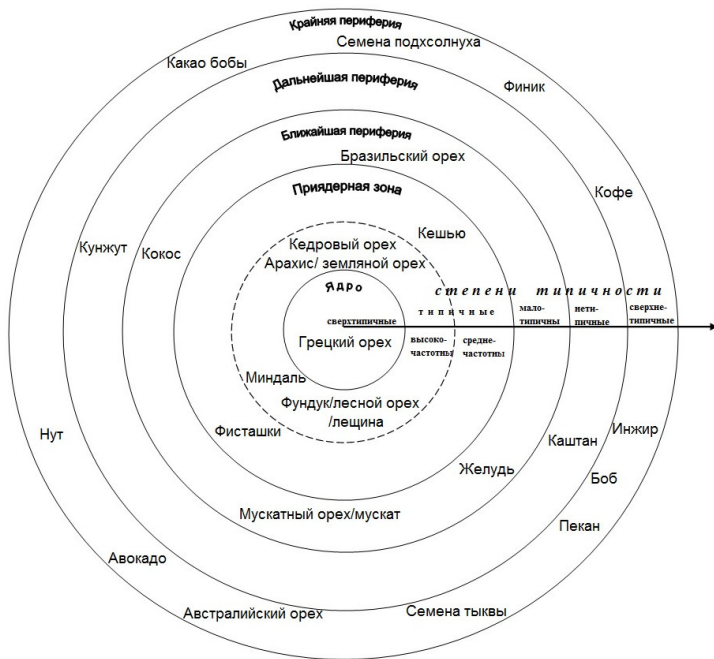
В толковых словарях наблюдается тенденция к обобщению научных знаний и наивных представлений о плодах, причисляемых к орехам: с одной стороны, указывается *место в систематике растений* (отношение к семейству), фрагментарно описываются *особенности строения* (используются термины *листья*, *плод* и т.д.) и *специфические свойства* плода (ср.: *‘плоды, содержащие маслянистые вещества*), отмечается *способ произрастания* (травянистое, кустарниковое, древесное растение). С другой стороны, в дефинициях используется лексема *орех* по отношению к тем плодам, которые в ботанической картине мира орехами не считаются, ср.: «АРАХИС – травянистое масличное растение семейства бобовых с плодами, содержащими маслянистые вещества; съедобные плоды этого растения; земляной или китайский орех; ФИСТАШКА – южное дерево или кустарник с перистыми листьями, дающие плоды в виде небольшого ореха; съедобный плод этого дерева; ФУНДУК – кустарник или дерево семейства лещиновых; лесной орех» [Большой толковый словарь русского языка, электронный ресурс] и др.

В наивной картине мира ОРЕХ категоризируется по следующим признакам: *растет на кустах или деревьях в лесу; имеет, как правило, твердую оболочку обычно коричневого цвета; отличается округлой формой; обычно небольшого размера; является питательным (высококалорийным) продуктом; имеет жесткую структуру; не требует специальной обработки при употреблении в пищу*. Как показал опрос носителей русского языка, лучшим образцом категории ОРЕХИ является **греческий орех** (83,83%), что соответствует и научной концепции. Типичными (высокочастотными) образцами данной категории для носителей обыденного сознания является **фундук**, или **лещина** (77%), который в ботанике относится к семейству орехоплодных, однако в данную группу вошли и такие образцы, которые специалисты орехами не называют, а именно: **арахис** (76,6%), **кедровый орех** (61,16%) и **миндаль** (60,83%). Типичными (среднечастотными) представителями категории ОРЕХ, по мнению носителей языка, являются **фисташки** (56,83%) и **кешью** (52,33%), так же не относящиеся к данной категории в научной (ботанической) картине мира. Интересно, что **желудь** (22,16%) и **каштан** (9,66%), именуемые в ботанике собственно орехами, в сознании носителей языка являются малотипичными (желудь) и нетипичными (каштан) образцами. Сверх-

нетипичные образцы категории ОРЕХИ в обыденном сознании – это **пекан** (3,66%), **семена подсолнуха** (2,33%), **финик** (2%), **инжир** (1,5%), **нут** (0,83%), **какао-бобы** (1,83%), **кофе** (1,66%), **боб** (1,33%), **семена тыквы** (1,16%), **авокадо** (0,16%), **австралийский орех** (0,16%). Структура категории ОРЕХИ в наивном сознании отражена в Схеме № 4.

Схема № 4.

Структура категории ОРЕХИ в наивной картине мира

Неоднозначна в разных вариантах и вариациях языковой картины мира и категориальная оценка **злаков**. С ботанической точки зрения к злакам относят кукурузу, рожь, рис, овес, пшеницу, просо, сахарный тростник, ячмень и др. В результате сопоставления ботанической классификации с данными опроса носителей языка выяснилось, что категориальная оценка многих представителей различается в научной и наивной картинах мира. Так, многие респонденты к категории ЗЛАКИ относят гречиху, которая в ботанике злаком не является, это растение семейства гречишных, обладающих лишь ореховидным плодом (т.е. плодом в виде гранистого ореха). С ботанической точки зрения все

злаки имеют плод зерновку, состоящую из семян, или зерен. Многие носители русского языка кукурузу, считающуюся злаком в ботанике, причисляют к овощам. Однако значительная часть образцов: рожь, рис, овес, пшеница, просо, ячмень – попадает в категорию ЗЛАКИ и в научной, и в наивной картинах мира.

В агрономической картине мира перечисленные выше образцы категоризируются как злаковые, среди которых на разных основаниях выделяются яровые и озимые (*время посева и произрастания*), хлебные и крупяные (*хозяйственное назначение*) и др. [Долгачева 1999: 122 – 140].

В торгово-экономической картине мира кукуруза относится временно к категории ОВОЩИ (кукуруза сахарная) [см. ГОСТ 27523-87..., электронный ресурс] и к категории КРУПЫ (крупя кукурузная) [ГОСТ Р 9294..., электронный ресурс]. Остальные образцы относятся к зерновым культурам [ГОСТ 971000..., электронный ресурс].

В лексикографической картине мира, с одной стороны, отражены научные представления о рассматриваемых объектах действительности: в дефинициях отмечается ботанический признак – *место в систематике растений* (семейство) и указываются актуальные для агрономии признаки: *специфика возделывания, способ и зональность произрастания, хозяйственное назначение*. С другой стороны, в словарях отражаются наивные представления о *производстве некоторых основных продуктов питания* (в частности – хлеба и крупы), о *форме и цвете* плода (зерен) и т.п., ср. некоторые дефиниции: «РИС – травянистое растение семейства злаков с белыми продолговатыми зернами, идущими в пищу, возделываемое на искусственно затопляемой почве в странах с теплым климатом; ПШЕНИЦА – хлебный злак, из зерен которого изготавливается мука, идущая на выпечку белого хлеба и изготовление других мучных изделий; РОЖЬ – хлебный злак, из зерен которого изготавливается мука, идущая на выпечку черного хлеба; ОВЕС – яровой злак, зерна которого идут на корм лошадям, а также перерабатываются в крупу» [Большой толковый словарь русского языка, электронный ресурс].

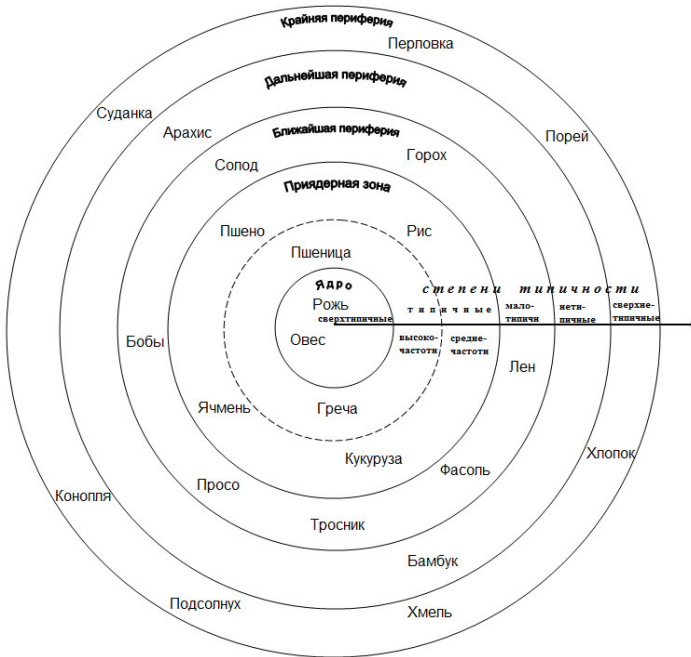
Следует заметить, что при проведении опроса для определения специфики категоризации злаков в наивной картине мира, у респондентов были выявлены затруднения с указанием образцов категории ЗЛАКИ. У 90% опрошенных в анкетах было представлено не более 5-7 представителей данной категории, хотя требовалось записать десять единиц (это показательно в сравнении с категориями ФРУКТЫ, ОВОЩИ и ЯГОДЫ: многие информанты не ограничивались запрашиваемым в анкете десятком образцов овощей, фруктов и ягод и приво-

дили значительно больше примеров, до 17 единиц). В списках представителей категории ЗЛАКИ неоднократно фигурировали такие образцы, как ПШЕНО (названо 30,16 % респондентов), СОЛОД (указан в 12 % анкет), ПЕРЛОВКА (отмечена 2% опрошенных). Таких растений в действительности не существует: пшено – это обработанные зерна проса, перловка – крупа, изготавливаемая из ячменя, солод – продукт, получаемый при проращивании семян злаков. Однако при обработке результатов анкетирования, направленного на изучение категории ЗЛАКИ в наивном сознании, были выявлены образцы всех степеней типичности (в отличие, например, от категории ЯГОДЫ, в структуре которой не были выявлены сверхтипичные образцы).

К сверхтипичным (лучшим) представителям категории ЗЛАКИ респонденты относят **овес** (назван 90,5 % опрошенных) и **рожь** (отмечена 80,5% информантами). Типичными высокочастотными стали **пшеница** (66,16%) и **греча** (64,66%). Показательно, что в анкетах встречается единица *греча* (в значении ‘крупа’) вместо предполагаемой *гречихи* как злакового растения. Типичными среднечастотными образцами, по данным опроса, являются **ячмень** (56,66%), **рис** (52,5%), **кукуруза** (34,16%) и **пшено** (30%). Малотипичными образцами являются **просо** (26,5%), **горох** и **лён** (по 16,66%), **тростник** (14,5%), **солод** и **фасоль** (по 12,5%), а также **бобы** (12%). Нетипичные образцы категории ЗЛАКИ в наивном представлении: **арахис** (6,66%) и **бамбук** (6,16%); сверхнетипичные: **конопля** (4,5%), **перловка** (3,83%), **подсолнух**, (2,33%), **порей** (0,66%), **хмель** (0,5%), **суданка** (0,33%) и **хлопок** (0,16%). Структура категории ЗЛАКИ в наивном сознании отражена в Схеме № 5.

По мнению носителей русского языка, признаками лингвокогнитивной категоризации, на основании которых выделяется категория ЗЛАКИ, являются следующие: *из них изготавливают муку и крупу; злаки выращиваются на полях; состоят из стебля и колоса; имеют зерна (обычно круглой или овальной формы); злаки желтого или светло-коричневого цвета; урожаем злаковых культур собирают механизированным способом (специальными машинами: комбайнами и т.п.); на полях их собирают в снопы или стога; используют на корм скоту.*

Структура категории ЗЛАКИ в наивной картине мира

Изучение категорий ОРЕХИ и ЗЛАКИ позволило сделать выводы, дополняющие предыдущие заключения. Лингвокогнитивная категоризация действительности в разных вариантах и вариациях языковой картины мира (научной, торгово-экономической, кулинарной и наивной картинах мира) имеет специфические особенности. В научной картине мира не выделяются категории ОВОЩИ и ФРУКТЫ, однако они существуют в торгово-экономической, кулинарной и наивной картинах мира. В наивной картине слабо выражена категория ЗЛАКИ. Образцы, представляющие категорию ЗЛАКИ, с трудом воспроизводились в сознании носителей русского языка при проведении эксперимента. Это, вероятно, обусловлено тем, что данные объекты действительности, именуемые злаками в научной (ботанической и агрономической), торгово-экономической картинах мира, не воспринимаются носителями языка, как и специалистами по кулинарии, относящимися к субсфере «Продукты растительного происхождения». К такой субкатегории («Продукты») обыватели относят крупы, но не сами злаковые

культуры, что объясняет присутствие таких образцов, как пшено, перловка и солод, в группе ЗЛАКИ в анкетах респондентов.

Категории ЯГОДЫ и ОРЕХИ выделяются практически во всех картинах мира (исключение составляет торгово-экономическая сфера, в которой ягоды и орехи причисляются к фруктам). Однако трактуются категории ЯГОДЫ и ОРЕХИ по-разному: носители русского языка орехами называют любой плод, имеющий твердую скорлупу, с ядром внутри. Помимо фундука и грецкого ореха, которые считаются орехами и в ботанике, носители обыденного сознания причисляют к орехам арахис, кешью, фисташки, кокос и другие плоды, в биологии не именующиеся орехами (специфика употребления лексической единицы *ягоды* в литературном языке и научной речи была раскрыта выше).

4.5. Лингвокогнитивная субкатегоризация продуктов растительного происхождения в русском языковом сознании.

Категории субсферы «Продукты растительного происхождения», какими они предстают в научной, торгово-экономической, кулинарной и наивной картинах мира, способны члениться на подгруппы, или субкатегории, в соответствии со следующими признаками:

- 1) взаимоотношения с человеком (растения дикорастущие – культивируемые);
- 2) возможность употребления в пищу (фаготическая: съедобные – несъедобные, вредные – полезные);
- 3) употребляемая в пищу часть растения (морфологофаготическая);
- 4) способ употребления в пищу (праксиальная: сырые или свежие – термически обработанные – сухие – вяленые; пригодные / непригодные для изготовления соковой продукции);
- 5) способ произрастания (травянистые – кустарничковые – кустарниковые – древесные);
- 6) место произрастания (локативная: экзотические – неэкзотические).

Очевидно, что субкатегории могут быть актуальными для той или иной картины мира в большей или меньшей степени. Так, в агрономии важны все выделенные субкатегории; для ботаники актуальны способ и место произрастания тех или иных растений; в торговле, кулинарии и бытовой жизни важно, какая часть растения употребляется в пищу и какое блюдо можно приготовить из того или иного продукта. Заметим также, что данное деление не является исчерпывающим: для опреде-

ленных целей или по иным критериям, вероятно, можно выделить и другие рубрики.

Субкатегория ДИКОРАСТУЩИЕ – КУЛЬТИВИРУЕМЫЕ. Кажется очевидным факт, что все овощи, фрукты, ягоды, злаки и орехи изначально были исключительно дикорастущими и со временем начали культивироваться человеком с хозяйственными целями. Например, лещина (лесной орех) была известна с древнейших времен, в настоящее время все культивируемые сорта лещины называют фундуком. Однако рассматриваемое здесь противопоставление оказывается актуальным отнюдь не для всех категорий лингвоментальной сферы «Природа».

В сознании современного носителя языка понятие *овощи* предполагает значение ‘выращенные человеком’, ср. данные лексикографии: «**ОВОЩИ**, -ей; мн. (ед. овощ, -а; м.). 1. Огородные плоды и зелень, употребляемые в пищу (огурцы, морковь, помидоры, свекла и др.)» [здесь и далее в параграфе 2.10. цитируется по: Большой толковый словарь..., электронный ресурс]. *Огород* этимологически трактуется как территория, огороженная человеком для обработки земли с целью выращивания овощей (ср.: «**ОГОРОД**, -а; м. 1. Участок земли, обычно вблизи дома, для выращивания овощей»).

На основе данных формулировок может создаться впечатление, что диких овощей не существует. Однако крапиву и мяту, щавель и ревень, черемшу и одуванчик и даже лопух и камыш, как известно, называют *дикорастущими овощами*, или точнее – травами, зеленью, которые иногда становятся ингредиентами овощных блюд. Из побегов камыша можно приготовить салат и суп, а его измельченные сухие корни добавляют в муку и даже кофейный напиток. Во французской национальной кухне корни одуванчика жарят, а молодые листья используют для приготовления салатов и для заправки супов. В русской кухне из одуванчиков готовят варенье. Более того, одуванчик, согласно действующему ГОСТу, включен в реестр овощей [ГОСТ 27523-87..., электронный ресурс]. В медицине из корня одуванчика делают лекарственные препараты.

Лексическое значение единиц *фрукт*, *ягода* и *орех* не включают семантический компонент ‘выращенные человеком’, эти плоды могут быть и дикими, и культивируемыми. Дикорастущими являются плоды тех растений, которые не нуждаются в уходе со стороны человека, ср.: «**ДИКИЙ**, -ая, -ое; дик, -а, -о. 2. Находящийся в естественном, первозданном состоянии; не преобразованный деятельностью человека (о природе, местности и т.п.). // Некультивированный, растущий на свободе в отличие от садового, огородного (о растениях)». Произрастание

тех или иных диких растений обусловлено климатическими условиями: в умеренном климате растет дикая яблоня, груша, вишня; в лесах произрастает малина, черника и земляника. В некоторых областях распространены дуб, плоды которого – желуди – в ботанике называют орехами. В южных регионах России и на Кавказе растет дикий абрикос и тутовник, грецкий орех и лещина. В тропиках и субтропиках свободно произрастают известные нашим соотечественникам по супермаркетам экзотические фрукты и ягоды (карамбола, личи, рамбутан, манго, мангостин, питахайя и некоторые другие), а также плоды экзотических деревьев, которые носители обыденного сознания также ошибочно называют орехами (кешью и фисташка, бразильский орех, кокос и др.).

В «Национальном корпусе русского языка» зафиксированы случаи употребления выражений *дикие фрукты, дикие ягоды, дикие орехи* [Национальный корпус русского языка, электронный ресурс], но не упоминаются словосочетания **дикие / дикорастущие овощи и *дикие / дикорастущие злаки*. Однако в учебнике «Ботаника» для учащихся 6 класса в разделе «Семейство злаков, или мятликовых» указываются дикорастущие злаки: произрастающие в России (пырей, овсяницы, мятлики, лисохвосты, тимopheевки, овсюг) и в тропических странах (бамбук, сахарный тростник) [Викторов, Никишов 2011: 165 – 166].

Субкатегория СЪЕДОБНЫЕ – НЕСЪЕДОБНЫЕ (фаготическая). Смысловой компонент ‘съедобные’ является обязательным в структуре понятий *овощи и фрукты*. Для русского сознания несъедобных овощей и фруктов не существует. В структуре лексического значения слова *овощи* указана сема ‘употребляемые в пищу’, значение слова *фрукт* также содержит компонент ‘съедобные’, ср.: «**ФРУКТ**, -а; м. [лат. *fructus*]. 1. *обычно мн.*: фрукты, -ов. Съедобный плод некоторых деревьев и кустарников. *Выращивать фрукты*».

Показательны результаты дополнительного анкетирования, которое проводилось для определения специфики лингвокогнитивной субкатегоризации продуктов растительного происхождения. В опросе участвовало 120 человек в возрасте от 17 до 25 лет. На вопрос *Какие несъедобные овощи и фрукты вы знаете* около половины информантов ответили, что речь, видимо, идет о гнилых, испорченных овощах и фруктах; примерно треть ответов была такова: *Для меня совершенно несъедобно киви / баклажан / авокадо* и под.; пятая часть опрошенных подчеркнула, что это могут быть муляжи или игрушки из пластмассы; некоторые признались, что таковых не знают; реже респонденты указывали, что несъедобные овощи или фрукты – это какие-то экзотические плоды, которых они никогда не пробовали; встречались единичные ответы, что все овощи и фрукты съедобны.

Материалы статей из Интернет-сети дополняют названные варианты:

1) несъедобные, то есть вредные для здоровья, содержащие превышающее норму количество нитратов и пестицидов, или генномодифицированные (ср. заголовки статей: *Несъедобные овощи и фрукты: Как попадают в продажу опасные для здоровья овощи-фрукты?* [<http://finans.ru>];

2) искусственно созданные человеком (например, изображенные на картине или представляющие собой ювелирные украшения в виде плодов), ср.: *Несъедобные фрукты: Как говорить с детьми об искусстве* [<http://family.booknik.ru>] (в статье упоминается знаменитый натюрморт Поля Сезанна «Персики и груши»); *Несъедобные овощи... Ювелирный дом с богатой историей. Одна из его ювелирных коллекций – изысканные украшения в виде овощей* [<http://www.liveinternet.ru>].

3) декоративные украшения (о серьгах, браслетах и т.п.), изготовленных из овощей и фруктов не с целью питания, ср. заголовок статьи: *«Висит груша – нельзя скушать»: красивые, но несъедобные украшения из фруктов и овощей* [<http://www.novate.ru>]. Перечисленные варианты ответов свидетельствуют о том, что в сознании носителей русского языка овощи и фрукты действительно априорно являются съедобными.

Показательно, что в одном из нормативных документов, регламентирующих товарооборот («Решении Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешней экономической деятельности Таможенного союза и Единого таможенного тарифа Таможенного союза») в Разделе II «Продукты растительного происхождения» (группа 08) дано примечание следующего характера: «1. В данную группу не включаются несъедобные орехи или фрукты» [Решении Совета Евразийской экономической комиссии..., электронный ресурс]. Следовательно, таковые существуют. Действительно, в некоторых уголках планеты растут так называемые несъедобные фрукты. Жителям Техаса, штата на юге США, известна Маклюра оранжевая (дерево, несущее несъедобные плоды, по форме и цвету напоминающие апельсин), используемая в декоративном садоводстве. В тропических и субтропических районах Азии и Южной Америки, а также на островах Тихого океана произрастает Тунговое дерево, приносящее костянковидные плоды с тонкой деревянистой оболочкой. Семена этих плодов ядовиты, но богаты жирами, именно поэтому плоды Тунгового дерева используются для изготовления лакокрасочных материалов [<http://ru.wikipedia.org>].

Если овощи и фрукты в русском языковом сознании априорно съедобны, то ягоды и орехи бывают съедобными и несъедобными, возможно, в силу того, что в сознании носителя языка ягоды и орехи, как правило, собирают в лесу. Результаты упомянутого выше опроса показали, что носителям русского языка известно выражение *несъедобные ягоды*, к ним значительная часть респондентов отнесла так называемые *волчьи ягоды* (народное собирательное название всех несъедобных ягод), реже был упомянут *вороний глаз*. В материалах Интернет-сети среди несъедобных указываются плоды паслена черного, бузины красной, волчегонника, белладонны (красавки), крушины ломкой и др. (многие из них высокотоксичны) [<http://www.darlesa.ru>]. На вопрос *Какие несъедобные орехи вы знаете?* никто из опрошенных не назвал желудь и конский каштан, которые, как известно, несъедобны для человека. Это, вероятно, объясняется тем, что в наивном представлении эти плоды к категории ОРЕХИ не причисляются (в отличие от ботанической точки зрения). Однако многие указали, что некоторые виды орехов (арахис, кешью, миндаль) в сыром виде содержат ядовитые вещества, поэтому являются безопасными для организма человека только в термически обработанном виде.

Показательно, что в торгово-нормативной документации субкатегория СЪЕДОБНЫЕ – НЕСЪЕДОБНЫЕ актуальна только в отношении грибов. При этом среди терминов и определений «Перечня пунктов технических регламентов...», утвержденных Постановлением Правительства РФ от 9 марта 2010 г. № 132, указано, что несъедобные грибы – это грибы, «не содержащие ядовитых веществ, но имеющие неприятный запах или горький, едкий вкус и являющиеся поэтому причиной неприятных ощущений или легких нарушений пищеварения» [Постановление Правительства РФ № 132..., электронный ресурс]. Таким образом, в торговой сфере несъедобным считается уже то, что хотя бы неприятно на вкус; в наивном сознании несъедобными считаются высокотоксичные продукты растительного происхождения.

Субкатегория МОРФОЛОГОФАГОТИЧЕСКАЯ. Данная субкатегория основана на учете того, какая часть растения употребляется в пищу. Любая часть овоща как травянистого растения может стать продуктом питания: корень в виде корнеплода (морковь, свекла, редис и т.д.) или клубнеплода (картофель), стебель (ревен, сельдерей и др.), листья (капуста, лук, чеснок, петрушка и др.), цветки (артишок, гвоздика и т.д.), плоды (помидор, огурец и др.), семена (семя тыквы или подсолнечника). Ягодные, фруктовые и ореховые культуры представляют собой кустарниковые или древесные растения, поэтому в пищу употребляются только их плоды. Человечеству, однако, известны не-

которые рецепты блюд и напитков из самых разных частей деревьев – почек, молодых побегов, листьев (в том числе видоизмененных – хвой), заболони (наружных молодых, физиологически активных слоев древесины стволов, ветвей и корней) и т.д. [см.: <http://prostozdorov.ru>], а охотники, например, знают, как приготовить бутерброд с твердой частью древесной коры вместо хлеба [<http://kombat.com.ua>]. Однако это касается в основном таких деревьев, как береза, ива, сосна и др. Кроме того, их употребление связано с особыми (экстремальными) условиями жизни. Очевидно, что у плодовых деревьев и кустарников употребляются плоды.

Субкатегория СПОСОБ УПОТРЕБЛЕНИЯ В ПИЩУ (практическая: свежие или сырые – механически / термически обработанные – сухие или вяленые). Злаковые культуры в основном используются в пищу не только после термической, но также после специальной механической обработки. Фрукты и овощи употребляют сырыми или термически обработанными, овощи также солеными или маринованными и даже вялеными (вяленые помидоры). Арбуз и дыня, причисляемые специалистами по ботанике – к ягодам, агрономами – к овощам, а носителями наивного взгляда – к фруктам, могут быть приготовлены, как овощи – солеными – и как фрукты, – вялеными (вяленые корки дыни).

Фрукты, ягоды и орехи употребляются также в сушеном виде. Интересно заметить, что в торговой сфере четко разводятся два понятия: *фрукты сухие* и *сушеные*. При этом в одном из документов, регламентирующих товарооборот, под *сухими фруктами* понимаются очищенные и неочищенные орехи (каштаны, миндаль, орехи бразильские, орехи земляные, кешью, орехи лещинные, орехи кокосовые, сосновое семя, фисташки и ядра абрикосов и персиков); под *сушеными фруктами* понимаются не только персики и абрикосы, яблоки и груши, бананы и инжир, но также сушеные ягоды – изюм (сушеный виноград), черника, тутовые ягоды и др. [Общие условия международной купли-продажи..., электронный ресурс]. В упомянутом выше «Решении...» в группе 08 съедобные фрукты и орехи упоминаются отдельно, но ягоды по-прежнему относятся к фруктам [Решении Совета Евразийской экономической комиссии..., электронный ресурс].

Стоит заметить, что широко употребляемое слово *сухофрукты*, как и *цукаты*, ни в одном из торгово-нормативных документов не используется, однако в речевом обороте, в толковых словарях эти единицы фиксируются, ср.: «**СУХОФРУКТЫ** –ов; мн. Сушеные фрукты (яблоки, изюм, чернослив, урюк и т.п.). *Компот из сухофруктов*»; **ЦУКАТ** -а; м. Сваренный в сахарном сиропе и подсушенный плод или

часть его (обычно цитрус или его кожура). *Торт с цукатами*» [Большой толковый словарь..., электронный ресурс].

Интересно, что под сухофруктами понимаются не только сушеные фрукты, но также сушеные ягоды (изюм, барбарис и др.). Если урюк и чернослив относятся к сухофруктам закономерно, так как урюк и курага (высушенные с косточками или без плоды абрикосов), а также чернослив (высушенные плоды сливы особого сорта) по происхождению являются плодами фруктовых деревьев, то изюм называют сухофруктом скорее как исключение (ср.: «ИЗИУМ, -а; м. – «сушеные ягоды винограда» [Большой толковый словарь..., электронный ресурс]).

В русском языке не существует наряду со словом *сухофрукты* единицы **сухоовощи*, хотя в настоящее время в хозяйственных целях активно используются сушеные овощи. При этом речь идет не только о сушеной зелени, которая используется в кулинарии как приправа (сушеный укроп, петрушка и под.). Некоторые сельскохозяйственные предприятия предлагают к продаже сушеную морковь, свеклу, капусту, баклажан, чеснок, лук и др. (см., например, каталог продукции ООО «УралАгроРесурс» [<http://сухие-овощи.рф>]). Современные технологии высушивания плодов и овощей, как обещают производители, позволяют сохранить все полезные свойства продуктов и сэкономить время при приготовлении разных блюд.

Интересным фактом в отношении лингвокогнитивной субкатегоризации фруктов и овощей является признак ***пригодность или непригодность плодов для приготовления соков***. Известно, что главное условие причисления плода того или иного растения к овощам или фруктам является его сочность. Согласно Приложению 2 к Федеральному закону «Технический регламент на соковую продукцию из фруктов и овощей» (от 27 октября 2008 года № 178-ФЗ) соки, сокосодержащие напитки, нектары, пюре изготавливаются из фруктов и овощей; из ягод, которые в данном документе относятся к категории ФРУКТЫ, производят только морсы [Федеральный закон № 178..., электронный ресурс]. Очевидно, что документ опирается на факты наивной картины мира, в соответствии с которой виноград, киви, ананас, апельсин и под. – это фрукты, а не ягоды и ягодовидные плоды, как отмечают специалисты по ботанике, а малина и ежевика – это ягоды, пригодные для изготовления морсов.

Упомянутый регламент специфичен лишь для России. Как было выше указано, в странах Евросоюза некоторым продуктам, которые обыватели традиционно относят к категории ОВОЩИ, официально придан статус фруктов (это касается ревеня, моркови, сладкого картофеля, огурца, тыквы, дыни, арбуза, имбиря). Это намеренное допуще-

ние обусловлено стремлением легально производить из этих плодов и экспортировать соки, варенья, джемы, мармелад, которые по правилам Евросоюза производятся только из фруктов [<http://eur-lex.europa.eu>]. Таким образом, на процесс категоризации и субкатегоризации могут также влиять чисто социальные факторы (в данном случае – нормативно-правовые регламенты).

Субкатегория СПОСОБ ПРОИЗРАСТАНИЯ (травянистые, кустарничковые – кустарниковые – древесные – земляные). Среди носителей языка, как установил опрос, существует устойчивое мнение, которое вполне могли бы разделить и специалисты по ботанике, что овощи и злаки – это травянистые растения, ягоды растут на кустах, орехи являются плодами кустарниковых или древесных растений, а фрукты произрастают только на деревьях. Однако это касается в основном типичных образцов категории (капусты и картофеля, малины и смородины, лещины и грецкого ореха, яблока и сливы – соответственно перечисленным выше рубрикам). В структуре некоторых категорий есть и нетипичные образцы, которые отличаются по данным параметрам. Арахис, часто называемый орехом, но отнесенный ботаниками к семейству бобовых, как фасоль и горох, – это плод травянистого растения, развивается в земле; ананас (в наивном сознании – фрукт, в ботанике – ягода) также является травянистым растением, растет на земле, как кабачок или тыква; авокадо, относимый некоторыми к овощам, растет на деревьях, как фрукт и т.д.

Субкатегория МЕСТО ПРОИЗРАСТАНИЯ (локативная: экзотические – неэкзотические). Фрукты, ягоды, орехи и даже злаки для жителя умеренного климата могут быть экзотическими, южными, «заморскими» (ананас, папайя, помело, личи, маракуйя; бразильский орех, пекан; бамбук, сахарный тростник и т.д.) и неэкзотическими (яблоко и груша, слива и вишня, малина и земляника; фундук и грецкий орех; овес и пшеница и т.д.). На вопрос упомянутой выше анкеты *Какие экзотические овощи Вам доводилось пробовать?* респонденты ответили следующим образом: 63 % – *никакие / таких нет / не знаю экзотических овощей / может быть, пробовал, но не помню* и под.; 14 % назвало *авокадо*; 13 % – *грейпфрут*; 10 % – *ананас*; 10 % – *кивано*; 3 % – *брокколи*; 2 % – *баклажан*; 1 % – *перец чили* (в некоторых анкетах фигурировало несколько наименований). Неудивительно, что отрицательных ответов подавляющее большинство, так как экзотические овощи малоизвестны уральцам, среди которых проводился данный опрос. Выражение *экзотический овощ* (в отличие от более привычного сочетания *экзотический фрукт*) для русского языка является своего рода оксюмороном. Овощами называют привычные, хорошо извест-

ные продукты растительного происхождения. Однако в настоящее время стали распространенными некоторые плоды, которые в ботанике считаются ягодами, обывателями называются экзотическими фруктами, но используются как овощи: например, авокадо, кивано или карамбола. Это несладкие, специфические по вкусу и структуре плоды, которые используются в салатных или главных блюдах. Иными словами, на процесс лингвокогнитивной категоризации могут влиять, помимо прочих, и собственно лингвистические факторы, доказательством чему является оксюморонное сочетание *экзотические овощи*.

Итак, **субкатегоризация** как процесс членения категорий на частные категориальные области, объединяющие члены по одному из существенных признаков, свойственна категориям субсферы «Продукты растительного происхождения». Для категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ОРЕХИ, ЗЛАКИ актуальны шесть субкатегорий (см. Таблицу № 27, в которой знаками «+» и «-» отмечены имеющиеся и отсутствующие в русском языковом сознании смысловые компоненты-оппозиции, что обнаруживает специфику русского национального мышления).

Таблица № 27.

Субкатегории классификационных рубрик ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ

Категории	Субкатегории											
	взаимоотношения с человеком		возможность употребления в пищу		способ употребления		какая часть растения употребляется в пищу		способ произрастания		место произрастания	
	дикорастущие	культурные	съедобные	несъедобные	обработанные	сырые/свежие	полностью	частично	травянистые	куст. / древесн.	экзотические	неэкзотические
овощи	+	+	+	—	+	+	+	+	+	—	—	+
фрукты	+	+	+	—	+	+	—	+	—	+	+	+
ягоды	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+	+
злаки	—	+	+	—	+	—	—	+	+	—	—	+
орехи	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+	+

Примечание: * в зависимости от вида овоща

При описании лингвокогнитивной субкатегоризации овощей, фруктов, ягод, злаков и орехов были выявлены лингвистические (исторически сложившиеся традиции употребления) и социальные факторы, влияющие на процесс систематизации знаний. Границы лингвокогнитивной категоризации существенно расширяют научно-технические достижения (современные технологии обеспечивают многообразие

способов обработки продуктов растительного происхождения, что делает виды продукции все разнообразнее); межкультурное взаимодействие (открытые границы, набирающий темпы международный товарооборот способствует расширению когнитивного кругозора: например, стали известны несъедобные фрукты), нормативно-правовые регламенты (некоторым категориям намеренно приписывают нетипичные для них образцы с целью урегулирования торгово-экономических отношений); социально-культурный и жизненный опыт (место жительства человека, традиции национально кулинарии также могут предопределять границы категорий).

Исследование процесса лингвокогнитивной субкатегоризации описанных феноменов позволяет внести коррективы в лексикографический облик языка. Материалом для лексикографии может стать информация, что фрукты не всегда съедобны, что овощи – это не только огородные, но и дикорастущие растения, что лексемы *ягода* и *орех* имеют также специфические (ботанические, терминологические) значения.

Выводы по четвертой главе

В четвертой главе были обобщены результаты опроса носителей русского языка с целью определения структурно-содержательных особенностей категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ в наивной картине мира.

Опрос современных носителей русского языка показал, что к лучшим образцам категории ОВОЩИ относится огурец, помидор, картофель, морковь, свекла, кабачок и некоторые другие. Худшими образцами данной категории являются экзотические плоды, мало- или нераспространенные на территории России, но известные по прилавкам супермаркетов (авокадо, дайкон, каперсы и т.д.); плоды, которые чаще относятся носителями обыденного сознания к другим категориям (ГРИБЫ, ЗЛАКИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ и под.), но нередко используются в составе овощных блюд (фасоль и бобы, кукуруза, карамбола, оливки и маслины и т.д.); травы, приправы и пряности, которые также являются ингредиентами овощных блюд (укроп, петрушка, гвоздика, лавровый лист, острый перец и т.д.).

В бытовом представлении внутренняя организация категории ФРУКТЫ выглядит следующим образом: к лучшим образцам категории относятся яблоко (является прототипом для наименований некоторых фруктов и овощей в разных языках), апельсин, банан, груша,

мандарин и некоторые другие. К худшим представителям категории ФРУКТЫ относятся, во-первых, экзотические плоды, не произрастающие на территории России, но известные частым посетителям супермаркетов и путешественникам в экзотические страны (фейхоа, гуава, личи и рамбутан, дуриан, кумкват, питахайя и др.). Во-вторых, нетипичными для данной категории в сознании носителей русского языка являются плоды, которые по какому-либо из существенных признаков могут быть причислены также к другим классификационным рубрикам. Например, в сознании носителя языка возникает дилемма, к какой категории – ФРУКТЫ или ЯГОДЫ – относится алыча, вишня, черешня, виноград и под., причиной сомнений является, с одной стороны, их малый размер, позволяющий отнести их к ягодам, с другой стороны, способ произрастания (чаще древесный) и особенности кулинарного использования (во фруктовых салатах, фруктовых десертах и т.п.), что свидетельствует о возможной их принадлежности к категории ФРУКТЫ. Непрост для носителей русского языка вопрос отнесения арбуза и дыни к той или иной категории: великий размер не позволяет их называть ягодами, принадлежность к травянистым растениям роднит их с овощами, кулинарная традиция подачи арбуза и дыни в качестве десертов позволяет причислить их к фруктам.

По результатам анкетирования, в структуре категории ЯГОДЫ не был выявлен уровень сверхтипичных представителей, лучшими образцами категории ЯГОДЫ становятся, таким образом, члены, отнесенные к типичным высокочастотным: клубника, малина, земляника, черника и смородина; худшими (свrexнетипичными) образцами данной категории являются, во-первых, плоды, категориальная принадлежность которых обусловлена спецификой той или иной картины мира (паслен и помидор, дыня и тыква, яблоко и айва, боярышник и черноплодная рябина, алыча и абрикос, киви и гранат, инжир и ананас и др. – все перечисленные плоды хотя бы в одной из рассматриваемых в исследовании сфер являются ягодами); во-вторых, плоды растений со спецификой зонального размещения, т.е. распространенные на ограниченных территориях с особыми климатическими условиями и, таким образом, малоизвестные широкой аудитории (лимонник, хвойник, шелковица / тутовник, водяника, княженика, санберри и др.); в-третьих, плоды, имеющие народные наименования (так, наименование *волчья ягода* обозначает не плод конкретного растения, это собирательное наименование всех токсичных, вредных, несъедобных ягод). Остальные наименования свrexнетипичных членов категории ЯГОДЫ, вероятно, являются случайными: они обусловлены либо незнанием

реалии (черемша), либо ошибками разного рода (ср.: *косянка*, вероятно, вместо *косяники*; *клубянка* вместо *клубника* и т.д.).

Лучшим образцом категории ОРЕХИ, по мнению носителей языка, является грецкий орех. Типичными (высокочастотными) образцами данной категории для носителей языка выступает фундук (лещина), арахис, кедровый орех и миндаль. Типичными (среднечастотными) представителями категории ОРЕХ считаются фисташки и кешью. Малотипичные образцы, по данным опроса, – это бразильский орех, мускатный орех и желудь; нетипичные представители: каштан и кунжут; сверхнетипичные образцы категории ОРЕХИ в сознании носителей русского языка: авокадо, австралийский орех, инжир, нут, какао-бобы, семена подсолнуха, финик, кофе, боб, пекан, семена тыквы.

К сверхтипичным (лучшим) образцам категории ЗЛАКИ респонденты относят овес и рожь; типичными высокочастотными являются пшеница и греча; типичными среднечастотными образцами, по данному опросу, являются ячмень, рис, кукуруза и пшено; малотипичные образцы – просо, горох, лён, тростник, солод, фасоль и бобы; нетипичные образцы категории ЗЛАКИ в наивном представлении – арахис и бамбук; сверхнетипичные – конопля, перловка, суданка, порей, подсолнух, хмель и хлопок.

Общие данные о лучших и худших образцах изученных категорий представлены в Таблице № 28.

Таблиц № 28.

**Лучшие и худшие образцы категорий
ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ
в наивной картине мира**

Место в структуре категории	ОВОЩИ	ФРУКТЫ	ЯГОДЫ	ОРЕХИ	ЗЛАКИ
ЛУЧШИЕ	огурец, помидор, картофель, морковь	яблоко, апельсин, банан, груша	клубника, малина, земляника, черника, смородина	грецкий орех, фундук, арахис, кедровый орех, миндаль	овес, рожь, пшеница, греча
ХУДШИЕ	<i>Экзотические:</i> авокадо, дайкон, каперсы... <i>Зернобобовые:</i> фасоль, бобы, кукуруза... <i>Плодовые:</i> карамбола,	<i>Экзотические:</i> фейхоа, гуава, личи и рамбутан, дуриан, кумкват, питахайя... <i>Подобные ягодам:</i> алыча, вишня,	<i>Подобные фруктам или овощам:</i> паслен, помидор, дыня, тыква, яблоко, айва, боярышник, черноплодная рябина, алыча, абрикос, киви, гранат,	<i>Экзотические:</i> авокадо, австралийский орех, бразильский орех, пекан, какао-бобы, кофе, инжир, финик <i>Подобные</i>	<i>Подобные орехам по структуре и форме:</i> горох, фасоль, арахис <i>Экзотические:</i> тростник, бамбук <i>Про-</i>

	оливки и маслины. <i>Травы, при- правы:</i> укроп, петрушка, гвоздика, лавровый лист, острый перец...	черешня, виноград... <i>Подобные овощам:</i> арбуз, дыня, маслина / оливка, аво- кадо...	инжир, ананас... <i>Ограниченные распростране- нием:</i> лимонник, хвойник, шелко- вица / тутовник, водяника, кня- женика, санбер- ри... <i>Собираательные (воображаемые, не имеющие аналога в приро- де):</i> волчи яго- ды...	<i>орехам по структуре (семена):</i> семена под- солнуха, семена тыквы <i>Несъедобные:</i> каштан, же- лудь	<i>изводные злаков:</i> просо, перловка <i>Несъедобные:</i> суданка, порей, хмель, хлопок
--	--	--	---	---	--

С целью выявления специфики наивного представления носителей современного русского языка о категориях субсферы «Продукты растительного происхождения» ответы респондентов были сопоставлены с категориальными оценками объектов данной денотативной области, зафиксированными в тех источниках информации, которые отражают научную и профессиональную картины мира. Исследование показало, что специфика типа лингвокогнитивной категоризации (категоризации научной, профессиональной, наивной) обуславливает наличие существенных различий в структурно-содержательной организации катего-рий.

Ярким примером категориальных разночтений в разных вариантах и вариациях русской языковой картины мира являются разные трактовки *ягод*. В ботанике под термином *ягода* понимают многосеменной плод с сочной мякотью, т.е. в основе ботанической категоризации лежит морфологический признак структуры плода. Именно поэтому с ботанической точки зрения полноправными и равноправными членами категории ЯГОДЫ являются плоды помидора и огурца, арбуза и тыквы, черники и клюквы, киви и банана, апельсина и ананаса. При этом, что очевидно, такие критерии, как форма, размер, вкус и под. не имеют для ботанической категоризации ни малейшего значения. Совершенно иначе трактуется ягода в производственной (кулинарной) и наивной картинах мира. Согласно обыденным представлениям ягода является маленьким, кисло-сладким плодом травянистого, кустарничкового или кустарникового растения. Как правило, из ягод готовят варенья, джемы, морсы и другие десертные блюда. Поэтому типичными образцами категории ЯГОДЫ являются не только, например, клюква и черника, крыжовник и смородина, которые и в ботанике считаются ягодами, но также малина и ежевика, голубика и костяника и подобные им косточ-

ковые породы, именуемые в ботанике костянками и не причисляемые к ягодам. В торгово-экономической картине мира категория ЯГОДЫ вовсе не является актуальной: все образцы, обычно называемые ягодами (малина, смородина, черника, клюква и др.) причисляются к фруктам.

Иными словами, в разных вариантах и вариациях русской языковой картины мира один и тот же объект реальной и / или воображаемой действительности может являться членом разных категорий языкового сознания и, таким образом, может носить разные категориальные имена.

Многочисленные примеры неоднозначной категоризации объектов лингвоментальной субсферы «Продукты растительного происхождения» русском языковом сознании демонстрирует предельную подвижность и взаимопересекаемость границ категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ.

В ходе изучения категоризации продуктов растительного происхождения были выявлены некоторые специфические черты, которыми обладают изученные в данной главе категории в сознании носителей русского языка:

- по своей структурно-содержательной организации категории ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ являются собирательными;
- по характеру освоения действительности человеческим сознанием они являются конкретными, т.к. соотносятся с явлениями вещественного мира;
- названные категории обладают внешней градацией (градацией членства) при отсутствии внутренней градуированности;
- с точки зрения внешней градации включают наиболее и наименее типичные образцы в сознании носителей языка;
- данные категории способны к внутрикатегориальному (субкатегориальному) членению на основании объективных и субъективных факторов лингвокогнитивной категоризации действительности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблемы изучения языкового сознания в настоящее время по-прежнему считаются дискуссионными: неоднозначно толкуются некоторые лингвокогнитивные термины, не утихают споры о природе языкового сознания и методах его исследования, не прекращается полемика о лингвокультурной специфике языковой картины мира. Вряд ли можно назвать решенными в отечественной лингвистике вопросы изучения языковой категоризации, многие категории языкового сознания по-прежнему нуждаются в аналитическом описании с точки зрения структурно-смысловой организации и функционально-прагматических особенностей. Предпринятое исследование было направлено на решение этих задач.

В данной работе были уточнены и дополнены базовые лингвокогнитивные термины: установлены отличительные особенности понятий *языковое знание (знание языка), языковое сознание, языковое мышление, языковая картина мира* и др.; сформулированы дефиниции таких терминов, как *лингвокогнитивная категоризация* и *субкатегоризация, категория* и др.; введены в научный оборот такие термины, как *типы лингвокогнитивной категоризации, категоризация научная, профессиональная и наивная, интенциональный и неинтенциональный типы категоризации*.

Под *лингвокогнитивной категоризацией* в данном исследовании понимается специфический для каждого варианта языковой картины мира процесс вербализованного упорядочения знаний и представлений о реальном (ирреальном) мире, обусловленный особенностями субъекта и объекта познания, типом лингвокогнитивной категоризации, а также набором существенных признаков категоризации. *Категория* в свою очередь трактуется как лингвоментальный феномен человеческого сознания, который представляет собой лингвокогнитивную ячейку в системе знаний и представлений человека о мире и о себе самом, изоморфно отображающую фрагмент реальной и/или воображаемой действительности в человеческом сознании. При этом *изоморфный* понимается здесь не как 'одинаковый', но как 'подобный', абсолютно не тождественный, а понятие *лингвокогнитивная ячейка* считается весьма условным в том смысле, что оно предполагает не жесткие, но гибкие границы.

Объектом данного исследования явилось *коллективное языковое сознание*, интегрирующее разные способы познания и видения мира, разные механизмы формирования языковой картины мира – *научной* (биологической, агрономической, медицинской), *профессиональной*

(производственно-технологической, торгово-экономической, лексико-графической) и, наконец, *наивной*.

Дифференциация названных картин мира в данном исследовании была произведена на основании аналитического описания *трех типов категоризации: научной, профессиональной и наивной*. При этом специфика каждого типа лингвокогнитивной категоризации видится в следующем. *Научная категоризация* строго определена границами той или иной науки, не допускающей отступления от требований научной объективности, поэтому научная категоризация свободна от влияния идиоспецифичных, социальных и этноспецифических факторов. Актуальные для научной лингвокогнитивной категоризации существенные признаки, как правило, одинаково значимы для всех членов категорий научного сознания. В структуре таких, как правило, жестких категорий (категорий с четкими границами), не выделяются наиболее и наименее типичные образцы. Научные категории подвержены влиянию исключительно объективных факторов. Например, членство научных категорий может быть обусловлено развитием научно-технологических процессов: новым членом категорий может стать выведенный селекционерами новый сорт овощей или фруктов, разработанный современными технологами новый предмет бытовой или организационной техники и т.п.

Наивная категоризация подвержена влиянию как объективных, так и субъективных факторов, которые способствуют специфическому структурированию категорий в сознании носителей языка, т.е. выявлению лучших и худших образцов осмысляемых категорий. Такие представления характерны для бытового видения окружающей действительности (наивной картины мира).

Профессиональная категоризация, опираясь на научные достижения, адаптирует научные знания и представления о мире к условиям наивного восприятия. Одновременно профессиональная категоризация зависит и от условий, заданных требованиями собственно профессиональной сферы. Именно поэтому профессиональная категоризация не тождественна ни научной, ни наивной, являясь скорее особым, отчасти посредническим между наукой и обыденным сознанием типом лингвокогнитивной категоризации.

В настоящем исследовании также были уточнены и дополнены *методологические принципы* изучения лингвокогнитивной категоризации в языковом сознании, среди которых были выделены следующие: принцип прототипичности (вслед за Э. Рош) и дифференциального структурирования категорий по пяти степеням типичности; принцип «фамильного сходства» (согласно концепции Л. Витгенштейна);

принцип континуально-когнитивной относительности; принцип контекстно-когнитивной детерминированности; принцип пересеклемости категориальных структур; принцип вариативности категориальных структур в личностном, социальном и национальном лингвоментальном сознании; принцип корреляции онтологической и лингвоментальной природы категории; принцип статичности или динамичности категориальных структур; принцип иерархичности и градуированности.

Проведенная в исследовании инвентаризация *методов современной лингвокогнитологии* позволила сформировать методологический комплекс, направленный на изучение лингвокогнитивной категоризации. Данный комплекс включает методы основные (методы прототипического и когнитивно-таксономического анализа) и вспомогательные (метод психолингвистического эксперимента в разных вариациях, метод квантитативного анализа, метод полевой стратификации).

В соответствии со сформулированными методологическими принципами и на основании комплекса указанных методов была разработана *методика анализа категорий языкового сознания*, использованная для аналитического описания категорий лингвоментальной субсферы «Продукты растительного происхождения». Результатом исследования явилось определение закономерностей структурно-смысловой организации и функционально-прагматических особенностей категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ, дифференцированное описание разных видов категорий и типов лингвокогнитивной категоризации, определение разнообразных факторов, влияющих на процессы лингвокогнитивной категоризации. Ключевыми точками изучения указанных категорий явились следующие моменты: установление источников информации об особенностях категориального структурирования действительности и определение существенных признаков лингвокогнитивной категоризации в разных вариантах и вариациях языковой картины мира; выявление специфики номинации изучаемых феноменов; анализ структуры категорий в наивной картине мира; установление связи изучаемого феномена с другими категориями человеческого сознания; выделение специфических свойств категорий; уточнение этноспецифических особенностей лингвокогнитивной категоризации.

С учетом опыта анализа изученных категорий были сформированы следующие *классификации категорий человеческого сознания*: структурная, структурно-семантическая, семантико-грамматическая и аксиологическая. На основании указанных признаков были выделены разные *виды категорий*: категории с четкими и с нечеткими границами; категории с открытой и закрытой структурой; категории с плотной

структурой (плотным ядром) и категории с рассеянной структурой; категории, допускающие и не допускающие противоположности; категории с градацией внутренней и внешней (градация членства); категории идеальные и конкретные, собирательные и таксономические; категории постоянные и переменные.

В ходе исследования были также выделены **типы лингвокогнитивной категоризации**, среди которых отмечены следующие: научная, профессиональная и наивная категоризация; интенциональная и неинтенциональная категоризация; лексическая, грамматическая и модусная (вслед за Н.Н. Болдыревым); субординатный и суперординатный типы категоризации (в соответствии с концепцией О.А. Сулеймановой и Н.Н. Беклемешевой).

Аналитическое описание интенционального и неинтенционального типов категоризации позволило сформулировать **объективные и субъективные факторы, влияющие на процессы формирования лингвокогнитивных категорий** в русском языковом сознании.

Разработанная в данном исследовании концепция (теория, методология, методика) изучения лингвокогнитивной категоризации предоставляет возможность рассмотрения значительно более широкого круга категорий языкового сознания. Результаты данного исследования, представляющего опыт изучения категорий лингвоментальной субсферы «Продукты растительного происхождения», могут быть востребованы лексикографами, чья деятельность направлена на составление словарей нового типа, т.е. словарей, с одной стороны, опирающихся на лингвокогнитивный опыт современных носителей языка, с другой стороны, учитывающих запросы пользователя, нацеленного на получение максимально полной информации лингвистического или экстралингвистического характера о слове из одного справочного издания.

ЛИТЕРАТУРА

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.
2. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.
3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998; последняя редакция 2014 г. // URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения : 10.09.2013).
4. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008.
5. Ботанико-фармакогностический словарь: Справ. пособие / К. Ф. Блинова. Н. А. Борисова, Г. Б. Гортинский и др. / Под ред. К. Ф. Блиновой, Г. П. Яковлева. – М. : Высш. шк., 1990.
6. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. – СПб. : ТОО «Диамант», 1996. // URL: <http://dal.slovaronline.com> (дата обращения : 16.04.2015).
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. фак-т МГУ им. Ломоносова, 1996.
8. *Леонтьев А. А.* Словарь ассоциативных норм русского языка. – Киев : Изд-во МГУ, 1977.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : «Советская энциклопедия», 1990.
10. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. – М. : Азбуковник, 1999.
11. Русская грамматика. – М. : ИРЯ РАН СССР, 1980 // URL: <http://rusgram.narod.ru> (дата обращения : 10.08.2013).
12. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. С., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В, Черкасова Г. А. кн. 1 – 6. – М., 1994 – 1998.
13. Славянский ассоциативный словарь : русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М. : ИЯ РАН, 2004.
14. Словарь Академии Российской 1789 – 1794 гг. // URL: <http://www.philippovich.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/FrameSetpdf.htm> дата обращения : 16.04.2012).
15. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.) / АН СССР. Институт русского языка. Гл. ред. Р. И. Аванесов. – М. : Русский язык, 1988.
16. Словарь русского языка XI – XVII вв. / Под ред. Д. Н. Шмелева. – М. : Наука, 1987.
17. Словарь русского языка : В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981 – 1984.
18. Словарь синонимов русского языка / под. ред. А. П. Евгеньевой. – М. : АСТ, Астрель, 2002.

19. Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. – М. : Русский словарь, 1999 // URL : <http://www.gramota.ru/slovari/info/abr/> (дата обращения : 14.08.2010).
20. Словарь-тезаурус русских прилагательных: Идеографическое описание / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : Проспект, 2011.
21. Современный толковый словарь русского языка / Под ред. Т. Ф. Ефремовой. – М. : АСТ, Астрель, Харвест, 2006 // URL : <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova> (дата обращения : 14.09.2009).
22. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. – СПб., 1893.
23. Толковый словарь русских глаголов : идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 1999.
24. Толковый словарь русского языка : В 4-х т. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М., 1935 – 1940.
25. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. – М. : Эксмо, 2006.
26. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – М. : Прогресс, 1973.
27. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – М. : Республика, 2001.
28. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. – М. : Инфра-М, 2003.
29. *Черкасова Г. А.* Русский сопоставительный ассоциативный словарь. – М. : ИЯ РАН, 2008.
30. Экспериментальный синтаксический словарь: Русские глагольные предложения / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М. : «Флинта-Наука», 2002 // URL : <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2847> (дата обращения: 27.11.2014).

ИСТОЧНИКИ

1. ГОСТ 27523-87 Овощи. Номенклатура. Первый список (введен Постановлением Государственного комитета СССР по стандартизации от 15.12.1987 № 4540) // База ГОСТов и нормативных документов // URL : <http://www.gost-load.ru/Index/12/12066.html> (дата обращения : 04.12.2012).
2. ГОСТ 27524-87 Овощи. Номенклатура. Второй список (введен Постановлением Государственного комитета СССР по стандартизации от 01.06.1988 № 4540) // База ГОСТов и нормативных документов // URL : <http://www.gost-load.ru/Index/12/12066.html> (дата обращения : 04.12.2012).
3. ГОСТ 27521-87 Фрукты. Номенклатура. Первый список (введен Постановлением Государственного комитета СССР по стандартизации от 15.12.1987 № 4540) // Библиотека ГОСТов и нормативных документов // URL : http://libgost.ru/gost/22351-GOST_27521_87.html (дата обращения : 04.04.2014).
4. ГОСТ Р 9294 Крупы // URL : <http://www.g-ost.ru/005/001/258/> (дата обращения : 25.05.2015).
5. ГОСТ Р 971000 Зерновые и зернобобовые культуры // URL : <http://www.gostedu.ru/006/084/001/> (дата обращения : 25.05.2015).
6. Национальный корпус русского языка // URL : <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения : 25.05.2015).
7. Номенклатура товаров, учитываемых в розничном товарообороте: систематический товарный словарь (принят Межрегиональной Ассоциацией «Статинформ» в

Москве в 1992 г.) // База законов. URL : <http://bazazakonov.ru> (дата обращения : 04.12.2012).

8. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности, продукции и услуг (ОК004-93, утв. Постановлением Госстандарта РФ от 6 августа 1993 года № 17) // Консультант-плюс. URL : <http://www.consultant.ru/popular/okved-ch3-razdel-d-2430000/html> (дата обращения : 12.12.2012).

9. Постановление Правительства РФ от 9 марта 2010 г. № 132 «Об обязательных требованиях в отношении отдельных видов продукции и связанных с требованиями к ней процессов проектирования, производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, перевозки, реализации и утилизации, содержащихся в технических регламентах Республики Казахстан, являющейся государством – участников таможенного союза» // Консультант-плюс. URL : <http://base.consultant.ru> (дата обращения : 07.05.2013).

10. Приказ Министерства экономического развития и торговли РФ от 7 сентября 2007 № 304 «Об утверждении норм естественной убыли продовольственных товаров в сфере торговли и общественного питания» // Консультант-плюс. URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=73969.html> (дата обращения : 12.12.2012).

11. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешней экономической деятельности Таможенного союза и Единого таможенного тарифа Таможенного союза» // Консультант-плюс. URL : <http://base.consultant.ru> (дата обращения : 10.04.2014).

12. Федеральный закон от 17 октября 2008 года № 178-ФЗ «Технический регламент на соковую продукцию из фруктов и овощей» // Консультант-плюс. URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81065.html> (дата обращения : 12.12.2012).

13. Общие условия международной купли-продажи свежих фруктов и овощей, включая цитрусовые (приняты Европейской экономической комиссией ООН ECE/AGRI/40 1979 г.) // PRAVO.RU // URL : <http://docs.pravo.ru/document/view/19998504/html> (дата обращения : 12.12.2012).

14. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешней экономической деятельности Таможенного союза и Единого таможенного тарифа Таможенного союза» // Консультант-плюс. URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=133133.html> (дата обращения : 12.12.2012).

ИССЛЕДОВАНИЯ

1. *Абишева К. М.* Категоризация и ее основные принципы // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 21 – 30.

2. *Абрамян К. Ш.* О различных принципах анализа языковой категоризации // Иностранные языки в высшей школе. – 2009. – № 2. – С. 25 – 32.

3. *Абросимова Л. С.* Истоки и основные принципы когнитивной дериватологии // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 3 (351). – С. 7 – 13.

4. *Айрапетян Р. Р.* Прототипическая модель глаголов группы *Verbs of putting*, основанная на компонентном анализе семантики // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 4. – ч. 1. – С. 53 – 59.

5. *Алпатов В. М.* Япония. Язык и культура. – М. : Языки славянских культур, 2008.

6. *Аляутдин Р. Н.* Фармакология : учеб. пособие. – М. : ГЭОТАР-МЕД, 2004.

7. Андреев Ю. М. Овощеводство : учебник для нач. проф. образования. – М. : Издательский центр «Академия», 2003.
8. Аникин Е. Е., Чудинов А. П. Дискуссия о русской языковой картине мира: абсолютный универсализм и крайний релятивизм (неогумбольдтианство) // Политическая лингвистика. – 2011. – Вып. 1 (35). – С. 11 – 14.
9. Анфимова Н. А. Кулинария : учеб. пособие для нач. проф. образования. – М. : Издательский центр «Академия», 2008.
10. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Языки русской культуры, 1995 (1995а).
11. Апресян Ю. Д. О проекте активного словаря русского языка // URL : <http://www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/html/4.htm> (дата обращения : 04.10.2015).
12. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67 (1995б).
13. Аристотель. Категории // URL : <http://philosophy.ru/library/aristotle/-kat/kategorii.html> (дата обращения : 12.10.2012).
14. Арутюнова Н. Д. Истина : фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – С. 21–30.
15. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5 – 33.
16. Арутюнова Н. Д. От образа к знаку // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. – М.: ИФ АН СССР, 1988. – С. 147–162.
17. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1999.
18. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов. – Екатеринбург : Деловая книга, М. : Академический проект, 2004.
19. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста : учебник, практикум. – М. : Флинта : Наука, 2005.
20. Бавтуто Г. А., Еремин В. М. Ботаника : Морфология и анатомия растений. – Мн. : Вышэйша школа, 1997.
21. Бажанова Ю. И. Когнитивные основания лингвистической категории количества // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань : Рязанский гос. ун-т. им. С. А. Есенина, 2010. – С. 5 – 14.
22. Балашова Л. В. Концептуализация власти в социоморфной литературной и сленговой метафоре (сопоставительный аспект) // Политическая лингвистика. – 2010. – Вып. 2(32). – С. 9 – 14.
23. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учебное пособие. – М. : Эдиториал УРСС, 2001.
24. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // ИРАН СЛЯ. 1997. – Т. 56. – № 1. – С. 11–21.
25. Баринова И. А., Нестерова Н. М., Овчинникова И. Г. «Языковое сознание»: к вопросу об определении и интерпретации термина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Серия «Проблемы языкознания и педагогики». – 2010. – № 4. – С. 10 – 21.
26. Башарина А. К. Понятие «семантическое поле» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Амосова. – 2007. – Т. 4. – № 1. – С. 93 – 96.
27. Безукладова И. Ю. Категоризация индивидуального пространства как способ структурирования окружающего мира // Вестник Тамбовского гос. ун-та им. Г. Р. Державина. – 2011. – Вып. № 7 (99). – С. 153 – 159.
28. Бейкер X. Fruit. – London: Published by Mitchell Beazley, 1980.

29. *Беляевская Е. Г.* Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке : сб. науч.-аналит. обзоров. – М. : ИНИОН РАН, 1994.
30. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
31. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М. : Едиториал УРСС, 2002.
32. *Беседина Н. А.* Методологические аспекты современных когнитивных исследований в лингвистике // Научные ведомости. Серия «Философия. Социология. Право». – 2010. – № 20 (91). – Вып. 14. – С. 31 – 37.
33. *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура : Этнолингвистические исследования. – М. : «Индрик», 2007.
34. *Бикертон Д.* Введение в лингвистическую теорию метафоры // Теория метафоры : сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 284 – 307.
35. *Бирдсли М.* Метафорическое сплетение // Теория метафоры : сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 201 – 219.
36. *Блэк М.* Лингвистическая относительность (теоретические воззрения Б. Л. Уорфа) // Новое в лингвистике. – 1960. – Вып. 1. – С. 199 – 212.
37. *Блэк М.* Метафора // Теория метафоры : сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153 – 172.
38. *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики : Из университетских чтений. – М. – Л. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1935.
39. *Богусева В. И.* Технология приготовления пищи. – Ростов н/Д : Феникс, 2007.
40. *Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
41. *Болдырев Н. Н.* Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5 – 12.
42. *Болдырев Н. Н.* Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики. Семантика инвариативности / вариативность. – СПб. : Наука, 2003. – С. 54 – 74.
43. *Болдырев Н. Н.* Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 22 (248). Филология. Искусствоведение. – Вып. 60. – С. 11 – 16.
44. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014 (2014а).
45. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001 (2001а).
46. *Болдырев Н. Н.* Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 25–36 (2001б).
47. *Болдырев Н. Н.* Концептуальные структуры и языковые значения // Филология и культура. Материалы международной конференции 12 – 14 мая 1999. – Тамбов, 1999. – С. 62–69.
48. *Болдырев Н. Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18 – 37.
49. *Болдырев Н. Н.* Модусные категории в языке // Когнитивная лингвистика : Ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения : сб. статей к юбилею Н. А. Кобиной. – СПб. : Тригон, 2005. – С. 31 – 46.
50. *Болдырев Н. Н.* Принципы и методы когнитивных исследований // Принципы и методы когнитивных исследований : сб. науч. тр. – Тамбов, 2008. – С. 5 – 21.

51. *Болдырев Н. Н.* Проблемы исследования языкового сознания // Концептуальный анализ языка : Современные направления исследования : сб. науч. тр. – М. – Калуга : Издательство «Эйдос» ИЯ РАН / ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – С. 95 – 108 (2007а).
52. *Болдырев Н. Н.* Прототипы в языковой репрезентации знаний // Проблемы представления (репрезентации) в языке : Типы и форматы знаний : сб. науч. трудов. – М. – Калуга : Изд-во «Эйдос» ИЯ РАН / ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – С. 29 – 37 (2007б).
53. *Болдырев Н. Н.* Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 17 – 27 (2007в).
54. *Болдырев Н. Н.* Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 6 (335). Филология. Искусствоведение. – Вып. 88. – С. 118 – 122 (2014б).
55. *Болдырев Н. Н.* Современные направления лингвистических исследований // Вестник Тамбовского университета. Серия. Гуманитарные науки. – Тамбов, 1996. – Вып. 1. – С. 75 – 83.
56. *Болдырев Н. Н.* Теоретические и методологические проблемы когнитивной лингвистики и терминоведения // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 24 (315). Филология. Искусствоведение. – Вып. 82. – С. 7 – 13.
57. *Болдырев Н. Н.* Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц // Проблемы современной филологии : межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 1. – Мичуринск: МГПИ, 2000. – С. 36 – 45.
58. *Болдырев Н. Н., Алпатов В. В.* Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 5 – 14.
59. *Болдырев Н. Н., Гунина Н. А.* Когнитивный аспект лексической категоризации английских глаголов звучания // Моделирование процессов функциональной категоризации глагола: коллективная монография. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000. – С. 162 – 171.
60. *Болдырев Н. Н., Куликов В. Г.* Дialeктные концепты и категории // Филологические науки. – 2006. – № 3. – С. 41 – 50.
61. *Болдырев Н. Н., Панасенко Л. А.* Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 5 – 12.
62. *Бондарко А. В.* Грамматические категории и функционально-семантические поля // Македонска академија на науките и уметностите. Прилози : Одделение за лингвистика и литературна наука. – Т. 12. – № 2. – Скопје, 1987. – С. 11–20.
63. *Бондарко А. В.* Функционально-семантическое поле и категориальная ситуация в системе грамматического описания // *Explorare necesse est. Hyllningsskrift till Barbro Nilsson (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies 28).* – Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 2002. – P. 67 – 71.
64. *Бондарко А. В.* Полевые структуры в системе языковой категоризации // Теория, история, типология языков. Материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. – Вып. I. Отв. ред. Д.Б. Никуличева. – М.: Советский писатель, 2003. – С. 13 –20.
65. *Бондарко А. В.* Центр – периферия, полевые структуры // Теоретические проблемы языкознания. – СПб. : СПбГУ, 2004. – С. 181 – 196.
66. *Бондарко А. В.* Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика : в 2 т. – Т. 1. – М.: СпортАкадемПресс, 2001. – С. 4 – 13 // URL : <http://www.durov.com/linguistics1/bondarko-01.htm> (дата обращения : 22.03.2015).
67. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка). – М. : Языки славянской культуры, 2002.

68. *Борискина О. О.* Криптоклассы английского языка : Монография. – Воронеж : «Истоки», 2011 (2011а).
69. *Борискина О. О.* Теория, методология и опыт познания скрытой категориальности языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2011 (2011б).
70. *Борискина О. О., Кретов А. А.* Теория языковой категоризации : Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2003.
71. *Боярская Е. Л.* Категоризация как базовая когнитивная процедура // Вестник Балтийского государственного университета им. И. Канта. – 2011. – Вып. 2. – С. 18 – 28.
72. *Бредихин С. Н.* Ноэматическая структура смыслопорождения в философском дискурсе : дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2014 (2014а).
73. *Бредихин С. Н.* Элементы смысла и когниция на пути к значению // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2014. – № 1 (40). – С. 182 – 186 (2014б).
74. *Брутян Г. А.* Язык и картина мира // Научные доклады высшей школы. Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108–111.
75. *Будаев Э. В.* Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. – 2007. – Вып. 1. – С. 16 – 32 (2007б).
76. *Бузинова Л. М.* Категория роста в картине мира (на примере глаголов немецкого языка) // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань : Рязанский гос. ун-т. им. С. А. Есенина, 2010. – С. 14 – 21.
77. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М. : Языки славянской культуры, 1997.
78. *Бурцева О. И.* Фреймовый анализ сказочного повествования (на материале сказки В. А. Жуковского «Сказка о Иване-Царевиче и Сером волке») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7. – Ч. 2. – С. 52 – 54.
79. *Бутакова Л. О.* Концептуально-смысловой анализ русских пословиц и поговорок о чести / бесчестии // Welt im der Sprache / Отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2005. – С. 82–88.
80. *Буторин С. В.* Фреймовый подход к анализу языкового пространства немецкого романа воспитания // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12. – № 3 (3). – С. 761 – 765.
81. *Вайсгербер Л.* Родной язык и формирование духа. М. : УРСС Эдиториал, 2004.
82. *Васильев Л. М.* Общие проблемы лингвистики. Внешние связи языка : учебное пособие. – Уфа : Башкирский гос. ун-т, 1998.
83. *Вежбицка А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. – 2002. – №2 (4). – С. 6–34.
84. *Вежбицка А.* Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : «Языки русской культуры», 1999.
85. *Вежбицка А.* Прототипы и инварианты // Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. – М. : Русские словари, 1996. – С. 201 – 231 (1996а).
86. *Вежбицка А.* Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. // URL : <http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96a.htm> (дата обращения : 29.04.2014) (1996б).
87. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове: учебное пособие для вузов по специальности «Русский язык и литература». – М.: Высш. шк., 1986.
88. *Виноградов В. В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С. 106 – 220.

89. *Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 419 – 442.
90. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // URL : http://krotov.info/lib_sec/03_v/vit/genshtey2.htm (дата обращения : 12.10.2012).
91. *Вершинина Т. С.* Метафорические модели с исходной биологической сферой в современном политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
92. *Веснина Л. Е.* Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010.
93. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. – М. : Наука, 1985.
94. *Воркачев С. Г.* Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 115–124.
95. *Воркачев С. Г.* Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 24. – М. : МАКС Пресс, 2003. – С. 5–12
96. *Воркачев С. Г.* Концепт счастья в русской и английской паремиологии // Реальность этноса. Образование и проблемы межнациональной коммуникации. – СПб. : СПбГУ, 2002. – С. 145–148.
97. *Воркачев С. Г.* Концепт счастья : понятийный и образный компоненты // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60. – № 6. – С. 47 – 58.
98. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурная концептология и ее терминосистема // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3 (49). – С. 12 – 20.
99. *Воркачев С. Г.* Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // Филологические науки. – 1995. – № 1. – С. 56–67.
100. *Воркачев С. Г.* Речевые значения кантовских местоимений русского и испанского языков: контрастивный анализ // Филология. – 1996. – № 10. – С. 37–40.
101. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004.
102. *Воркачев С. Г.* Хотеть–желать vs. querer–desear: сопоставительный анализ употребления русских и испанских глаголов // Русский язык за рубежом. – 1991. – № 3. – С. 75–82.
103. *Востоков А. Х.* Русская грамматика. – Санкт-Петербург: Тип. И. Глазунова, 1831.
104. *Выготский Л. С.* Мысль и слово // Мышление и речь. – М. : Лабиринт, 1999. – С. 275 – 337.
105. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Психология мышления. – М. : Аст, Астрель, 2008. – С. 506 – 508.
106. *Габбасова А. Р., Фаткуллина Ф. Г.* Языковая картина мира : основные признаки, типология и функции // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 4 // URL : www.science-education.ru/110-9954 (дата обращения : 16.02.2015).
107. *Гаврилова Е. Д.* Оценочные категории GOOD и BAD в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005.
108. *Гвоздева А. А.* Языковая картина мира : лингвокультурологические и гендерные особенности (на материале художественных произведений русскоязычных и англоязычных авторов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004.
109. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. – СПб. : Наука, 1997 // URL : <http://phy.narod.ru/Georg.htm> (дата обращения : 27.04.2015).
110. *Гишев Н. Т.* О соотношении языка и мышления // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2013. – № 1 // URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2013.1/2374/gishev2013_1.pdf (дата обращения : 13.12.2010).

111. *Голев Н. Д.* «Викилексия» – народный Интернет-словарь : инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. – 2014. – № 2 (6). – С. 31 – 67.
112. *Голев Н. Д.* Общий очерк концепции «Словаря обыденных толкований слов» // Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3. Коллективная монография. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2010. – С. 205 – 264.
113. *Голев Н. Д.* Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации // Вопросы лексикографии. – 2013. – № 2 (4). – С. 48–64.
114. *Головенкина Н.В.* Метафорическое моделирование действительности в художественной картине мира М. А. Булгакова : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
115. *Гольдберг В. Б.* Сквозь призму криптокласса (Борискина О. О., Кретов А. А. «Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание через призму криптокласса». Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. 211 с.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 2. – С. 115 – 117.
116. *Гончарова Н. Ю.* Формирование фактообразующего значения английского глагольного предиката в системе языка и в речи : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2000.
117. *Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики : учебное пособие. – М. : Издательство «Лабиринт», 2001.
118. *Горошко Е. И.* Языковое сознание : гендерная парадигма // Методология современной психолингвистики : сб. науч. тр. – М. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2003.
119. *Горошко Е. И.* Языковое сознание (ассоциативная парадигма) : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2001.
120. *Горский Д. П.* Роль языка в познании // Мышление и язык. – М. : Политиздат, 1957. – С. 73 – 116.
121. *Григорик И. А.* Категоризация ментального образа «Собирательность» (на материале русского и английского языков) // Мир лингвистики и коммуникации. – 2012. – № 1 (26) // URL : http://tverlingua.ru/archive/026/content_26.htm (дата обращения : 19.03.2015)
122. *Гришин П. Д.* Приготовление пищи. – Л. : Лениздат, 1961.
123. *Гудмен Н.* Метафора – работа по совместительству // Теория метафоры: сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 194 – 201.
124. *Гулова З. А.* Концепт «Еда» в русском и польском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2013.
125. *Гухман М. М.* Лингвистическая теория Л. Вайсгербера // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 123 – 162.
126. *Даниленко В. П.* Языковая картина мира в гипотезе Сепира-Уорфа // URL : <http://old.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm> (дата обращения: 03.02.2015).
127. *Даниленко В.П.* Языковая картина мира в концепции Л. Вайсгербера // URL : <http://old.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm> (дата обращения: 03.02.2015).
128. *Дейк ванн Т. А., Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 166 – 167.
129. *Деметтьев В. В.* Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях: к дискуссии А. Д. Шмелева с А. В. Павловой и М. В. Безродным о «лингвонарциссизме» // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1 (039). – С. 11 – 16.

130. Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // *Язык и наука конца XX в. М. : Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239 – 320.*
131. Демьянков В. З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // *Язык и структуры представления знаний: сб. аналит. обзоров. – М. : РАН, 1992. – С. 39–77.*
132. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // *Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С. 17 – 32.*
133. Демьянков В. З. Прототипический подход // *Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М. : Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 140 – 145.*
134. Демьянков В. З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // *Структуры представления знаний в языке / Отв. редактор Кубрякова Е. С. – М. : ИНИОН РАН, 1994. – С. 32 – 86; http://www.infolex.ru/Prot.html#_Toc32159095 (дата обращения: 12.11.2014).*
135. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // *Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – С. 234 – 257.*
136. Дзюба Е. В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре. – Екатеринбург: Ур-ГПУ, 2011.
137. Дзюба Е. В. Особенности категоризации артефактов в русском языковом сознании // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2015. – № 2 (32). – С. 230 – 235 (2015а).*
138. Дзюба Е. В. Особенности категоризации интеллекта в языковом сознании // *Педагогическое образование в России. – 2015. – № 5. – С. 99 – 109 (2015б).*
139. Дзюба Е. В. Типология категорий языкового сознания // *Вестник Московского городского педагогического университета. – 2015. – № 1 (17). – С. 78 – 86 (2015в).*
140. Дзюба К. А. Когнитивные механизмы формирования наименований торговых марок // *Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1. – С. 38 – 44.*
141. Дмитриева В. Ф., Прокофьев В. Л. Основы физики : учебное пособие для студентов вузов. – М. : Высш. шк., 2001.
142. Долгачева В. С. Растениеводство: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 1999.
143. Донских О. А. Методологический анализ понятия языковой картины мира // *Методологические проблемы научных исследований : сб. науч. тр. – Новосибирск : Наука, 1984. – С. 84–88.*
144. Досанова А. Ж., Нурмаханова Ж. Б. Оценочная категоризация нравственных понятий на основе оценочных предикатов «ХОРОШО – ПЛОХО» // *Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 50 – 54.*
145. Дридзе Т. М. Семiotический уровень как характеристика реципиента // *Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М.: Наука, 1976. – С. 200 – 203.*
146. Дроздова Т. В. Терминообразование с позиций когнитивной лингвистики // *Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 31 (322). Филология. Искусствоведение. – Вып. 84. – С. 32 – 34.*
147. Дубровина С. Ю. Этнокультурные представления славян о птицах в свете народной ботаники // *Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 2 (039). – С. 110 – 116.*
148. Дубцов Г. Г. Технология приготовления пищи. – М. : Академия, 2002.
149. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // *Теория метафоры: сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 173 – 194.*

150. *Евсеева И. В.* Когнитивное моделирование словообразовательной системы русского языка (на материале комплексных единиц) : дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2011.
151. *Ейгер Г. В.* Языковые способности : учебное пособие. – Харьков : ХГУ им. А. М. Горького, 1992.
152. *Ейгер Г. В., Рапопорт И. А.* Язык и личность. – Харьков : ХГУ им. А. М. Горького, 1991.
153. *Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации. – М. : Наука, 1982.
154. *Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. – М. : РГМУ, 1999.
155. *Залевская А. А.* Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М. : Наука, 1985. – С.150 – 171.
156. *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М. : Языки славянской культуры, 2005.
157. *Заречнева Е. Н.* Социокультурный концепт учитель: когнитивно-дискурсивное исследование : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009.
158. *Зацепина М. В.* Концептуализация феномена отчуждения в русской и немецкой этноконцептосферах : дис... канд. фил. наук. Екатеринбург, 2006.
159. *Земская Е. А.* Современный русский язык: Словообразование. – М. : Просвещение, 1973.
160. *Зимняя И. А.* Лингвopsихология речевой деятельности. – М. : Моск. психол. соц. ин-т; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2001.
161. *Зырянова М. Н.* Когнитивное описание фреймовой структуры концепта 'ПРОЦЕСС ТВОРЧЕСТВА' (на материале произведений Д. А. Пирогова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 10 (225). Филология. Искусствоведение. – Вып. 52. – С. 57–59.
162. *Кабаченко Е. Г.* Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
163. *Калашникова Л. В.* Метафора как механизм когнитивно-дискурсивного моделирования действительности : на материале художественных текстов : дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2006.
164. *Калюжная И. А.* Концепт детство в немецкой и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
165. *Кант И.* Критика чистого разума. Соч. в 6 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1964.
166. *Капишева Т. Ю.* Фразеологическая категоризация в сфере фитонимии русского и немецкого языков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – № 1. – С. 57 – 62.
167. *Караваева И. А.* Концепт «ОБРАЗОВАНИЕ» в структурах педагогического дискурса деятельностного подхода // Вестник Ижевского государственного технического университета. – 2007. – № 2. – С. 75 – 77.
168. *Карасик В. И.* Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – С. 95 – 108.
169. *Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность : культурные концепты : сб. науч. тр. – Волгоград – Архангельск: ВГПУ, ПМПУ, 1996. – С. 3–16.
170. *Карасик В. И.* Лингвокультурный типаж // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. – 2007. – Вып. 5. – С. 86–89.
171. *Карасик В. И.* Эмблематический концепт «благополучие» // Политическая лингвистика. – 2010. – Вып. 3(33). – С. 34 – 40.
172. *Карасик В. И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. – М. : ГНО-ЗИС, 2004.

173. *Карасик В. И., Слышкин Г. Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 75–81.
174. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. – М. : Наука, 1976.
175. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987.
176. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М. : Издательство ЛКИ, 2010.
177. *Карелина А. А.* Когнитивные механизмы взаимодействия многозначных существительных и отсубстантивных прилагательных в современном английском языке : на материале словообразовательных моделей $n + -ish$, $+ -y$: дис... канд. филол. наук. Владивосток, 2003.
178. *Карпова О. М.* Новые тенденции в современной лексикографии // Лексика и лексикография. – 2000. – Вып. 11. – С. 63-72.
179. *Карпова О. М.* Лексикографические портреты словарей современного английского языка. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2004.
180. *Карпова О. М.* Лексикография или reference science? Справочники нового поколения // Вестник Ивановского государственного университета. – 2006. – Вып. 1. – С. 82 – 92.
181. *Касевич В. Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. – СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1996.
182. *Касевич В. Б.* О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики : материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. СПб.: Наука, 1998. – С.14–21.
183. *Касевич В. Б.* Язык и знание // Язык и структура знания. – М. : ИЯ РАН, 1990. – С. 8–25.
184. *Касевич В. Б.* Языковые структуры и когнитивная деятельность // Язык и когнитивная деятельность. – М. : Наука, 1989. – С.8–18.
185. *Каслова А. А.* Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
186. *Кассирер Э.* Сила метафоры // Теория метафоры : сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. – М. Прогресс, 1990. – С. 33 – 44.
187. *Кацнельсон С. Д.* Категории языка и мышления : Из научного наследия / Отв. ред. Л. Ю. Брауде. – М. : Языки славянской культуры, 2001.
188. *Кацнельсон С. Д.* Общее и типологическое языкознание. – М. : КомКнига, 2010.
189. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. – М. : УРСС Эдиториал, 2002.
190. *Кибрик А. Е.* Лингвистические постулаты // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. – Вып. 621. Механизмы вывода и обработки знаний в системах понимания текста. Труды по искусственному интеллекту. – Тарту, 1983. – С. 24 – 39.
191. *Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – М. : Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 1992.
192. *Киселева М. П.* Языковое сознание как проблема отечественной когнитивистики : автореф. дис. ... канд. фил. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
193. *Кислякова Е. Ю.* Коммуникативная категория инакости в религиозном дискурсе // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 37 – 40.
194. *Кобозева И. М.* Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М. : Наука, 1993. С. 95–105.

195. *Кобрина Н. А.* Когнитивная лингвистика : Истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика. – Ч. 2. – Тамбов : Томский гос. ун-т, 2000. – С. 170–175.
196. *Ковалев Н. И., Куткина М. Н., Кравцова В. Н.* Технология приготовления пищи / Под ред. д. техн. наук, проф. М. А. Николаевой. – М. : Омега-Л, 2003.
197. *Колесников Е.В., Пулонин А.И., Павильонов А.А.* и др. Основы сельскохозяйственных знаний : учеб. пособие для учащихся пед. училищ. – М. : Просвещение, 1986.
198. *Колесов В. В.* Древняя Русь : наследие в слове. Мир человека. СПб. : СПбГУ, 2000.
199. *Колесов В. В.* Концепт “культуры” : образ, понятие, символ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. – 1992. – Вып. 3. – № 16. – С. 30–40.
200. *Колесов В. В.* Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет : сб. науч. тр. – Петрозаводск : Петрозаводский гос. ун-т, 1995. – С. 13–24.
201. *Колесов В. В.* Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. Л. : Ленинградский гос. ун-т, 1991. – С. 106–125.
202. *Колотникова Е. В.* Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.
203. *Колтышева С. Я.* Метафорическое моделирование образа шоу-бизнеса в российском и американском массмедийном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009.
204. *Колианский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. – М. : Наука, 1990.
205. *Колианский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М. : КомКнига, 2005.
206. *Комарницкий Н. А., Кудряшов А. В., Уранов А. А.* Ботаника : систематика растений. – Мн. : Высш. шк., 2007.
207. *Комлев Н. Г.* Слово в речи. Денотативные аспекты. – М. : Эдиториал УССР, 2003.
208. *Кондратьева О. Н.* Гендерная характеристика концептов душа, сердце и ум в древнерусских текстах // URL : <http://sofik-rgi.narod.ru/avtori/konferencia/kondratieva.htm> (дата обращения : 02.05.2009).
209. *Кондратьева О. Н.* Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (IX – XX вв.) : дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2014.
210. *Кондратьева О. Н.* Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов душа, сердце, ум) : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004 (2004а).
211. *Кондратьева О. Н.* Особенности языкового воплощения концепта «внутренний человек» в русских летописях // Концепт. Образ. Понятие. Символ : коллективная монография / Отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2004. – С. 157–174 (2004б).
212. *Кондратьева О. Н.* Структура концепта ум в памятниках литературы Древней Руси // Концептуальные сферы «мир» и «человек» : коллективная монография / Отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2005. (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 6»). – С. 177–203.
213. *Коннова М. Н.* Концептуальные метафоры времени в современном английском языке : автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2007.
214. *Корниенко А. Ф.* Соотношение понятий «язык», «мышление» и «сознание» в психологии и когнитивной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3 (036). – С. 5 – 15.

215. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М. : ЧеРо, 2003.
216. *Косырева М. С.* Деривационно-фреймовая парадигма как единица когнитивного описания системных отношений на уровне словообразования // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 30 (131). – Выпуск 26. Серия «Филология. Искусствоведение». – С. 58 – 67.
217. *Котцова Е. Е.* Лексическая семантика в системно-тематическом аспекте. – Архангельск : Поморский гос. ун-т, 2002.
218. *Кравец А. С.* Типологическая структура смысла // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 17–25.
219. *Кравцова Н. М.* Наречие как средство оценочной категоризации интеллектуальных способностей человека в современном английском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Вып. XIII. – Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова, 2011. – С. 268 – 271.
220. *Кравченко А. В.* Гипотеза Сепира – Уорфа в контексте биологии познания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 1 (010). – С. 5 – 13.
221. *Красавский Н. А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография. – М. : Гнозис, 2008.
222. *Крушельницкая К. Г.* Проблемы взаимосвязи языка и мышления // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М. : Наука, 1970. – С. 371 – 416.
223. *Кубрякова Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34 – 37.
224. *Кубрякова Е. С.* Базисный уровень категоризации // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М. : Филол. фак-т МГУ им. Ломоносова, 1996.
225. *Кубрякова Е. С.* В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. – Вып. IV. Концептуализация мира в языке : коллективная монография / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М. : ИЯ РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 11 – 24.
226. *Кубрякова Е. С.* Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова // Семантика языковых единиц : Доклады VI международной конференции. – В 2 т. – М. : СпортАкадемПресс, 1998. – Т. I. – С. 47–51.
227. *Кубрякова Е. С.* Части речи с когнитивной точки зрения. – М. : ИЯ РАН, 1997.
228. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. – М. : Языки славянской культуры, 2004. (Серия «Язык. Семиотика. Культура»).
229. *Кудрявцев В. Н.* Общая теория квалификации преступлений. – М. : «Юрист», 2007.
230. *Кумахова Д. Б.* Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира (на материале кабардино-черкесского и русского языков) : автореф. дис... канд. филол. наук. Нальчик, 2011.
231. *Лакофф Дж.* Когнитивное моделирование // URL : <http://www.metodolog.ru> (дата обращения: 12.11.2014).
232. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. 23. – С. 12–51.
233. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
234. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. – М. : Эдиториал УРСС 2004.

235. *Левенталь И. В.* Лингвистическая типология толкований слов в одноязычном учебном словаре русского языка для иностранцев : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014.
236. *Левицкий А. Э.* Прототипический подход к категоризации и номинации нечётких сущностей // Круглый стол «Методы когнитивного анализа семантики слова» 24 октября 2011 г. – М.: РГГУ, 2011 // URL : <http://pandia.ru/text/78/403/86015.php> (дата обращения : 17.09.2015).
237. *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. – М. : Смысл; СПб. : Лань, 2003.
238. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения. В 2 т. – Т. 2. – М. : Педагогика, 1983.
239. *Леонтьев А. Н.* Язык и сознание // Лекции по общей психологии. – М. : Смысл, 2000. – С. 91 – 97.
240. *Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в зеркале русского языка : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
241. *Литвиненко Т. Е.* Прототипичность vs. инвариантность в определении текста // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – Вып. 2s (18). – С. 140 – 147.
242. *Лобанов А. П., Радчикова Н. П.* Формирования ментальных репрезентаций в контексте прототипов // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 343. – С. 180 – 183.
243. Логический анализ языка. Ментальные действия. – М. : Наука, 1993.
244. *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. Проблемы описания. – М. : Наука, 1977.
245. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. – Ростов н/Д : Феникс, 1998.
246. *Ма Т. Ю.* Классические, прототипические и акцидентные категории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 5 (1). – С. 373 – 377.
247. *МакКормак Э.* Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры : сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 358 – 387.
248. *Маклаков А. Г.* Общая психология. – СПб. : Питер, 2001.
249. *Марушкина Н. С.* Когнитивный подход к выявлению национально-культурной специфики «гастрономических» фразеологических единиц (на материале английского, немецкого и русского языков) // Традиции и инновации в лингвистике и лингвообразовании : сборник статей по материалам научно-практической конференции с международным участием. – Арзамас : АГПИ, 2011. – С. 174 – 177.
250. *Марушкина Н. С.* «Гастрономические» фразеологические единицы как средство формирования концепта «Еда» // Преподаватель XXI век. – 2012. – № 22. – С. 355 – 358.
251. *Марушкина Н. С.* Концепт «Еда» в контексте диалога культур : дис. ... канд. культурологии. Иваново, 2014.
252. *Маршак М. С.* Диетическое питание : пособие для диетсестер и поваров в больничных учреждениях. Серия «Библиотека среднего медицинского работника». – М. : МЕДИЦИНА, 1967.
253. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие. – М. : Флинта : Наука, 2007.
254. *Маслова В. А.* Лингвокультурология : учебное пособие для студентов вузов. – М. : Академия, 2004.
255. *Маскавина В. Н.* Категоризация: проблема прототипа категории // Иностранные языки : лингвистические и методические аспекты. – Тверь : ТГУ, 2012. – № 15. – С. 152 – 155.

256. Масыч Т. Л. Профессиональная языковая картина мира сотрудников правоохранительных органов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.
257. Мельников Г. П. Сущность предикации и способы ее языкового выражения // Инвариантные значения и структура предложения. – М. : Наука, 1969. – С. 103 – 120.
258. Мельникова А. А. Язык и национальный характер. – СПб. : Речь, 2003.
259. Мельничук А. С. Язык и мышление // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : «Советская энциклопедия», 1990. – С. 606 – 607.
260. Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001.
261. Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры : сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 236 – 284.
262. Минский М. Фреймы для представления знаний : Пер. с англ. / Под ред. Ф. М. Кулакова. – М. : Энергия, 1979.
263. Мир человека и мир языка : коллективная монография / Отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2003. (Серия «Концептуальные исследования. Выпуск 2).
264. Миронова И. К. Концептосфера еда в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозиционные структуры и их лексические репрезентации : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
265. Михалев А. Б. Слои языковой картины мира // URL : http://amikhalev.ru/?page_id=75 (дата обращения : 15.02.2015).
266. Мишанкина Н. А. Методология когнитивной лингвистики в исследовании и научной коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3 (036). – С. 16 – 24.
267. Мишин А. А. Концепты ум и глупость в немецкой и английской языковых картинах мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук, Владимир, 2007.
268. Мишланова С. Л. Термин в медицинском дискурсе : образование, функционирование, развитие : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
269. Монель М. Прототипические vs. Непрототипические способы понимания и семантические типы лексических значений // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 1997. – № 2. – С. 157 – 173.
270. Морель Морель Д. А. Эмпирические и формально-логические подходы к исследованию языковой категоризации артефактов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 5 (16). – С. 128 – 133.
271. Морковкин В. В. Учебная лексикография как особая лингвометодическая дисциплина // Актуальные проблемы учебной лексикографии : сб. статей / Сост. д-р филол. наук В. А. Редькин. – М. : Русский язык, 1977. – С. 28 – 37.
272. Морковкин В. В. О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному : сб. статей / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; Под ред. В. В. Морковкина, Л. Б. Трушиной. – М. : Рус. яз., 1986. – С. 102 – 117.
273. Морковкин В. В. Основы теории учебной лексикографии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.
274. Морковкин В. В. Ориентация на пользователя как доминанта учебной лексикографии // Proceedings of the V EURALEX International Congress on Lexicography, EURALEX 1992, Tampere, Finland. – Part I. – Tampere, 1992. – PP. 81 – 87.
275. Морковкин В. В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре : сб. статей / Институт русского языка; отв. редактор Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1998. – С. 131 – 136.

276. Морковкин В. В. О словарной лексикологии // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 2. – С. 32 – 38.
277. Морковкин В. В. Синергетическое лексикографирование : понятие и технология осуществления // Материалы XI конгресса МАПРЯЛ Мир русского слова и русское слово в мире. – Т.2 : Проблемы фразеологии. Русская лексикография : тенденции развития. – София, 2007. – С. 465 – 474.
278. Морковкин В. В., Богачева Г. Ф. О всеохватном лексикографическом представлении лексического ядра русского языка // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 3 (15). – С. 6 – 11.
279. Мостовая А. А. Опыт сравнений научных и «наивных» толкований (на материале слов конкретной лексики) // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. – М. : ИЯ АН СССР, 1985. – С. 35–54.
280. Невинская М. Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
281. Никитина Л. Б. Антропоцентристская семантика : образ homo sapiens по данным русского языка : учебное пособие. – Омск : ОмГПУ, 2007.
282. Никитина Л. Б. Языковая картина мира и основные черты языковой концептуализации действительности // Картина мира : язык, литература, культура. – Бийск : РИО БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006. – С. 42 – 47.
283. Никитина С. Е. Концепт судьбы в русском народном сознании (на материале устно-поэтических текстов) // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М. : Наука, 1994. – С. 130–136.
284. Никитина С. Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999 (1999а).
285. Никитина С. Е. Об уме и разуме (на материале русских народно-поэтических текстов) // Славянские этюды : сб. к юбилею С. М. Толстой. – М. : Индрик, 1999. – С. 298–307. (1999б).
286. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М. : Наука, 1993.
287. Никонова Ж. В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006.
288. Никонова Ж. В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка) : монография. – Нижний Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007.
289. Никонова Ж. В. Основные этапы фреймового анализа речевых актов (на материале современного немецкого языка) // Филология. Искусствоведение. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – № 6. – С. 224–228.
290. Новиков Д. Н. Лексическая неоднозначность в когнитивном аспекте : прототипическая база английского лексикона. – М.: МГИМО – Университет, 2010.
291. Новикова Н. С., Черемисина Н. В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира // Лингвистические науки. – 2000. – № 1. – С. 40 – 50.
292. Новодранова В. Ф. Методы когнитивного анализа в исследованиях языков для специальных целей // Вопросы терминоведения. – 2012. – Вып. 1. – С. 87 – 90.
293. Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. – М. : Изд-во АН СССР, 1953.
294. Овчинникова И. Г. Что скрывается за термином «языковое сознание»? // URL : <http://philologicalstudies.org/dokumenti/2008/vol1/1/8.pdf> (дата обращения : 03.02.2015).
295. Одинова М. П. Критическая реплика по поводу попытки А. Вежбицкой построить этнолингвистический портрет русского человека по данным русского языка // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на мате-

риале русского языка). Ч. 1 / Под ред. М.П. Одинцовой. – Омск: Омский гос. ун-т, 2000. – С.79–82.

296. Орлов В. В. Особенности системы категорий философии у Г. В. Ф. Гегеля // Философия и общество. – 2011. – № 3 (63). – С. 184 – 197.

297. Ортони Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры : сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 219 – 236.

298. Павиленис Р. И. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 380–389.

299. Павиленис Р. И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983.

300. Павлов В. М. Полевые структуры в строе языка. – СПб.: Санкт-Петербургский университет экономики и финансов, 1996.

301. Павлов В. М. Полевой подход и континуальность языковой системы // Общее языкознание и теория грамматики : Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона / Отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб. : Наука, 1998. – С. 22 – 27.

302. Павлов В. М. Принцип поля в грамматическом исследовании и идея противоречия // Исследования по языкознанию : К 70-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко / Отв. ред. С. А. Шубик. СПб. : СПбГУ, 2001. – С.8 – 12.

303. Павлова А. В. Можно ли судить о культуре народа по данным его языка? // Антропологический форум. – 2012. – № 16. – С. 3–60 // URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/pavlova3.pdf>.

304. Павлова А. В. Язык как источник сведений о национальной картине мира // Филологические заметки. – Пермь, 2009. – Вып. 7. – Т. 1 // URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/pavlova-09.htm> (дата обращения : 12.06.2015).

305. Павлова А. В., Безродный М. М. Хитрушки и единорог : из истории лингво-нарциссизма // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 11 – 20.

306. Падучева Е. В. Идея всеобщности в логике и в естественном языке // Вопросы языкознания. – 1989. – № 2. – С. 15 – 26.

307. Панасенко Л. А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2014.

308. Панасенко Л. А. Лексические категории как интерпретирующие форматы знания (на примере категорий артефактов, природных субстанций и природных явлений) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 4 (33). – С. 58 – 65 (2012а).

309. Панасенко Л. А. Проблема моделирования интерпретирующего потенциала лексических категорий (на материале категории «ПТИЦЫ» в английском языке) // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. – 2012. – № 4 (108). – С. 257 – 264 (2012б).

310. Панкрац Ю. Г. Пропозициональная форма представления знаний // Язык и структуры представления знаний : сб. аналит. обзоров. М. : РАН, 1992. – С. 78–97.

311. Перескокова А. Ю. Метафорическое моделирование образа российских и американских средств массовой информации: рефлексивный аспект : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005.

312. Песина С. А. Когнитивный подход к взаимодействию языка и мышления // Вестник Оренбургского государственного университета. – Оренбург: Омский гос. ун-т, 2009. – С. 178 – 180.

313. Пименов Е. А. Исследование концепта Trauer «печаль» посредством синонимического ряда // Ethnohermeneutik und Antropologie / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004. – С. 89–94.

314. *Пименов Е. А.* Религиозные и национальные признаки концепта дух, spirit и Geist // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. – Вып. 5. – Ставрополь – Пятигорск, 2007. – С. 105–112.
315. *Пименова М. В.* Антропоморфизм как способ объективации концепта сердце // Welt in der Sprache / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. – С. 119–126 (2005a).
316. *Пименова М. В.* Коды культуры и принципы концептуализации мира // Studia Linguistica Cognitiva. – Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М. : Гнозис, 2006. – С. 172–186 (2006a).
317. *Пименова М. В.* Коды культуры и принципы концептуализации мира (об основных структурных признаках базовых концептов культуры) // Введение в концептуальные исследования : учебное пособие. – Кемерово, 2006. – С. 88–119 (2006b).
318. *Пименова М. В.* Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. – Вып. 5. – Ставрополь – Пятигорск, 2007. – С. 79–86.
319. *Пименова М. В.* Концептуализация рассудка и способы объективации его признаков в русской языковой картине мира // Концептуальные сферы «мир» и «человек» : коллективная монография / Отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2005. (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 6). – С. 121–143 (2005b).
320. *Пименова М. В.* Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001.
321. *Пименова М. В.* Методология концептуальных исследований // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Том 1. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 15–20 (2005в).
322. *Пименова М. В.* Символы культуры и способы концептуализации внутреннего мира человека (концептуальная метафора дома) // Концепт. Образ. Понятие. Символ : коллективная монография / Отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2004. – С. 35–60.
323. *Пименова М. В.* Языковая картина мира : учебное пособие. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 108 с.
324. *Пименова М. В., Кондратьева О. Н.* Концептуальные исследования. Введение : учебное пособие. – М. : Флинта – Наука, 2011.
325. *Пищальникова В. А., Сорокин Ю. А.* Введение в психопозитику : монография. – Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 1993.
326. *Погонцева Д. В., Узлова Д. Д.* Категоризация мужчин как успешных и красивых // GESJ : Education Science and Psychology. – 2013. – № 2 (24). – С. 35–38.
327. *Подолька А. Н.* Отражение концептуальных знаний во внутренней форме наименований (на материале номенклатуры лекарственных средств) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2 (035). – С. 101–107.
328. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика : учебное издание. – М. : АСТ «Восток – Запад», 2007 // URL : http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kognitivnaja_lingvistika (дата обращения : 12.10.2014).
329. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж : Истоки, 2001.
330. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка : монография. – Воронеж : «Истоки», 2006.
331. *Попова З. Д., Стернин И. А., Карасик В. В., Кретов А. А., Борискина О. О., Пименов Е. А., Пименова М. В.* Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2004.
332. *Поспелова Ю. Ю.* Концепт «интеллектуальное взаимодействие» в педагогическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2009.

333. *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 9–47.
334. *Потапов В. А., Фаустов В. В., Пилишиков Ф. Н.* Плодоводство. – М. : Колос, 2000.
335. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. – В 2 т. – Т. 1. – М. : Просвещение, 1958.
336. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. – В 2 т. – Т. 2. – М. : Просвещение, 1958.
337. *Потебня А. А.* Мысль и язык. – М. : Лабиринт, 2007.
338. *Почепцов О. Г.* Языковая ментальность : Способ представления // Вопросы языкознания. – 1990. – №6. – С. 110–122.
339. *Прожилов А. В.* Лингвоконцептология : триумфальный подъем или бег по «языковому кругу»? // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 12 – 22.
340. *Прокотьева А. А.* Сопоставительное исследование метафорических моделей в русскоязычных и англоязычных романах В. В. Набокова : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
341. *Прокубовский А. А.* Категоризацией интеллектуальных способностей человека и лексические маркеры понимания в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук, 2009.
342. *Пухан И., Поленак-Акимовская М.* Римское право : базовый учебник / Перевод с македонского д.ю.н., проф. В. А. Томсинова и Ю. В. Филиппова / Под ред. проф. В. А. Томсинова. – М. : Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000.
343. *Рабенко Т. Г.* Концепт муж в ассоциативном восприятии женщины / *Ethnohermeneutik und Anthropologie* // Отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004. – С. 114–119.
344. *Радчикова Н. П.* Взаимодействие эффектов типичности и базисного уровня в системе естественных категорий // Психологический журнал. – 2005. – № 26. – Т. 1. – С. 38 – 45.
345. *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен : семантика и сочетаемость. – М. : «Русские словари», 2008.
346. *Рахилина Е. В.* О тенденциях в развитии когнитивной семантики // ИАН СЛЯ. – 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3–15.
347. *Ревенко И. В.* Комплекс признаков семантической категории «Интенсивность» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. Филология. Слово – образ – мир. – 2013. – № 3. – С. 200 – 205.
348. *Реформатский А. А.* О сопоставительном методе // Лингвистика и поэтика. – М. : Наука, 1987. – С. 40 – 52.
349. *Рикер П.* Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры : сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 416 – 435.
350. *Рождественский Ю. В.* Курс лекций по языкознанию. – М.: ООО «Добросвет», ИКЦ «Академкнига», 2002.
351. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988.
352. *Ромашина О. Ю.* Фреймовый анализ семантики фразеологических единиц // ACTA LINGUISTICA. – 2008. – Vol. 2. – С. 33 – 38.
353. Русская языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. (Studia philologica).
354. *Руссо М. М.* Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 12 – 24.

355. *Рябова И. П.* Асимметрия когнитивных признаков концепта как источник переводческих трудностей // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24 (239). Филология. Искусствоведение. – Вып. 57. – С. 264–266 (2011а).
356. *Рябова И. П.* Особенности вербализации концепта ПУТЬ / WAY в политической речи (на материале речей президентов России и США конца XX – начала XXI в.) // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – Вып. 2. История и филология. – С. 26 – 35 (2011б).
357. *Рябова И. П.* Репрезентация концепта «ПУТЬ» в речах российских и американских президентов конца XX – начала XXI вв. : сопоставительно-переводческий аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2014.
358. *Рябцева Н. К.* «Вопрос» : прототипическое значение концепта // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: – Наука, 1991. – С.72–77.
359. *Ряпосова А. Б.* Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе российские федеральные выборы (1999 – 2000 гг.) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
360. *Савельева О. Г.* Концепт «Еда» как фрагмент языковой картины мира : лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты : на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006.
361. *Сергеева Н. М.* «Вот разума великолепный пир!» // Концепт. Образ. Понятие. Символ : коллективная монография / Отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Кемерово : ИПК «Графика», 2004. – С. 174–190 (2004а).
362. *Сергеева Н. М.* Концепты ум, разум в русской языковой картине мира : дис. ... канд. наук. Кемерово, 2004 (2004б).
363. *Сергеева Н. С.* Концептуализация температурных характеристик предметов в современном английском языке (на материале прилагательных со значением HOT) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 4. – Т. 1. – С. 94 – 97.
364. *Серебрянников Б. А.* Как происходит отражение картины мира в языке // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 87 – 107 (1988а).
365. *Серебрянников Б. А.* Типы мышления // Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – С. 188 – 210 (1988б).
366. *Серебрянников Б. А.* Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом? // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 70–87 (1988в).
367. *Серюи П.* Оксюморон или недопонимание? Универсалистский релятивизм универсального естественного семантического метаязыка Анны Вежицкой // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1 (35). – С. 30 – 40.
368. *Серль Дж.* Метафора // Теория метафоры : сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 307 – 342.
369. *Семин А.Н.* и др. Советы молодой хозяйки. Свердловск: Уральский рабочий, 1991.
370. *Синельникова Л. Н.* О содержании концепта «толерантность» в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2010. – Вып. 2(32). – С. 56 – 60.
371. *Скребцова Т. Г.* Когнитивная лингвистика : курс лекций. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011.
372. *Соловьева Ю. А.* Концептуальная метафора в англоязычном научном политологическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
373. *Соловьева О. М., Миронова Г. К., Елепин А. П.* Кулинария : теоретические основы профессиональной деятельности : учеб. пособие. – В 2 ч. – Ч. 1. – М. : Академкнига, 2007.

374. *Соловьева О. М., Миронова Г. К., Елепин А. П.* Кулинария : теоретические основы профессиональной деятельности : учеб. пособие. – В 2 ч. – Ч. 2. – М. : Академкнига, 2007.
375. *Солоник Н. В.* Русский менталитет в зеркале русских пословиц : наблюдения и попытка верификации // Русский язык, культура, история : сб. материалов II науч. конф. лингвистов, литературоведов, фольклористов. – Ч. 1. – М. : МПГУ, 1997. – С. 207–212.
376. *Солопова О. А.* Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобритании (2001 год) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
377. *Соколовская Л. В.* Структура семантического поля СВЕТ // V Житниковские чтения : межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте : материалы Всерос. науч. конф. – Челябинск, 2001. – С. 328–333.
378. *Сорокин Ю. А.* Этническая конфликтология. – Самара : Русский лицей, 1994.
379. *Старостина Е. В.* Фреймовый анализ глаголов поведения (на материале ассоциативных реакций) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.
380. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824с.
381. *Стернин И. А.* К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 12. – С. 57 – 63.
382. *Стернин И. А.* Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. – М. : Изд. Воронеж, 2002. – С. 44 – 51.
383. *Стернин И. А.* Типы значений и концепт // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. / Под ред. проф. Е. С. Кубряковой. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 257–282.
384. *Стернин И. А., Рудакова А. В.* Психолингвистическое значение слова и его описание. – Lambert Academic Publishing, 2011.
385. *Стецюра Л. В.* Концептосфера «ОРГАНИЗМ ЧЕЛОВЕКА» в профессиональной картине мира медика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010.
386. *Сукаленко Н. И.* Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев : Наукова думка, 1992.
387. *Сулейманова О. А., Беклемешева Н. Н.* Основы языковой категоризации мира : пространство, время, причинность и принцип неслучайной связи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 3 (7). – С. 87 – 92.
388. *Суюнова Г. С.* Межэтническая коммуникация с точки зрения когнитивного подхода // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 2 (039). – С. 41 – 48.
389. *Сытникова Т. А.* Фреймовый анализ терминологии предметной области (на примере англоязычной компьютерной технической терминосистемы) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки (философия, история, социология, политология, культурология, искусствоведение, языкознание, литературоведение, экономика, право) : научный журнал. – 2008. – № 12 (85). – С. 254 – 258.
390. *Сэпир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М. : Универс, 1993.
391. *Тараканов Г. И., Мухин В. Д., Шуин К. А.* Овощеводство / под ред. Г. И. Тараканова и В. Д. Мухина. – М. : КолосС, 2003.
392. *Тарасов Е. Ф.* Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры. – М. : Наука, 2000. – С. 45 – 53.
393. *Тарланов З. К.* Методы и принципы лингвистического анализа. – Петрозаводск : Петрозаводский гос. ун-т, 1995.

394. *Телия В. Н.* Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 26 – 52 (1888а).
395. *Телия В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 173–205 (1988б).
396. *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки славянской культуры, 1999. – С. 13–24.
397. *Толстая С. М.* Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. – 2002. – №1 (3). – С. 112–127.
398. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М. : Индрик, 1995. – С. 347–358.
399. *Трушкова Л. О.* Эмоциональный концепт Sadness : когнитивно-дискурсивный анализ : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2010.
400. *Тхорик В. И., Фанян Н. Ю.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация : учебное пособие. – М. : ГИС, 2006.
401. *Уланович О. И.* Языковое сознание: особенности структуры в условиях двуязычия // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 1 (9). – С. 44 – 51.
402. *Уорф Б. Л.* Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М. : Наука, 1972.
403. *Уорф Б. Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М. : Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 135 – 198.
404. *Урысон Е. В.* Мысль, идея // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – Вып. 1. – М. : Языки русской культуры, 1997.
405. *Урысон Е. В.* Проблемы исследования языковой картины мира : аналогия в семантике. – М. : Языки славянской культуры, 2003.
406. *Урысон Е. В.* Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3 – 21.
407. *Уфимцева А. А.* Опыт изучения лексики как системы. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962.
408. *Уфимцева А. А.* Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 108 – 140.
409. *Уфимцева А. А.* Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике / Под ред. Р. А. Будагова, М. М. Гухман. – М. : Изд. АН СССР, 1961. – С. 30 – 63.
410. *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. – М. : ИЯ РАН, 2011.
411. *Ушакова Т. Н.* Понятие языкового сознания и структура рече-мыслезыковой системы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. – М. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2004. – С.6 – 17.
412. *Ушакова Т. Н.* Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира : сб. статей / Под ред. Н. В. Уфимцевой. – М. : ИЯ РАН, 2000.
413. *Фаткуллина Ф. Г.* О множественности картин мира // «Альянс наук : ученый – ученому» : материалы VI Межд. научно-практ. Интернет-конференции (25-26.02.2011) // URL : http://www.confcontact.com/20110225/fl4_fatkul.php (дата обращения : 16.02.2015).
414. *Федосюк М. Ю.* Концепция Г. П. Мельникова и дискуссия о русской языковой картине мира // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 11 – 12.

415. *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 10. – М. : Прогресс, 1981. – С. 369 – 495.
416. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – Вып. XXIII. – М. : Радуга, 1988. – С. 52–92.
417. *Фомин А. Г.* Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2004.
418. *Фомин А. Г.* Языковое сознание как имманентно присущий признак гендерной языковой личности // Ползуновский вестник. – Барнаул : АлтГТУ им. И. И. Ползунова, 2003. – № 3-4. – С. 211 – 214.
419. *Фомина Т. Д.* Динамика концепта в политическом дискурсе (на примере выступлений Дж. Буша и Т. Блэра, посвященных второй военной кампании в Ираке) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
420. *Фрумкина Р. М.* Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика : сб. обзоров. – М. : ИНИОН РАН, 1992. – С. 28–44 (1992а).
421. *Фрумкина Р. М.* Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – № 3. – М. : ТГУ им. Г. Р. Державина, 1992. – С. 1–8 (1992б).
422. *Фурс Л. А., Назарова И. В.* Когнитивные аспекты формирования категории градуальности // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 33 – 37.
423. *Харитончик З. А.* Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний. – М. : Ин-т науч. информации по обществ. Наукам РАН, 1992. – С. 98–123.
424. *Харуллин В. И.* Картина мира и структурирование знания // Язык, сознание, культуры, этнос. – М. : ИЯ РАН, 1994. – С. 98–100.
425. *Хаустова Э. Д.* Когнитивные классификаторы в семантическом пространстве языка (на материале лексико-семантического поля «фрукты и овощи» в русском и английском языках) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999.
426. *Хохлова И. Н.* Понятия «ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА» и «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ» в современной антрополингвистике // Казанская наука. – 2013. – № 1. – С. 134 – 137.
427. Человеческий фактор в языке : Языковые механизмы экспрессивности. М. : Наука, 1991.
428. *Чейф У.* Память и вербализация прошлого опыта У. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике – М. : Прогресс, 1983. – Вып. 12. – С. 35 – 73.
429. *Ченки А. А.* Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика : Фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – С. 340 – 369.
430. *Чернышова Л. А.* Антрополингвистические аспекты современной отраслевой терминологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
431. *Чудинов А. П.* Метафора как средство представления знаний // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сборник материалов. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2008. – С. 143–145.
432. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2003.
433. *Чудинов А. П.* Национальная ментальность и метафорическое моделирование политической ситуации // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. / Под ред. Е. С. Кубряковой. – Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 363–374.
434. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика : учебное пособие. – М. : Флинта : Наука, 2006.

435. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале : Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : монография. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2001 (2001а).
436. *Чудинов А. П.* Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования (регулярной многозначности) // Лингвистика : Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2001. – С. 38–53 (2001б).
437. *Чулкина Н. Л.* Мир повседневности в языковом сознании русских : Лингвокультурологическое описание. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009.
438. *Шарандин А. Л.* Лексическая категоризация времени и ментальность // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 «Языкознание». – 2011. – № 2 (14). – С. 11 – 16.
439. *Шафилов С. Г.* Теория семантического поля и компоненты семантики его единиц : учебное пособие. – Уфа : Башкирский гос. ун-т, 1999.
440. *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. – М. : Учпедгиз, 1941.
441. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
442. *Шелховская Н. И.* Категоризация глагола в современных языках // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 17 (155). Филология. Искусствоведение. – Вып. 32. – С. 109 – 111.
443. *Широколобова А. Г.* Терминосистема «Хвостовые дамбы» : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011 (2011а).
444. *Широколобова А. Г.* Фреймовый анализ терминосистемы гидротехники русского и английского языков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 1. – С. 52 – 56 (2011б).
445. *Ширишков В. Б.* Лексикографическая и текстовая репрезентация концептов ограниченной ментальной способности человека в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
446. *Шмелев А. Д.* Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 21 – 33.
447. *Шмелев А. Д.* Игра в русской языковой картине мира // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. – М. : Индрик, 2006.
448. *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. – М. : Языки славянской культуры, 2002.
449. *Шмелева О. Ю.* Прототипическая организация терминосистемы (на материале номинаций в финансово-экономической сфере // Известия Санкт-Петербургского Университета экономики и финансов. – 2010. – № 5. – С. 80 – 84.
450. *Шунтова Т. С.* Прототипический подход к исследованию наименований спортивной одежды // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 114. – С. 249 – 253.
451. *Шустрова Е. В.* Когнитивно-дискурсивное исследование концептуальной метафоры в афроамериканской художественной картине мира : дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2008.
452. *Щерба Л. В.* О понятии смещения языков // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974. – С. 60 – 74 // URL : <http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74b.htm> (дата обращения: 16.03.2015) (1974а).
453. *Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974. – С. 24 –

39 // URL : <http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74a.htm> (дата обращения: 17.03.2015) (1974б).

454. *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке // Избранные труды по русскому языку. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1957. – С. 63 – 84.

455. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974 (1974в).

456. *Шур Г. С.* Теория поля в лингвистике. – М. : Наука, 1974.

457. *Эдельштейн В. И.* Овощеводство : учебник для высш. уч. заведений. – М.: Сельхозиздат, 1962.

458. Язык. Этнос. Картина мира : сборник научных трудов / Отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. (Серия «Концептуальные исследования. Выпуск 1).

459. Язык и национальное сознание : Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. // URL : http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Teoreticheskie_problemy_jazyk_oznaniya/Jazyk_i_nacionalnoe_soznanie_2002.pdf

460. *Яковлев Г. П.* Лекарственное сырье растительного и животного происхождения. Фармакогнозия : учеб. пособие. – СПб.: СпецЛит, 2006.

461. *Яковлев Г. П., Челомбитко В. А.* Ботаника : учебник для вузов. – СПб.: Изд-во СПбХФА, 2001.

462. *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира. (Модели пространства, времени и восприятия). – М.: «Гнозис», 1994.

463. *Alekseeva L. M., Mishlanova S. L., Nakhimova Ye. A., Tchudinov A. P.* Research of metaphor in the Ural linguistic school // Life Science Journal. – 2014. – № 11 (12). – PP. 315–319.

464. *Anderson J. B., Bower G. H.* Human Associative memory. – Washington, DC. : Winston & Sons, 1973.

465. *Berlin B.* Ethnobiological Classification : Principles of Categorization of Plants and Animals in Traditional Societies. – Princeton : Princeton University Press, 1992.

466. *Berlin B. & Kay P.* Basic Color Terms : Their Universality and Evolution. – Berkeley : University of California Press, 1969.

467. *Cohen H., Lefebvre C.* Handbook of categorization in cognitive science. – Amsterdam : Elsevier, 2005.

468. *Coleman L., Kay P.* Prototype Semantics : The English Word «Lie» // Language. – 1981. – Vol. 57. – № 1. – P. 26 – 44.

469. *Croft W., Cruse D. A.* Cognitive Linguistics. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004.

470. *Daneš Fr.* The Relation of Centre and Periphery as a Language Universal // Fravaux linguistiques de Prague. – № 2. Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue. – Prague, Paris. – 1966. – P. 9–21.

471. *Divjak D., Arppe I. A.* Extracting prototypes from exemplars. What can corpus data tell us about concept representation? Cognitive Linguistics. – 2013. – Vol. 24. – Issue 2. – PP. 221–274.

472. *Dornseiff F.* Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. – Berlin und Leipzig, 1934. – S. 1.

473. *Evans V., Green M.* Cognitive Linguistics : An Introduction. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006.

474. *Fauconnier G.* Mental Spaces : Aspects of Meaning Construction in Natural Language. – Cambriges, MA : MIT Press, 1994.

475. *Fillmore C. J.* An alternative to checklist theories of meaning // Proceedings of annual meeting of the Berkeley Linguistics Society. – Berkeley, 1975. – V.1. – P.123 – 131.

476. *Fillmore C. J.* Frame semantics // *Linguistics in the morning calm : Selected papers from the SICOL – 1981.* – Seoul, 1982. – P.111 – 137.
477. *Fillmore C. J.* On the organization of semantic information in the lexicon // *Papers from the parasession on the lexicon / Ed. by Farkas D., Jacobsen W. M., Todrys K. W.* – Chicago, 1978. – P. 148 – 173.
478. *Fillmore C. J.* The case for case reopened // *Syntax and semantics : V. 8 : Grammatical relations / Ed. by Cole P., Sadock J. M. – L. et al., 1977.* – P. 59 – 81.
479. *Frege G.* *Translations from the philosophical writing of Gottlob Frege / Published by Basil Blackwell.* – Oxford, 1952.
480. *Givón T.* Tense-aspect-modality : The Creole prototype and beyond // *Tense – aspect : Between semantics and pragmatics : Containing the contributions to a symposium on tense and aspect, held at UCLA, May 1979 / Ed. by Hopper P. J.* – Amsterdam; Philadelphia, 1982. – P.115 – 163.
481. *Givón T.* Prototypes : Between Plato and Wittgenstein // *Noun classes and categorization : Proceedings of a Symposium on categorization and noun classification, Eugene, Oregon, October 1983 / Ed. by Craig C.* – Amsterdam; Philadelphia, 1986. – P.77 – 102.
482. *Guiraud P.* *La sémantique.* – Paris : PUF. 1955.
483. *Hallig R., Wartburg W. von.* *Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Versuch eines Ordnungsschemas / Published by Akademie-Verlag in Berlin.* – Berlin, 1952.
484. *Humboldt V.* Das bildende Organ des Gedanken. 1841 – 1852. – T. 6.
485. *Ipsen G.* Der alte Orient und die Indogermanen // *Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft // Festschrift für W. Streiberg.* – Heidelberg : Winter, 1924. – P. 200 – 237.
486. *Ipsen G.* Der neue Sprachbegriff // *Zeitschrift für Deutschkunde.* – 1932. – № 46. – P. 1 – 18.
487. *Kalyan S.* Similarity in linguistic categorization : The importance of necessary properties. *Cognitive Linguistics.* – 2012. – Vol. 23(3). – PP. 539–554.
488. *Kay P.* The Emergence of Basic Color Lexicons Hypothesis. *The Language of Color in the Mediterranean / Ed. by A. Borg.* – Stockholm : Almqvist and Wiksell International, 1999. – P. 53–69.
489. *Kay P., Berlin B., Maffi L., Merrifield W.* Color naming across language. *Color Categories in Thought and Language / Ed. by C. L. Hardin and L. Maffi.* – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – PP. 21–58.
490. *Labov W.* Some principles of linguistic methodology // *Language in society.* – 1972. – V. 1. – № 1. – P. 97 – 120.
491. *Lakoff G.* Categories : An essay in cognitive linguistics // *Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981.* – Seoul, 1982. – P.139 – 193.
492. *Posner M. L., Keele S.* On the genesis of abstract ideas // *J. of experimental psychology.* – 1968. – V. 77. – P. 245 – 301.
493. *Lakoff G.* Fuzzy grammar and the performance / competence terminology game // *Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society.* – 1973. – V. 9. – P. 271 – 291.
494. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society.* – 1972. – V. 8. – P. 183 – 228.
495. *Lakoff G.* Linguistic gestalts // *Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society.* – 1977. – V. 13. – P. 236 – 287.
496. *Lakoff G.* *Women, Fire, and Dangerous Things : What Categories Reveal about the Mind.* – Chicago : University of Chicago Press, 1987.
497. *Langacker R. W.* Concept, image, and symbol : The cognitive basis of grammar. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 1991.

498. *Langacker R. W.* Foundation of Cognitive Grammar. – Vol. I. Theoretical Pre-requisites. – Stanford, California : Stanford University Press, 1987. – P. 202 – 251.
499. *Lewandowska B.* Frames of advertiments // Semiotics unfolding. – Vol. 2. – Berlin etc., 1983.
500. *Lepper G.* Categories in Text and Talk : A Practical Introduction to Categorization Analysis. – London : Sage, 2000.
501. *Mashal N., Shen Y., Jospe K., Gil D.* Language effects on the conceptualization of hybrids // Language and Cognition. – 2014. – Vol. 6. – Issue 2. – PP. 217 – 241.
502. *Minsky M.* Frame-system theory // Thinking : Readings in cognitive science / Ph. N. Johnson-Laird, P. C. Wason (eds.). – Cambridge ; N. Y., 1977. – P. 355–376.
503. *Norman D. A., Rumelhart D. E.* Explorations in cognition. San Francisco : Freeman, 1975.
504. *Osgood C. E., Suci G. J., Tannenbaum P. H.* The measurement of meaning. – Urbana, Chicago and London : University of Illinois Press, 1957.
505. *Paivio A.* Imagery and Verbal Processes. – New York : Holt, Rinehart, and Winston, 1971.
506. *Paivio A.* Mental Representations. – New York : Oxford University Press.
507. *Pinker S.* The language instinct. New York : William Morrow & Company, 1994.
508. *Porzig W.* Das Wunder der Sprache. Probleme, Methoden und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft. – 8. Aufl. – Tuebingen : Francke, 1986.
509. *Praktický kurz přípravy do školy.* – Praha : Svojtka&Co, Nakladatelství, 2013.
510. *Pustet R.* Copulas : Universals in the Categorization of the Lexicon. – Oxford: Oxford University Press, 1995.
511. *Regier T.* A model of the human capacity for categorizing spatial relations. – Cognitive Linguistics, 1995. – Vol. 6. – Issue 1. – PP. 63–88.
512. *Rosch E.* Cognitive reference points // Cognitive psychology. – 1975. – V.7. – P. 532 – 547 (1975a).
513. *Rosch E.* Human categorization // Advances in cross-cultural psychology. – L., 1975. – P. 23 – 57 (19756).
514. *Rosch E. N.* Natural categories // Cognitive psychology. – 1973. – V.4. – P. 328 – 350.
515. *Rosch E. N.* Principles of categorization / Rosh E. N., Lloyd B. B. Cognition and Categorization. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27–48.
516. *Rosch E.N.* Prototype Classification and Logical Classification: The Two Systems. New Trends in Conceptual Representation: Challenges to Piaget's Theory? / ed. by E.K. Scholnick. – Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1983. – PP. 73–86.
517. *Rosch E. N., Lloyd B. B.* Cognition and categorization. – Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates. 1978. – P. 27 – 48.
518. *Rosch E. N., Mervis C. B.* Family Resemblances : Studies in the Internal Structure of Categories // Cognitive Psychology. – 1975. – Vol. 7. – №. 4. – PP. 573–605.
519. *Rosch E. N., Mervis C. B., Gray W. D., Johnson D. M., Boyes-Braem P.* Basic objects in natural categories // Cognitive Psychology. – 1976. – Vol. 8. – PP. 382–439.
520. *Ross J. R.* The category squish : Endstation Hauptwort // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. –1972. – V.8. – P.316 – 328.
521. *Ross J. R.* There, there, (there, (there, (there ...))) // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. –1974. – V.10. – P. 569 – 587.
522. *Ross J. R.* Clausematiness // Formal semantics of natural language : Papers from a Colloquium sponsored by King's College Research Centre / Ed. by Keenan E. P. – Cambridge : Cambridge etc., 1975. – PP. 422 – 475.
523. *Taylor J. R.* Linguistic Categorization : Prototypes in Linguistic Theory. – Oxford : Clarendon Press, 1995.

524. *Taylor J. R.* Linguistic Categorization. – Oxford : Oxford University Press, 2011.
525. *Trier J.* Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. – Heidelberg : Winter, 1931.
526. *Trier J.* Sprachliche Felder-Zeitschrift für deutsche Bildung. – Vol. 1. – Heidelberg, 1932.
527. *Tversky B.* Where Partonomies and Taxonomies Meet // Meaning and Prototypes: Studies in Linguistic Categorization. – Oxford : Routledge, 1990. – P. 334 – 344.
528. *Ungerer F., Schmid H. J.* An Introduction to Cognitive Linguistics. – L. and N.Y. : Longman, 1996.

Приложение № 1.

Анкеты для проведения эксперимента (категории ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ)

Уважаемые дамы и господа!

*Пожалуйста, примите участие в научном исследовании,
ответив на вопросы и выполнив задания анкеты. Для ответов
на вопросы не нужно пользоваться справочной литературой*

Задание 1. Запишите известные Вам фрукты, овощи, ягоды, злаки и орехи в соответствующие столбцы.

Фрукты	Овощи	Злаки	Ягоды	Орехи
1.	1.	1.	1.	1.
2.	2.	2.	2.	2.
3.	3.	3.	3.	3.
4.	4.	4.	4.	4.
5.	5.	5.	5.	5.
6.	6.	6.	6.	6.
7.	7.	7.	7.	7.
8.	8.	8.	8.	8.
9.	9.	9.	9.	9.
10.	10.	10.	10.	10.

Задание 2. Укажите, по каким признакам Вы относите те или иные плоды к фруктам, овощам, ягодам, злакам, орехам (вкус, размер, форма, структура или состав, способ или место произрастания; как растут: на ветках деревьев, на кустах, на травянистых растениях или иное; что собой представляют: плод, стебель, корень, клубень, цветок или иное). Опишите эти признаки максимально конкретно.

Овощи:

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

Фрукты:

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

Ягоды:

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

Орехи:

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

Злаки:

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.

Существенные признаки наивной категоризации ОВОЩЕЙ, ФРУКТОВ, ЯГОД (по данным эксперимента)

Категория ОВОЩИ: существенные признаки наивной категоризации

Признаки	Количество отве- тов	Общее коли- чество отве- тов по груп- пе
<i>1. Какая часть растения употребляется в пищу</i>	0	426
- клубень	134	
- корень / корнеплод	117	
- плод	122	
- ботва / стебли	48	
- листья	5	
<i>2. Способ произрастания</i>	116 (6к)	301
- на кустах	69 (1м)	
- в / на земле	110	
- на деревьях	6	
<i>3. Вкус</i>	97 (2м и 5к)	230
- горький	3	
- нейтральный	17	
- вкусные	17	
- безвкусные	12	
- несладкие	62	
- не все вкусные	9	
- разный	13	
<i>4. Место произрастания/ территория</i>	40	158
- на грядках	43	
- в огороде	29	
- в специальных местах	1	
- в теплице	18	
- в разных климатических условиях	27	
<i>5. Размер</i>	35 (2м и 1к)	114
- большой/ крупный	24	
- маленький/ мелкий	4	
- средний	23	
- разный	28	
<i>6. Форма</i>	52 (2к)	101
- овальная/ продолговатая	7	
- разная	30	
- круглая	11	
- длинные	1	
<i>7. Способ употребления в пищу</i>	0	73 (1м и 2к)
- употребляются вареными / термически обработан- ными	46	

- используются для приготовления закусок, первых и вторых блюд	15	
- употребляются в маринованном, соленом, консервированном виде	12	
8. Структура	25	65
- жесткие / твердые	30 (1к)	
- мягкие	7	
- плотная	3	
9. Цвет	37 (7к)	54
- яркий	1	
- неяркий	7	
- красный	1	
- разный	6	
- зеленый	1	
- нейтральный	1	
10. Польза для человека (полезные)	48	48
11. Наличие / отсутствие сочности (сочные)	0	23
12. Нуждаются в уходе со стороны человека	16	21
13. Наличие кожуры	17	17
14. Питательность / сытность / калорийность	48	15
15. Наличие цветка / цветения	12	12
16. Наличие / отсутствие запаха	0	11
17. Наличие семян	9	9
18. Наличие питательных веществ	0	8
- клетчатка	5	
- крахмал	3	
19. Съедобные	8	8
20. Наличие запаха (приятно пахнут)	8	8
21. Сезонные	6	6
22. Отсутствие косточки	6	6
23. Способ посадки – семена	4	4
24. Сроки / условия хранения (долго хранятся)	3	3
25. Являются травянистыми растениями	3	3
26. Грязные / нужно мыть	3	3
27. Однолетние / многолетние	0	2
- однолетние	2	
28. Подвержены вредителям	2	2
29. Неаппетитный внешний вид	1	1
Всего ответов		1724
Жизненный опыт/ знаю		6
Так мама сказала		1
Нет ответа		67 (8м и 1к)

Категория ФРУКТЫ:
существенные признаки наивной категоризации

Признаки	Количество	Общее количество (из 600)
<i>1. Вкус</i>	82 (3к и 3м)	532
- сладкие	323	
- кисло-сладкие	13	
- кислые	69	
- вкусные	45	
<i>2. Способ произрастания</i>	0	387
- на деревьях / ветках деревьев	309	
- на кустах / кустарничках	78	
<i>3. Съедобен плод</i>	0	229
<i>4. Форма</i>	45 (2к и 2м)	173
- круглые	94	
- овальные / продолговатые	34	
<i>5. Размер</i>	52 (2м)	151
- крупный / большой	26	
- мелкий / маленький	16 (1к)	
- средний	57	
<i>5*. Место произрастания</i>	42	151
- южные / теплые страны	105	
- в саду	4	
<i>6. Сочные</i>	0	120
<i>7. Цвет</i>	24	90
- красный	5 (2к)	
- желтый	4 (1к)	
- зеленый	3 (1к)	
- яркий	39	
- красочный	6	
- разные	9	
<i>8. Мягкие по структуре</i>	46	83
- твердые / жесткие	7	
- мясистые	30	
<i>9. Полезные</i>	18	53
- содержат фруктозу/ клетчатку	5	
- содержат витамины	30	
<i>10. Имеют косточку</i>	0	45
<i>10*. Способ употребления в пищу</i>	17	45
- в сыром виде	15	
- десерт	11	
- сухофрукт	1	
- сок	1	
<i>11. Наличие оболочки/ кожуры</i>	0	36
<i>12. Наличие запаха / аромата</i>	14	24
- сладкий	6	
- свежий	1	

- приятный	3	
13. Наличие семян внутри	0	22
14. Есть цветение/ цветут	0	13
15. Спелые	0	12
16. Время года/ сезон	0	5
17. Волокнистые	0	4
18. Праздничные	0	4
19. Цитрусовые	0	4
20. Экзотические	0	4
21. Стебель	0	4
22. Вязкие	0	3
23. Калорийные	0	3
24. Содержат сахар	0	3
25. Горький плод	0	2
26. Привозят в Россию из теплых стран	0	2
27. Есть плодоножка	0	2
28. Привлекают пчел/ опыляются	0	2
29. Многолетние	0	2
30. Помогают при простуде	0	1
31. Отсутствие косточки	0	1
32. Изысканные	0	1
33. Маленький срок хранения	0	1
34. Появляются летом	0	1
35. Аппетитный внешний вид	0	1
36. Жизненный опыт	0	1
Всего ответов		2203
Нет ответов		47 (1к и 7м)

* **Примечание:** нумерация в таблице нарушена намеренно, так как здесь важна не последовательность признаков, а их актуизированность в сознании носителей языка, поэтому одинаковые по количеству ответов признаки расположены под одним номером.

Категория ЯГОДЫ: существенные признаки наивной категоризации

Признаки	Количество	Общее количество
1. Способ произрастания	111 (1м и 4к)	474
- на деревьях	64	
- на земле	15	
- кустарник / куст	214	
- на ветках	11	
- на травянистых растениях	59	
2. Вкус	67 (3м и 1к)	382
- сладкий	182	
- кислый	70	
- горький	2	
- разный	23	
- вкусные	25	
- кисло-сладкий	13	

<i>3. Размер</i>	54 (2м)	310
- маленький/ мелкие	180	
- средний	1	
- большой/ крупные	7	
- разный	2	
- небольшой	66	
<i>4. Структура</i>	10	114
- водянистая	8	
- мягкая	42	
- сочная	52	
- вязкая	2	
<i>5. Цвет</i>	33 (1м и 3к)	101
- яркий	23	
- красный	25	
- черный	2	
- зеленый	1	
- разный	12	
- цветные	2	
- синий	3	
<i>6. Это съедобный плод</i>		102
<i>7. Форма</i>	22 (1м)	96
- круглые	64	
- овальные	6	
- разные/ всякие	4	
<i>8. Наличие косточки/ семян внутри</i>	67	70
- без косточки	3	
<i>9. Место произрастания</i>	42	66
- в разных странах	2	
- разный климат	9 (1к)	
- в саду/ в лесу	13	
<i>10. Наличие цветения / цветка</i>	0	33
<i>10*. Способ употребления в пищу</i>	6	33
- варенье/ желе	13	
- в сыром виде	7	
- сок	3	
- десерт	3	
- алкоголь	1	
<i>10*. Польза для человека</i>	30	33
- наличие полезных веществ (витаминов)	3	
<i>11. Растут гроздьями</i>		26
<i>12. Запах/ аромат</i>	15	19
- душистые	1	
- вкусный	2	
- сладкий	1	
<i>13. Сезонность</i>		7
<i>14. Кожура</i>	5	7
- отсутствие кожуры	2	
<i>15. Съедобные</i>	2	6
- ядовитые	4	

16. Внешний вид (красивые)		4
17. Многолетние		4
18. Наличие оболочки		2
19. Растут на клубнях		2
20. Требуют ухода		2
21. Гладкие		1
22. Нужно мыть		1
23. Маленький срок хранения		1
24. Требуют опыления		1
Всего ответов		1893
Нет ответа		70 (8м и 4к)

Подписано в печать 14.10.2015. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 16,74. Тираж 500 экз. Заказ № 4560.
Отдел множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru